

Родная № 2(52)' 2020 **ДАДОГА**

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ**

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А. В. (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАРУБИН Михаил Константинович (Санкт-Петербург) — Почетный гражданин России, лауреат Премии Правительства Санкт-Петербурга в области культуры и искусства, заслуженный строитель РФ, писатель.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашидорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАШОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — член Правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — член Союза художников России.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОСЛЕДИ

Василий Новиков, Анатолий Шелепов. Великая Победа советского народа и ее всемирно-историческое значение. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	5
Павел Кренев. Так это было. <i>К 75-летию Великой Победы</i>	177

ПРОЗА

Михаил Зарубин. На поле танки грохотали... <i>Документальная повесть</i>	18
Анатолий Байбородин. Утром небо плакало, а ночью выпал снег. <i>Рассказ-притча. К 75-летию Великой Победы</i>	28
Арина Гамалиенко. Небольшой сверток.....	40
Константин Скворцов. Белая лошадь в белом тумане. <i>Рассказы</i>	250

ЛИПРОВОЗРЕНИЕ

Александр Проханов. «Русская история носит пасхальный характер»	44
Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Эсполио	56
Игорь Андрушкевич. Удерживающий от беззакония.....	77
Владимир Крупин. «Земная гвардия Господа».....	93
Филипп Москвитин. Россия Небесная. <i>Искусство и национальная идея. Разговор со зрителями</i>	98
Василий Киляков. Записки пожившего человека	126
Александр Каплин. Русские православные мыслители XIX–XX веков (от Ф. И. Тютчева до И. А. Ильина). <i>Об иезуитах и их отношении к России</i> ...	166

ПОЭЗИЯ

Сергей Хомутов	49
Владимир Силкин	52
Игумен Дионисий (Шленов)	160
Юрий Ишков	163
Александр Ковалев	192
Евгений Юшин	197

Русские СУДЬБЫ

Зураб Чавчавадзе. Возвращение.....	90
---	----

ИСКУССТВО

Николай Бурляев. Никогда я не был на Босфоре. <i>Документальная повесть кинематографиста</i>	111
---	-----

История и современность

Василий Дворцов. Ермак. Геополитика против историографии	138
---	-----

Точка зрения

Валерий Коровин. Пока есть Запад...187

Критика, Литературоведение

Вячеслав Лютый. Ковчег. *Изображение и смысл в стихотворениях*
Евгения Юшина 200
Зулай Хамидова. Стиль художественной литературы 207
Валентина Ефимовская. В поисках настоящего времени. *Поэзия Станислава*
Думина..... 233
Эдуард Анашкин. «...Россия еще вернется к себе...» 245

Памятослов

Геннадий Горячкин. Мои воспоминания о профессоре Ф. М. Ацамба.....214

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

Василий НОВИКОВ
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
СОВЕТСКОГО
НАРОДА И ЕЕ
ВСЕМИРНО-
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ

К 75-летию Великой Победы

Анатолий ШЕЛЕПОВ

Большое количество инсинуаций о ходе и исходе Великой Отечественной войны появляется в последнее время, поэтому молодое поколение должно знать всю правду о ней. Ведь Великая Отечественная война — это одна из славных и трагических страниц истории нашей страны.

«Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе что мы скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расплзаться по всему миру? ...Наглому вранью, попыткам переиначить историю мы должны противопоставить факты», — указывал Президент России Владимир Путин в своем Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года. И эти факты будут представлены в статье.

1418 дней и ночей длилась кровопролитная война. Она началась в

Василий Семенович Новиков — родился в 1949 г. Заслуженный деятель науки РФ, ученый в области авиакосмической и экстремальной медицины, лауреат Госпремии России, действ. член РАЕН, Академии военных наук, Международных академий космонавтики и астронавтики, докт. мед. наук, профессор, генерал-полковник, вице-президент РАЕН и Академии наук и искусств Союза России–Беларуси. Писатель, публицист, член СП России, лауреат многих литературных премий. Участник боевых действий. Автор 2 научных открытий, 2 учебников, 22 монографий, 6 руководств, 5 книг, 600 научных и исторических трудов. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Анатолий Михайлович Шелепов — родился в 1950 г., генерал-майор медицинской службы, профессор кафедры Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, почетный доктор ВМедА, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, доктор медицинских наук, профессор. Лауреат многих премий. Руководитель научной школы организаторов военного здравоохранения. Автор и соавтор около 950 научных и учебно-методических работ по организации медицинского обеспечения войск в мирное и военное время. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Рисунок 1. Периодизация Великой Отечественной войны

крайне невыгодных и тяжелых условиях для нашей страны и советских войск. С первых дней в стране развернулась небывалая по своим масштабам военная мобилизационная работа. К концу 1941 г. было сформировано 286 стрелковых дивизий и 159 стрелковых и танковых бригад [1].

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 г. с нападения немецких войск и их союзников на Советский Союз. Планом «Барбароса» предусматривался молниеносный разгром СССР в течение одной летней кампании 1941 года. За 2-3 месяца фашистская армия должна была захватить Ленинград, Москву, Киев, центральный промышленный район, Донбасс и выйти на рубеж Волги по линии Астрахань — Архангельск. Достижение этой линии считалось выигрышем войны.

Первое крупное поражение фашистская армия потерпела в битве под Москвой. В боях на подступах к Москве проявился массовый героизм советских воинов. У разъезда Дубосеково 28 героев-панфиловцев приняли на себя удар 50 вражеских танков и не отступили. Победой под Москвой был развеян миф о «непобедимости» фашистской армии, похоронен гитлеровский план молниеносной войны. Важнейшим событием этого периода войны стал знаменитый парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади в Москве. С парада войска уходили прямо на фронт [6].

Тяжелейшая для нашей страны война в своем развитии прошла три этапа, представленные на рисунке 1.

Начальный период войны стал для нашей страны и ее армии самым тяжелым и кровопролитным.

Фашистская Германия и ее сателлиты сосредоточили против СССР крупные контингенты войск. С советской стороны агрессорам противостояли силы пяти западных военных округов и трех флотов. Соотношение сил и средств противоборствующих сторон в начальном периоде Великой Отечественной войны показано на рисунке 2.

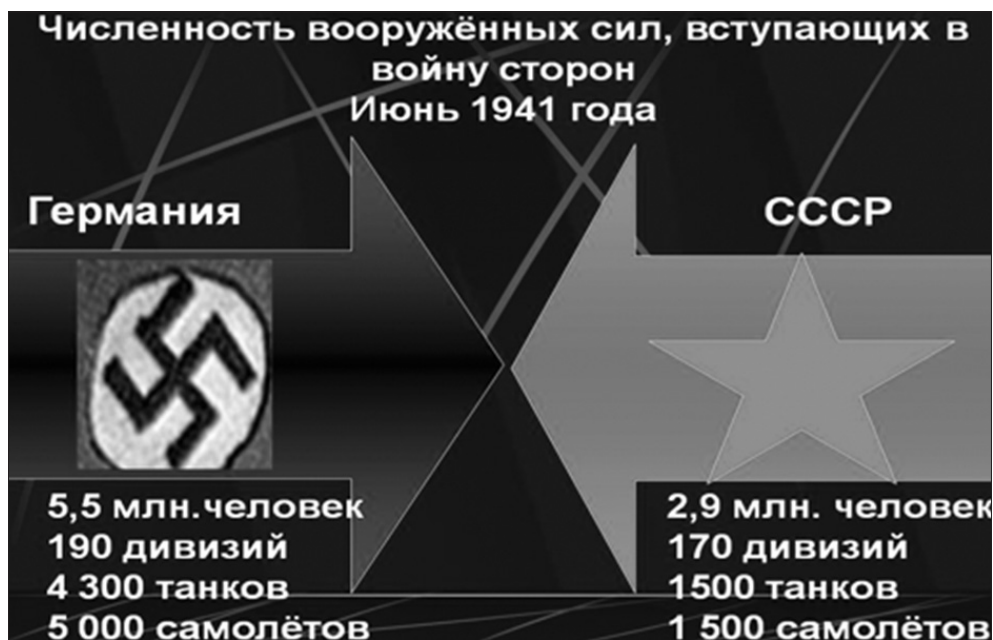

Рисунок 2. Соотношение сил и средств противоборствующих сторон в начальном периоде Великой Отечественной войны

К 10 июля 1941 г. глубина вражеского вторжения на главных направлениях ударов составила от 300 до 600 километров. Было разгромлено 100 советских дивизий.

Несмотря на сильнейший гитлеровский удар, колоссальные потери Красной армии, советские люди мужественно встретили нависшую над страной опасность. План разгромить Красную армию в приграничных сражениях врагу осуществить не удалось. Образцы самоотверженности проявили защитники многих гарнизонов. К примеру, упорно оборонялась Брестская крепость. Массовый героизм советских воинов сорвал планы блицкрига. Мужество советских воинов отмечало и гитлеровское командование [1, 4].

С первых дней войны в стране началась перестройка внутренней жизни на военный лад. Для руководства Вооружёнными Силами 23 июня были созданы Ставка Верховного Главного Командования и Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе со Сталиным. Летом и осенью 1941 г. были эвакуированы и размещены на Урале, в Сибири, Поволжье, Казахстане 10 млн человек, 1523 предприятия, в том числе 1360 крупных. На новом месте в очень короткие сроки, порой через одну-две недели, заводы начинали давать продукцию [5].

Несмотря на предпринятые в стране меры, остановить превосходящие силы противника советские войска, захваченные врасплох, не могли. К ноябрю 1941 г. Красная армия потеряла убитыми, ранеными и пленными 5 млн человек, большую часть танков, самолетов. Потери противника были также очень весомы — 750 тыс. человек.

5 декабря 1941 г. под Москвой советские войска перешли в заранее спланированное контрнаступление. В короткий срок ударные группировки противника были отброшены от Москвы на 100–250 км. Разгром гитлеров-

ских войск под Москвой стал решающим военно-политическим событием первого года Великой Отечественной войны и первым крупным поражением немцев во Второй мировой войне. Под Москвой был окончательно сорван фашистский план быстрого разгрома СССР. Германия была поставлена перед перспективой ведения затяжной войны, к которой она не готовилась. Добившись в ходе зимнего наступления значительных успехов, Красная армия все же не смогла полностью решить поставленные перед ней задачи по разгрому врага. Отсутствовало превосходство в силах и средствах над противником, не было достаточного опыта ведения наступательных операций, и враг был еще достаточно силен [6].

Победа под Москвой подняла международный авторитет СССР, оказала положительное влияние на боевые действия союзников на других фронтах, способствовала усилению национально-освободительного движения в оккупированных странах. Началось формирование антигитлеровской коалиции. 26 государств, в их числе СССР, Англия и Китай, подписали декларацию об объединении военных и экономических ресурсов для разгрома фашистского блока. К осени 1942 г. в антифашистскую коалицию уже входили 34 государства с населением около 1,5 млрд. человек. Однако война продолжалась. Враг перегруппировал свои силы после поражения под Москвой и летом 1942 г. начал новые наступления.

Успеху немцев способствовали неудачи советских войск в Крыму и под Харьковом. 28 июля 1942 г. И. Сталин подписал приказ № 227, более известный как приказ «Ни шагу назад!», что соответствовало его содержанию (рис. 3). Он требовал восстановить железную дисциплину в войсках, которая была подорвана временными неудачами 1942 года. Приказ предусматривал создание штрафных батальонов и рот для проявивших

Рисунок 3. Приказ Наркома Оборона СССР от 28 июля 1942 года № 227

трусость командиров, политработников и рядовых, а также заградительных отрядов [5].

Первый период войны показал, что враг не такой непобедимый, каким считали себя фашисты. В то же время на Германию, по-прежнему, работала экономика всей поработанной Европы, а второй фронт так и не был открыт. В этих условиях всю тяжесть начального этапа войны СССР взял на себя. Экономика была переведена на военный лад, вся страна превратилась в военный лагерь. Партией и правительством был выдвинут лозунг: «Все для фронта! Все для Победы!».

Второй период войны — период коренного перелома — стал поворотным этапом в развитии Великой Отечественной войны. Главным событием вооруженной борьбы на советско-германском фронте во второй половине 1942 г. — начале 1943 г. стала Сталинградская битва. Она началась 17 июля 1942 г. с прорывом немецко-фашистских войск в большую излучину Дона. В ходе оборонительных боев, длившихся до середины ноября, советские войска не позволили немцам овладеть городом.

19 ноября 1942 г. советские войска перешли в контрнаступление под Сталинградом. В результате немецкая группировка, насчитывавшая около 250 тыс. человек, попала в окружение. Остатки 6-й немецкой армии во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом 2 февраля 1943 г. сдались в плен. Победа под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. Она подорвала военную мощь Германии, ее военный престиж, укрепила антифашистский блок.

Успех Красной армии под Сталинградом быстро перерос в общее наступление на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа. Этот период Великой Отечественной войны был ознаменован крупнейшими наступательными операциями Красной армии, в которых был полностью развеян миф о непобедимости германской армии, и она начала свой освободительный поход по изгнанию врага со своей территории.

В ходе Курской битвы (июль 1943 г.) вермахт потерял 30 отборных дивизий. Победа под Курском, а также последовавший успех советских войск в битве за Днепр, завершили коренной перелом в войне. К ноябрю 1943 г. уже было освобождено около 2/3 советской территории, ранее захваченной врагом [8]. Победа Красной армии под Курском значительно ухудшила внешнеполитическое положение Германии. Возросла ее изоляция на международной арене. Успех советских войск облегчил высадку англо-американского десанта в Италии [12].

Третий период войны — период освобождения и разгрома фашистской Германии — начался крупными наступательными операциями советских войск. В апреле 1944 г. была освобождена правобережная Украина, 26 марта Красная армия вышла на линию бывшей государственной границы СССР и вступила на территорию Румынии. Летом 1944 г. завершилась борьба под Ленинградом — самая длительная и наиболее тяжелая по потерям битва войны. От голода в результате блокады и бомбардировок только среди гражданского населения погибло не менее 700 тыс. человек. Наши союзники 6 июня 1944 г. открыли второй фронт в Европе. С побережья Нормандии начался европейский поход англо-американских войск.

Советская земля к концу 1944 г. была полностью освобождена от оккупантов. Боевые действия Красная армия перенесла на территории оккупи-

рованных европейских стран. Нашими войсками полностью или частично были освобождены 11 стран Европы. При этом погибло более 1 млн советских солдат и офицеров.

Одновременно в июне-августе 1944 г. Красная армия провела одну из крупнейших операций Второй мировой войны — Белорусскую, в которой с обеих сторон участвовало свыше 4 млн человек. Потери гитлеровцев оказались практически невосполнимыми: 26 вражеских дивизий были полностью уничтожены, а 82 лишились 60–70 % своего состава. Более 57 тыс. взятых в плен фашистских солдат и офицеров 17 июля 1944 г. под конвоем были проведены по Москве. Только так завоеватели Европы смогли пройти «парадом» в столице СССР.

Заключительный этап войны также был нелегким. В конце 1944 г. фашистская армия нанесла сильный контрудар по англо-американским войскам в районе Арденн. Часть этих войск оказалась в окружении. Их спасло лишь мощное наступление Красной армии, начатое по просьбе премьер-министра Англии У. Черчилля. В результате в январе 1945 г. была освобождена Польша, советские войска вышли на подступы к Берлину. Развернули наступательные операции и западные союзники.

В этой обстановке 4–11 февраля 1945 г. в Крыму состоялась конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, на которой союзники разработали планы окончательного разгрома Германии. На конференции было определено, что целью членов антигитлеровской коалиции является уничтожение германского фашизма, милитаризма. При этом советская делегация отвергла предложение У. Черчилля о расчленении Германии на несколько государств (рис. 4).

Рисунок 4. Участники Крымской конференции в Ливадийском дворце

Решения Крымской конференции послужили основой для создания в апреле 1945 г. Организации объединенных наций, что явилось важнейшим шагом к объединению сил всех государств в деле упрочения мира. В апреле 1945 г. советские войска под командованием Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского развернули решающее наступление на Берлин. Бои носили исключительно ожесточенный характер. Фашистский гарнизон оборонялся, не считаясь с потерями. Для того чтобы воспрепятствовать продвижению наших войск, командование гарнизона пошло на затопление берлинского метро, в котором укрывались мирные жители и раненые. Однако 2 мая германская столица пала. Советские войска 25 апреля встретились с войсками союзников на р. Эльбе, а 8 мая 1945 г. фашистская Германия подписала Акт о безоговорочной капитуляции. Очаг Второй мировой войны в Европе был ликвидирован (рис. 5).

Анализируя боевые действия на Восточном фронте, можно с полным основанием констатировать, что Советский Союз и его героическая Красная армия на своих плечах вынесли основные лишения и всю тяжесть Второй мировой войны, внесли решающий вклад в разгром фашистской Германии и ее союзников. Свидетельство тому — ряд неопровержимых фактов.

Размах Восточного и Западного фронтов, а также потери в вооружении и военной технике на Восточном фронте представлены на рисунке 6.

Имея к началу войны промышленное производство, уступавшее фашистской Германии в 2 раза, понеся огромные потери, Советский Союз уже в 1943 г. производил оружия и боевой техники в 2 раза больше, чем Германия. Ощутимой была помощь государств антигитлеровской коалиции советской стороне. Сами союзники ее оценивают в 11–12 млрд. долларов.

Рисунок 5. Подписание акта о безоговорочной военной капитуляции германских вооруженных сил

На советско-германском фронте находилось подавляющее большинство дивизий вермахта, порядка 2/3 их общей численности. Протяженность фронта составляла от 3 до 6 тыс. км, тогда как в Северной Африке и Италии – от 300 до 350 км. Западного фронта – 800 км.

На Восточном фронте враг понес 73% совокупных потерь, в т.ч. потерял около 70% танков и САУ, свыше 70% самолетов, 74% орудий и т.д. Вооруженные Силы СССР уничтожили 506 немецких дивизий и 100 дивизий стран-сателлитов Германии.

Рисунок 6. Размах Восточного и Западного фронтов, а также потери в вооружении и военной технике на Восточном фронте

Помощь по ленд-лизу доставалась нам очень тяжело. Так, из 41 морского конвоя в СССР и 37 обратных конвоев страны западного мира потеряли за 1941–1945 гг. 100 из 540 торговых судов.

Решающую роль СССР в достижении Победы признавали в годы войны в Лондоне и в Вашингтоне. У. Черчилль в послании И. В. Сталину 27 сентября 1944 г. писал, что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины...».

Огромную цену заплатили советские народы за Победу. Война унесла около 27 млн человеческих жизней преимущественно гражданского населения. В последнее время эти трагические цифры стали предметом дискуссии. В ряде публикаций соотношение наших и немецких потерь в годы Великой Отечественной войны характеризуется как 1:5, 1:7 и даже 1:10 в пользу противника. В них сравниваются несоизмеримые величины. У противника берутся потери солдат и офицеров Германии (без ее союзников), а у Советского Союза — безвозвратные потери всего населения, в том числе гражданских лиц, умерших от голода и болезней в концлагерях и на принудительных работах в Германии. Как показали результаты проведенных исследований, соотношение по людским потерям на советско-германском фронте составляет не более чем 1:1,3 в пользу противника.

Потери личного состава Красной армии и Военно-морского флота в Великой Отечественной войне представлены на рисунке 7.

В ходе войны было возвращено в строй 10 530 750 раненых (71,7 %) и 6 626 493 больных (86,7 %). Одна стрелковая дивизия в день возвращалась с обученными в военном отношении бойцами на фронт [3, 13–21].

Убедительным показателем поистине массового героизма советских воинов является большое число награжденных в годы войны. Более 11 тыс.

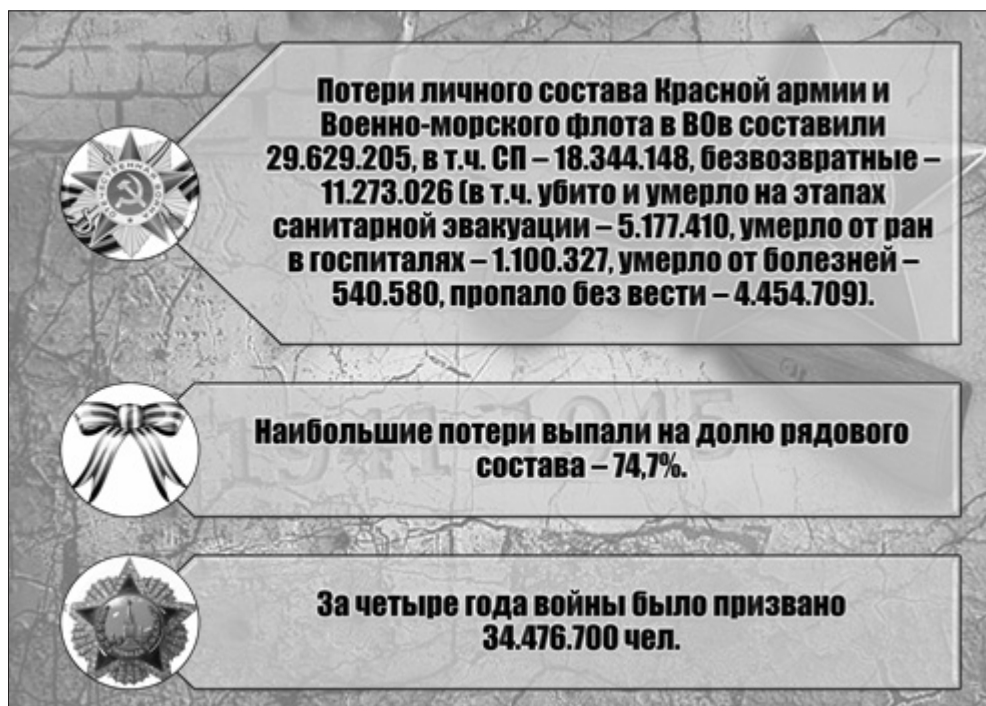

Рисунок 7. Потери личного состава Красной армии и Военно-морского флота в Великой Отечественной войне

фронтовиков удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в т. ч. 45 медицинских работников. Среди медицинских работников также 18 полных кавалеров ордена «Слава», 3 Героя Социалистического труда, 13 человек награждены полководческими орденами.

Значительный вклад внесли труженики тыла в Победу в Великой Отечественной войне [5, 9]. Каждый считал себя ответственным за судьбу Родины (рис. 8).

В СССР в 1941–1945 гг. 65–68 % всей произведенной продукции по натуральной форме представляли предметы военного потребления. Советский Союз, располагавший меньшей производственно-технической базой, производил в период Великой Отечественной войны почти в 2 раза больше оружия и военной техники, и лучшего качества, чем фашистская Германия со всеми ресурсами оккупированных ею государств Западной Европы.

Подвиг советского народа на фронте и в тылу, всенародное партизанское движение были дополнены воинским мастерством, превосходством советского военного искусства над военным искусством фашистской Германии. В ходе войны выросла плеяда блестящих полководцев: Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, Р. Я. Малиновский, В. Д. Соколовский, И. С. Конев, Н. Н. Воронов и др.

В годы Великой Отечественной войны в тылу врага действовали 6200 партизанских отрядов, в которых сражались свыше 1,1 млн человек, а также вели борьбу свыше 220 тыс. подпольщиков.

Материальные потери СССР в Великой Отечественной войне представлены на рисунке 9.

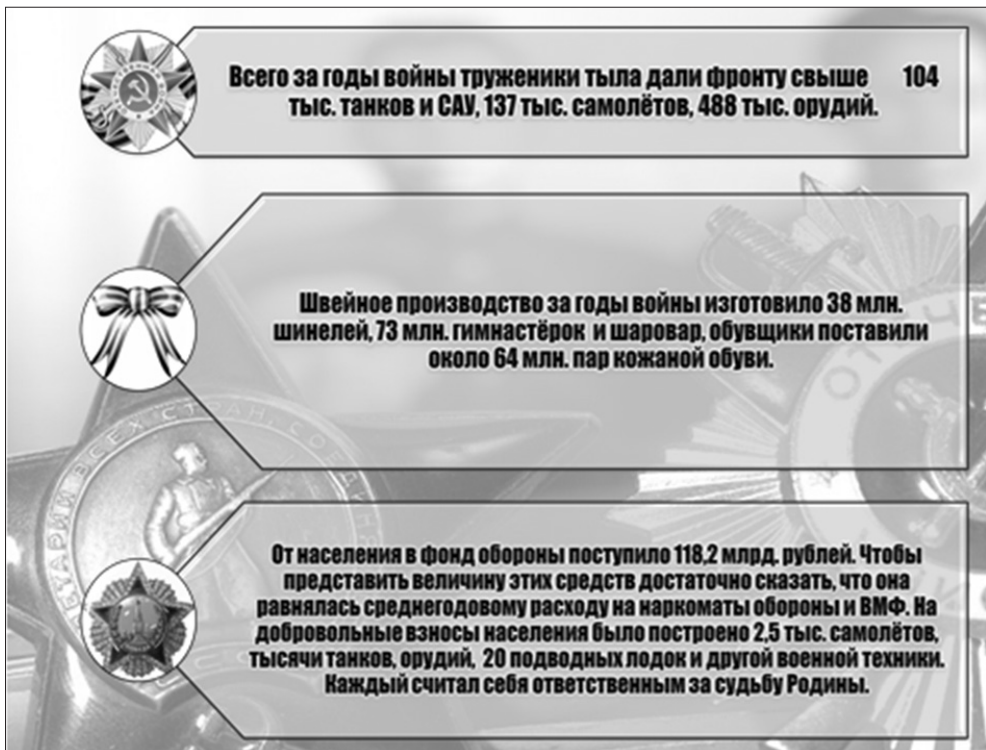

Рисунок 8. Вклад тружеников тыла в Победу в Великой Отечественной войне

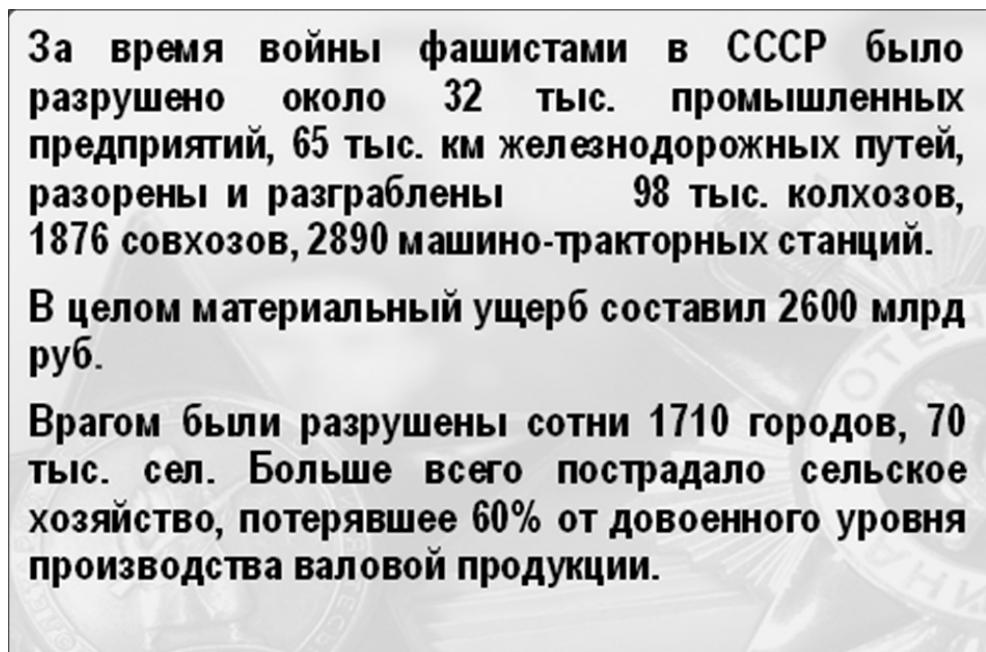

Рисунок 9. Материальные потери Советского Союза в Великой Отечественной войне

Еще об одном аспекте Великой Победы следует сказать несколько слов. Сейчас отдельные авторы пытаются принизить роль нашей страны и армии в разгроме германского фашизма, пытаются переложить всю вину за развязывание войны на СССР. Такие попытки предпринимались уже не раз. Осуществив неспровоцированное, заранее подготовленное нападение на СССР, военно-политическое руководство фашистской Германии пыталось ввести в заблуждение мировое общественное мнение, выдвинув версию о «превентивной войне». Нацистские руководители обвинили СССР в невыполнении договорных обязательств и в подготовке нападения на Германию. Последняя якобы была вынуждена начать войну, чтобы упредить Советский Союз. Подобные утверждения опровергают абсолютное большинство отечественных историков и многие зарубежные ученые. Архивные документы вермахта, гитлеровской партии показывают неправомерность таких утверждений.

Самым главным итогом войны стал разгром блока фашистских государств, что спасло мир от угрозы порабощения и привело к изменению геополитических тенденций. От вражеской оккупации были освобождены многие народы Европы. Для них открылся путь мирного демократического развития. В результате войны значительно упрочился международный авторитет СССР. Наша страна превратилась во вторую по мощи мировую державу. Одновременно ослабли ведущие колониальные державы (Великобритания, Франция), что привело в последующем к подъему национально-освободительного движения и краху колониальной системы.

В Великой Отечественной войне главным был не Западный, а Восточный фронт, на этом фронте с июня 1941 г. по июнь 1944 г. действовало одновременно от 190 до 270 дивизий Германии, Финляндии, Румынии, Италии и Венгрии; против английских и американских войск в Северной Африке — от 9 до 20 дивизий; в Италии — от 7 до 26 дивизий. На советско-германском фронте было задействовало 60 % войск Германии и только 40 % — на других фронтах и в резерве.

Решающая роль в достижении Победы над гитлеровской Германией, вопреки утверждениям западных фальсификаторов, принадлежала СССР. На советско-германском фронте были разгромлены и пленены 607 дивизий фашистского блока, в то время как в Северной Африке, Италии и Западной Европе союзные войска разгромили и пленили лишь 176 дивизий. Из 13,6 млн чел. 10 млн Германия потеряла на советско-германском фронте, огромны также были потери в ВВТ: до 75 % танков, свыше 75 % — авиации; 74 % общих потерь арт. орудий — на Восточном фронте.

В ходе войны было проведено 51 стратегическая, 250 фронтовых (209 из них были выиграны) и более 1000 армейских операций, большинство из которых были наступательными. Кроме того, за 1941–1945 гг. Вооруженные Силы СССР провели 50 операций групп фронтов, и 43 из них завершились победой.

Около 7 млн советских воинов участвовали в освобождении Европейских стран общей площадью 1 млн кв. км с населением 113 млн человек. Советско-германский фронт не только отвлекал на себя основные силы германской армии, но и резко отличался от других фронтов по размаху и напряженности вооруженной борьбы. 1418 суток на фронте протяженностью от 3000 км до 6200 км сражалась Красная армия, в то время как на

300-километровом итальянском фронте боевые действия велись 663 дня, а западный фронт, не превышающий 800 км, существовал только 338 суток. Оценивая действия Красной армии и их влияние на ход Второй мировой войны, президент США Ф. Рузвельт писал 6 мая 1942 г.: «С точки зрения большой стратегии трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые».

Таким образом, сокрушение военной мощи фашистского блока является убедительным показателем решающего вклада СССР в Победу. Это привело к краху всей политической системы гитлеровской Германии и ее союзников, стоящей на пути уничтожения мировой цивилизации.

Всемирно-историческое значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне состоит в том, что он отстоял не только свою свободу и независимость, но был внесен решающий вклад в дело спасения европейской и мировой цивилизации от уничтожения фашистами. Великая Победа показала всему миру невиданную мобильность экономики, мощь Вооруженных Сил. Победа советского народа в Великой Отечественной войне имеет непреходящее значение. Бессмертен этот подвиг, совершенный в интересах всего человечества. Разгром фашизма придал огромный размах национально-освободительному движению. Под его ударами рухнули колониальные империи.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне — Победа во имя мира и общественного прогресса. Пройдут годы, десятилетия, века, но никогда не изгладится из памяти народов подвиг Страны Советов, спасших человечество от коричневой чумы.

«День Победы — одно из важнейших событий не только для нашей страны, но и для всех, кому дорога память о поколении героев, спасших мир от фашизма, кто хорошо помнит истинные уроки истории» — утверждает Министр обороны РФ генерал армии С. К. Шойгу на заседании расширенной коллегии Министерства обороны Российской Федерации.

Литература

1. *Золотарев В. А.* Великая Отечественная война 1941–1945 годов / В. А. Золотарев [и др.]. М.: Воен. издат., 2011. Т. 1. 841 с.
2. *Усиков А. В.* Великая Отечественная война 1941–1945 годов / А. В. Усиков [и др.]. // Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными Силами СССР в годы войны. М.: Воен.-издат., 2015. Т. 11. 863 с.
3. *Кривошеев Г. В.* Великая Отечественная без грифа секретности: книга потерь / Г. В. Кривошеев [и др.]. М.: «Вече», 2009. 382 с.
4. *Жигунов Е. К.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. / Е. К. Жигунов [и др.] // Документы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во политич. лит-ры, 1990. С. 417–459.
5. *Козлов М. М.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Энциклопедия / М. М. Козлов [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1985. 831 с.

6. *Андронников Н. Г.* Битва под Москвой / Н. Г. Андронников [и др.] // Крупное поражение врага. М.: Воен.издат., 1989. Ч. II. С. 123–286.
7. *Сео́ев В. Б.* Фронты наступали (по опыту Великой Отечественной войны: краткий историко-теоретический очерк / В. Б. Сео́ев [и др.]. М.: «Наука», 1987. 253 с.
8. *Самсонов А. М.* Сталинградская битва / А. М. Самсонов // Финал Сталинградской эпопеи. М.: «Наука», 1982. С. 480–509.
9. *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг.: краткая история / Б. С. Тельпуховский [и др.]. М.: Воен-издат., 1984. 559 с.
10. *Самсонов А. М.* Вторая мировая война 1939–1945 гг.: очерки важнейших событий / А. М. Самсонов. М.: Изд-во «Наука», 1985. 583 с.
11. *Вознесенский В. Д.* 9 мая 1945 года / В. Д. Вознесенский [и др.]. М.: Изд-во «Наука», 1972. 769 с.
12. *Колтунов Г. А.* Курская битва / Г. А. Корнилов, Б. Г. Соловьев. М.: Воен-издат., 1983. 127 с.
13. *Белевитин А. Б.* Военная медицина: становление и развитие / А. Б. Белевитин, А. М. Шелепов, Е. И. Веселов. СПб.: Ъ, 2007. 440 с.
14. *Новиков В. С.* Роль науки в развитии военной медицины в годы Великой Отечественной войны / В. С. Новиков, И. Н. Плужников // Военно-медицинский журнал. 1995. № 5. С. 19–24.
15. *Новиков В. С.* Вклад Военно-медицинской академии в Великую Победу / В. С. Новиков, А. М. Шелепов, И. Т. Леонов // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2005. № 5. С. 19–26.
16. Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии (1798–1998 гг.) / отв. ред. В. С. Новиков. СПб.: Наука, 1998. 316 с.
17. Российская Военно-медицинская академия (1798–1998 гг.) / гл. ред. Ю. Л. Шевченко, зам. гл. ред. В. С. Новиков. СПб.: ВМедА, 1998. 728 с.
18. ЦАМО. Ф. 7. Оп. 179415. Д. 295. Л. 358–369.
19. *Шелепов А. М.* Медико-хирургическая (Военно-медицинская) академия — колыбель отечественной военной медицины / А. М. Шелепов. СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2008. 128 с.
20. *Шелепов А. М.* Маршал военной медицины / А. М. Шелепов, И. Т. Леонов, Е. И. Веселов. СПб.: Ъ, 2008. 429 с.
21. *Шелепов А. М.* Подготовка медицинских кадров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А. М. Шелепов, О. А. Крючков // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2010. № 1 (29).

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН НА ПОЛЕ ТАНКИ ГРОХОТАЛИ...

*Документальная
повесть*

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой...*

Песня «На поле танки грохотали» переделана из старой шахтерской песни «Коногон» и впервые была исполнена в кинофильме Леонида Лукова «Большая жизнь». Фильм вышел в прокат в предвоенном 1940 году. Повторно песня прозвучала в фильме Виктора Трегубовича «На войне как на войне», снятому по одноименной повести писателя-фронтовика В. А. Курочкина. Песня про танкистов настолько полюбилась, что слова ее переделывали для себя артиллеристы, моряки, летчики, а в некоторых частях танкистов она стала полуофициальным гимном. Песня стала поистине народной.

Помню, как во все горло эту замечательную песню орали мы, послевоенные пацаны, бегая по деревне и до изнеможения играя в войну. О танке, как о сложной боевой машине, мы тогда имели весьма смутное представление. Нас волновала романтика победы, суть подвига русских солдат, о чем мы узнавали из рассказов о войне самих ее участников, а также из воспоминаний земляков, отслуживших в танковых войсках послевоенной Советской Армии.

*По танку вдарила болванка,
Прощай, родимый экипаж,
Четыре трупа возле танка
Дополняют утретний пейзаж.*

*Машина пламенем объята,
Вот-вот рванет боекомплект.
А жить так хочется, ребята,
И вылезать уж мочи нет.*

*Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас,
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас.*

*И полетят тут телеграммы
Родных и близких известить,
Что сын ваш больше не вернется
И не приедет погостить.*

*В углу заплачет мать старушка,
Смахнет слезу старик отец,
И молодая не узнает,
Какой танкиста был конец.*

*И будет карточка пылиться
На полке пожелтевших книг:
В военной форме, при погонах,
И ей он больше не жених...*

Сейчас, оглядываясь на свою долгую жизнь, я удивляюсь тому, что мое детство, прошедшее в глухом, действительно медвежьем углу на севере Иркутской области, по невероятному стечению обстоятельств было связано... с танками.

Нет, танковой дивизии вблизи моей деревни Погодаевой не было, и «вживую» ни одного танка мимо нашей деревни не проходило. Однако мальчишки — народ любопытный и вездесущий, они умудрялись добывать интересующую их информацию буквально из воздуха. Что-то мы вычитывали из книг, из газет, но основные знания получали от пришедших с военной службы парней. Не знаю почему, но большинство юношей, уходящих служить в армию из нашей деревни, попадали именно в танковые части. Что это? Возникшая на наших глазах сибирская традиция? Или случайность? Однако мы немало знали о своих героях-земляках, это знание сидело в нашей крови. Сибиряк — значит героический, непобедимый воин. В битвах Первой мировой, в сражениях Великой Отечественной войны сибиряки занимали особое место. Сибирские дивизии и полки сражались на всех участках громадного советско-германского фронта, участвовали в Московской, Сталинградской, Курской и других важнейших операциях.

И в послевоенной армии они отличались выдающимися воинскими способностями. И все-таки, почему в большинстве своем именно в танковые части направляли моих земляков? Скорей всего, причиной были физические и психологические особенности потомков илимских «чалдонов»¹. Небольшого роста, коренастые, крепкорукие, обладающие исконными древними знаниями и навыками, сообразительные и выносливые — они умело управлялись с технически сложной и трудно «дрессируемой» машиной.

Мы, подростки, заслушивались рассказами о танках. Нам была известна не только знаменитая тридцатьчетверка. Мы знали марки и других танков, и не только отечественного производства. Подними любого из нас ночью и спроси:

— От чего зависит бронепробиваемость танкового снаряда?

И каждый юнец без запинки мог ответить:

— От скорости снаряда, с которой он летит в цель, от его веса и качества металла.

¹ Чалдоны — название первых русских поселенцев в Сибири и их потомков.

При этом на школьных уроках ни в разделе истории, ни по программе физики о танках нам почти ничего не рассказывали. Тогда о войне, которая жила в душе у каждого фронтовика, говорили мало, уж очень тяжелыми и большими были эти воспоминания.

Наступала пора атомного противостояния. Понятно, что танк и атомная бомба — вещи несопоставимые. Однако мы знали, что танки Т-55, созданные после войны, могли работать и в зонах радиоактивного заражения.

Но танки ведь не с неба падали, их кто-то придумывал, собирал, вел в бой. Становясь постарше, мы с интересом узнавали о выдающихся людях, создававших эти легендарные машины.

Это сейчас просто: сел за стол, включил компьютер, и всё, что тебя интересует, высветится на экране. А тогда в нашем деревенском доме — керосиновая лампа, и под ее сумеречный свет — рассказы бывалых людей. Рассказы не только о танках, об их мощи, скорости, скорострельности, но и об их знаменитых конструкторах.

Тогда-то впервые прозвучали для меня имена Кошкина, Кучеренко и Морозова — авторов легендарного танка «Т-34», ставшего самой популярной в мире бронемашинной. А Михаил Черемных, мой деревенский сосед, придя из армии, рассказал нам о работе с Котиным и Духовым. Работа эта заключалась в «прогоне» танков в различных режимах. Но главное, он видел и слышал Главного конструктора, что для сибирского паренька было пределом счастья. Говорил он о Котине восторженно, с придыханием, что-то придумывал, конечно, для поднятия своего авторитета в глазах односельчан. Но для нас, подростков, важен был факт существования таких людей, как конструкторы советских танков, а также всевозможные технические подробности уникальной машины.

Разумеется, все мальчишки мечтали о службе в армии. И это была не просто розовая мечта, мы готовились к призыву серьезно, закалялись, приобретали минимальные технические навыки в колхозной бригаде механизаторов. Мальшняя крутилась возле колхозной техники, намереваясь самовольно влезть в кабину трактора, но кое-кому все-таки повезло посидеть за рычагами «почти что танка!», и хотя бы отдаленно, но все-таки ощутить неопишуемый восторг, посетивший души будущих деревенских танкистов.

Разумеется, не все были влюблены в танки. Кто-то мечтал о небе и легком шлеме, кто-то о штурвале морского корабля, но все-таки большинство моих деревенских сверстников видели себя танкистами.

Мальчишеские игры всегда были играми в войну. Мы горланили военные песни, цитировали фразы из военных фильмов. В деревне было много мужчин, покалеченных войной. Их увечья напоминали об ужасах войны, но мы гордились тем, что эти люди наши земляки, что они — солдаты Великой Победы. И радовались миру, в котором нам предстояло жить в светлом, как тогда утверждали, будущем.

Главным для нас была, конечно, школа. Она стояла в центре села, окруженная садом, за которым любовно ухаживали несколько поколений учеников. В школе мы получали крепкие знания по основным наукам: арифметике, физике, русскому языку и литературе. Но о танках и главных конструкторах боевых машин узнавали сами, как сейчас говорят, самообучением. И это было нелегко, так как литературы на эту тему было мало, да еще и повышенная секретность не позволяла распространять сведения о новых машинах.

Танк — машина умная, крепкая, напористая, но без человека это просто устрашающая груда металла. Танкист — душа и сердце танка, характер которого зависит от характера и мастерства командира и каждого члена экипажа. В детстве мы знали некоторые имена прославленных танкистов, героев Великой Отечественной войны. Немного нам рассказывали в школе, мы встречались с ветеранами, которые смущенно вспоминали о войне, стесняясь говорить о своих личных успехах. Сегодня многие фамилии знакомых нам фронтовиков забылись, но некоторые военные подвиги, которые они совершили, еще помнятся.

Как же мы, послевоенные мальчишки, гордились своими соотечественниками, играя в войну! До драки доходило, когда решался вопрос, кому из нас быть танкистом Королевым, кому быть Хорошиловым, но более всего в нашей лихой компании набиралось Колобановых. И уж как беспощадно и победно, всей своей детской силой мы били условных фашистов, за которых никто из нас играть не хотел. Фашистов нам заменяли сосны и ели, растущие на опушке леса. Но наши-то герои воевали против реальной немецкой силы, которую страшно представить даже сегодня, в век модернизированной армии и новых способов ведения войны.

Если бы жива была мама, я бы жил в деревне и дождался того счастливого часа, когда в деревенском клубе весело, с шутками-прибаутками, с песнями и добрыми пожеланиями меня проводили бы на службу в Советскую Армию. И, без сомнения, я бы попал в танковую часть.

Но человек, как говорится, предполагает, а Господь располагает. И расположение это оказалось не в мою пользу. Мама умерла, когда мне было четырнадцать лет. Одновременно окончились мое детство и моя деревенская жизнь. Переезд к старшему брату в шахтерский городок, трудная жизнь среди заводской копоти и дыма, среди чужих для меня людей, надолго отогнали прежние мечты, воспоминания и, тем более, мысли о танках. Не до техники мне было со своим сиротством.

Но неожиданно этот интерес возобновился еще при моей допризывной жизни. Мне трудно представить, как сейчас готовят молодых людей к службе в армии. Не знаю этой стороны современной жизни. А в мое время этим делом активно занимался ДОСААФ, серьезная, огромная организация, государственная структура, подконтрольная Министерству обороны.

В ДОСААФ культивировались военно-технические виды спорта: прыжки с парашютом, планеры, самолетный спорт, радиodelo, спортивное ориентирование. В стрелковых кружках учились поражать мишени не только из спортивного, но и из боевого оружия. Группы автодела являлись самым простым и распространенным способом получения прав на управление автомобилем.

Каждый год с января по март юноши семнадцатилетнего возраста проходили регистрацию в военных комиссариатах. Заводились личные дела. Иногда в них отмечалось, в каких войсках хотел бы служить допризывник. Так было и со мной.

Майор, внимательно просмотрев мои документы и сделав какие-то отметки, спросил:

— В каких войсках, Михаил, ты хотел бы служить?

Мне сразу вспомнилась родная деревня, мое детство, танковые игры, и, недолго думая, я бойко ответил:

- В танковых войсках!
- Где? — удивился майор.
- В танковых войсках, — повторил я, слегка выпятив грудь.

Майор удивился до такой степени, что, сняв очки, встал из-за стола и подошел ко мне, улыбаясь.

— Ты сейчас это придумал? Почему тебе туда захотелось? — Спросил он меня с отцовскими интонациями в голосе.

— Нет, давно туда хотел, еще с детства.

— А почему сразу не сказал?

— Меня об этом никто не спрашивал. А сам попроситься я постеснялся. У нас в деревне почти всех отправляли служить в танковые. Я думал, и меня тоже отправят...

— Да, — протянул майор, вновь сел за стол и захлопнул мою папку. — Ну да ладно, танки от нас не убегут, а пока мы запишем тебя как пригодного для службы на флоте. Это высшая категория годности.

Потом посуровел и, не глядя на меня, назидательно добавил:

— Иногда наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями. Согласен?

— Согласен, товарищ майор, — отрапортовал я бодрым голосом.

— Кстати, танковые подразделения у нас имеются в любой армейской группировке. И потому «хочу в танковые войска» — слишком общее пожелание.

— Я знаю об этом. Но у нас в вооруженных силах шесть танковых армий.

Майор с любопытством взглянул на меня.

— Откуда тебе это известно?

— Это не тайна, в специальной литературе написано, — мне казалось, что я на равных разговариваю с военным профессионалом.

— Ты читаешь специальную литературу?

— Про танки читаю, — осмелев, я решил блеснуть своими знаниями.

— Что, поди отец воевал на танке?

— Нет, отец был снайпером.

— Так откуда такая страсть к танкам?

— Много читал, много слушал рассказов, вот и полюбилось.

— А кто рассказывал?

— Наши деревенские, они почти все служили и служат в танковых войсках.

— Да, дела, — неуверенно произнес майор и добавил смягченным тоном: — Ничего обещать не буду, получится — отправлю в танковую часть, так и быть. Ты меня убедил. Молодец, парень. Люблю упорных и грамотных.

Так сложилось, что в армию при достижении восемнадцатилетнего возраста меня не взяли, помешала отсрочка по специальности. Иркутский техникум транспортного строительства, в котором я учился, направил нас почти на годовую практику в глухой угол, расположенный на стыке Горного Алтая, Саян и Кузнецкого Алатау.

Мне не забыть никогда Горную Шорию и ту свою труднейшую в жизни практику. Но к танкам это отношения не имеет. А позже, когда пришла повестка в армию, того доброго майора в военкомате уже не было, и никто не

спрашивал, куда я хочу пойти служить. Но танки меня не отпустили, они все-таки оказались в моей судьбе.

Почти двадцать лет я занимался строительством различных объектов. Это были здания и сооружения для научных учреждений, жилые дома, животноводческие фермы, котельные и инженерные сети.

Специально танками я не интересовался, о новых машинах информация была крайне скудной. До простого человека практически ничего не доходило, по-прежнему все находилось под грифом «секретно».

И только после распада Советского Союза появилось много публикаций, рассказывающих об истории отечественного танкостроения в послевоенный период. Раскрыты были сведения и о новых танках — мы же тогда не имели секретов от своих заклятых западных «друзей», на словах пообещавших нашим глупым или алчным руководителям мир во всем мире. Понятно, если пообещали мир — то танки не нужны, и гостайна не нужна. Тогда меня эта излишняя открытость тревожила. Хотя почерпнул я из рассекреченных источников немало, и в дальнейшей жизни мне это пригодилось.

Сегодня мы знаем многое о танках «Т-64», «Т-72» и «Т-80». Откройте интернет, нажмите на «мышку», и всё перед вами. А тогда я пополнял свои знания из газетных статей и устных рассказов «посвященных». И очень скоро понял, что все-таки танки — это моя судьба, на небесах мне начертано — если не конструировать эти грозные машины, не бороздить на танке равнины, то обеспечивать их появление на свет. Стал я кем-то вроде танковой повитухи.

В начале восьмидесятых Главное управление по строительству в северо-западных районах страны перевело меня на объекты Кировского завода. Кировский завод! Мечта любого строителя. Кировский завод — одно из самых известных предприятий города Ленинграда и всего Советского Союза. Это не только знаменитое тракторное и металлургическое производство, но и великая история великой страны.

При этом нельзя забывать о том, что производственное объединение входило в состав Министерства обороны промышленности. А это значит, что здесь выпускались танки. По крайней мере, небольшие партии серийных танков «Т-80», а также опытные образцы для их усовершенствования.

Первым моим объектом на новой работе был цех ходовых частей. Конечно танков! И хотя никаких танков я не видел, они были спрятаны от людских глаз, но объекты, где производились детали для современных боевых машин, строил я. И вся моя дальнейшая жизнь была связана с выполнением плана по строительству цехов для выпуска этого «изделия».

Я многое узнал о танках. О тяжелых, средних и легких узнал, как жили, работали наши кумиры — гениальные конструкторы танков. В мае восьмидесят шестого года я с несколькими тысячами кировчан присутствовал на открытии бюста выдающемуся конструктору танков Жозефу Яковлевичу Котину.

Окончилось славное советское время, многое изменилось в стране и в мире, почувствовавшем нашу слабость от «перестройки», исчезли многие Министерства, в их числе и Министерство оборонной промышленности. Созданные строительные мощности стали не нужны заводам и объединениям.

Единственный раз в девяностые годы наш Трест попросили выполнить работу, связанную с танками. Потребовалось на танкоремонтном заводе в Стрельне построить центр по уничтожению танков, вывезенных из стран Восточной Европы.

В чем были виноваты танки, и почему их уничтожали, не мог ответить никто. По крайней мере, тогда. Я видел в кинохронике, сколько на Прохоровском поле было изувеченных машин, но в Стрельне мне довелось увидеть воочию сотни уничтоженных советских танков. Конечно, мужская выдержка и опытность руководителя не позволили мне разрыдаться от жалости к этим машинам, от возмущения и бессилия при виде убиваемых своими же создателями еще годных к службе танков.

Это было наше временное поражение!

Капиталистический мир аплодировал бездарным руководителям нашей страны, разорившим Россию за пустые обещания и хитрые улыбочки сильных мира сего, которые после нашего падения оказались еще сильнее. Я долго отходил от увиденного варварства: болело сердце, мучила совесть.

Все девяностые и двухтысячные я практически ничего не слышал от властей о танках. По телевизору рассказывали о ракетах, атомоходах, авианосцах и, конечно, самолетах и вертолетах.

И вдруг, на параде, посвященном семидесятилетию нашей Победы в Великой Отечественной войне, среди многочисленной военной техники показали новый танк «Армата». Это название кажется нерусским. Так оно и есть, но это слово издавна связано с историей России. «Армата» в переводе с латинского означает оружие. Знаю, что еще во времена Ивана Грозного так назывались артиллерийские орудия, наверное, отсюда и пристало название нашему новому танку.

На параде не только показали новую машину, что было необычным случаем в нашей стране, склонной скрывать секреты, но при этом на весь мир заявили, что это самый мощный проект со времен окончания холодной войны, что это прорыв в танкостроении, и нет ему аналога на сегодняшний день.

Моей радости не было предела. Я позвонил своему давнему приятелю. Валерий Иосифович Козишкурт не понаслышке был знаком с танками. Мы договорились о встрече. А я весь вечер по-мальчишески напевал знаменитые и знакомые с детства слова:

*Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны.
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой Родины сыны.*

*Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!*

Валерий Иосифович Козишкурт — руководитель самого известного в стране конструкторского бюро, связанного с танками. Сейчас у этого КБ негромкое и не совсем понятное имя — «Специальное бюро транспортного машиностроения». Но «посвященные» знают, что это танковое конструкторское бюро Кировского завода. Бюро основано в 1932 г. во исполнение решения правительства «О неотложном развитии в стране производства танков отечественных конструкций».

Несколько слов об истории создания Специального бюро № 2.

К майским праздникам 1933 г. цех Мх-2 завода «Красный Путиловец» выпустил первые двенадцать танков «Т-28». Они были испытаны и направлены в войска.

Из этих танков была сформирована бригада, которую возглавил Александр Ильич Лизюков, один из первых танкистов, удостоенный звания Героя Советского Союза. На заводе было создано танковое производство. Машины требовали постоянного внимания, многие детали и узлы модернизировались, усовершенствовались. Создание конструкторского бюро стало необходимостью.

Вначале КБ, не имеющему опыта в конструировании танков, оказывали помощь отделы двух военных заводов. Однако объем работ нарастал. Требовалось обеспечивать выполнение задач по возрастающему объему выпуска танков. Нужно было корректировать конструкторско-технологическую документацию, испытывать узлы и танки. Созданное КБ стало расширяться, появились отдельные, порой самостоятельные подразделения.

В 1934 г. произошло объединение всех организаций и контор и создано специальное конструкторское бюро № 2 (СКБ-2). Его первым руководителем был назначен О. М. Иванов, переведенный с завода им. Ворошилова. Все знали Олимпа Митрофановича как опытного конструктора, вдумчивого и скромного человека.

С этого времени СКБ-2 обрастало людьми и накапливало опыт. Уже очень скоро ему поручили самостоятельную работу: выполнить проект танка прорыва и на базе серийного танка «Т-28» создать четырехбашенный танк-истребитель.

Вся эта работа легла на плечи Жозефа Яковлевича Котина.

В мае 1937 г. Котина назначают начальником СКБ-2 Кировского завода в Ленинграде. Положение там сложилось критическое — прежних руководителей, в том числе директора завода и главного конструктора, арестовали как «врагов народа». К тому времени Кировский завод серийно изготавливал средние танки «Т-28». Это были достаточно сложные и совершенные, по состоянию на середину 1930-х годов, боевые машины.

Приход двадцатидевятилетнего Ж. Я. Котина в КБ завода изменил работу бюро. Были произведены расчеты конструкции танка «Т-28», позволившие повысить его надежность и улучшить характеристики. Одновременно бюро нацеливалось на проектирование танков, в соответствии с задачами, выдвинутыми на первый план в связи с появлением эффективных средств поражения. Много сил и энергии Котин отдал созданию конструкторского бюро, организации его работы, подбору специалистов, совершенствованию методов проектирования. Бои в Испании, а затем военные конфликты с Японией в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол, подтвердили необходимость повышения уровня броневой защиты танков, пересмотра концепции танкостроения первой половины 1930-х годов. Изучая опыт боевых действий в Испании, Котин пришел к выводу о неэффективности легких и средних танков с легкой броней, главным достоинством которых считалась высокая скорость и хорошая маневренность. С этой поры Жозеф Яковлевич конструирует тяжелые танки.

Разрабатываются два варианта тяжелых танков по заказу автобронетанкового управления — тяжелый танк прорыва массой 55 тонн с установкой одной 76-мм и двух 45-мм пушек в трех башнях СМК (Сергей Миронович

Киров) и по собственной инициативе — однобашенный «КВ» (Клим Ворошилов) с 76-мм пушкой и противоснарядным бронированием.

9 декабря 1938 г. на совместном заседании Комитета обороны и политбюро ЦК ВКП(б) Котин доложил об основных тактико-технологических характеристиках будущей машины — танка «СМК». После обсуждения проекта Сталин подошел к деревянному макету танка «СМК» и спросил:

— Товарищ Котин, зачем на танке три башни?

— Это заказ автобронетанкового управления, — ответил главный конструктор. — Мощное вооружение: одна пушка 76 мм и две по 45 мм.

Сталин подошел к макету, снял с него заднюю башню с 45 мм пушкой и спросил:

— Сколько я снял?

— Три тонны, — ответил Котин.

— Обратите их на усиление броневой защиты, — сказал Сталин. — Нужно ориентироваться на утолщение брони и усиление защиты экипажа.

Новые танки были созданы в кратчайшие сроки. Котин и его команда постоянно занимались усовершенствованием этих танков.

Первый образец танка «КВ» был изготовлен в сентябре 1939 г. и вместе с «СМК» и рядом других машин отправлен на Карельский перешеек для участия в прорыве линии Маннергейма. Танки показали в этой операции неоспоримые преимущества, причем танк «КВ», снабженный новым дизельным двигателем, оказался более подвижным и менее уязвимым, чем танк «СМК». В результате «СМК» был забракован. 19 декабря 1939 г. тяжелый танк «КВ», как и новый средний танк «Т-34», был принят решением правительства на вооружение Красной Армии. Название танку «КВ» придумали военные. Вместе с тем, в боях на линии Маннергейма выявилась настоятельная необходимость применения еще более мощного орудия, чем 76-мм танковая пушка «Л-II» танка «КВ». В начале 1940 г. была срочно разработана установка 152-мм гаубицы «М-10». Четыре образца нового танка «КВ-2» в начале 1940 г. были изготовлены и проверены на завершающем этапе боев. Они показали себя с хорошей стороны.

Жорес Яковлевич возглавлял работы по созданию тяжелых танков «КВ-2», «КВ-1», «КВ-85», «ИС-1». Созданный под руководством Ж. Я. Котина тяжелый танк ИС-2, вооруженный мощной 122-мм пушкой, с броней 120 мм, был признан самым мощным танком Второй мировой войны.

Всесторонние испытания нового танка показали — именно о таком танке мечтали в войсках. В историю войны он вошел под индексом «ИС» (Иосиф Сталин). Прославленный конструктор оказался не только конструктором танков, он был выдающимся и универсальным конструктором: под руководством Ж. Котина были созданы более десяти установок и агрегатов для тактических, оперативно-тактических и стратегических ракет.

За свои труды он был награжден Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Суворова первой и второй степени, орденом Отечественной войны первой степени, тремя орденами Красной Звезды, двумя орденами Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Знак Почета, медалями, в том числе «За боевые заслуги». Жозеф Яковлевич Котин — четырежды лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР в 1946–1950 и в 1966–1970 гг., генерал-полковник

инженерно-технической службы, доктор технических наук, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Одновременно Котин был руководителем кафедры в Ленинградском политехническом институте.

Хочу закончить рассказ о Ж. Я. Котине словами Первого Секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева: «Этот человек помог нам выиграть войну». Лучше не скажешь¹.

¹ Окончание следует.

ВЫШЛА КНИГА

Гимн любимому городу: Стихи петербуржцев о Петербурге. — СПб., Санкт-Петербургская общественная организация «Общество памяти игумении Таисии». 2018. — 232 с. — Серия книг «ИСТОРИЯ МОЕЙ УЛИЦЫ». К 315-летию Санкт-Петербурга.

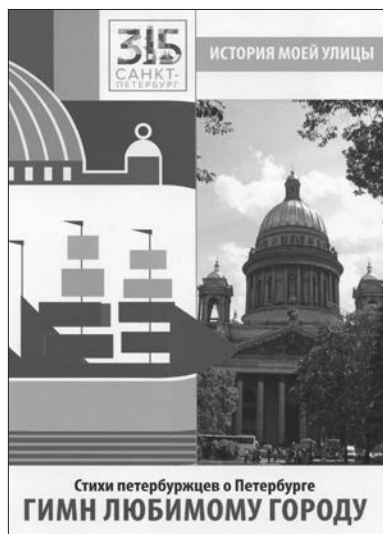
Редактор-составитель *Ирэна Сергеева*.

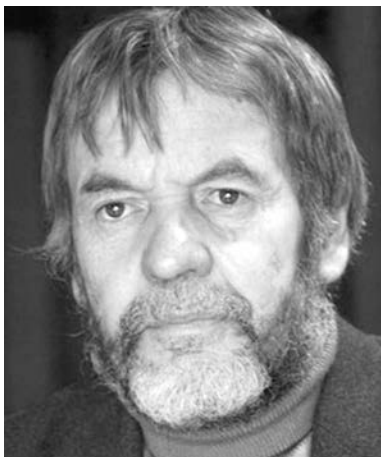
Фотографии *Марии Вахрушевой*.

Гимн любимому городу: Стихи петербуржцев о Петербурге.

Этот коллективный сборник — стихотворные свидетельства о Петербурге живущих в городе на Неве современных поэтов — представлен Петербургским отделением Союза писателей России. Выбраны произведения, написанные в период с конца XX века по настоящее время. Город нарисован поэтическими средствами во всей своей красе, со многими памятниками, проспектами и даже переулками, в разное время года и суток, в будни и в праздники.

Книга издана к 315-й годовщине со дня основания Санкт-Петербурга.

Анатолий БАЙБОРОДИН

УТРОМ НЕБО ПЛАКАЛО, А НОЧЬЮ ВЫПАЛ СНЕГ

Рассказ-притча

*К 75-летию
Великой Победы*

Анатолий Григорьевич Байбородин — родился в забайкальском селе Сосново-Озерск. По окончании Иркутского госуниверситета работал журналистом, преподавателем, редактором, ныне — гл. редактор журнала «Сибирь». Романы, повести, рассказы, художественно-публицистические и научно-популярные очерки печатались в московских и сибирских журналах и коллективных сборниках, а также в Чехословакии, Германии, Франции. Автор более десяти книг прозы, лауреат Большой литературной премии России и многих других Всероссийских и областных литературных премий. **Живет в Иркутске.**

По городу брел старик. Желтоватое лицо его замерло в ласковом, горнем покое. Глаза водянисто синели, слезились, словно мироточили, и безмолвно, отрешенно смотрели на город из-под лопнувшего козырька чудом выжившей, темно-зеленой, с желтым околышем, казачьей фуражки.

Старик, в церковном приходе дед Егор, вышел из храма, где накануне соборовался, а на заутрене исповедался, причастился Святых даров, и ныне светилося иконным ликом его усохшее и костистое лицо. Сунув фуражку под ремень, коим по старинке перепоясывал рубаху, где устало светилась медаль «За отвагу», запахнул чиненое-перечиненное линялое серое пальто, трижды перекрестился, трижды, касаясь перстом оземь, поклонился крестам да куполам и, прошептав Иисусову молитву увядшими, синеющими губами, малое время посидел на студенной каменной паперти среди убогих. Но не христарадничал, как обычно, не просил милостыню Христа ради, а лишь присел, чтобы после заутрени утихомирилась дрожь в коленях; затем встал, с хрустом разогнул немеющую спину и побрел, томительно шаркая подошвами порыжевших яловых сапог с морщинами на голенищах. И Бог весть, куда поковылял на изможденных, сношенных ногах старый казак, в душе коего еще звучала ангельским эхом просительная ектенья: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, не постыдны, мирны и доброго ответа на Страшнем Судиши Христове просим...» Уже случалось, убогий старик напрочь забывал халупу, по самые ставни вросшую в землю, где коротал век у сестры-бобылки,

и лишь чудом подворачивался поводырь, который доводил его до жилья. Нынче никто не подворачивался, и старик брел неведомо куда, словно в грядущую вечность.

Городище заволочла пепельная мгла; небо, набухшее мороком, тяжело и сумрачно лежало на крышах каменных домов, и лишь призрачно светились в поднебесье купола Крестовоздвиженского храма. Накануне Дня Казанской иконы Божией Матери было тепло и грязно — перед заутреней моросил дождь. Но старик помнил, что в его казачьей станице, давно уже сгинувшей, старики судачили: ежели на Казанскую небо плачет, вслед за дождем поспеет снег.

Осеннюю грязь месили сотни сапог и полусапог, озабоченных и суетливых. Ногастая, похожая на болотную цаплю, долговязая девица прыгнула из парикмахерской, сослепу ткнулась в старика, испуганно шарахнулась и оторопела, заглянув в разверстую стылую могилу. Но тут же очнувшись, когтистыми пальцами манерно помахала возле брезгливо сморщенного носа и всунулась в тупорылую заморскую машину. Старик хотел вымолвить... доброе слово колыхнуло теплым дыханием запавшие губы... но не успел и теперь виновато глядел вслед машине, обдавшей его вонючим жаром.

Старик брел по городу; авоськи и баулы испуганно обтекали его. Под стариковское пальто поддувал сырой ветер; он же порой зло теребил и вздымал по-младенчески пушистые и насквозь проглядные инистые волосы, обнажая овраги висков, какие бывают у лошадей, когда они падают в изнеможении.

...Осенью сорок первого волочились солдаты, отходя в российскую глущь по грязным и топким, разбитым дорогам. Пала в обозе насаженная лошадь, и молоденький лейтенант, матерками отгоняя жаль, своеручно пристрелил коня; и старик — тогда еще не мужик и уже не парень — глядел на палую лошадь сквозь слезную заволочь, ибо рос в казачьей станице при конях и служил в обозе. Потом нагляделся на смерти; и слезы, пролившись в душу, оледенели, и лишь послевоенные жаркие молитвы растопили лед, и слезы пролились в душу теплым дождем, и любовь, робкая, словно майские травы, взошла в измаянном казачьем сердце.

* * *

По городу волочился выживший из ума облезлый пес, которого хозяин взащей выпихнул со двора; вначале увез на городскую свалку, где среди пестрого людского хлама шатались... тени из преисподней... тощие одичавшие псы с изможденной сукой — обвисшее, докрасна воспаленное, истерзанное сучье вымя тащилось по мусорным холмам. Хозяин вышел из черной, слепящее-сияющей легковушки и надтреснутым, прерывистым голосом поманил пса: «Дружок!..», и собака сползла с заднего сиденья, присела подле хозяина, а тот закурил, брезгливо косясь на свалку. «Пристрелить бы...» — вслух подумал хозяин, потом нервно кинул сигарету, растер сапогом и, хлопнув дверцей, быстро поехал. Пес, еще ничего не понимающий, заковылял было следом на остаревших лапах, но тут же, запыхавшись, высунув красный, парящий язык, остановился и долго смотрел в ту сторону, где пропала машина с хозяином. Друг не понял убогим собачьим рассудком,

отчего хозяин оставил его на свалке, а чтобы не рвать душу горькими думами, поплелся в город.

Вскоре, отощавший, кожа да кости, измученный, лежал у калитки возле богатого подворья, кое сторожил весь свой собачий век. Когда хозяин заметил Дружка, то в сердцах, уже не церемонясь, погнал от калитки, безбожно кляня старую псину-пропасть. Пес, выстилаясь по земле, еще полз к хозяину, в котором души не чаял, и даже хотел облизать пыльные сапоги, виновато и заискивающе глядя в остуженные хозяйские глаза. Но хозяин прихватил суковатую палку и отогнал Дружка подальше от калитки, за которой носилась и гремела молодым лаем черная немецкая сука.

И пес понял, что, верно и любовно отслужив собачий век, больше не нужен родным людям; а посему, не чая теплой похлебки, мягкой подстилки, хозяйской ласки, поплелся, не ведая куда и зачем.

* * *

По Большой улице, прозванной Бродом, тупо и медленно, сплошным и грозным потоком, словно в атаку, ползли машины; хищно сверкали нездешней, несвойчивой пестротой, сыто, но жадно урчали; и колыхался над ними тяжкий угарный гул. Но для старика уже все стихло, и вместо уличного гула из пепельной, миражной бездонности... из-под церковного купола, с голубых небес... сухим и теплым ладаном наплывали покойные, ясные звуки и, похожие на далекий-далекий перезвон колокольный, грели стариковскую душу.

Такие же небесные звуки хлынули на русских солдат, когда со скрежетом распахнулись ворота немецкого лагеря — в синюю небесность, словно в церковный купол; и шли они, равнодушные к жизни, — может, не люди, а светлые тени, оставившие плоть позади, где бездменно темнели печи, — редкие зубы в провале старческого рта, черные и голые деревья на пожарище. И шел среди теней старик — тогда еще мужик, но уже присыпанный старческим пеплом...

* * *

Старый пес... теперь уже бездомный, бродячий... плелся по городу, припадал на ослабшие хворые лапы и, робко, просительно, с вялой надеждой заглядывая в подворотни старгородских одряхлевших усадеб, высмотрел, как, чужеродно выпячиваясь из унылой ветхости, степенно похаживал дог, под гладкой, лоснящейся кожей которого дыбилась, властно играла упругая злая сила.

Ветхому псу привиделось дальнейшее, гаснущее в сумраке лет, когда он, молодой и матерый, но смирный и заласканный детвой, без клича оборонил хозяина, рискуя в прыжке угодить на злое сверкнувший нож. И пес был счастлив редкой удаче — спас хозяина, выказал собачью преданность; и он бы захлебнулся в предсмертном восторге, если бы, заслонив друга, пал наземь, истекая дымящейся кровью.

Дог настороженно замер у черных тесовых ворот, двускатно крытых древним драньем. А тут из калитки, легкая, словно одуванчик, вприпрыжку

выбежала светлая девчушка и, хлопая ковыльными ресницами, уставилась на печального старого пса. Потом улыбнулась... посреди осенней мороси желтовато засветилось летнее солнышко... залепетала, пришепывая, на детском поговоре, сунула псу надкушенный пряник, и пес бережно взял угощение, прижал губами, но не сглотил — от удивления, робости и смущения. Девчушка присела на корточки, погладила пса, все так же лепеча... шелестели на тихом ветру полевые цветы и травы... и пес неожиданно улегся перед ней, положил морду на лапы и блаженно прикрыл слезящиеся усталые глаза.

Долго ли, коротко ли тянулось собачье блаженство, но из калитки торпливо вышла женщина — похоже, мать девчушки, — ярко наряженная, но раздраженная, и презрительно глянула на пса, потом схватила дочь за руку, прошипела:

— Ты что, хочешь сразу подхватить?! А ну, пошла отсюда, псина!.. помойка ходячая! — замахнулась на пса и ворчливо сказала дочери: — Пошли скорей, а то опоздаю из-за тебя...

Подволакивая захныкавшую девчушку, женщина засемила по старой улице, нервно стуча острыми копытами в деревянный тротуар. Тем временем дог, враждебно щурясь, со зловещей неторпливостью, вкрадчиво пошел на бродячего пса, и тому ничего не оставалось, как уносить лапы от греха подальше.

* * *

...Людская река выплеснула старика к торговым рядам, где осиными гнездами лепились лавки, где торговали нерусским, режущим глаза, а чем — старик, впавший в станичное отрочество, уже давно не разумел древним разумением. И раньше, вглядываясь в небеса, глядел сквозь пестрые лавки, а ныне и подавно. Хотя вдруг удивленно замер возле молодой цыганки с черными до жгучей синевы, текущими на плечи, густыми волосами, с ночными глазами, в омутной глубине которых вспыхивали искусом и гасли зеленоватые огоньки. Торговка скалила бело-пенистые зубы, потряхивала вольной, полукрытой грудью и, весело заманивая покупателей, продавала медные нательные крестики с распятым Христом, что свисали с руки на блестящих цепочках. Парни в толстых мешковатых штанах мялись подле цыганки, весело и бойко приглашали в ближний трактир. Торговка, играя плечами, постреливала сумеречными глазами, и с губ ее, пухлых, вывороченных наружу, не сползала сулящая улыбка. Но когда парни со смехом и гомоном подались прочь, осерчавшая цыганка плюнула им вслед, замешав плевков на забористом русском мате. Тут же в сердцах набросилась на старика:

— А ты чего здесь торчишь, старый...?! — цыганка вернула словцо, от коего вянут, словно прибитые инеем, даже крепкие мужичьи уши, и старик, хоть и не обиделся, все же пошел от греха. Учув стылый ветер, нахлобучил древнюю казачью фуражку, кою давно уж тербил в руках.

* * *

Подле «Рюмочной» старик загляделся на тощего, белобрысого христардника, что заунывно играл на гармошке и сипло, слезливо пел в свисающие подковой, до рыжа прокуренные казацкие усы:

*...Мне во сне привиделось,
Будто конь мой вороной,
Разыгрался, расплясался,
Ой, разрезвился подо мною...
Ой, налетели ветры злые,
Да с восточной стороны,
И сорвали черну шапку
С моей буйной головы...
А есаул догадлив был,
Он быстро сон мой отгадал,
Ой, пропадет, он говорит,
Твоя буйна голова...*

Старик чудом вспомнил: на престольный праздник в память святого мученика Георгия Победоносца батька-атаман, бывало, выкатывал бочонок браги, а казачки накрывали столы посереде станичного майдана, и отец, голосистый певень, певал про буйную головушку. Старик узрел в сизых небесах и мать родимую: притулилась с краю печально поющего застолья; увидел и себя, малого, — оробело жметя к материной груди, опасливо косясь на родичей, станичников, дивясь на поющего отца. «Черного ворона» выплакивал хмельной отец, бывший белый казак; стонал, обнимая кровного брата, бывшего красного казака, коего чудом не засек под городом Читой, когда свершилось святое провиденье: «Предаст же брат брата на смерть, и отец чадо; и восстанут чада на родители и убьют их...»

Пел отец, незряче глядя в заречные поля... слезы туманили глаза... пел, подперев ладонью бедовую головушку, вороную, ныне до срока усыпанную стылым пеплом:

*Под ракитою зеленой,
Русский раненый лежал,
Над ним вился черный ворон,
Чуя лакомый кусок...*

*Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой,
Ты добычи не добьешься,
Я казак еще живой...*

Окруженные домочадцами и станичниками, братья гуляли в ограде, вольной, поросшей зеленой щетиной и цветами-желтырями; братья... круто-плечие, приземистые карымы¹... скорбно пели под раскидистой черемухой, осыпающей белый цвет на столешню, крытую серой льняной скатертью, на которой не красовались, как бывало, щедрые наедки и напитки, но сиротливо ютились печеные картохи, меднобокие караси, лишь сочно зеленели пучки внешней черемши да голубовато мерцала в крынках соковица². В досельную пору к Егорию Теплому казаки ловили петлями косачей либо глу-

¹ Карымы — русские, чернявые, помешанные с тунгусами или бурятами.

² Соковица — березовый сок.

харей, когда у птиц свадебный ток, а сейчас не до косачей, глухарей; ныне казаки гадали, как выжить после великой порухи, как душу утихомирить после кровавой смуты.

С высокого станового берега Ингоды, где вальяжно раскинулась станица, где на отшибе желтел дом отца, виделось, как в долине, изогнутая луком, серебрилась полуденная река, тающая в зеленовато-буром сумраке таежных хребтов. Братья, на святого Егория Победоносца обрядившись в казачью справу, пристегнув шашки, пели сумрачно, с заведомой тоской вглядываясь в ингодинскую долину, в синеющие заречные хребты; братья чуяли: завтра белого казака отпотчуют свинцом, прислонив к тюремной стенке, послезавтра красного казака расскачат и раскулачат, под конвоем пошлют в Черемховские угольные копи и вместо шашки всучат кайло.

Но се завтра, а ныне — Егорий Храбрый, чьим святым имечком и окрестили малого; а когда подрост Егорша, дед ста лет плел внуку казачью старину:

— У Ягория, света, Храбра, по локоть руки в красной замше, по колену ноги у чистом сярэбре, а во лбу-то, паря, солнце, во тылу месяц, по косицам звезды перехожие... А в руськом царстве, Христовом государстве обрятался подле озера Змей Поганный, что поядал дявиц руських. И выпала лихая доля деве подвянечной; взмолилась дева Иисусу Христу и Мати Марии да святым угодничкам, и по вере слятел с нябес Егорий Храбрый на белом коне. Ох, и оробел же, паря, Змей Поганный, стал лизать конски копыта, а святой воитель заколол яго казачьей пикой. О!.. С досюльных времен, паря, и носится Ягорий Храбрый по бедам — Побядоносец же... Юрию... он же Ягорий будеть... дадяны ключи от неба и земли, и святой атаман отпирает небо, дает волю солнцу, а звездам силу. Так от, Ягорша... Ягорий Вешний землю отмыкат, рысит по лясам на белом коне, зверьми повелеват. Что у волка в зубах, то Ягорий дал... Ягорий Храбрый и от волков скот обярягал.

Вспомнились старику отроческие потехи-утехи: перед выгоном скота на вольный выпас, Егорша шатался с казачатами по усадьбам и под шергунцы¹, трензели², бубны и барабанки распевал «Батюшка Егория»:

*Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали,
В поле ходили,
Крясты становили,
Крясты становили,
Ягорья вопили:
«Батюшка Ягорий,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,
В лясу и за лесом.*

¹ Шергунцы (шаркунцы, шеркунцы) — бубенцы, издающие глухой звон, прикрепленные на ошейнике к лошади, иногда ошейник крепился к самому хомуту.

² Трензель — удила, состоящие из грызла и двух колец, за которые трензель крепят к щечным ремням уздечки; создан для того, чтобы упростить управление лошастью.

*Волку, медведю,
Всякому зверю —
Пень да колода,
На раменье дорога.
Тетушка Анфисья,
Скоре пробудися,
В кичку нарядися,
Пониже окрутися,
Подай нам по яичку,
Подай по-другому.
Первое яичко —
Ягорию на свечку,
Другое яичко —
Нам за труды
За ягорьевские.
Мы ходили, хлопотали,
Трое лаптей изодрали.*

Хозяева выносили мзду: яичек, пирожков и шанюжек, и с поклоном подавали казачатам, а уж казачат шукали матери: куда огольцы-сорванцы уметелили?.. опять пошли кусочничать, побируши-помируши!

А юнцом Егорша, прости, Господи, грешного, подсмотрел на рассвете Юрьева дня: станичные девы убрели за поскотину и на елани¹ средь березняка и осинника умывались утренней росой, а иные, озорные, дерзкие, нагими валялись на росной траве, дабы стать пригожими, словно утренняя зорька, чистыми, словно юрьева роса. А на особицу парни... суеверы, прости им, Боже Милостивый... купались в росе с надеждой быть здоровыми и сильными, яко юрьева роса.

В престольную заутреню семейство усердно молилось в белоснежной Георгиевской церкви, где красные безбожники грозились, сбив кресты, открыть клуб и читальню. После Божественной литургии, возле иконы Святого мученика Георгия Победоносца, кою возложили на аналой, батюшка отслужил молебен покровителю русских воителей: «О всехвальный, святой великомучениче и чудотворче Георгие! Умоли Человеколюбца Бога, скорый помощниче всех призывающих тя, да не осудит нас, грешных, по беззаконием нашим, но да сотворит с нами по велицей Своей милости и подаст православному Отечеству нашему и всему боголюбивому воинству на супостаты одоление; да укрепит государство Российское непремняемым миром и благословением; изряднее же да оградит нас святых Ангел Своих ополчением, во еже избавитися нам, по исходе нашем из жития сего, от козней лукаваго и тяжких воздушных мытарств его, и неосужденным предстати престолу Господа славы. Аминь». Слушая попа, казаки мучительно гадали: какое воинство славит батюшка, красное иль белое? У красных верховодят жида-хриstopродавцы; белые предали царя-батюшку, помазанника Божия, вынудив отречься от царского престола, и воевали не за Бога, Царя и Отечество, а за республику, да и в сговоре с чужеземцами, что зорили Русь, губили народ русский. Эх, куда ни кинь, кругом клин...

¹ Елань — лесной луг.

Выйдя из храма, казаки подали милостыню христарадникам, особо слепому, вопиющему:

— Во святой зямле, православной,
Нарождается жаланное детишо
У той ли премудрыя Софии;
И нарякает она по имени
Свое то детишо Гяоргий,
По прозваньцу Храброй.
«Соизволь, родима матушка,
Осударыня, прямудрая София,
Ехать мне ко зямле светло-Русской
Утверждать веры христианские».
И дает яму родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая София,
Свое благословение вяλικое.
Примает он, Гяоргий Храброй,
Ту землю светло-Русскую
Под свой вялик покров,
Утверждает веру крященую
По всей земле светло-Русской...

После богомолья колокола гулко и звонко славили Бога в небесах, и семейство прошло по широкому майдану, где на Егория Вешнего ныне, как испокон казачьего века, пестрела ярмарка: торговали шерстью, кожами, седлами, сбруями и хомутами. Отец посудачил с казаками: де, что ныне сулит Юрьев день?.. На Руси два Егория: Зимний холодный и Вешний голодный, а в лихолетье, когда погибелю и разором, словно кровавым ливнем, окатила Забайкалье война, и вовсе хоть зубы на полку. Да и рысит ныне Егорий на белом коне — не сошел снег с полей, жди неурожай, вот ежели бы на вороном скакал... Да и не пала ночная роса; а бывало, на Егория роса — добрые проса и не треба коням овса. Егорий Вешний отпирает росу, а посему мужики и казаки выгнали коров на выпас до солнца, пока не сошла юрьева роса; старики толковали: мол, удоистые будут коровенки, и хворь не страшна.

Слышались старику дальние казачьи голоса:

— Сена-то, паря, хватат? До Николы дотянешь? Браво ж накопил...

— Кого, паря, браво?! — казак досадливо чешет затылок, сдвинув фуражку. — Труха осталась... Снег путем ня сошел, на голую пажить скота выгнал...

— Копытят... — усмехается в смолистую бороду домовитый казак. — Верно господа старики баяли: сена достает у дурня до Юрья, а у разумного до Николы... А ярицу-то посеял? Говорят же: сей, пока чяремуха цветет.

— Не-е, паря, рано. Студеная земля, не отошла. Ночью — заморозки...

— Оно и ладно. Старики же толковали: в ночь на Ягорья пал мороз — хлеба жди воз и под кустом овес.

— Ага, жди... Сявец не уродит, коли Бог ня зародит.

Старик вспомнил: до престольного застолья братья по древлеказачьему чину сажали его, трехлетнего, на гнедого коня. Вроде, в казаки верстали...

Накануне мать из старенькой, сумеречно-зеленой юбочки скроила и сшила гимнастерку, на далембовые шаровары нашила желтые лампасы, отец смастерил желтые погонщики, а дед ста лет смастерил деревянную сабельку. Об одном малый горевал, сапоги не справили, в сырмятных ичижонках сажали на коня.

Мать, синеокая, дородная, по случаю праздника в радужном семейском¹ сарафане, в цветастой кичке, вышла с Егоршей на высокое резное крыльцо и сквозь слезную мглу оглядела людный двор. Отец, белый казак, держал под уздцы оседланного гнедого коня, а Егоршин крестный, красный казак, принял малого из материнских рук, подкинул к сизым небесам, занялось детское сердчишко, словно на троицкой качели, и отпустило, когда малый очутился в седле. Ухватившись за луку седла, глянул вдаль с птичьей вышины, и глаза обмерли в диве: далеко и вольно отпахнулась казачья вольница: причудливо извивалась в зеленеющей долине серебристо голубая Ингода, синели далекие таежные хребты, и небо в перистых облаках, где кружился одинокий коршун, казалось близким, рукой подать. В заокольном березняке кукушка куковала, Егорше век отмеряла. А над серебристой драновой крышей сновали ласточки — со дня на день вешний гром загремит.

Станичники — родичи отца и матери — придерживали и коня, и малыша. Крестный напялил на малого свою линялую фурагу с желтым околышем, но фурага сползла малому на нос. И тут дед ста лет, махонький, седенький, хлопнул себя в лоб: «Совсем, паря-девка, из памяти выбился. Дырява память...» Посеменил в курень, откуда торжественно вынес белую мерлушковую папаху с малиновым верхом, самочинно сшитую как раз Егорше по голове. Подал крестному папаху, когда тот выстриг у малого клоч волос и вручил матери, чтобы утаила на божнице.

По доброму-то, как встарь чинилось посажение чада на коня, надо бы с благословения батюшки обвести лошадь вокруг храма, да чтоб батюшка отчитал молитву святому Егорию, небесному заступнику казачонка. Но... вьюжными ветрами налетело лихолетье, и нынешняя власть... христопродавцы... не жалует казачество.

Станичники присматривали: схватится за гриву — долго пуля не возьмет, шашка не смахнет, а захнычет, повалится с коня — рано быть убиту. Егорша и не повалился, и за гриву не уцепился, отчего дед ста лет вздохнул горестно: «Не казак растет...», но промолчал.

* * *

Город сошел с ума, обратился в сплошную барахолку, прозванную «шанхайкой», где назойливо, крикливо, лукаво торговали азиаты и китайцы; повально кинулись продавать и перепродавать турецкое, китайское барахло и русские, словно им негде работать, словно умолкли фабрично-заводские гудки, а в губернских полях вросли в землю ржавые трактора и комбайны.

Старик постоял возле широкой деревенской бабы, торгующей картошкой, моркошкой, свеклой, капустой, и опять дивом дивным узрел станицу детства и отрочества, хотел было перемолвиться с бабонькой, дескать, утром небо плакало, а ночью Господь зимушку пошлет. Но та испуганно

¹ Семейские — староверы Забайкалья.

отпрянула от старика и осенила лоб незримым крестом, почудилось жenne, чтодохнула на нее холодная пустоглазая смерть, которая нынче пошла бродить по городу. Но бабонька тут же и спохватилась, сунулась под прилавок и выудила творожную деревенскую шаньгу, затем, подумав, прибавила к ней брусничную. Гостинец, прозываемый в деревне подорожником, уложила в пакет, а коль старик стал отказываться от угощения, то и сунула ему в широкий полуоторванный карман пальто. Старик поклонился бабе и, перекрестив ее, прошептал: «Милость Божия, Покров Богородицы, молитвы святых тебе, добрая душа...»

В торговых рядах гремела и билась в припадке шалая музыка, а уж на каком говоре пели, старик не разумел. Лишь горечью окатило фронтовую душу, когда в безумии звуков четко прозвучало: «А на тебе, как на войне, а на войне, как на тебе...» Раньше одичалая музыка напоминала старику лай и рычание озверевшей, кровожадной своры собак, что сопровождали пленных русских солдат и рвались с поводков, дабы растерзать полуживых людей. Но сейчас старик не слышал магнитофонного рыка и лая; глухим нимбом обволакивали его бездумные, пахнущие ладаном и могильным покоем, небесные звуки.

По городу брел старик, седой, изможденный, и когда ветер распахивал пальто, изветшавшее, словно простреленное, грубо, внахлест зачиненное, то взблескивала фронтовая медаль на жеваном отвороте древнего пиджака, надетого поверх исподней рубахи.

Неожиданно старик свернул в сумрачную арку; утомленно припал к грубо отесанной каменной стене, и острые щербины впились в щеку, поросшую реденьким седым волосом. Старик оглядел арку, похожую на могильный склеп, и на глаза ему попался перевернутый вверх дном решетчатый ящик из-под вина — видимо, кто-то здесь уже переводил сморенный дух. Старик присел на ящик, откинулся к стене и прикрыл глаза тонкими, в синей паутине, дрожащими веками. Бог весть, долго ли тянулось обморочное забытие, но неожиданно старик ощутил, что к рукам его, безжизненно опавшим на колени, к холодному лицу прикоснулось ласковое, теплое, влажное, до сладостной боли родное, приплывшее в город из далекого ингодинского малолетства. И опять увиделось дальше, словно солнечный луг явился в предснежном сумрачном небе...

Средь высоких лиственей, позолоченная утренней зарей, кондово рубленая церковь... от купола теплый желтоватый свет... и стриженный большоголовый парнишонка бежит ромашковым лугом наперегонки с дворовым псом, мимо пасущихся коров и коней. Летит малый, не чуя ног, плещется в мираже, словно в струях речных, сверкающих на солнце серебристой чешуей; а за рекой сенокосные луга, лебяжий березняк и зоревый сосняк, где, разложив на сером рядне некорыстные харчи, поджидает его мать, высматривает отец, прислонив литовку к сенокосному шалашу, укрывшись от солнца лопатистой, черствой ладонью...

Еще боясь поверить, боясь спугнуть оживающее видение, старик не открывал глаза, вытягивал наслаждение, потом медленно отпахнул веки и по-детски солнечно улыбнулся — рядом посиживал такой же ветхий, как и он, осиротевший пес, облизавший ему лицо и руки. Младенчески беззуд-

бая и бездумная улыбка тронула синеющие стариковские губы... закатный солнечный луч согрел восковое лицо старика... и, как бывало в детстве, старик неспешно и протяжно погладил пса, почесал за ушами, висящими словно лопухи. «Ну, что, дружок, осиротел?.. Горе мыкаешь, горемычный. Голодный, поди...»

Вдруг вспомнилось далекое, забайкальское: казак, знатный охотник в станице, обозлился на собаку — мало чуху и нюху, всю охоту пустила — и решил утопить в реке... отчего пожалел десять граммов свинца, старик забыл... и выплыл казак на стрежень Ингоды-реки, привязал к собачьему ошейнику камень да и кинул в багровую закатную рябь; но камень слетел... видно, в спешке худо обмотал бечевой... и пес тут же подплыл к лодке; тогда осерчалый психованный казак... истрепал нервы на Германской войне... навернул собаку веслом, замахнулся другой раз, но не удержался и бухнулся в воду; и утонул бы... худо мужик плавал... но спасла собака: подплыла, чтобы хозяин ухватился за собачьи уши, и так с горем пополам и подчалили к берегу. О сем судачили казаки; почему купили, потом и продали...

Старик обнял бродячего пса за шею и вспомнил о подорожниках, что сунула в карман сердобольная деревенская баба; вспомнив, тут же и достал творожную шаньгу и протянул псу. «Кормись, дружок...» Пес, подивившись, что старик ведаёт его кличку, бережно взял гостинец в зубы и, положив на землю, уставился на старика вопрошающим слезливым взглядом. Старик опять обнял бродягу за шею и, как в станичном малолетстве, прижался лицом к лохматой морде и, блаженно укрыв глаза, снова впал в забытье.

Разбудил его посвистывающий шепот, откуда вырывался ломкий, куражливый басок. Старик очнулся, обрел житейскую память и, кажется, догадался, что рядом целуются молодые. Они возились близко, за углом; слышно было: умолял и клялся парень, тяжело и порывисто дышала подруга.... Не ведая зачем, старик поднялся с ящика, пошел к молодым на одеревенелых ногах и стал молча смотреть влажно синеющими из потаенной глубины, удивленными глазами.

Молодые полусидели-полулежали на широкой садовой скамейке, ради греха и втиснутой промеж каменной стены и густых зарослей одичалой сирени. Прямо на земле, устланной жухлыми листьями, усыпанной сигаретными окурками и клочьями бумаги, торчали пивные банки. Молодые оторопели, словно явилось бледное, бескровное видение из тоскливого, замогильного мира; потом девушка зябко передернула крутыми плечами и, оттолкнув парня, села прямо, натянула юбку на голые колени. Парень, синеглазый, бритоголовый, закурил сигарету и досадливо выжидающе уставился на старика. А тот, каясь и виноватясь, вдруг ясно и живо увидел сына, убиенного в Афганистане, давно оплаканного и отпетого... Старик подошел к парню ближе, и, вроде погладить по плечу, потянулся ладонью, высохшей, мелко и часто вздрагивающей. Девушка испуганно качнулась, парень же оглядел прищельца от войлочных ботинок до седой головы стылым и острым взглядом, затем процедил сквозь желтеющие фиксы:

— Топай, топай, батя!.. Здесь не подают.

То ли не расслышав, то ли не вняв просьбе, старик еще стоял с протянутой рукой и негаснущей улыбкой, и вдруг парень покаянно опустил глаза, развел руками:

— Прости, батя, ниче нету. Иди с Богом.

И старик, сопровождаемый бродячим псом, побрел из глухого каменного двора, заросшего голой, тоскливой сиренью. В стариковских глазах светились слезы. Когда, обессилевши, осел на заледенелую землю и, обняв Дружка, забылся, то привиделась заснеженная, выюжная степь, по которой, извиваясь мрачной и жалкой рекой, растянувшись на много верст, бредет отступающая армия, и он, молоденький солдат, за несколько месяцев постаревший на десять лет, волочится, угибая лицо от пронизывающего ветра. Потом вдруг теплело, и, словно с небес, увидел он себя, малого, в белой посконной рубахе чуть не до пят, бегущего среди светящихся росных трав и цветов, бегущего прямо к утаенной в тумане реке, из которой выплывает румянолицое солнце. Впереди несется дворовый пес... А у реки парнишку поджидают мать с отцом, чтобы, спихнув плоскодонную лодчонку, уплыть к сенокосным лугам...

К вечеру черное небо глухо прижало город к земле, и всю ночь до рассвета тихо и густо валил снег, и город, утопая в сугробах, вымер. Лишь слышался в торговых рядах сиплый собачий вой... Там, между двумя железными ларьками, пожилая дворничиха нашла старика, которого набожная баба всякое воскресенье видела на церковной паперти Крестовоздвиженской церкви, подавая милостыню Христа ради. Покойник, обряженный снежным саваном, глядел в небо; на восковых губах инеем застыла мольба мытаря «Боже, милостив буди мне грешному...» Рядом со стариком сидел пес, при виде живой души переставший вить.

Дворничиха, вдосталь хлебнувшая лиха на вдовьем веку, не испугалась покойника; лишь вздохнула и, сквозь заснеженный город слезливо глядя в свои печали, подумала вслух: «Слава те, Господи, прибрал Бог убогого... — Дворничиха отмашисто перекрестилась на восток, перекрестила и старика. — Господи, упокой душу раба Божия... — баба не ведала старикова имени, — прими его во Царствии Своем, и прости ему прегрешения вольные и невольные... Отмучился, бедолажный. Опять же сказать, и нынешняя собачья жись — помирай ложись. Дак лучше от греха... — Баба не осмелилась продолжить, словно ангел упреждающе шепнул в душу, что не она, дворничиха, жизнью ведает, а сам Господь Бог, и грех ей вольничать, беса тешить, подманивая пустоглазую. — Опять же, крути ни крути, а надо померти... Боже Милостивый, прости мя, дуру грешную...»

Дворничиха пала на колени перед стариком и, бережно опустив веки на незрячие глаза, поцеловала в ледяной лоб. Тяжко поднявшись, шумно вздохнула, глянула на старика, белого как лунь, лежащего на голубовато-белом утреннем снегу... правая рука на груди, персты сложены словно для крестного знамения, и вдруг... приблизилось ли, померещилось старой бабе... старик медленно открыл синеватые ласковые глаза, и до костей иссохшая, восковая рука вдруг осенила вдову крестом. Дворничиха оторопела, испугано шарахнулась, суетливо и мелко закрестилась:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!..

Миновала оторопь, баба присмотрелась к бездыханному, покачала головой в диве: наблазнится же, и опять перекрестилась, прошептав Иисусову молитву.

ПРОЗА

Арина ГАМАЛИЕНКО

НЕБОЛЬШОЙ СВЕРТОК

Арина Игоревна Гамалиенко — родилась в 2002 г. Студентка первого курса Литературного института имени А. М. Горького. Лауреат многих творческих конкурсов, дипломант Международного конкурса творческих работ «Дерево детства» в ознаменование 90-я со дня рождения выпускника Литературного института Ф. А. Искандера. Рассказы публиковались в журналах «Подъём», «Кораблик», «Лучик». **Живет в Москве.**

Небольшой сверток в затертой желтой газете, обмотанный нитками, бережно завернутый в платок, лежит в старом буфете. Мне всегда было интересно посмотреть, что там прячет бабушка и так старательно бережет? Я решила заглянуть в буфет, и в глаза сразу бросилась выцарапанная надпись на дверце: «14 июля 43-го 6 утра умерла мама, 18 июля умерла от голода наша тетя Зина, 29 августа умер брат Коля. Осталась я». Мне стало как-то не по себе... Я поняла, что там самое дорогое, самое важное!

Позже я узнала от бабушки, что там она бережет военные письма, документы. Когда бабушка вспоминала о войне, о своих однополчанах, о родных, она плакала. Я плакала вместе с ней. Да, этот сверток — не книга с красивыми картинками, с глянцевыми страничками. Это старая бумага, залитая кровью и слезами. Для нас это — история. А для тех, кто был на фронте — память! Эти листочки хранят в себе любовь, страх, переживания, слезы, горечь, веру. Я надеюсь, что когда-то издадут книгу, в которой будут опубликованы письма с фронта, фотографии солдат и рассказ моей бабушки Анны Дорофеевны Лещенко.

Летом 1941 года бабушка вместе с другими молодыми девушками закончила Львовскую фельдшерско-акушерскую школу. Полные задора и энергии, спешили они получить свидетельства и окунуться в мирную трудовую жизнь.

— Пришли мы в город, — рассказывает она, — а у столба с тарелкой радио народ столпился, изумленно слушает. «Что? Война?» Мороз по коже. Получили мы свидетельства и направления на работу в Ракитянский район. Потом в Грайвороновскую больницу. Рабо-

тали месяц, второй, а вести с фронта все тревожней. Началась эвакуация районных учреждений. Идут воинские части день и ночь не на запад, а на восток, отступают. Мы, несколько девчонок-медичек бесприютных, присоединились к потрепанному в боях пехотному полку. И с ним колесили по тылам фронта. Прошли Касторное, Елец, миновали Ефремов, оказались в Калуге. Полк стал на оборону Москвы. А нас определили в быстро сформированный госпиталь на колесах из четырех вагонов-теплушек. На станции Рюриково загнали в тупик. Раненые идут, ползут, на костылях прыгают. А фашистские стервятники летают, яростно бомбят. Мы вынесли неходячих, убежали в кюветы прятаться. Раненые, кто мог, поывалились из вагонов, ползут за нами. Четыре медсестрички наши погибли... Вот вспоминаю и слезы не могу удержать. Это было первое мое боевое крещение.

Собрали мы раненых, медпринадлежности, что уцелели, и двинулись через Алексин на Тулу. Но ее окружили танковые войска Гудериана, прибыл брать город и полк СС «Великая Германия». Помню, шли мы окрестностям, и душа кровью обливалась: маленькие церквушки, храмы, которые в недавнем времени работали, в которые люди приходили на службу, чтобы помолиться о родных, близких, попросить о спасении... Все было пусто. Теперь они стояли разломанные, брошенные. Так мы и не заметили, как оказались сами в окружении. Командиры говорят: «Ну, девушки, спасайтесь кто может. А мы будем воевать».

Временами мысль о том, что скоро нас, наших родных не станет в живых, настигала нас. Но нас спасала вера в чудо и вера в Бога. На наших глазах умирали наши знакомые, с которыми буквально минуту назад мы стояли, разговаривали, которых видели, надеялись на будущую счастливую жизнь. Их жизнь только начиналась... А теперь их нет... «Царство им небесное», — тихо мы проговаривали с девчонками, веря, что Господь наградит их небесным спокойствием.

Мы, трое девчонок — Мария Котова, Аня Медведева из Рыльска и я, собрали свои скудные пожитки в кузовки и двинулись в путь. Куда? Да куда люди идут. Потом разобрались: нам надо на юг. Спрашивали дорогу на Брянск, потом на Льгов. Немцы на машинах проезжали, песни горлалили, на губных гармошках играли... А мы у сельских жителей просились на ночлег и просили помощи у Бога, лишь бы в живых остались... Люди сочувствовали, кормили нас, хлеба, картошки давали.

Зимой, в январе 42-го, вернулась я домой в Нижние Деревеньки. Отец был «в бегах»: прятался от немецких карателей. Во Льгове немцы пытали, расстреливали жителей — фашистский порядок наводили. А зимой 43-го пошли слухи, что наши немцев из Курска гонят. Потом и мы увидели, что немцы суетятся, с места на место орудия переставляют, пулеметы перетаскивают. Наши солдаты уже в лес Оброчный прорвались. Фашисты стреляют в сторону леса из нашей деревни. Слышна стрельба из Сугрова по Холодной Горе.

У немцев по задворью улицы Дворянской была связь протянута с Соловьевки на Холодную Гору. Дед Никита Нешин дал мне топор, говорит: «Руби, внучка, иди, руби провод». Я побежала, рубанула два раза, провод отскочил в разные стороны. А около меня пуля просвистела, немец стрелял. Я бросилась бежать, он — за мною. Я — то по улице, то за сараями, подбежала к Соловьевке, перелезла через плетень, кинулась дальше и полетела,

словно в преисподнюю, — провалилась в яму. Схватила за ногу, которую сильно ушибла, сижу и думаю: «Ну, все, тут и смерть моя». Слышу немец подбежал к хате Елены Меркуловой, ругается по-своему и спрашивает: «Во ист партизан?!» Выгнал ее и детишек, а хату запалил.

Просидела я в яме сутки, страшно замерзла. Держала деревянный крестик в ладони, который носила на шее, и только твердила: «Господи помоги! Господи помоги!» На второй или на третий день, уже не помню, на пепелище оказались две женщины с собачкой — Елена Меркулова и Александра Россихина. Собака подбежала к яме и начала лаять. Женщины подошли посмотреть и увидели меня. Принесли веревку, помогли мне выбраться.

В Нижних Деревеньках шел бой. Приснился мне однажды сон. Видится мне какая-то икона. Проснувшись, я поняла, что не просто так ко мне икона явилась, но какая именно — я не знала. Я пришла в храм, решила спросить у батюшки, описала ему эту икону. А он говорит: «Это Курская Коренная икона Божией Матери “Знамение”, вот уже много веков она оберегает нашу Курскую область». Сон был в руку. Какие-то немцы бросились на машине по льду к дороге у санатория. Но они не знали, что река не замерзла, и угодили в воду.

Как освободили Льгов, я сразу пошла работать в санаторий. Там был госпиталь. Мы — Мария Нешина, Валентина Рышкова, Мария Киреева и я — собирали раненых, одних направляли в госпиталь, других размещали по хатам в деревне. Я работала медсестрой в отделении с черепно-мозговыми ранениями. Потом наш госпиталь направили в Киев. Там пережили налет. Все, кто мог, из вагонов бросились в стороны. Я вскочила в бомбовую воронку, согнулась в три погибели и шепчу: «Господи, спаси меня...». Креститься не умела, но рукою махала.

А под Прискуровым пришлось знаменитого генерала Рокоссовского повидать. И не только повидать, но и поухаживать за ним. Начальник нашего хирургического отделения Зинаида Андреевна Кареева говорит: «Аня, будешь таблетки носить генералу Рокоссовскому». Я говорю: «Ой, лучше кто-либо другой! Я боюсь». Она смеется: «Ты же солдат, Аня...»

После перевели меня в Харьков, в медчасть военного авиационного училища. Побывала я там совсем недолгое время. Пришел к нам однажды солдат один, такой высокий стройный... Взглянул на меня своими яркими красивыми карими глазами, подошел ко мне, спросил мое имя, а я остолбенела. Говорит: «Приходи, Анька, со своими подружками. Сегодня у товарища моего день рождения, собираемся отмечать». А девчонки стоят, смеются, шепчутся между собой. Уже вечером собирались мы выйти с подругами на улицу, прогуляться, только открываем дверь, стоят там парни, улыбаются, а среди них тот самый, кто приходил к нам еще днем. Так мы и познакомились, звали его Сергей. Всю ночь сидели у костра, один из друзей Сережи принес гитару, начали петь песни.

Победа нас застала в Польше. Сколько радости было: мы пилотки бросали вверх, плясали. Раненые — костыли в стороны и тоже плясать, обнимаются, целуются, кричат «Ура!!!» и стреляют вверх, у кого оружие. Война закончилась. Думала, начнется новая, счастливая, спокойная жизнь... А оказалось, что не все еще испытания приготовила мне судьба.

Сережа по-прежнему учился в летном училище. Стал летчиком-испытателем. А я ходила в церковь, чтобы свечу поставить, попросить о том, чтобы

каждый взлет его заканчивался посадкой. К какой иконе обратиться, я не знала, спросила у монахини, а она меня отвела к иконе Николая Чудотворца. Однажды один товарищ Сережи заболел и попросил заменить его. Сергей согласился, полетел вместо него. В тот день я чувствовала, что что-то не то. Сердце было не на месте, но приходящие в голову мысли я старалась убрать. На следующий день звонок в дверь. Я открыла: передо мной стоят его друзья, снимают фуражки. Они доложили мне о том, что сегодня ночью Сергей погиб. Передать чувства, которые я тот момент испытала, я не смогу никогда. Так никто и не знает, почему самолет взорвался в тот момент. На все воля Божья, — со слезами закончила свой рассказ бабушка.

Домой она вернулась в январе 1946 года и поступила работать медсестрой в железнодорожную больницу. Проработала там 50 лет. Имеет награды: орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За доблестный труд», юбилейные медали. Ряд благодарностей от Сталина, Конева, знак «Отличник медслужбы». Сейчас бабушке 86 лет, а в лице ее все еще светятся искринки боевой, неумной молодости.

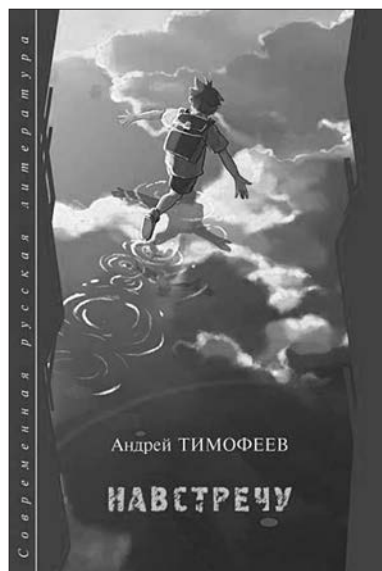
Настоящая искренняя вера в Бога, вера в чудо, надежда всегда спасала народ. Для каждого верующего человека вера была и остается неотъемлемой частью его жизни.

ВЫШЛА КНИГА

Тимофеев А.

Навстречу. Проза, литературная критика — М.: Российский писатель, 2016. — 256 с.

Андрей Тимофеев — один из наиболее заметных писателей поколения, дебютировавшего в последние годы. Он окончил Литературный институт в семинаре М. П. Лобанова; публиковался во многих журналах, в том числе «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь», «Роман газета»; лауреат премии им. Гончарова 2013 года и премии «В поисках правды и справедливости» 2015 года. В течение нескольких лет ведет рубрику «Дневник читателя» на сайте Союза писателей России. В его книгу помимо прозаических произведений вошли также и литературно-критические размышления.

Александр ПРОХАНОВ

«РУССКАЯ ИСТОРИЯ НОСИТ ПАСХАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР»

Александр Андреевич Проханов — родился в 1938 г. в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Главный редактор газеты «Завтра». Член секретариата Союза писателей России. Работал инженером, затем лесником в Карелии и Подмосковье, сотрудником газет «Правда», «Литературная газета». Активно выступал с публицистическими очерками в патриотической печати. Лидер патриотической оппозиции, прозаик — десятилетия своей жизни посвятил описанию локальных войн, в том числе и тех, что велись и ведутся на руинах СССР. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Красной Звезды. **Живет в Москве.**

Помню, как в советское время, когда я был еще совсем маленьким, в моей семье справляли Пасху. Бабушка покупала много сырых яиц, варила их вкрутую и ставила на стол миску, полную ярких белых яиц. Мама, она была художницей, приносила свои акварельные краски, кисточки и начинала раскрашивать эти белые яйца, покрывая их волшебными цветами: васильками, ромашками, хризантемами, одуванчиками.

Я с обожанием смотрел за этой работой: белое яйцо вдруг превращалось в маленький кусочек восхитительного цветущего луга. Выкрашенное яйцо пополняло большую тарелку, куда складывались расписанные яйца. В конце концов, я не выдерживал, брал у мамы кисть, макал в акварель и наносил на белое яйцо нелепые расплывчатые пятна краски.

Когда процедура крашения яиц завершалась, на столе стояла ваза с грудой удивительно красивых яиц, расписанных мамой, и венчала эту грудку моя нелепица, которой любовались мама и бабушка. Я брал свою нелепо раскрашенную писанку, и мы с бабушкой бились на спор, а я ее всегда обманывал, норовя ударить в мягкую, округлую сторону ее расписного яйца острой макушкой.

Помню Пасху 1973 года. Это была первая Пасха после моего крещения. Тогда я гостил у моего друга, отца Льва Лебедева, который меня и крестил в церкви в Тесово, в селе, что под Вязьмой. Отец Лев в знак особого расположения ставил меня в алтарь и просил помочь во время богослужения. В алтаре на столе лежали парчовые мантии: алые, голубые, золотые, белые, расписанные золотом, серебром. Среди них была одна ветхая мантия малахитового цвета, с

облетевшими серебряными узорами. Отец Лев говорил, что когда-то эту мантию носил Иоанн Кронштадтский. Когда шла пасхальная служба, отец Лев, накинув на себя алую мантию, сквозь Царские врата вылетал в храм, восторженным, упоительным голосом восклицал: «Христос воскрес!» И все прихожане вторили ему такими же ликующими голосами: «Воистину воскрес!» Он возвращался в алтарь, сбрасывал с себя мантию, словно бабочка сбрасывала алые крылья, и я торопился набросить на него изумрудную, а потом лазоревую, а потом белую, как снег, серебряную мантию. И эти его полеты из алтаря в храм, и ощущение благодатного огня, который слетал на нас всех, порождали в нас чувство такой красоты, такой воли, такой любви друг к другу, а также к Тому, кого мы славили в своих восклицаниях!

И еще одна Пасха, более поздняя, в селе Жестылево. Тогда меня уже поразил недуг, я почти потерял зрение. В сельском храме готовились к Крестному ходу, и батюшка кому-то давал фонарь, кому-то вручал Евангелие, кому-то хоругвь, а мне он вручил тяжелый крест.

Я сказал: «Отче, я боюсь, что не донесу, споткнусь, упаду». Он ответил: «Это твой крест, неси!» Помню, как я, волнуясь, шел, окруженный торжественными людьми, среди песнопений, и мне казалось, что во главе нашего Крестного хода, где-то под разноцветным фонарем, идет сам Спаситель.

Все это и многое другое чудесное, связанное с Пасхой, и те шестнадцать войн, на которых мне пришлось побывать, и все кошмары и ужасы, что пережила моя страна, и я вместе с ней, и та восхитительная любовь, что я испытывал к моей Родине, и стихи моих обожаемых поэтов, трактаты философов, — все это позднее открыло мне тайный смысл русской истории.

Этот смысл заключается в том, что русская история носит пасхальный характер. Россия во время своего движения по исторической дороге то превращается в горстку пепла и исчезает совсем, то вновь воскресает в своем величии, в своей непобедимой красоте и мощи. И все это повторяет счастливый и праздничный въезд Иисуса на ослиати в Иерусалим, что потом сменяется страстными молитвами в Гефсиманском саду, крестной мукой, смертью на кресте и Успением, а потом, каждый раз, неизбежным Воскресением во славе и величии.

Так я чувствую нашу русскую Пасху, нашу русскую историю и свое место в ней.

75 ЛЕТ ОТ СОТВОРЕНИЯ ПОБЕДЫ

Солдаты, что ходили в атаку, матросы, что отправлялись в подводных лодках на перехват фашистских конвоев, знали, что такое чудо. О чуде не говорилось в советских воинских уставах, но некоторые командармы, прежде чем принять рискованные стратегические решения, осеняли себя крестным знамением.

Чудо — категория религиозная. Великая Отечественная война — это столкновение космических черных сил с силами небесного света. В итоге этой войны мог быть перечеркнут эскиз, по которому Господь создавал мир, и вместо светящегося эскиза могла появиться черная зловещая калька. Победа в Великой Отечественной войне — это плод грандиозных усилий народа, великих его жертв, плод ума, прозорливости полководцев и

генералиссимуса. И это чудо, потому что в этой войне силами света, силами рая были одолены силы ада.

Мне довелось несколько лет прожить в деревне у стен Новоиерусалимского монастыря. Этот монастырь основан патриархом Никоном, который создал здесь новую русскую Палестину, и холмы, реки, долины вокруг монастыря были названы именами палестинских холмов, рек и долин. Это делалось для того, чтобы Второе пришествие Иисуса осуществилось в России. Никон строил космодром, куда должен был сойти своими стопами Христос. Но триста лет его все не было и не было. И никоновская затея оставалась историческим курьезом, о котором историки рассказывали, как о чем-то прелюбопытном, но не сущностном.

Работая лесником у Ново-Иерусалимского монастыря, шагая по лесным дорогам, проносясь на лыжах по сияющим полям, я испытывал чувства ликования и восторга и все время ощущал, что нахожусь в атмосфере чего-то необычайного, возвышенного и чудесного. Там же от своей хозяйшки тети Поли я услышал народный рассказ о чуде, связанном с разгромом немцев под Москвой. Когда у стен столицы почти не осталось русских солдат, когда немец на мотоциклах разъезжал по окраинам столицы, вдруг появился огненный столб, который двинулся от русских окопов в сторону фашистов. Фашисты в ужасе, бросив свои чудовищные танки и бронетранспортеры, кинулись прочь, гонимые неведомой могучей силой. И наши солдаты шли за светоносным столбом, изгоняя фашистов из Подмосковья. Немцев под Москвой разгромили герои-панфиловцы, маршалы Рокоссовский, Жуков, Сталин, не покидавший Ставку в самые черные для столицы дни. Но народное сознание связывает разгром с чудом, явившимся с небес.

Фашисты были остановлены у Нового Иерусалима: чудо, которое хранится в народном сознании, произошло у его стен. Будто бы Господь через триста лет после того, как его призывал сюда патриарх Никон, спустился в подмосковные зимние рощи и поля и начал вместе с русскими войсками изгонять черных демонов за пределы России. Чудесное присутствие высших небесных сил, самого Господа среди русских войск обеспечило России победу в страшной Сталинградской битве, где с контратакующими частями Красной Армии шел в атаку сам Иисус. Это обеспечило Победу русского оружия в танковых сражениях на Курской дуге, ибо в танках, в «тридцатьчетверках», вместе с водителями был Иисус: Он так же горел в танках, так же мучался и стонал в полевых лазаретах. И контратаки моряков Севастополя возглавлял Иисус, заслоняя драгоценные для русского религиозного сознания земли Херсонеса.

Мои друзья из Академии Русской Мечты, что в Екатеринбурге, заказали три иконы. Одна посвящена Воскресению Христову, вторая — Георгию Победоносцу и третья — Александру Невскому. Иконы написаны на досках большого размера. Иконописное изображение ликов святых занимает малое пространство этих досок, а остальное наполнено батальными картинами.

На этих картинах на фоне Кремля, на фоне залпов «Катюш» идут сражения с фашистами. И русские пехотинцы в масхалатах мчатся на лыжах, изгоняя черных оккупантов с московской земли.

На сталинградской иконе видны взрывы на волжской воде, видны схватки врукопашную у знаменитого сталинградского фонтана.

Битва за Берлин представлена во всей ярости и святости последних атак на рейхстаг, над которым пламенеет алое знамя Победы.

День Победы 9 Мая является не простым календарным днем. В этот день был окончательно погран ад, и божественная сила, спасавшая Россию, опрокинула не только врагов нашего государства, не только врагов всего человечества. Она опрокинула космическое зло, опрокинула космическую тьму и космическую ненависть. Эта дата может стать датой нового летоисчисления. Есть летоисчисление от сотворения мира. Есть летоисчисление от Рождества Христова. В этом году мы празднуем 75 лет от дня Победы. Мы празднуем чудо нашего великого русского стояния и неодолимости.

ПОПРАВШИЕ СМЕРТЬ

Мой дед, земский врач, поехал на эпидемию тифа в земли Войска Донского, заразился и умер. Моя бабушка, овдовев, пошла работать медсестрой в дом подкидышей, нянчилась с ними: холила, отмывала бедных младенцев, выброшенных на улицу, оставленных у чужих порогов, — спасала их. Моя красавица тетушка, окончив институт, уехала в Забайкалье, в Читу, работала там с рентгеновским аппаратом. Тогда средства защиты от рентгеновских лучей были еще примитивными: врачи надевали прорезиненные фартуки, что плохо предохраняло от излучения. Тетушка заболела раком и умерла на своем посту.

Но тогда в моем юношеском сознании образы этих родичей-врачей не были столь героическими, как образ моего отца, погибшего под Сталинградом в 1943 году. Его подвиг, который он совершал, как и вся борющаяся, окровавленная страна, затмил образы других моих самоотверженных родичей. И вот они воскресли. Теперь, когда Россия задыхается от удушающей эпидемии, когда больницы не успевают открывать двери зараженным, умирающим, врачи кинулись безоглядно, без принуждения спасать погибающую Россию. Еще совсем недавно они влачили нищенское существование, получая, как сельские медсестры, жалкие несколько тысяч рублей в месяц. Они пережили идущие вал за валом чудовищные оптимизации, которые по существу были последовательным разрушением оставшейся от советских лет медицины: закрывались фельдшерско-акушерские пункты в деревнях, исчезали районные и областные больницы, в Москве из-за уродливой, жестокой оптимизации число больниц сократилось на треть. Все это в час нынешней национальной беды, национальной катастрофы было забыто врачами. И все они: и главные врачи, и медсестры, и медбратья, и санитарки, и служащие, — всей своей когортой, подчас не имея специальных средств защиты, масок, перчаток, бросились гасить страшный огонь эпидемии.

Они напоминают первых пожарных-чернобыльцев, которые в ту жестокую ночь кинулись с брандспойтами на горящий четвертый блок и гасили пожар, не давая ему распространиться по всей станции, а сегодня, глубоко замурованные в не пропускающие радиацию саркофаги, они лежат на Митинском кладбище. И те, и другие явили высшую форму святости, о которой в Евангелии говорится: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». Они не будут причислены к лику святых — у церкви свои законы, свои строгие, во многом для нас, светских людей, непонятные правила канонизации, когда над головой умершего человека

загорается золотой нимб. Но помимо церковной святости есть мирская святость, о чем владыка Тихон Шевкунов написал книгу «Несвятые святые». Нынешние врачи, которые спасают, лечат, заражаются, сами падают, задыхаясь, на больничные койки, а иные из них умирают, являются носителями этой светской, неканонической святости.

Мы понимаем Русскую Мечту как высшую ценность, к которой стремится народ, и в достижении мечты, не жалея живота своего, совершает великие подвиги, великие деяния, пишет великие книги, создает небывалые города, осваивает льды и пески. Сегодняшние врачи — это носители Русской Мечты, это русские мечтатели. Русская Мечта не всегда являет себя в виде белоснежных цветущих яблонь, где в каждом цветке гудит золотая пчела. Русская Мечта часто являет себя обугленной, изодранной, окровавленной, испытавшей муки ада, прошедшей через застенки, побывавшей на дыбе. Иногда мечта является грозной, грохочущей, как танковая армада, летящая на Зееловские высоты весной 1945 года. Теперь она являет себя в больничных палатах: в масках, в скафандрах, в перчатках, — к этой мечте подключают аппараты искусственного дыхания. Она являет себя в образах наших несравненных, бесподобных русских врачей.

Когда постигшая нас напасть уйдет с Руси, и, как сказал Лермонтов, «считать мы станем раны, товарищей считать», то увидим великие разорения. Разорения не просто заводов, магазинов, банковской системы. Но разорение человеческих душ. Увидим отчаявшийся, изверившийся, раздраженный, обозленный народ, исполненный сарказма, недоверия, утративший способность быть народом. И тогда будет востребована идея Русской Мечты, идея возрождения России, идея обретения русским человеком его традиционных героических смыслов, побуждавших его трудиться, сражаться, совершать невероятные открытия. Тогда Русская Мечта будет востребована как великий духовный эликсир, как духовное спасение. И наши русские врачи, эти русские мечтатели, утомленные, изнуренные, своим поредевшим войском передадут этот духовный великий подвиг тем, кого исцелят и кому выпадет доля вновь возводить и воскрешать нашу любимую Родину.

Сергей ХОМУТОВ

«...МЕЖ СТРОЧКОЙ И СУДЬБОЙ»

Сергей Адольфович Хомутов — родился в г. Рыбинске. Издал более 30 книг стихов и прозы. Печатался в журналах: «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь», «Русь», «Молодая гвардия», «Юность», «Огонек», «Родная Ладога», «День и ночь» и многих других журналах, коллективных сборниках, альманахах, антологиях. 25 лет возглавляет издательство «Рыбинское подворье». Лауреат литературных премий им. К. А. Симонова и им. А. К. Толстого. Член СП России. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в г. Рыбинске Ярославской области.**

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ...

Когда меж строчкой и судьбой
Уже стирается граница,
Все, что написано тобой,
В душе, конечно же, хранится.

И чем питался в жизни ты,
Чем был пресыщен или выжат,
Легло не только на листы,
Оно в тебе живет и дышит.

То, что написано пером,
В душе оставило росточки,
И здесь уж точно топором
Тебе не вырубить ни строчки.

* * *

Осенней внимая погоде,
Пытаешь, кем стал ты, кем был...
Какая любовь на исходе
Всей жизни, где столько любил?

Все выплеснул раньше наружу,
И это не трудно понять,
Но глянул в открытую душу,
В ней сколько еще — не поднять!

От этой пытающей жажды
Укрыться бы мог в забвенье...
Но там, где мы будем однажды,
И взвесят лишь только ее.

* * *

Не раствориться чувству нежному,
Не кануть в безответной замяти, —
Родимый дом стоит по-прежнему,
Не наяву, так в доброй памяти.

Сюда хожу знакомой улочкой
Из настоящего нелегкого,
Чтобы за каждой прогулочкой
В себе искать себя далекого;

Не дать склевать забвенью-ворону
То, чем душа отогревается, —
Не позабыть, в какую сторону
Дверь на крыльчке открывается.

* * *

И дом необходим, и светлая бездомность, —
Когда вступаешь в мир, неведомый пока,
И чувствуешь в себе особую бездонность,
Которая от дел вчерашних далека.

Наверно, в этом есть великое желание
Постичь, откуда мы, зачем пришли сюда,
Не верится, что лишь на скудное закланье
Тому, что нам несут оседлые года.

И все-таки приют, куда вернуться можем, —
Конечно, должен быть, чтоб сил набраться здесь,
Где мы свой бранный срок однажды подытожим
И утвердим себя по-человечьи днесь.

Душе твоей не век захочется скитаться
И рваться на простор, и даже в небеса, —
Пусть в жизни будет все, и свет пролетных станций,
И женщины родной счастливые глаза.

* * *

Мой первый поезд шел на Ленинград
В пять лет, но я доныне помню это, —
Прильнув к окну, который час подряд
Восторженно вбирал цветное лето.

Поселки пролетали, и мосты
Гремели, а внизу сверкали реки,
Такой не видел раньше красоты,
И думал — не увижу я вовеки.

Но только ближе к Ленинграду лес
Был странным — точно скошенные кроны.
Мне объяснили: проходили здесь
Сражения недавней обороны.

Не зарастал войны минувшей след,
Которая на жизнь мою не пала...
Я понял только через много лет,
Что мама в той дороге испытала.

Не знаю, как смогла перенести
То, с чем уже, казалось, распрощалась.
Бывают ли мучительней пути?!
Она в блокадный ужас возвращалась.

* * *

Сколько было прощаний с родными, друзьями,
И осенней, и зимней, и летней порой...

Сколько было земли мною брошено в ямы, —
Помнят пальцы песок и суглинок сырой.

Не забыть всех, кому не дано воротиться,
Каждый скорбный обряд на печальной меже,
Где я пробовал землю, как будто водицу, —
Холодна ли, а может, прогрелась уже...

* * *

На нынешнем безумном рубеже	Виновна в том, что где-то льется кровь,
Любая дикость, кажется, желанна...	В том, что и слеpla ты, и прозревала...
Терпи, Россия, скоро ты уже	Печально, коль вину признаешь вновь,
Повинна будешь в смерти Тамерлана.	Как не однажды раньше признавала.

* * *

В поколении сегодняшнем шалом	Мы стреляли не кого-то —
Не отыщешь грозных лет отражений,	«фашистов»,
Все компьютерные войны и в малом	Мы «врагов своих» отчаянно били.
Не заменят наших детских сражений.	
Хоть азарт, пожалуй, так же неистов,	Жили рядом воплощением боли,
Но за ним какие кроются были?	Несравнимой ни с какою другою,
	Однорукий фронтовик дядя Коля,
	Дядя Митя с деревянной ногою.

* * *

Нелегко бывшее возратить,	Уважать людей, живущих там,
Если новым присягнул законам, —	Соблюдать обычаи святые.
Все никак не научусь входить	
В избы деревенские с поклоном.	Обретаем смутную судьбу
	В нынешней реальности поспешной.
Не случайно притока нам	...Вот опять отметочка на лбу
Прививала правила простые —	Неуча из этой жизни грешной.

* * *

Когда минуло время забытья
Святынь — безверья суетного праздность,
На скольких побывал руинах я
И потрудился в эти годы в радость.

Мы изживали нечисти следы,
Явления поры грехоукладной,
Печать безбожья — истинной беды,
Сметали с нашей почвы православной.

Я постигал уроки прошлых драм,
Хоть с пониманьем, видимо, задолил, —
Господь мне строить не доверил храм,
Но пыль со стен святых стирать дозволил.

Владимир СИЛКИН

ПЛОЩАДЬ ПОБЕДЫ

Владимир Александрович Силкин — родился в г. Ряжске, секретарь Правления и председатель Совета по военно-художественной литературе СП России, зам. председателя, статс-секретарь МГО СП России, Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии России, начальник военно-художественной студии писателей ЦДРА им. М. В. Фрунзе Минобороны РФ, почетный гражданин Рязанской области. Ответственный редактор журнала «Московский Вестник», главный редактор военного литературного альманаха «Рать». Полковник запаса, ветеран боевых действий. **Живет в Москве.**

МОНОЛОГ ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ

Я стал землей, я не пропал,
Я возле вас живу незримо.
Я просто очень долго спал
На той войне неповторимой.

Вы не жалейте обо мне,
Вы обо мне вовек не плачьте,
От нас, погибших на войне,
Печальных глаз своих не прячьте.

Мы видим вас и верим вам,
Мы с вами хлеб весною сеем.
Но только там, в далеком там,
Мы никогда не повзрослеем.

Мы не пропали на войне,
Живем незримо рядом с вами,
Прислушиваемся в тишине
К шагам у нас над головами.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Грустит гармонь на все лады,
Однополчан зовет собраться.
— Да где же вы, из той беды
Со мною вышедшие, братцы?

У гармониста мрачный взгляд,
Но он в беду еще не верит,
За не вернувшихся ребят
Одной ногою землю мерит.

И у Большого в шесть часов
Грустит гармонь, изнемогая,
В кипящем море голосов
Знакомый крик подстерегая.

ПОБЕДА

Победа! Победа! Победа!
Опять бескозырки в цене.
Любите вот этого деда,
Добывшего жизнь на войне!

Встречайте, как старшего брата,
Встречайте, родимые, так,
Как будто вернулся с парада
Последний военный моряк!

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

В четыре часа просыпается Брестская крепость,
Во всех казематах в бинтах и повязках народ.
Быть может, сегодня звучит это даже нелепо,
Но кто-то незримый командует: «Крепость, вперед!»

Но кто-то крылатый возносит над крепостью знамя,
Но кто-то безногий бессвязно в атаку зовет.
Я — крепость, ушедшая в вечность! Я — с вами!
Я — крепость! Стою день и ночь напролет.

Хоть смерть каждый миг смотрит мне в изголовье,
Я пули залетной в рассветную рань не боюсь,
Пишу и пишу на груди, истекающей кровью,
Что я умираю, но я просто так не сдаюсь.

ЖУКОВ

По брусчатке, по площади Красной,
Едет Жуков на белом коне.
Все торжественно, празднично, ясно
И в душе, и в огромной стране.

Ничего, что изрядно устали,
Что не всем вручены ордена.
Улыбается сдержанно Сталин,
На котором большая вина.

Улыбается сдержанно, знает,
Что партийный его псевдоним
На устах у народа витает
И народом безмерно храним.

Только все-таки Сталину жутко,
Что не он вот на белом коне,
А прославленный Сталиным Жуков
Все итоги подводит войне.

Ничего, он потерпит немного,
Неприемлем на праздник аврал,
Ну а Жукову, значит, дорога
На Одессу, потом на Урал.

Вскоре смолкнут победные марши,
Поутихнет «ура» над Москвой.
Едет Жуков, всего повидавший,
И рискует опять головой.

ЗАЛИВ ДЕВКИНА ЗАВОДЬ

Памяти Валентина Пикуля

Звезды в небе устали плавать,
Рады очи закрыть с утра.
По заливу Девкина заводь
Пробиваются катера.

С двух сторон их лущуют плотно,
Нет спасения от свинца,
Пересчитываются поротно
Не фамилии, а сердца.

На матросах горят тельняшки,
Над заливом восходит дым.
Эх, бедняжки мои, бедняжки!
Не помочь даже криком им.

Катера забирают воду,
Исчезают навек из глаз.
И нигде не отыщешь брода,
Чтоб до цели дойти сейчас.

Всем погибшим — поклон и слава,
Всем оставшимся — ордена.
Над заливом Девкина заводь
Настоящая тишина.

Здесь бушуют ветра и вьюги,
И мгновение до беды.
И застыли безмолвно юнги
У кипящей морской воды.

ЛЕЙТЕНАНТ

Юрию Бондареву

По горячему давнему снегу
Он идет сквозь клубящийся дым,
И ступает на берег с разбегу
Лейтенантом совсем молодым.

Смотрит пристально под ноги тракам,
Командирский планшет на плече.
Вот рубеж перехода в атаку,
Вот и время незримое «Ч».

Что там думают вечные боги,
Чем окончится нынешний бой?!
Все поля, все леса, все дороги
Понастроили рвов пред собой.

Одолей их с наскоку попробуй,
С тыла, с фланга врага обойди!
Вот и танки становятся ромбом,
Чтобы свет увидеть впереди.

Пушки русские харкают дымом,
Беспощадны к фашистской броне.
До чего ж ты, война, нелюдима!
Что ж ты жить-то привыкла в огне?!

...Тает снег, и становится жарче,
Солнце мирное в гости грядет.
Сквозь беспамятный дым и незрячий
Лейтенант седовласый идет.

У ПАМЯТНИКА ЗВОННИЦЫ

Вячеславу Клыкову

Над железным Прохоровским полем
Раскалился воздух добела,
И, впитав в себя людские боли,
Звонница нежданно ожила.

Колокол поет об убиенных
И уводит в сорок третий год,
О пропавших без вести и пленных,
О погибших колокол поет.

Ах, мемориальный, бередящий,
Устремленный прямо в души
взгляд...

Вновь на всех,
к подножью приходящих,
Как пророки, голуби глядят.

Голуби? А может, чьи-то души?
Ведь не зря охватывает дрожь!
Если их внимательно послушать,
Непременно близкую найдешь.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

На Красной площади Парад,
Скопленье войск и ветеранов.
И звезды на груди горят,
Нашивки говорят о ранах.

Здесь вся Россия заодно,
И тут сердца согласно бьются.
И люди, как им суждено,
Людьми в России остаются.

ПЛОЩАДЬ ПОБЕДЫ В МИНСКЕ

Площадь Победы кругла как земля,
Вечный огонь освещает прохожих,
Как в Александровском, возле Кремля,
Лица молчаньем торжественным схожи.

Вот в карауле застыл призывник.
Может быть, вспомнил погибшего деда.
Площадь Победы не только родник,
Площадь Победы не только Победа.

Если не тронет духовная ржа,
Не оттолкнет униформа мальчишек,
Значит, у нас сохранила душа
Память о павших, расстрелянных с вышек.

Снова чеканит шаги ребяtnя,
Снова торжественны юные лица.
Площадь Победы глядит на меня,
Чтоб и в моей чистоте убедиться.

Площадь Победы проходит по мне
Неторопливым морозом по коже,
В вечном ее негасимом огне
Видятся души случайных прохожих.

НЕ НАДО!

Не шейте победных знамен,
Чтоб с ними — в Европу... Не надо!
Чтоб столько немецких имен
Оставить в дворах Сталинграда!

Не надо ходить на Москву,
Не пробуйте вновь Ленинграда.
Пока я на свете живу,
Не надо, не надо, не надо!

Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)

ЭСПОЛИО

Спустя 100 лет от начала трагических революционных времен в Российской империи, истина, по объективным причинам, постепенно избавляется от оков лжи. Как намоленная икона, история России обновляется, освобождается от копоти, наслоений, нарочитых искажений. В наше время много появилось научно-исторических исследований, во многом перекликающихся и повторяющих известные на сегодняшний день факты, свидетельствующие о страстях (страданиях) последнего русского православного Царя, о безрассудном предательстве обманутого врагами русского народа. Эти свидетельства достойны художественных образов, подобных тем, которые отражают христианскую историю на протяжении двух тысячелетий. Поэтому в данной статье, для усиления

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

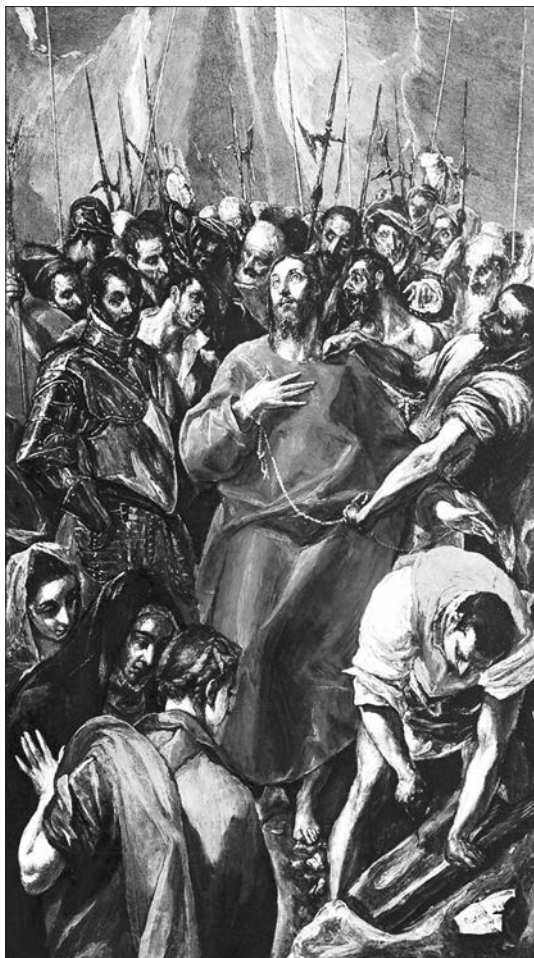
главных его идей, я прибегнул к средствам поэтического слова, к известным живописным образам той убедительной религиозной силы, которые могут стать мощной, живой, когнитивной метафорой русской трагедии прошлого века. Картина Эль-Греко вспомнилась мне неожиданно, она, имея вневременное и внациональное звучание, актуальна не только своей исторической достоверностью и центральным образом Христа, но и символическим, концептуальным значением, выявляющим, в частности, правду и русской истории, которую невозможно понять без библейских архетипов человеческого поведения.

«Эсполио» (грабёж, разделение риз) — название великой картины гениального художника Доменикоса Теотокопулоса (Эль Греко), который наследовал византийскую иконописную традицию. Произведение было создано для алтаря кафедрального собора в Толедо. И название, происходящее от испанского слова “expoliación” — **расхищение**, и содержание произведения много способствуют пониманию глубинных причин русской трагедии, и в сопоставлении с ней являются доказательством целостности и непрерывности христианской истории, знание которой во многом сохраняется благодаря таким художественным произведениям. Это очень редкий для живописи сюжет, хотя он имеет Евангельское происхождение.

«И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Киринеянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом. И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: “блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие”. Тогда начнут говорить горам: “падите на нас!” и холмам: “покройте нас”. Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет? Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону. Иисус же говорил: Отче! прости им, ибо не знают, что делают. И делили одежды Его, бросая жребий. И стоял народ и смотрел» (Евангелие от Луки 23:26–35).

Сюжет раздела риз Христа упоминается во всех четырех Евангелиях. «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его, и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. Итак сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет, — да сбудется реченное в Писании: “разделили ризы Мои между собою и об одежде Моей бросали жребий”» (Евангелие от Иоанна 19:23–24; Псалом 21:19). Это событие очень важно, так как оно было предсказано в одном из пророческих псалмов Библии задолго до пришествия Спасителя.

Истинность христианской устремленности Руси-России подтверждает ее история, в которой она может существовать и сохраниться только будучи со Христом. При рассмотрении великой картины Эль Греко, историческому сюжету которой две тысячи лет, а самому полотну — более четырех веков, возникает предположение, что это также метафора русской трагедии. Здесь художником выявлен архетип, соответствующий образу русского народа, отказавшегося в революционные времена от Христа и рвущего в клочья ризы своей тысячелетней духовной традиции — «и стоял народ и смотрел»

*Эсполио («Срывание риз со Христа»)
(1577–1579). Художник Эль Греко*

на убийство своего Царя; народа, позволившего разграбить богатства своего Отечества.

Так же разбойники-революционеры и западные их идеологи срывали и уничтожали духовные «риз» страны, живущей по заповедям Божиим. И не только духовные — вспомним, как большевики поживились, продавая вещи алапаевских мучеников, как алчными руками срывали драгоценности с мертвых Царицы и Царевен. Как вагонами вывозили на Запад русское золото, безжалостно раздавали русские земли, спровоцировав распад Российской империи. Вспомним, что Временное правительство в марте 1917 г. признало право Польши на самоопределение, в разгар июльского кризиса 1917 г. парламент Финляндии провозгласил независимость от России Великого княжества Финляндского. Активизировались националистические силы на Украине, в Прибалтике, в Белоруссии, в Закавказье, в Казахстане, в Крыму, в Башкирии. Большевики подписали Брестский мир, по которому от России отторгалась значительная

часть губерний Украины, Эстляндская, Курляндская, Лифляндская губернии. Большинство этих территорий должны были превратиться в германские протектораты. Кайзер Вильгельм II под влиянием «дуумвирата» военачальников П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа призвал «поддерживать большевиков при любых условиях». Немецкий историк Е. И. Фляйшхауэр в вышедшей в 2017 г. книге даже пишет о своего рода «консенсусе» между Лениным и Людендорфом¹.

Великий русский поэт Сергей Есенин, вначале радостно принявший революцию, поверивший лозунгам врагов, взявшим на вооружение гуманистические и христианские идеи, поздно понял дьявольский обман. В конце своей короткой, обреченной жизни он откровенно и просто в драматической поэме «Страна негодяев» выражает свое понимание свершившегося грабежа так:

¹ Хавкин Б. Могли ли немцы спасти Царскую Семью? // Родина. 2018. № 7. С. 116.

*Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются —
Все сонмы народов,
И рас, и племен.*

.....
*Пустая забава.
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры,
И вместе с революцией
Всех взяли в плен.*

Больше никаких иллюзий у поэта-мученика своей участи не осталось. Променяв веру в Бога на веру в революцию, он понимает, что ошибся, что его обожаемая Россия-Русь гибнет. Погибает и сам поэт, свидетель современного ему «эсплио».

Видел все это и выдающийся русский мыслитель, очевидец и аналитик революционных и постреволюционных событий, философ, историк Г. П. Федотов. Он поставил закономерный вопрос: «Будет ли существовать Россия?», на который ответил в одноименном труде. С поразительной точностью ученый указал признаки разрушительной катастрофы, наблюдающиеся и в реалиях наших дней. «Можно отмахнуться от этих симптомов, — горестно замечал он, — усматривая в них лишь новые болезни интеллигентской мысли. Но никто не станет отрицать угрожающего значения сепаратизмов, раздирающих тело России. За одиннадцать лет революции зародились, окрепли десятки национальных сознаний в ее расслабленном теле. Иные из них приобрели уже грозную силу. Каждый маленький народец, вчера полудиккий, выделяет кадры полуинтеллигенции, которая уже гонит от себя своих русских учителей. Под кровом интернационального коммунизма в рядах самой коммунистической партии складываются кадры националистов, стремящихся разнести в куски историческое тело России. Казанским татарам, конечно, уйти некуда. Они могут лишь мечтать о Казани как столице Евразии. Но Украина, Грузия (в лице их интеллигенции) рвутся к независимости. Азербайджан и Казахстан тяготеют к азиатским центрам Ислама»¹.

Эти строки написаны Федотовым во Франции в 1928 г., спустя три года после того, как он покинул свое Отечество. Они основаны не на интуиции пророка, а на глубоком знании истории России и ситуации в ней в первой половине 20-х годов прошлого века. Наблюдения Федотова настолько верны, что сегодня они просто поражают. «Момент падения коммунистической диктатуры, освобождая национальные силы России, в то же время является моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые пытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на

¹ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 450–451. (Цит. по: Мясников В. С. Китай — катящийся камень. Институт Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2018. С. 303–304.)

поддержку ее внешних врагов», — справедливо предостерегал философ. Он понимал, что «благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного давления»¹. **Для анализа сегодняшней ситуации важно и замечание Федотова о том, что «из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших братьев — малороссов и украинцев»². И это «самый болезненный вопрос новой России»³** (выд. авт. ст. — М. К.).

Сегодня перед Россией стоит историческая задача — сохранение существующей федерации. Следует учитывать центробежные и центростремительные силы. Так, демократии постсоветских республик (всех, кроме России) идеологически основаны на гипертрофированном восприятии только своих национальных особенностей, что привело к повсеместной русофобии (в угоду Западу и во вред себе), а также к обреченности на полную потерю суверенитетов (Литва, Латвия, Эстония), на неизбежные конфликты (Армения с Азербайджаном) и даже на распад (Украина, Грузия, Молдавия). Однако фактом остается и то, что общероссийский рынок сложился еще в XVII веке. Значит, есть политические и экономические условия для жизнедеятельности российского многонационального организма. Нужны идеологические и правовые императивы, которые обеспечивали бы защиту национальных интересов всех народов, сцементированных общностью исторических судеб в их совместном Отечестве⁴. Нужно знание истории, тайные страницы которой открываются нам сегодня, кажется, для нашего вразумления и предостережения от смертельных ошибок, подобных прошлым. Как подчеркивает автор монографии, подготовленной в Донецком национальном университете Ф. А. Папаяни: «...скрытый смысл либерализма в России заключается в генерации хаоса для последующего ее расчленения и установления господства США. Приверженность либерализму в России означает служение интересам англосаксов и государственный суицид»⁵.

Все это мы проходили век назад, но только сейчас открываются факты беспощадной алчности и наших «союзников», и наших противников, и большевистских руководителей государства. Мы знаем, что в феврале 1918 г. в Брест-Литовске Советская Россия и Германия подписали сепаратный мир. Куда менее известен советско-германский добавочный договор к Брест-Литовскому миру, подписанный в августе 1918 г. в Берлине советским представителем Адольфом Абрамовичем Иоффе и статс-секретарем МИДа Германии Паулем фон Гинце. Секретная часть дополнительного соглашения о мире между Москвой и Берлином содержала обещание немцев помогать большевикам в их борьбе против Антанты. Там, в частности, сказано: «Германия очистит оккупированную территорию к востоку от р. Березины по

¹ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 450–451. (Цит. по: Мясников В. С. Китай — катящийся камень. Институт Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2018. С. 304.)

² Там же.

³ Мясников В. С. Китай — катящийся камень. Институт Дальнего Востока РАН. М.: Наука, 2018. С. 304.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Папаяни Ф. А. Имперское будущее России // Противоборство идеологических проектов XIX–XXI вв. / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Русская цивилизация, 2019. С. 510.

мере того, как Россия будет уплачивать **взносы** (выд. авт. ст. — М. К.), указанные в ст. 2 русско-германского финансового соглашения от 27 августа 1918 года. Германия не будет вмешиваться в отношения Русского государства с национальными областями и не будет побуждать их к отложению от России или к образованию самостоятельных государственных организаций. Россия предпримет немедленные действия, чтобы удалить из своих северорусских областей боевые силы Антанты»¹.

Чтобы представить, сколько стоили Советской России эти германские обязательства, и дабы уличить любимых ленинских германцев в лингвистическом обмане, где под скромным словом «взносы» скрывался настоящий грабеж России, приведу выдержки из преступного с обеих сторон дополнительного соглашения о мире. Цифры потрясают воображение. Эти, до недавнего времени секретные, сведения не только свидетельствуют о настоящем погроме Российской империи, из которой большевики выкачивали на свои и на счета заказчиков революции все, абсолютно все богатства и человеческие ресурсы Отечества, но показывают истинные цели дельцов от войн и революций, руководствующихся принципом, сформулированным революционным философом Ж.-Ж. Руссо: «Нет такой законной выгоды, которую не превысила бы незаконная», тем более — безнравственная.

DeutschRussisches Finanzabkommen zur Ergänzung des Deutsch-Russischen Zusatzvertrags zu dem Friedensvertrage zwischen Deutschland, Österreich-Ungarn, Bulgarien und der Türkei einerseits und Rußland anderseits. 27 August 1918	Германско-Русское финансовое соглашение, служащее добавлениѣмъ дополнительнаго договора къ мирному договору, заключенному между Германіей, Австро-Венгріей, Болгаріей и Турціей съ одной стороны и Россіей съ другой. 27 августа 1918
Erstes Kapitel. [Bearbeiten] Finanzielle Verpflichtungen Deutschlands und Rußlands aus dem Deutsch-Russischen Zusatzvertrage zu dem Friedensvertrage.	Глава первая. [Bearbeiten] Финансовыя обязательства Германіи и Россіи, вытекающія изъ германско-русскаго дополнительнаго договора къ мирному договору.
Artikel 1. [Bearbeiten] Folgende Bestimmungen des Deutsch-Russischen Zusatzvertrags zu dem Friedensvertrage zwischen Deutschland, Österreich-Ungarn, Bulgarien und der Türkei einerseits und Rußland anderseits werden aufgehoben: Artikel 2, Artikel 8, soweit er sich auf den russischen öffentlichen Schuldendienst mit Einschluß staatlicher Garantien bezieht, Artikel 9 § 1 Abs. 2, soweit er nicht vom Erlaß geschuldeter Gebühren handelt, Artikel 9 § 3 Halbsatz 2, Artikel 12 Abs. 2 Satz 2 Halbsatz 1, Artikel 13 bis 15, Artikel 16 Abs. 1, Artikel 16 Abs. 2, soweit er sich auf russische Enteignungen vor dem 1. Juli 1918 bezieht, und Artikel 17 § 3, § 4 Abs. 2.	Статья 1. [Bearbeiten] Слѣдующія постановленія германско-русскаго дополнительнаго договора къ мирному договору, заключенному между Германіей, Австро-Венгріей, Болгаріей и Турціей съ одной стороны и Россіей съ другой отмѣняются: статья 2; статья 8, поскольку она касается уплаты Россіею по государственнымъ обязательствамъ, включая сюда и гарантированные государствомъ займы; абзацъ 2-й параграфа 1-го статьи 9-й, поскольку онъ не касается освобожденія отъ подлежащихъ взысканію сборовъ; вторая половина продолженія параграфа 3-го статьи 9-й; первая половина предложенія 2-го абзаца 2-го статьи 12-й; статьи 13-я до 15-й; абзацъ 1-й статьи 16-й; абзацъ 2-й статьи 16-й,

¹ Цит. по: *Широкопад А. Б.* Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: Хранитель, 2007. С. 582.

	поскольку онъ относится къ русскимъ отчужденіямъ, произведеннымъ до 1-го іюля 1918 года; параграфъ 3-й статьи 17-й и абзацъ 2-й параграфа 4-го статьи 17-ой.
Artikel 2. [Bearbeiten] Rußland wird zur Entschädigung der durch russische Maßnahmen geschädigten Deutschen unter Berücksichtigung der entsprechenden russischen Gegenforderungen und unter Anrechnung des Wertes der nach Friedensschluß von deutschen Streitkräften in Rußland beschlagnahmten Vorräte einen Betrag von 6 Milliarden Mark an Deutschland zahlen.	Статья 2. [Bearbeiten] Россія уплатитъ Германіи для вознагражденія потерпѣвшихъ отъ русскихъ мѣропріятій германцевъ сумму въ шесть милліардовъ марокъ причемъ приняты во вниманіе соотвѣтственныя требованія съ русской стороны и засчитана цѣнность конфискованныхъ послѣ заключенія мира германскими военными силами въ Россіи запасовъ.
Artikel 3. [Bearbeiten] Die Bezahlung der im Artikel 2 erwähnten 6 Milliarden Mark erfolgt in nachstehender Weise.	Статья 3. [Bearbeiten] Уплата упомянутыхъ въ статьѣ 2-й шести милліардовъ производится слѣдующимъ образомъ.
§ 1. [Bearbeiten] Ein Betrag von 1½ Milliarden Mark wird durch Überweisung von 245.564 Kilogramm Feingold und 545.440.000 Rubel in Banknoten, und zwar 363.628.000 Rubel in Stücken zu 50, 100 oder 500 Rubel, 181.812.000 Rubel in Stücken zu 250 oder 1000 Rubel, bezahlt werden.	§ 1. [Bearbeiten] Сумма въ 1½ милліарда будетъ уплачена переводомъ 245.564 килограммовъ чистаго золота и 545.440.000 рублей кредитными билетами, а именно 363.628.000 рублей билетами достоинства, въ 50, 100 или 500 рублей, 181.812.000 рублей билетами достоинства въ 250 или 1000 рублей.
Die Überweisung erfolgt in fünf Teilbeträgen, nämlich 1. einem am 10. September 1918 zu zahlenden Betrage von 42.860 Kilogramm Feingold und 90.900.000 Rubel in Banknoten, und zwar [1176] 60.600.000 Rubel in Stücken zu 50, 100 oder 500 Rubel, 30.300.000 Rubel in Stücken zu 250 oder 1000 Rubel,	Переводъ производится пятью частичными взносами, а именно 1. взносомъ, который долженъ быть уплаченъ 10-го сентября 1918 года, въ 42.860 килограммовъ чистаго золота и 90.900.000 рублей кредитными билетами, а именно [1177] 60.000.000 рублей билетами достоинства въ 50, 100 или 500 рублей, 30.300.000 рублей билетами достоинства въ 250 или 1000 рублей,
2. vier am 30. September, 31. Oktober, 30. November und 31. Dezember 1918 zu zahlenden Beträgen von je 250.676 Kilogramm Feingold und 113.635.000 Rubel in Banknoten, und zwar 75.757.000 Rubel in Stücken zu 50, 100 oder 500 Rubel, 37.878.000 Rubel in Stücken zu 250 oder 1000 Rubel.	2. Четырьмя взносами, которые должны быть уплачены 30-го сентября, 31-го октября, 30-го ноября и 31-го декабря 1918-го года, каждый въ 250.676 килограммовъ чистаго золота и 113.635.000 рублей кредитными билетами, а именно 75.757.000 рублей билетами достоинства въ 50, 100 или 500 рублей, 37.878.000 рублей билетами достоинства въ 250 или 1000 рублей.

Die Teilbeträge sind in Orscha oder Pskow den Beauftragten der Deutschen Regierung zu übergeben; die Beauftragten werden beim Empfang eine vorläufige Quittung ausstellen, die nach Abschluß der Prüfung und Zahlung des Goldes und der Noten durch eine endgültige Quittung ersetzt werden soll.	Частичные взносы должны быть переданы в Оршѣ или Псковѣ довѣренными германскаго правительства; довѣренные при полученіи выдадутъ временную квитанцію, которая по окончаніи повѣрки и счета золота и билетовъ должна быть замѣнена окончательной квитанціей.
§ 2. [Bearbeiten] Ein Betrag von 1 Milliarde Mark soll durch Lieferung russischer Waren nach Maßgabe der darüber zu treffenden besonderen Vereinbarung getilgt werden. Die Waren sind im Werte von je 50 Millionen Mark bis zum 15. November und 31. Dezember 1918, im Werte von je 150 Millionen Mark bis zum 31. März, 30. Juni, 30. September und 31. Dezember 1919, im Werte von 300 Millionen Mark bis zum 31. März 1920 zu liefern; soweit die Lieferungen bis zu diesen Terminen nicht erfolgen können, würde der jeweils fehlende Betrag alsbald entweder in deutschen Reichsbanknoten zum Nennwert oder in Feingold und Rubelnoten nach dem Verhältnis drei zu zwei, und zwar zu einem jeweils festzusetzenden Kurse, zu begleichen sein.	§ 2. [Bearbeiten] Сумма въ 1 миллиардъ марокъ должна быть погашена доставкой русскихъ товаровъ на основаніи особаго соглашенія, которое имѣть быть установлено по этому вопросу. До 15-го ноября и 31-го декабря 1918 года должны быть доставлены товары каждый разъ на сумму въ 50 миллионѣвъ марокъ; до 31-го марта, 30-го июня, 31-го сентября и 31-го декабря 1919 года товары каждый разъ на сумму въ 150 миллионѣвъ; до 31-го марта 1920 года товары на сумму въ 300 миллионѣвъ марокъ; поскольку доставки не могутъ быть выполнены къ этимъ срокамъ, недостающая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сумма должна быть немедленно уплачена или германскими имперскими кредитными билетами по номинальной цѣнѣ или чистымъ золотомъ и кредитными билетами въ рубляхъ въ пропорціи 3 къ 2-мъ и по курсу, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ быть установленъ.
§ 3. [Bearbeiten] Ein Betrag von 2½ Milliarden Mark wird bis zum 31. Dezember 1918 durch Übergabe von Titeln einer vom 1. Januar 1919 an mit 6 vom Hundert verzinslichen und mit ½ vom Hundert zuzüglich der ersparten Zinsen zu tilgenden Anleihe beglichen werden, die von der Russischen Regierung im Nennbetrage der bezeichneten Summe in Deutschland aufgenommen wird, und deren Bedingungen als Bestandteil dieser Vereinbarung gelten sollen.	§ 3. [Bearbeiten] Сумма въ 2½ миллиардовъ марокъ будетъ уплачена до 31-го декабря 1918-го года путемъ передачи билетовъ займа, по которому съ 1-го января 1919 года уплачивается 6 процентовъ и который долженъ быть погашаемъ полупроцентомъ съ причисленіемъ сбереженныхъ процентныхъ платежей, заемъ этотъ выпускается русскимъ правительствомъ въ Германіи въ номинальномъ размѣрѣ означенной суммы, а условія займи будутъ считаться составной частью этого соглашенія.
Als Sicherheiten für die im Absatz 1 bezeichnete Anleihe sollen bestimmte Staatseinnahmen, insbesondere auch die Pachtgebühren für gewisse an Deutsche [1178] zu erteilende wirtschaftliche Konzessionen haften; die Sicherheiten sind im einzelnen durch eine besondere Vereinbarung festzusetzen, dergestalt, daß die veranschlagten Jahreseinkünfte aus ihnen den Jahresbetrag der Verzinsung und Tilgung um mindestens 20 vom Hundert übersteigen.	Обезпеченіемъ означеннаго въ абзацѣ 1-мъ займа должны служить нѣкоторые государственные доходы, въ особенности также арендные [1179] платы за нѣкоторыя хозяйственныя концессіи, которыя будутъ выданы германиамъ; обезпеченія въ отдѣльности должны быть установлены особымъ соглашеніемъ такимъ образомъ, чтобы предусмотрѣнные въ смѣтѣ годовые доходы отъ нихъ превышали годовую сумму процентовъ и погашенія по крайней мѣрѣ на 20 %.
§ 4. [Bearbeiten] Wegen des Restbetrags von 1 Milliarde Mark bleibt, soweit seine Zahlung nicht mit Zustimmung Deutschlands von der Ukraine und Finnland bei ihrer Vermögensauseinandersetzung mit Rußland übernommen wird, eine besondere Vereinbarung vorbehalten.	§ 4. [Bearbeiten] Въ отношеніи остатка въ 1 миллиардъ марокъ, поскольку онъ не будетъ, съ согласія Германіи, принять на себя Украиной и Финляндіей при ихъ соглашеніи съ Россіей по поводу распредѣленія имуществъ, стороны оставляютъ за собою право войти въ особое соглашеніе.

Artikel 4. [Bearbeiten] In Rußland befindliche Vermögensgegenstände von Deutschen, die vor dem 1. Juli 1918 zu Gunsten des Staates oder einer Gemeinde enteignet oder sonst der Verfügungsmacht des Eigentümers entzogen worden sind, sollen diesem auf Antrag gegen Rückgewährung der Entschädigungssumme, die er aus dem im Artikel 2 bezeichneten Betrag erhalten hat, und unter Berücksichtigung etwaiger Verbesserungen oder	Статья 4. [Bearbeiten] Находящиеся въ Россіи имущества германцевъ, отчужденныя до 1-го іюля 1918-го года въ пользу государства или мѣстныхъ самоуправленийъ, или собственникъ которыхъ былъ лишенъ какимъ-либо инымъ образомъ права распоряженія, должны быть по требованію возвращены собственнику при условіи возвращенія суммы вознагражденія, полученной имъ изъ означенной въ статьѣ 2-й суммы и учета возможныхъ улучшеній
Verschlechterungen wiederübertragen werden, wenn die Vermögensgegenstände nicht im Besitze des Staates oder der Gemeinde verbleiben oder wenn eine Enteignung oder sonstige Entziehung gleichartiger Vermögensgegenstände gegenüber Landeseinwohnern oder Angehörigen eines dritten Landes nicht erfolgt ist oder wiederaufgehoben wird; der Antrag aus Rückübertragung ist innerhalb eines Jahres nach dem Zeitpunkt, wo diese beansprucht werden kann, zu stellen.	или ухудшеній, въ томъ случаѣ, когда имущества не остаются въ обладаніи государства или мѣстныхъ самоуправленій или если отчужденіе или иное отобраніе однородныхъ имуществъ не послѣдовало или отмѣняется по отношенію къ мѣстнымъ жителямъ или гражданамъ третьей страны; требованіе о возвращеніи должно быть заявлено въ теченіе одного года, начиная со срока, когда возвращеніе можетъ быть потребовано.

С другой стороны, Англия и Франция были озабочены судьбой Польши и не хотели отдавать формирование польской государственности на откуп Германии и Австро-Венгрии. Поэтому в августе 1917 г. в Париже был создан Польский национальный комитет. 29 августа 1918 г. Совет народных комиссаров, действуя в развитие Декрета о мире и Декларации прав народов России, пошел навстречу странам-победительницам и принял декрет об отказе от договоров, заключенных бывшей Российской империей о разделах Польши.

Польский вопрос оставался самым болезненным. Как говорит известный публицист А. Б. Широкопад, «Диктатор Пилсудский был слишком умен, чтобы открыто объявить о создании Речи Посполитой “от можа до можа”. Ту же идею он решил подать под другим соусом и выдвинул план создания федерации из ряда государств, созданных на территории бывшей Российской империи (“от Гельсингфорса до Тифлиса”). Доминировать в этой федерации, естественно, следовало Польше. В известной мере Пилсудского напугал и марш Деникина к Москве. А Деникин в отличие от ряда белых генералов не только на словах, но и на деле стоял “за единую и неделимую”. Поэтому Пилсудский в 1919 г. предпочитал видеть в Москве Ленина и Троцкого, но никак не Деникина»¹.

Добавлю, что основная ответственность и вина за многовековой конфликт между русскими и поляками лежит на польской католической церкви². К сожалению, ничего не изменилось поныне. Кажется, что папский престол хочет улучшить отношения с Правительством России и руковод-

¹ Цит. по: Широкопад А. Б. Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ: Хранителем, 2007. С. 586, 588.

² См. подробнее: Константин (Горянов), митрополит. «Поступайте осторожно, ...потому что дни лукавы». Брестская уния 1596 года как церковно-политический плод унионального богословия, ее наследие и наследники // Апокалипсисы революцій. СПб.: Родная Ладога, 2018. С. 83–122.

ством Русской Православной Церкви, но польские католические епископы открыто настаивают на вероучительном превосходстве своей церкви и исподтишка разжигают и поддерживают неприязнь католической паствы к российским православным верующим и к России.

Кроме перечисленного выше, по кабальному договору были отданы на Кавказе Карсская и Батумская области. Советское правительство обязалось признать независимость Украины в лице правительства УНР. По Брестскому миру от России была отторгнута территория площадью 780 тыс. кв. км с населением 56 миллионов человек (треть населения Российской империи).

Уничтожалась вся архитектура страны, невозможно без слез говорить о разрушении церковной инфраструктуры, разграблении храмов, вывозе несметных сокровищ за границу, многие из которых присвоены (точнее, украдены) европейскими королевскими дворами, украшают лучшие музеи и частные коллекции Америки и Европы. Распродавалась бесценная живопись из собрания Эрмитажа. Ворованные драгоценные пасхальные яйца Фаберже в открытую выставлялись на известных мировых аукционах. А что-то, как, например, церковные иконы, просто сжигалось в огне костров богоборцами. *«И стоял народ и смотрел»* (Евангелие от Луки 23:35), как на картине Эль Греко, которую этот уроженец Крита создавал в смыслах вселенского христианства, понимая непреходящее значение евангельских архетипов, предчувствуя повторение минувшего в настоящем и грядущем.

В алом закате, в зареве кроваво-красного хитона (никогда Эль Греко ни прежде, ни после не использовал такой цвет, символизирующий саму жизнь), который срывает с Христа беснующаяся, кровожадная толпа, Спаситель принимает Божию волю и идет на Крест. Смирненно следуют за Ним немногие верные Ему. Воин, которому по жребию достался хитон, ухватился за ворот и пытается сорвать его со Спасителя, кротко принимающего боль и унижения. Острия копий пронзают грозное небо. Но Иисус Христос спокоен, он молится о Своих гонителях.

Так же Николай II, читая молитвы о тех, кто унижает и убивает его и его Святую Семью, сознательно и кротко принимает Божий о нем замысел, понимая, что Царской жертвой будет спасена Россия. Он верил во спасение России, когда оказался вместе со своей православной Родиной в эпицентре зверств, когда, как говорит их очевидец поэт Максимилиан Волошин в стихотворении *«Потомкам»* (1921),

*Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол;
Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом;
И долгом — месть.*

*Но мы не покорились:
Ослушники законов естества —
В себе самих укрыли наше солнце,
На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей...*

«Несение креста» (1490–1500). Художник Иероним Босх

Сиротством веет от этой ужасающей исторической картины, вспоминаются евангельская притча о Возвращении блудного сына и гениальная мысль выдающегося современного русского философа А. Панарина: «Инфантильная реакция народа, взбунтовавшегося против государства — Отца, ведет к отцеубийству и, следовательно, к сиротству народа, которого больше некому защищать от внешних и внутренних хищников»¹. Звериные их оскалы, алчные лица, искаженные жаждой наживы, можно представить по еще одной выдающейся картине — по трагическому гротеску Иеронима Босха на евангельский сюжет «Несение креста».

Если взглянуть в полотно, может показаться, что ситуация очень современна, что это метафора происходящего на родственной нам, ныне духовно и территориально колонизированной Украине. Вот где срывание всяческих риз! Вот где попрание всяческих заповедей. Вот где глумление над Святостью. Кажется, из этой толпы несутся богохульные слова миллионера П. Порошенко (фамилия его матери — Вальцман), ставленника заокеан-

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 120.

ских миллиардеров¹: «вам (УПЦ — М. К.) тут нечего делать. Нечего делать вашей церкви... Домой, в Россию», «...там, где машут российским кадилом, завтра бьют российскими градами», «украинцы тысячу лет ждали Томоса»² и т. п. Бандеровцы-националисты по украинским храмам кричат похожее на фашистское приветствие «Героям слава!», развернута массовая кампания разжигания ненависти к Украинской Православной Церкви, к местному русскому населению. Такая же, как на полотне Босха, беснующаяся толпа приветствует фальшивый Томос и фальшивого патриарха Филарета (Денисенко), с которого Синод Константинопольского патриарха незаконно снял анафему, наложенную на него Русской Православной Церковью за церковный раскол и дисциплинарные нарушения. И мало кто сегодня на Украине знает слова свт. Иоанна Златоуста, который много веков назад предупреждал: «Производить разделения в Церкви не меньшее зло, как и впадать в ереси... грех раскола не смывается даже мученической кровью».

На картине Босха мы, кажется, видим и главарей раскола, и их покровителей. Страшны все гонители Христа и Его Церкви. Омерзительны лица и речи представителей нынешнего марионеточного правительства Украины. Где нет Бога, там не может быть Красоты.

Но сегодня появилась и такая обнадеживающая мысль, которую высказал обозреватель Владимир Букарский: «Думаю, что сейчас начнется настоящее очищение Церкви Христовой от всего прилипшего к ней — грязного, подлого и приспособленческого. Искренне надеюсь, что Церковь покинут все случайные, нестойкие люди, равно как и все ее внутренние черви-разрушители... А в Церкви, по меньшей мере на Украине-Малороссии, останутся те, кто готов нести свой крест. В прямом и переносном смыслах»³.

На картине Босха Иисус Христос Крест несет один. И Русская Православная Церковь понесет крест раскола одна.

И еще одна евангельская аналогия. Почти весь XX в. казалось, что на примере России притчу о «Возвращении блудного сына» можно переименовать в историю о «Невозвращении блудного сына». Казалось, у русского народа навсегда иссякло сыновнее чувство, он никогда не раскается и не вернется к Отцу Небесному — ко Христу в Его Дом — в Его Церковь, которую в самозабвении сам и разгромил. Но опять было доказано, что истинно и неизменно слово Библии. *«Когда же он [блудный сын] прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему... Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба*

¹ По обнародованным данным, на начало 2019 г. 26-ти богатейшим семьям мира принадлежит половина мирового валютного запаса, то есть 26 семей владеют таким же количеством денег, сколько остается на долю остальных 7,6 миллиардов людей земли.

² Трофимов О., протоиерей. Запад готовится к войне с Россией, но чужими руками // Русская народная линия. 15.01.19. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2019/01/15/zapad_gotovitsya_k_vojne_s_rossiej_no_chuzhimi_rukami/ (дата обращения: 28.05.2019).

³ Мономах О. С. Варфоломей легализует раскол // Русский Дом, 2018. № 12. С. 5.

и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся...» (Евангелие от Луки 15:11–32).

То же можно сказать о русском народе — он был *мертв* без веры во Христа, но *ожил, пропадал и нашелся*. Это библейское событие можно назвать метафорой новейшей истории России и отражением вечного закона — безмерного милосердия Христова, Который простер Свои объятия кающемуся русскому народу.

И народ России радостно возвращается в свой родной духовный дом — в Русскую Православную Церковь. Сегодня многие люди всё больше осознают, что Православие имеет неоценимое значение для понимания нашего прошлого, для устройства нынешней жизни и для созидания лучшего будущего.

Современная интеллигенция, особенно учащаяся молодежь, обуреваемые мировоззренческими исканиями, стремятся к узнаванию традиции и к духовному сближению с Русской Православной Церковью. Исторический опыт способствует пониманию того, что народу нужен не только диалог с Церковью, как в случае Религиозно-Философских собраний начала прошлого века, но пастырское наставничество, духовное просвещение, помощь в воцерковлении. Только тогда отпадут многие трудные для интеллигенции вопросы. Общение может иметь и лекционную составляющую, происходить в академическом зале, но урок должен закрепляться в храме, в литургической жизни Русской Церкви, получившей наибольший дар Света Божия, обладающей несметными сокровищами — светочами — русскими подвижниками разных чинов святости.

Можно привести немало ярких положительных примеров общения представителей Церкви и современной интеллигенции. Вот как, не только восторженно, но с привлечением статистики, с указанием имен и названий направлений, об обоюдном стремлении к встрече Русской Православной Церкви, интеллигенции и молодежи говорит доктор психологических наук, профессор, бывший директор НИИКСИ СПбГУ (Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований) В. Е. Семенов: «90-е годы есть за что поругать. Но я сейчас не ругать их хочу, а, как ни странно, вспомнить добрым словом. Да, много было дурного, много было просто ужасного, — взять хотя бы ту яростную атаку заморских проповедников-сектантов, которые в те годы встречались на каждом шагу; народ нищал, людям месяцами не платили зарплату, повсеместный криминал... Но ведь в те же самые годы мы впервые услышали слово нашего дорогого Владыки Иоанна (Снычева), и для многих это слово открыло новый мир — мир Руси православной... А о. Иоанн (Крестьянкин)? А старец Николай Гурьянов? Говоря о 90-х годах, нельзя не вспомнить эти светлые имена. И вот что особо хотелось бы отметить: да, все были возмущены и оскорблены царящим в стране рукотворным хаосом, — но в то же время мы с друзьями верили, что стоит лишь напрячь силы, объединиться под церковными хоругвями, выступить единым фронтом — и победа будет на нашей стороне.

И эта надежда, она окрыляла, она давала силы жить и бороться! И ведь нельзя сказать, что она была совершенно беспочвенна. Именно в те годы я проводил социологические опросы об отношении народа к религии. В самом начале 90-х верующими себя считали 28 % населения Петербурга. В 1993 г. этот процент вырос до 47. И вот в начале 1995 г. опрос, который благословил Владыка Иоанн, показал, что верующих у нас 61 %, причем православных — 57,5 % (а на все другие конфессии приходилось только 3,5 %)! Мы были поражены этим стремительным подъемом и поняли, что количество пора преобразовывать в качество: необходимо сделать православных людей настоящей общественной силой, необходимо объединяться! И в первую очередь нужно объединить интеллигенцию как наиболее просвещенную часть нашего общества. И такое объединение постепенно началось. Было создано Православное общество писателей Санкт-Петербурга, куда входили историк Церкви, прозаик и публицист Николай Коняев (председатель); поэт Андрей Ребров; поэт, прозаик, создатель первой в России православной газеты “Православный Санкт-Петербург” Александр Раков; поэты Юрий Шестаков, Борис Орлов, Владимир Марухин; публицист Марина Коняева; поэт Ирэна Сергеева, поэт и литературный критик Валентина Ефимовская; и многие другие. Начало формироваться Общество православных врачей. Появлялись различные эфемерные стихийные сообщества... И тогда мы с А. Н. Швечиковым, философом-религиоведом, решили, что нужно взяться за дело более широко: надо создать объединение православной интеллигенции в целом. И такое объединение под названием “Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга” было создано; фактически его деятельность началась в 1999 году, но зарегистрировались мы только в 2001-м. В нашем Уставе было, в частности, записано: “Основной целью деятельности Собора является соработничество с Русской Православной Церковью в процессе восстановления исторической роли православия в формировании духовно-нравственных основ российского общества...”.

И Собор православной интеллигенции заработал! Кроме Швечикова и меня изначальным ядром Собора стали В. Н. Андреев, Ю. Ю. Бульчѳв, А. Л. Казин, А. К. Колеченко, Т. Н. Федорова. Нас окормлял известный петербургский архиерей, тогдашний ректор СПбДА епископ Константин (Горянов), ныне митрополит Петрозаводский и Карельский. Большую помощь оказывал председатель Совета ректоров СПб В. Е. Романов. Мы проводили конференцию за конференцией, и каждый раз все более представительную и широкую: “Православие и творчество”, “Духовные и социальные проблемы России в свете Православия”, “Православие: ответ на вызовы XXI века”... Каждое такое собрание привлекало в наши ряды все новые и новые силы: интеллигенция начинала понимать, что Православие — это не пережиток прошлого, а живая и действенная сила, способная вывести Россию из либерально-криминального болота и повести к новым духовным победам. К нам прислушивались, с нами стали считаться... В 2005 г. состоялся грандиозный форум “Православие и молодежь”, — поздравление его участникам прислал Святейший Патриарх Алексий II. Мы уже вышли на международный уровень: к нам присоединились ученые из ближнего и дальнего зарубежья, к основной группе гуманитариев добавились ученые-естественники, экономисты, офицеры, и главное — студенческая, в том числе военная, молодежь.

Немного позднее нашего Собора в Петербурге образовалось новое мощное объединение православной интеллигенции — межвузовская ассоциация духовно-нравственного просвещения «Покров». Ее учредили десять организаций: СПб Духовная академия, РГПУ им. Герцена, Совет ректоров вузов Санкт-Петербурга, СПб госуниверситет технологии и дизайна, СПб Академия постдипломного педагогического образования и др., а потом туда добавились еще около 30 петербургских и иногородних вузов. Президентом нового объединения избрали Владыку Константина (Горянова), вице-президентом — ректора РГПУ им. Герцена Г. А. Бордовского. Самое активное участие принимал в работе «Покрова» ректор ГУТИД, все тот же В. Е. Романов. Были и другие харизматичные, одухотворенные личности! Был настоящий энтузиазм: нам казалось, что теперь-то, в начале XXI века, надежды 90-х годов начали воплощаться в жизнь...»¹

Напомню, что благословение на создание Ассоциации «Покров» было получено от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В Ассоциацию по мере ее работы включались все больше и больше ведущих гражданских и военных вузов Санкт-Петербурга и других городов России, всего около 40. Объединение происходило на основе общих целей, главные из которых: возрождение в молодежной студенческой среде духовных ценностей Православия, организация духовно-нравственного просвещения. Формы работы организации разнообразны и обширны: от научных исследований до социально-благотворительной работы. Во многих вузах открыты храмы. Создано единственное в России студенческое университетское благочиние, которое включало на момент создания 15 храмов. Главным межвузовским праздником, проводимым Ассоциацией «Покров», является день св. мученицы Татианы, покровительницы российского студенчества. Этот праздник из чисто церковного стал церковно-государственным. Церемония вручения наград и почетных знаков святой Татианы проходила в Казанском и Исаакиевском соборах. Золотым Татьянинским крестом награждены представители городской власти, в том числе В. И. Матвиенко (ныне Председатель Совета Федерации), а также деятели образования и религиозных институтов.

Особое просветительское значение имеют чтения, которые проводятся на базе вузов: Покровские, Знаменские, Татьянинские, Кирилло-Мефодиевские. Сегодня борьба за умы молодежи — тот же фронт, требующий от священников полной самоотдачи и профессиональной грамотности. Ассоциация регулярно выпускает материалы Покровских чтений.

В то время были приложены заметные усилия для большей открытости СПбДА, что способствовало активизации научной работы. Заключены договора о сотрудничестве с университетами, Эрмитажем, Русским музеем, Военно-космической академией и др. Впервые привлечен ряд университетских профессоров для преподавания в СПбДА. Оценкой этой деятельности стала награда архиепископу Константину (Горянову) от Совета ректоров «За многолетний плодотворный труд, обеспечивавший устойчивое взаимодействие Православной и светских высших школ Санкт-Петербурга в борьбе за духовность молодежи России».

¹ Семенов В. Е. Совесть нации, не молчи! // Православный Санкт-Петербург. 2018. № 6. С. 1.

Сфера образования стала полем битвы идеологий. Сегодня уже не кажется странным, что европейские страны вдруг озаботились **состоянием образования** в России. С высокой долей правдоподобия можно предположить, что в неизвестных нам глубинах взаимных договоренностей, прежде всего, стоят интересы Америки. Она уже не раз пользовалась смутой очередной «перестройки» в России с достаточной для себя выгодой.

Страны Запада стараются «выманить» из России наиболее квалифицированные кадры. Директор Института экономики здравоохранения Лариса Попович обращает внимание на неприятный парадокс: «Чем лучше мы учим своих студентов языкам, современным технологиям, тем выше спрос на них за рубежом. Израиль благодарен России, поскольку ему удалось сэкономить на обучении специалистов в области медицины 86 млрд руб.». Естественно, что соответствующие приглашения получают самые перспективные и одаренные. Причем эти люди уезжают, ни в какой форме не отдав долги обучившему их государству. В сфере образования и науки страна должна найти свой собственный путь. На сегодня в этой области Россия, к сожалению, ограничена в денежных затратах. Пока что мы инвестируем в науку в 2 раза меньше средств, чем маленькая Южная Корея, в 11 раз меньше — чем Китай, в 13,5 раз меньше, чем Америка.

Поэтому Болонские соглашения как раз и загоняют мыслящих людей России в некое «прокрустово ложе» английского и только английского языка.

Америка «давит» и «давит». Она имеет к этому весомые основания: вся математика, все программные продукты, даже серверы, которые стоят у нас, — американские. В отечественных кругах среди людей, сопричастных проблеме, ставился вопрос о замене на немецкое оборудование. Но через малое время все они оказались уволенными¹.

Как известно, интеллигенция всегда была той зыбкой в идеологическом плане прослойкой, которая влияла на политику государства и на мнение традиционных сословий. Поэтому за умы ее представителей поныне идет борьба. Очевидно, что интеллигенция в России не может быть без некой великой идеи, она не может существовать, не служа правде и справедливости, хотя, как во все времена, находилось немало и антиподов. Но лучших, даже при богоборческой советской власти, было больше. Советская интеллигенция жила идеей служения своему народу, поддерживала нравственные его качества — примеры множественны, имена велики: вспомним писателей Василия Шукшина, Валентина Распутина, Александра Вампилова, поэтов Николая Рубцова, Егора Исаева, композиторов Георгия Свиридова, Вячеслава Овчинникова, Валерия Гаврилина, художника Илью Глазунова, искусствоведа Савву Ямщикова и многих-многих других наших выдающихся соотечественников. Когда советская эпоха с ее идеологизированными лозунгами и запретами канула в прошлое, большая часть талантливого, высокообразованного народа России обернулась к Православию. Сегодня этот мощный поток пополняется новыми силами, молодыми людьми, которые отчетливо понимают, что без веры, без традиции, без национального фундамента невозможно противостоять вновь ополчившемуся на Россию алчному, лживому миру «золотого тельца».

¹ Романов Ю. И. Болонский процесс как путь к иллюзорной упорядоченности через предваряющий хаос // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2018. № 22 (3). С. 80–83.

Успешно и смело противостоит православная интеллигенция захватнической политике Запада, нацелившегося на российский интеллект. Молодые люди могут спастись от западного интеллектуально рабства, только будучи духовно подготовленными, исторически грамотными, верующими. Много сегодня для этого сделано и делается. По инициативе православной интеллигенции Петербурга, по благословению Патриарха Алексия II и митрополита Владимира осенью 2005 г. был создан Народный православный университет (НПУ). Он стал уникальным учебным заведением — единственным в России, где можно получить знания в области православного богословия, культуры, церковной истории, литургики и т. д. Ректором НПУ стал ректор Санкт-Петербургского государственного института внешнеэкономических связей, экономики и права С. М. Климов, архиепископ Константин возглавлял попечительский совет НПУ. Аналогов Ассоциации «Покров» и Православного народного университета в стране не было¹.

По инициативе православной интеллигенции Петербурга была также создана уникальная «Школа народного искусства Императрицы Александры Федоровны». Школа выпускает материалы регулярной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы православного образования и воспитания», например, по теме «Новая дорога к старой школе. СПб., 2008».

Показателем высокого градиента взаимоотношений школ разных уровней, восходящих даже к уровню Академии, является сотрудничество Церкви с Российской академией естественных наук. По инициативе архиепископа Тихвинского Константина и генерал-майора (ныне генерал-лейтенант. — М. К.) медицинской службы, заслуженного деятеля науки РФ, академика, профессора В. С. Новикова в 2001 г. впервые на базе СПбДАиС состоялось общее собрание Северо-Западного отделения Российской академии естественных наук (РАЕН). Являясь членом Президиума РАЕН, Владыка Константин многие годы активно участвует в деятельности Академии, выступает с пленарными докладами, разясняет позицию Церкви по многим современным вопросам. И ныне Академия расширяет свои ряды, привлекает лучших людей России и талантливую молодежь

Духовное окормление и членское присутствие иерархов Церкви и рядовых священников является существенной особенностью такой разветвленной международной организации, как Академия Российской словесности, возглавляемой известным писателем и ученым Ю. А. Беляевым. Академия является идейной правопреемницей Российской академии, созданной Указом Екатерины II в 1783 г. для защиты и пропаганды российской словесности. Санкт-Петербургский филиал этой значимой в деле сбережения национального духовного кода и распространения достижений современной культуры академии занимается просветительской деятельностью. По благословению и при участии митрополита Константина (Горянова) совершаются паломничества деятелей культуры из Санкт-Петербурга и других городов Северо-Западного региона по историческим и святым местам, например, по монастырям Псковской области, по Пушкинским местам и др., где проводятся творческие встречи и конференции. Члены петербургской делегации

¹ Более подробно см. книгу: Санкт-Петербургская Православная Духовная академия / под общ. ред. архиепископа Тихвинского Константина. СПб., 2008.

обычно принимают участие в церковных службах и беседах со священнослужителями посещаемых церквей и монастырей. По актуальным вопросам культуры проводятся круглые столы в редакции литературно-художественного и культурно просветительского журнала «Родная Ладога».

Еще одно начинание, ставшее традицией, отмечает профессор В. Е. Семенов: «Сейчас есть в Петербурге прекрасный день, который вдохновляет многих, и меня в том числе, — это 12 сентября, когда мы выходим на общегородской Крестный ход в день памяти святого благоверного Великого князя Александра Невского! От Казанского собора до Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, плечом к плечу со своими согражданами, братьями и сестрами по вере, а у монумента святому князю нас встречает духовная и светская власть нашего города. И возникает чудо, которое для меня является девизом нашего русского мира и его единения: **Православие — Правда — Справедливость!**»¹

В бытность архиепископом Курганским и Шадринским Владыкой Константином были учреждены такие Александровские дни и в Кургане. Праздник в честь святого благоверного князя Александра Невского стал не только церковным, но и общегородским. Традиционными в Зауралье стали Ильинские молодежные богословские чтения, вызывающие все больший интерес ученых из различных регионов страны. Народ полюбил православные выставки «Добрый свет Рождества» с международным участием, которые по инициативе и с помощью епархии регулярно проводятся в Кургане. Церковью ведется открытый и конструктивный диалог с государственными структурами, общественными организациями, творческой и научной интеллигенцией. Большое внимание уделяется кадетскому движению, особенно в Петрозаводской и Карельской епархии, которую с 2015 г. возглавляет митрополит Константин.

Приведенные сведения из миссионерской деятельности современной Русской Православной Церкви — доказательство благотворного взаимодействия Церкви и интеллигенции, Церкви и армии, Церкви и школы, это примеры важного в наше время «апостольского отклика». Сегодня обретают глубокий смысл слова о. Г. Флоровского, сказанные о святителе Тихоне Задонском: «он писал для этого мира, свидетельствовал о Спасителе погибающему миру, и не ищущему спасения. Это был апостольский отклик на безумие вольнодумного века...»². Хочется надеяться, что в XXI в. в результате искреннего, трудоемкого «апостольского отклика» общество обратится к поискам пути спасения, и настанет эпоха окончательного примирения между Церковью и интеллигенцией, которое послужит их творческому взаимодействию, историческому просвещению всего народа. Благо России и мира невозможно без покаяния, без осознания уроков истории, которые трудно понять в отрыве от христианства.

Именно христианским мировоззрением русского народа, жертвенной любовью к своему Отечеству, страданием «за други своя», неискоренимыми ни революциями, ни кровопролитными войнами, объясняются великие победы, которые наша страна неоднократно свершала в XX веке. В десятилетия

¹ Семенов В. Е. Совесть нации, не молчи! // Православный Санкт-Петербург. 2018. № 6. С. 1.

² Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 124.

*Александровский день в Петрозаводске, 12 сентября 2018 г.
Фото с кадетским корпусом имени святого князя Александра Невского*

революционных гонений, в годы нашествия на Россию фашистских полчищ оккупантов немецкого рейха, когда казалось, наше поражение неизбежно, глубокая родословная вера народа стала мощным духовным оружием, много послужившим Победе в Великой Отечественной войне. И вот о чем важно, о чем надо, наконец, четко и прямо сказать: единственным народом в Европе — народом, не участвовавшим в уничтожении евреев во время Второй мировой войны, народом, никаким образом непричастным к еврейскому холокосту, является русский народ. И это притом, что русский народ более всего пострадал от развязанного еврейскими вождями Красного террора первых лет большевистской власти. Это было возможным благодаря тому, что наш народ защищает свое Отечество не только с оружием в руках, но и с Богом в незлобивом, незлопамятном и милосердствующем сердце.

Сталин на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, 24 мая 1945 года в своем тосте «за Победу» сказал: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству

оказалась той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом».

Надо неукоснительно говорить миру всю правду о той войне, но не будем забывать, что русских из общего числа погибших в годы Великой Отечественной войны погибло 66,2 %. И не надо бояться той клеветы, которая широким фронтом развернулась против великого Подвига нашего народа. Но для того, чтобы нам победить и в современной борьбе, нужна воля, а для нее — вера в Бога.

Поныне не потеряли своей актуальности слова генерала Дитерихса, сказанные век назад: «Нет, не спасти России боярам-западникам — демократам с крестьянами, ни боярам-западникам — социалистам с монархией; не спасти России отдельным сословиям, классам и кастам; не спасти ее каким-либо политическим партиям. Россия не может быть ни пролетарской, ни крестьянской, ни рабочей, ни служилой, ни боярской. Россия может быть только — *Россией Христа, Россией “вся земли”*. Надо прочувствовать это, познать это и поверить в это. Здесь нет ни монархистов, ни кадет, ни октябристов, ни трудовиков, ни социалистов; здесь нет ни классов, ни сословий, ни чиновников, ни генералов, ни офицеров, ни купцов, ни фабрикантов, ни рабочих, ни крестьян. *Здесь только одно — национальная Россия с ее исторической нравственно-религиозной идеологией.*»

За эту-то Россию и боролись Державные Вожди Романовской династии. Боролись, как умели, как Бог давал разума, и если грешили в умении, то в духе и идее были велики и святы.

В этой борьбе создалась для династии Романовых тяжелая, сложная историческая трагедия, которая в связи с временным ослаблением во “вся земле” горения идеи привела к смертельной агонии последней царствовавшей Августейшей Семьи»¹ (выд. авт. цитаты. — М. Д.).

По дороге, проторенной Христом, шел последний русский Царь Николай II. В 1941 г. за ним пошла оказавшаяся на краю бездны и заглянувшая в нее вся Россия, ставшая во искупление заступницей от смертельной тьмы не отдельных народов (о национальностях тогда и не помышляли), а спасительницей жизни на Земле. Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) 9 мая 1945 г. в своей речи отметил:

«...Бог посрамил дерзкие мечты злодеев и разбойников, и мы видим их теперь несущими грозное возмездие за свои злодеяния.

Мы уверенно и терпеливо ждали этого радостного дня Господня, — дня, в который изрек Господь праведный суд Свой над злейшими врагами человечества, — и Православная Русь, после беспримерных бранных подвигов, после неимоверного напряжения всех сил народа, вставшего как один человек на защиту Родины и не щадившего и самой жизни ради спасения Отечества, — ныне предстоит Господу сил в молитве, благодарно взывая к Самому Источнику побед и мира за Его небесную помощь в годину брани, за радость победы и за дарование мира всему миру».

И сияли золотыми имперскими погонами участники Парада Победы. И светились купола древних московских храмов. И слезно трепетали от

¹ Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви; Изд-во «ДАРЪ», 2006. С. 485–486.

людских вздохов свечи пред святыми православными иконами. Конечно, об искуплении в те радостные не думали. Понимание связи событий и поступков приходило постепенно, как долгий рассвет. И сегодня мы видим, что Николай II, Помазанник Божий не зря принес себя в жертву, — Россия воскресает, укрепляется вера, развивается «христианское чувство истории». Бог милосерден, если грешник обращается к Нему с покаянием, с молитвой о прощении. Настает чаемый Николаем II «счастливый день». Подтверждается мысль прозорливого философа А. С. Панарина: «Человеческие попытки заполучить запланированную историю, развивающуюся в заранее заданном направлении, тщетны в принципе, ибо человеческая история слишком серьезное дело, чтобы принадлежать человеку, — она принадлежит Богу. Если бы она безраздельно попала в руки человеческие, она давно бы уже закончилась»¹.

Человеческая история, слава Богу, не закончилась. И не закончится, пока существует любовь Христа к нам и наша любовь ко Христу, пока спасительно страдание, ведь, как говорит преп. Максим Исповедник: «Кто страданием своим приобрел уже плоды любви, тот не отпадет от нее, хотя бы претерпел тысячи зол»². Наш народ страданием Царя и молитвами всех новомучеников и исповедников Церкви Русской, терпением «тысяч зол» в богоборческие времена и во времена фашистского нашествия обрел мудрость, искупил зло и сегодня возвращает, собирая и сшивая в своем духе, ризы Христианской Любви.

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 238.

² Максим Исповедник, преподобный. Главы о любви. СПб.: Образ, 2005. С. 16.

Игорь АНДРУШКЕВИЧ

УДЕРЖИВАЮЩИЙ ОТ БЕЗЗАКОНИЯ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентинско-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

*Времена изменились, и теперь стало необходимым выяснить себе **наши начала**, доказывать себе самим, что **наши начала** отличны от иноземных.*

Д. А. Хомяков¹

Определение **«православная монархия»** обозначает, что наша русская монархия в действительности является таким строем, который на Западе формально принято называть **«конституционной монархией»**, подразумевая под этим **«ограниченную монархию»**. С той лишь разницей, что форма, способ и содержание этих ограничений иного порядка. В то время, как западно-европейская политическая мысль ищет ограничения верховной власти путем формальных и условных урезываний ее прав и полномочий и путем сокращения ее привилегий, с целью их все более широкого распространения на правящую элиту, при одновременном юридическом фиксировании этих урезываний и сокращений, русская политическая мысль подходит к этой проблематике с противоположной стороны, а именно со стороны **общественного служения, как верховной власти, так и вообще всех властей, какое требует отчета перед Богом, перед людьми и перед собственной совестью.**

Православный монарх ограничен прежде всего своей собственной христианской совестью, и тысяча лет нашей истории нам эмпирически подтверждают, что эта совесть одного человека вернее многих юридических формальностей. Но, в дополне-

¹ Д. А. Хомяков. Православие, самодержавие, народность. Монреаль, 1983. С. 106.

ние, православный монарх ограничен учением и дисциплиной Христовой Церкви, значение и силу каковых и сравнивать нельзя с никакими надуманными человеческими учреждениями или оговорками.

В высшем юридическом смысле, православный русский государь, со времен святого Владимира, не мог принять никакого трансцендентного государственного решения без совета с Церковью. Идеал созвучности (симфонии) законности в государстве со святостью в Церкви, провозглашенный императором Юстинианом Великим в его Шестой новелле, как высшее обеспечение политического блага, привел на Руси к постоянной взаимной связи между ними. Эта взаимная связь создала обычай со времен Св. Владимира приглашать на совет высших церковных иерархов.

Об этом политическом значении церковной иерархии московские послы говорили полякам уже в 1610 году. Официальная формулировка московскими послами этого нашего **«конституционного» начала** гласила: «Изначала у нас в Русском царстве так велось, если великия государственныя или земские дела начнутся, то великие государи призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиереев и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали»¹.

Посему, с конституционной точки зрения Российского Государства, спровоцированное отречение Государя Императора Николая Второго не было действительным, ибо оно не было совершенно с предварительным согласием с Русской Церковью, не говоря уже о том, что вообще в нашем политическом строе не существовало юридической фигуры отречения.

Против такого православного возглавления Верховной Власти в Российском Государстве можно выдвинуть только лишь два возражения (кроме, конечно, чисто враждебных возражений по отношению к православию и к России вообще):

1. Нехорошо, неправильно и невозможно навязывать верховной власти всего государства одну религиозную веру или идею.

2. Вообще, такая верховная власть, с религиозно-мистическим фундаментом, в наши дни никак не подходит.

Однако, если ближе к ним присмотреться и лучше в них разобраться, эти два возражения не выдерживают ни малейшей критики. И в наши дни не только успешно продолжают существовать, но и наново основываются государства с верховной властью (да и не только верховной), морально и юридически связанной с определенными религиозными или мистическими верованиями и вытекающими из них мировоззрениями, не только не разделяемыми всем населением данного государства, но даже и его большинством. Причем, такое юридическое сцепление верховной власти с определенными религиозными верованиями можно наблюдать в самых разнообразных режимах.

В Англии мы наблюдаем ряд курьезных положений: ее государственный режим считается **конституционной монархией**, но она не имеет писаной конституции; ее глава государства является одновременно и главой Англиканской Церкви (что, с христианской точки зрения, считается ересью), к которой не принадлежит большинство населения ни в самой Англии, ни во всем Британском содружестве; и, кроме того, этот же глава государства,

¹ М. В. Зызыкин. Патриарх Никон. Варшава, 1938. С. 9.

несмотря на такое возглавление Англиканской Церкви, все же являющейся Христианской, как бы «экс-офисно» занимает почетное ведущее место в иерархии одной весьма сильной нехристианской мистериальной корпорации, каковую тоже никак нельзя отождествить с большинством населения. В верхней палате парламента Англии, в Палате Лордов, участвуют «экс-офисно» 26 «духовных лордов» (*lords spiritual*), т. е. архиепископов и епископов Англиканской Церкви.

В некоторых американских республиках глава государства формально по конституции должен принадлежать к римо-католической Церкви, как, например, это было до недавнего времени в Аргентине, несмотря на провозглашение той же конституцией полной свободы вероисповедания. (Конституция Аргентинской Республики 1853 года по форме и по духу была весьма похожа на конституцию США, за некоторыми исключениями, в том числе и этого предписания, касающегося вероисповедания президента республики.) В других американских республиках, по традиции, принятие власти новым президентом неизбежно сопровождается известными символическими ритуалами или жестами чисто мистериального характера, тоже отнюдь не разделяемыми большинством населения.

В Японии император принадлежит к шинтоизму, религии, не объединяющей большинство населения этой страны, что отнюдь ему не препятствует быть и сегодня символом единства всей нации.

Никому и никогда в голову не приходило требовать от мусульманских стран, представляющих значительную часть всех государств, составляющих ООН, чтобы они произвели полное отделение своих — весьма разнообразных — политических режимов от магометанской религии.

В свою очередь, такое современное государство, как Израиль (именно государство, так как оно не определяет себя ни как республика, ни как монархия), связано многочисленными и многообразными способами с иудейской религией. Относится это не только к общим государственным символам, к ее властям — особенно судебным, — но и ко всему государственному законодательству, имеющему, как таковое, нормативно-принудительную силу по отношению ко всему населению, а не только по отношению к иудеям. Как известно, в Израиле живут как евреи, так и христиане, магометане и даже просто атеисты. (Между прочим, израильское законодательство передает в руки ортодоксального Раввината решение о том, кто может стать евреем, а также отрицает право продолжать себя считать евреем всякому еврею, перешедшему в другую веру, за исключением того случая, если еврей станет просто атеистом). Но и неверующие евреи могут заключать только религиозные браки. Как верующие, так и неверующие евреи считают еврейскую религию не только лишь простой религией, но и национальной культурой и народной историей своей страны, в чем они, конечно, правы.

Точно так же и **православие является народной культурой, историей и духовным стержнем России**. Посему, всякое стремление удалить православие из общественно-политической жизни нашей страны является просто грубой и нахальной попыткой врагов России нанести ей самый существенный и максимальный ущерб. Значит, исходя из вышесказанного, очевидно, что оппозиция по отношению к любой связи между Православием и Русским Государством не исходит из принципиального неприятия связи между религией и государством вообще, а из неприятия связи именно с Православием.

В жизни Православной Церкви, по ее учению, принимают полное участие и миряне.

Высшим представителем мирян в Христовой Церкви, со времен святого Константина Великого, был Православный Царь, — не как глава Церкви, как это с еретическим уклоном истолковано в Англии, — а как староста и нотариус Вселенской Церкви (с правом обнародования церковных законов, но без церковного законодательного права), как блюститель внешнего в ней порядка и благолепия, и как представитель мирян в их традиционном праве участвовать в выборе епископата. Алексей Хомяков сформулировал предельно четко эти функции Православного Царя, называя его **«народоначальником в делах церковных»**, в своей статье *«Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях»*, впервые вышедшей на французском языке в Париже в 1853 году¹.

Кроме того, эта роль православного монарха весьма удачно совпадает с общеисторической ролью монархии вообще, как носительницы не только верховной, но и высшей судебной власти. Как известно, судебная власть, даже в чисто выборных политических режимах, не всегда выбираема, и даже очень часто является несменяемой и пожизненной. На перспективу слияния верховной власти с судебной в свое время указал Отто Габсбургский².

В будущей России роль монарха, как несменяемого и пожизненного возглавителя Высшей Судебной Власти, наряду с остальными его прерогативами, не только бы обеспечила правовой порядок в нашей стране, в том числе и предохраняя ее от нового партийно-идеологического рабства, но и исполнила бы изначальное, у самых наших государственных истоков свободно выявленное, народное желание **«правления по праву»**. Совпадая в этом с нашим религиозно-мистическим воззрением на истинную природу и миссию царской власти: **«Царь, сидящий на престоле суда, разгоняет очами своими все злое»** (Притч. 20, 8).

(«Наша Страна», № 1717, от 18 июня 1983 г.).

УДЕРЖИВАЮЩИЙ ОТ БЕЗЗАКОНИЯ

Владимир Мономах, *«архонт всяя Земли Русской»*,
прообраз русского Верховного Правителя России

Русская монархия в течение многих веков считала своими высшими регалиями **«шапку и бармы Мономаха»**. Владимир Мономах (1053–1125), Великий князь Киевский и *«архонт всяя Земли Русской»*, как он сам себя величал, был внуком по матери Константинопольского Императора Константина IX Мономаха и внуком Ярослава Мудрого, автора первого свода законов России, известного под именем *«Русская Правда»*, и правнуком Владимира Святого.

Константинопольский Император Константин IX Мономах известен тем, что в 1054 г. отпустил на волю и позволил уплыть безнаказанно обратно в Италию двум римо-католическим епископам, оскорбившим Константи-

¹ Алексей Хомяков. Избранные сочинения, Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1955. С. 234–236.

² Эта перспектива была разобрана в № 1049 «Нашей Страны» от 21 марта 1970 года, в статье *«Монархия будущего»*.

нопольского патриарха и возложившим на Престол Святой Софии его отлучение, якобы от имени уже скончавшегося Папы Римского. Этот инцидент и явился началом раскола между Западной и Восточной Церквями. Кроме того, император Константин IX Мономах реформировал первый университет в мире — Константинопольский, основанный еще Константином Великим, а затем расширенный в 425 г. императором Феодосием II.

Значение Владимира Мономаха в русской истории было исключительным. Первое в России царское венчание, то есть коронование царским венцом, Дмитрия Ивановича (внука Ивана III) в 1498 г., а также и царское венчание первого в полном смысле слова царя, Ивана Васильевича Грозного, в 1547 г., символически совершались путем возложения на них шапки и барм (наплечников), которые всегда относились к Великому князю Владимиру Мономаху.

Владимир Мономах родился в 1053 г., за полтысячелетия до коронования Ивана Грозного и за год до раскола между западной и восточной частями, тогда еще для всех христиан общей Церкви, за год до смерти своего деда Ярослава Мудрого и за 400 лет до падения Константинополя. То была совсем другая историческая эпоха. Христианский мир еще был единым. **В Византии еще сияла великая культура, являя собой освященный православием синтез всех культур классической древности.** Русь еще была свободна, самобытна и не знала никаких травм: **«Киевская Русь со своим стольным городом Киевом вошла в историю России с ореолом славы, с памятью благоденствия, с нимбом святости. Воздухом, светом залита пленительная панорама Киевской Руси: свободой, простором веет от нея»** (Архимандрит Константин).

Русский народ любил Владимира Мономаха. Любил до того, что в своем творчестве иногда смешивал фигуру Владимира Мономаха с фигурой его прадеда, Владимира Святого. Летописец говорит о его кончине (19 мая 1125 года): **«Преставился благоверный князь, христолюбивый и благочестивый великий князь всея Руси Владимир Мономах, который просветил Русскую Землю, словно солнце испуская лучи; весть о нем прошла по всем странам».** Но и в московское время русский народ хорошо помнил Владимира Мономаха. В народной легенде XV века, о получении Владимиром Мономахом царских регалий в Византии, рассказывается **«поставление великих князей русских откуду бе, и како начаша ся ставити на великое княжение святыми бармами и царским венцом».**

В лето 6622 (1114 год после Р. Х.), говорит легенда, Владимир Мономах **«начал совет творити со князи своими и с бояры и с вельможи»**, о том, как князь Олег, а потом и Всеслав Игоревич ходили на Царьград. Интересно отметить эту «конституционную константу» нашего политического строя: глава государства всегда **«творит совет»** перед каждым, даже личного характера, решением. Он не обязан точно следовать полученному совету, но он не может ничего решать до получения совета от высших государственных руководителей. **Глава государства должен воплощать соборные решения.** (В свете этого, отречение Государя Императора Николая II, материально не имевшего возможности располагать таким соборным советом, является конституционно неполноценным.)

После совещания, князь Владимир **«совокупи многи тысяща воинств и отпусти их на Фракию Цареграда области... Тогда бе во Цареграде**

благочестивый царь Константин Мономах, и в то время брань имея с Персы и с Латины. И составляет совет благ премудрый царский, отряжает убо послы своя к великому князю Владимиру Всеволодовичю... От своя же царския вы снимает животворящий Крест от самого животворящего Древа, на немже распяты владыка Христос, снимает же от своя главы царский венец и поставляет его на блюде злате; повелевает же принести крабейцу сердоликову, из неяже Август царь Римский веселящися, посылает же и ожерелье, сиречь святыя бармы, иже на плещу своя ношаша...».

Византийский царь так обращается, согласно легенде, к русскому князю: **«Прими от нас сия честныя дарове на славу и честь на венчание твоего вольного и самодержавного царствия великия Росии, да нарицаешися благовенчанный царь, венчая сим царским венцом».** (Легенда путает лица: византийский император Константин Мономах был дедом по матери Владимира Мономаха, поход же на Византию предпринял в 1043 г. Владимир Ярославич, дядя Владимира Мономаха.)

В этой легенде бросается в глаза желание подчеркнуть самостоятельное, т. е. самобытное решение Руси получить для себя знаки высшей государственной власти и высшего государственного достоинства. Причем даже прибегается к утрированию этого лейтмотива нашей политики: знаки высшего государственного достоинства Руси добываются в результате применения силы, с оружием в руках. Опять бросается в глаза параллель с Владимиром Святым, который тоже самостоятельно, после свободного выбора, принимает Православие для Руси. В обоих случаях летописец подчеркивает внешнее обрамление этих исторических событий: военный поход на Византию заставляет ее отдать замуж за Владимира Святого свою царевну Анну, так же, как полвека спустя такой же поход заставляет ту же Византию отдать вторую царевну Анну замуж за Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха.

Невольно слышится в этом повторении одного и того же мотива (быть может, больше символического, чем исторического) как бы некоторое предупреждение для всей дальнейшей русской политики: **ничего, даже наилучшего и даже желанного, не принимать по чужому соизволению, но по собственному решению и разбору.**

Также обращает на себя внимание стремление сказания связать судьбу государственных регалий, получаемых Владимиром Мономахом, с судьбой древнего Рима и лично с судьбой кесаря Августа. На наш современный взгляд, затуманенный идеологизмами, это может показаться преувеличением и натяжкой, но по существу это полностью соответствует глубокой исторической правде. **Византийская государственность была римской государственностью, и даже чисто формально Константинополь был Новым Римом, как гласили даже патриаршие печати на официальных бумагах, присылаемых в Киев, Митрополию России.** Позже, во время избрания Михаила Федоровича Романова на царский престол, Земский Собор снова отмечает эту связь русской царской власти с римской государственностью и с кесарем Августом. Что это значит? Признание чужого превосходства, могут сказать норманисты: поэтому в свое время призвали варягов, а теперь призывают римский авторитет. Но, как мы выше видели, наши предки особенно подчеркивали свою **политическую независимость**, так что такое преклонение было бы с их стороны просто непонятным.

При подходе к таким историческим проблемам необходимо придерживаться прежде всего самих исторических фактов, последовательно чередующихся и развивающихся. Ведь наши предки без всякого зазора выводили свою государственную символику из Византии, точно так же, как византийские греки без всякого зазора ее выводили из Рима, в то время как древние римляне без всякого зазора ее выводили от Энея, легендарного героя Трои, и даже от своих врагов этрусков. А римлян в политическом комплексе малочисленности никак обвинить невозможно, хотя из восьми их царей (включая со-царствовавшего с Ромулом Тита Тация) **пять были чужеземцами!** Один из них, Тарквиний Древний, так прямо и говорит римскому народу, что он *«не первый из чужеземцев (чему всякий мог бы удивиться или негодовать), но третьим притязает на царскую власть в Риме: и Таций из врага даже — не просто из чужеземца — был сделан царем, и Нума, не знакомый с городом, не стремившийся к власти, самими римлянами был призван на царство...»* (Тит Ливий).

Может быть в этих словах — **«не стремившийся к власти»** — и лежит подсознательный психологический и юридический ключ для полного расшифровывания понятия легитимной власти. Власть, самолично добываемая, не полноценна. Легитимная власть не должна исходить ни из внутренней перетасовки, ни из личных манипуляций стремящихся к ней.

Если принять во внимание, что в конечном итоге субъектами истории являются культуры (или, как говорит Тойнби, «цивилизации»), то нужно учесть, что есть два основных типа этих культур: трансцендентные и нетрансцендентные. Трансцендентные культуры ставят свои истоки и свои цели вне самих себя, над собой, в то время как нетрансцендентные (имманентные, как говорит Грамши) культуры замыкают сами в себе и свою отправную точку, и все свои цели и устремления. Христианская культура — типичная трансцендентная культура, в то время как современная чувственная культура («сенсоральная», как ее называет Питирим Сорокин) является типичным примером нетрансцендентной культуры.

В связи с этим, можно предположить наличие двух типов легитимности, в зависимости от того, к какой культуре эта легитимность относится. У трансцендентных культур легитимность тоже будет трансцендентна, и своими истоками, и своими задачами. Другими словами, **власть даже будет более легитимна, если она не зависит от внутриобщественных комбинаций, лишь бы она служила высшим ценностям и целям, стоящим над самим обществом.** Так и был выбран, согласно Титу Ливию, второй римский царь Нума Помпилий: *«В те времена **славился справедливостью и благочестием** Нума Помпилий. Он был величайшим, насколько тогда это было возможно, знатоком всего божественного и человеческого права...».*

Легитимность власти, таким образом, оправдывается, во-первых, своим не узурпаторским происхождением (при смерти отец Мономаха, князь Всеволод, говорит сыну: *«аще ты подасть Бог прияти власть стола моего, по братии своей, с правдою, а не с насильем»*) и, во-вторых, своим полным подчинением тем ценностям и целям, которые весь народ **соборно считает для себя высшими.** Кроме того, все человеческие общества, по своей природе, имеют главной задачей **обеспечить своих членов от беззакония.** Это и есть **основная функция легитимной власти.**

Владимир Мономах был высшим проявлением идеи легитимности в русской политике, потому что он сознательно и открыто проповедовал необходимость **сопротивления беззаконию**, на почве нравственности.

Тут можно провести еще одну параллель со святым Владимиром: в основе народной любви к обоим князьям лежит их глубокая нравственность. Святой Владимир нравственно преобразился через принятие новой веры. Владимир Мономах уже родился в новой вере и не нуждается в преобразении, но он крепко стоит на нравственной почве своего прадеда. (**«Укрытый добрыми нравами»**, — говорит про него летописец.)

Величайшим памятником не только нашей русской литературы, но и государственности, является **«Поучение»** Владимира Мономаха своим детям, где он в самом начале, перефразируя Псалмы, указывает: **«Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю»**. А дальше, уже выходя за рамки права и нравственности, Владимир Мономах переходит (почти **900 лет тому назад!**) к **«социальной программе»**: **«Всего же более, убогих не забывайте, но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека»**.

Больше того, Владимир Мономах касается в своем «Поучении» и «гуманности», и «человеческих прав» в настоящем, христианском смысле: **«Ни невинного, ни преступного не убивайте ни велите убивать; хотя и будет достоин смерти, не губите никакой христианской души»**. **«Милостив же бже паче меры, помяная слово Господне»**, — говорит про Мономаха летописец.

Вот где корень непонятого иногда милосердия русской легитимной исторической власти, по отношению даже к своим врагам! Много веков спустя, Царь Александр II юридически отчеканит эту мысль: **«суд скорый, правый, милостивый и равный для всех»**.

Высшим, трансцендентным оправданием всякой власти является **«удерживание от тайны беззакония в действии»** (2. Солун. 2, 7). На этом: **на праве, на законе и на свободе от беззакония**, а не на привилегиях, правах и свободах во множественном числе зиждилась основная идея русской исторической власти, начиная со святого Владимира, святого Владимира Мономаха и святого Александра Невского.

Носитель Верховной Власти должен быть **Удерживающим от беззакония, «устраивающим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду по среде земля»**, как говорит митрополит Никифор в своем послании Владимиру Мономаху.

В наши дни безудержного натиска беззакония такое определение основных задач верховной власти становится снова весьма актуальным.

СОЛНЦЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Восьмисотлетие со дня рождения св. Александра Невского

Согласно церковному православному календарю, святой благоверный Великий князь Александр Невский родился ровно восемьсот лет тому назад, **30 мая 1220 года**, в городе Переславль-Залесский. (Хотя в некото-

рых источниках указывается, что он родился 13 мая 1221 года.) Когда он скончался, эту весть тогда митрополит Кирилл возвестил словами: *«Знай-те, чада моя, яко уже зашло солнце земли Суздальской. Не будет больше такого князя в Русской земле».*

Князь Александр Невский был сыном переяславского князя Ярослава Всеволодовича, внуком Великого князя Всеволода Большое Гнездо и прямым потомком великих русских князей Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого и святого Владимира. Его младший сын Даниил Александрович был первым московским князем и родоначальником московской ветви Рюриковичей. (Когда перечисляешь наших русских великих князей и царей, то всякий раз невольно удивляешься этому длинному перечню весьма талантливых и блестящих личностей, которых дала Руси наша русская Моноархия. Ни одна партия этого никогда не сможет сделать.)

Каждая исторически значительная страна отличается от других стран не только своей территорией, климатом, населением и собственным суверенным правительством, но также и своими отличительными духовными, мировоззренческими, культурными и бытовыми характеристиками. Именно в этом заключается подлинный «плюрализм», в хорошем понимании этого слова. Да и сама демократия, склонением каковой на все лады сегодня прикрываются многие пороки, абсолютно немыслима без реальной возможности для всех стран **свободно выбирать себе свой собственный исторический и мировоззренческий профиль.**

Этот исторический профиль формулируется во всех странах главным образом их выдающимися **историческими лидерами.** Одним из основных признаков такого «лидерства» является несомненное, очевидное и практически единодушное соборное согласие ряда поколений данного народа в безоговорочном признании своих определенных великих людей такими выразителями общей народной **исторической воли.** Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что такое **соборное согласие** является высшей формой **«консенсуса»**, «консенсуса» **устойчивого**, выходящего за рамки сиюминутных высказываний во время демографических опросов, консенсуса, простирающегося на многие поколения народа. Значит, это не партийный, а **общенародный** консенсус. Например, никто в США не сомневается в таком лидерстве Вашингтона, Джефферсона, Мэдисона и Линкольна. Их высказывания и определения являются важной составной частью мировоззрения этой страны.

Национальное и государственное мировоззрение России тоже формулировалось и определялось, в течение более чем тысячи лет, ее великими людьми и вождями: святым Владимиром, Ярославом Мудрым, Владимиром Мономахом, святым Александром Невским, святым Димитрием Донским, святым Сергием Радонежским. Уже в современную эпоху этот список наших исторических национальных лидеров можно дополнить такими именами, как генералиссимус князь А. В. Суворов, святой Феодор Ушаков, адмирал П. С. Нахимов, Великий князь Константин Константинович и так далее. Нельзя также забывать и наших многочисленных великих деятелей русской культуры и русской науки, несметно обогативших своим творчеством мировую цивилизацию.

Например, сегодняшняя наука немыслима без путеводных достижений таких великих русских гениев, как Ломоносова, Лобачевского, Циолков-

ского и Менделеева. Также и в мировых литературе, музыке и в остальных отраслях искусства Россия имеет своих не менее достойных и не менее выдающихся представителей. Причем весьма знаменательно, что все они творили в общих рамках нашей великой **русской культуры**, в согласии с нашим **русским мировоззрением**.

Святой Александр Невский занимает ключевую позицию в русской истории и в русском мировоззрении. Хронологически его жизнь проходила не только на стыке двух великих периодов русской истории, когда заканчивалась ее славная Новгородско-Киевская эпоха, длившаяся ровно четыре века (от основания Русского Государства в Новгороде в 862 г. до смерти самого святого Великого князя Александра Невского, в 1263 году). Именно от него, через его сына Даниила, первого князя Московского, началась та ветвь русских государей, которая снова воссоединила всю Русь, после ее тогдашнего первого расчленения. Кроме того, святой Александр Невский оставил России навсегда свое духовно-политическое **завещание**, в основном состоящее из двух заветов, бывших для нее фундаментальными с самого начала Русского Государства: **сохранение Россией своей самобытности и своей правды**.

При святом Александре Невском самобытность наша оказалась одновременно подверженной двум смертельным опасностям: с Востока и с Запада. Как видно, именно тогда, **уже при святом Александре Невском, наступила для нас та же самая геополитическая современность, которая продолжает угрожать нам и сегодня**. Так что тогдашняя удачная политика этого нашего великого государственного деятеля является в этом отношении для нас и сегодня направляющей. Особенно это касается его **категорического отказа от нашего духовного самоубийства перед Западом**, с ошибочной надеждой обеспечить себе этим лучшие позиции в глобальной перспективе.

При этом нельзя не отметить мудрую, но малоизвестную, реакцию св. Александра Невского на другую тогдашнюю опасность, с Востока. Это была опасность **самоубийства физического**. Александр Невский был не только талантливым полководцем, в двадцатилетнем возрасте добившимся блестящей победы над опытными и матерыми западноевропейскими рыцарями, но и дальновидным политиком и дипломатом. Он лично сыграл немалую роль в достижении автономии Золотой Орды, тогда пораболившей Русь, от монгольского центра татарской империи. Со временем, Золотая Орда, уже ставшая тюркским (главным образом половецким) государством, но с династией монгольского происхождения, распалась на ряд автономных тюркских ханств, (сохранявших монгольское наименование «татар»), которые затем поэтапно вошли в состав Всероссийской Империи.

Идея **русской правды** присутствовала неизменно в Русском Государстве с самого его основания. Сегодня в русском языке понятие «**правды**» зачастую приравнивается к понятию «**истины**». Однако, это понятие истины, в свою очередь, тесно связано с понятиями **права и закона**. Например, греческий термин «*dikaioσύνη*», соответствующий латинскому «*justitia*», в четвертой евангельской заповеди блаженства переводится как «**правда**». (Это слово встречается в Новом Завете более восьмидесяти раз.)

Поэтому «**русская правда**» — это скорее «русское право», чем «русская истина», что и подтверждается названием первого русского Свода законов, составленного Великим князем Киевским Ярославом Мудрым в XI веке. В

свою очередь, латинские слова *veritas*, *verus* и немецкое слово *Wahrheit*, обозначающие «истину», этимологически родственны русскому слову «вера», что указывает на тесную смысловую связь между этими понятиями.

Если принять во внимание, что в ветхозаветном и в христианском понимании право, в конечном итоге, восходит к Закону, данному Богом, то в обоих этих понятиях «истины» и «права» мы находим объективную и даже абсолютную основу. Абсолютный характер правды подтверждается в русском языке и в области музыки выражением *«не врите»*, в смысле: *«вы взяли неправильную ноту»*. В данном случае, **истина одна**, так как в музыке правильную ноту можно точно определить и выразить точным числом колебаний звука. Таким образом, **«правильная нота»** одна, абсолютна, то есть не относительна.

Только отклонения от этой одной определенной частоты (т. е. «вранье») могут быть множественными (плюралистичными) и относительными по отношению к ней.

Таким образом, известное и популярное изречение святого Александра Невского **«не в силе Бог, а в правде!»** имеет не только политический, но и гораздо более глубокий историософский и философский смысл.

Хронологически первое упоминание о **праве** в нашей истории находится в описании самого учреждения нашего Государства. Летопись отмечает под 862 годом первое учредительное суверенное решение нашего народа: *«Реша сами в себе: поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву»*.

«Править по праву» является главной идеологией Русского традиционного государства. Известный аргентинский политолог Гарсия Вентурини обращает внимание на слова святого Александра Невского на Вече, когда новгородцы ему кричали: **«Княже, мы любим тебя»**. Он им тогда ответил: **«Я к вам прибыл не для того, чтобы вы меня любили, а для того чтобы я вами правил»**.

Русские князья и цари не занимались демагогией (и не нуждались в ней), а **служили** России. Поэтому на раке святого благоверного Великого князя Александра его заслуги перечислены весьма кратко: **Тщательно проходил свое служение**. На Втором Общекадетском съезде в Санкт-Петербурге, в сентябре 2009 г., мы все, участники этого Съезда, прикладывались к ней и могли прочесть это определение заслуг святого Александра.

В то же самое время соседние викинги утверждали: **«Мы не признаем другого права, кроме права меча, у нас нет иной цели, кроме умерщвления врагов и грабежа»**. Им отвечал первый русский новгородский епископ Лука: **«Имейте любовь ко всякому человеку... Люби правду и за правду, за Божий закон, будь готов умереть»**. (При епископе Луке строилась новгородская Святая София, как завершение трехсегментной духовно-геополитической оси Константинополя, Киева и Новгорода, с одноименными храмами, посвященными Премудрости Божией.)

Наш народ всегда сознавал жизненную необходимость **правды и права**. Это сознание проходит красной нитью через всю нашу историю и связывает собой легитимную власть с народом. Именно **отсутствие этого нашего высшего принципа у временщиков, самозванцев и воров** всегда обличало их **власть как нелегитимную**.

Уже киевляне говорили князю Игорю: **«Аще кому будет из нас обида, то ты прави»**. Его правнук, Великий князь Киевский Ярослав Мудрый,

составляет *«Русскую правду»*, первый Свод русских законов. Летописец видит высший беспорядок в том, что во время болезни сына Ярослава Мудрого, князя Всеволода, *«людям не доходити княжей правды»*. Сын Всеволода, Великий князь Владимир Мономах, в своем Завещании указывает своим детям-воинам: *«Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо делающие зло истребятся, уповающие же на Господа наследуют землю... Всего же более, убогих не забывайте, но насколько можете по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека... Ни невинного, ни преступного не убивайте ни велите убивать; хотя и будет достоин смерти, не губите никакой христианской души»*. Летописец говорит про Владимира Мономаха: *«Милостив же бяхе паче меры, помяная слово Господне»*.

Легитимный носитель Верховной Власти в России должен быть **Удерживающим от беззакония**, *«устраивающим словеса на суде, хранящим истину в веки, **творящим суд и правду** по среде земли»*, как говорит митрополит Никифор в своем послании Владимиру Мономаху.

Легитимность власти оправдывается, во-первых, ее не узурпаторским (сиречь не революционным) происхождением (при своей смерти, отец Владимира Мономаха, князь Всеволод, говорит сыну: *«Аще ты подасть Бог прияти власть стола моего, по братьи своей, **с правдою, а не с насильем»**»*) и, во-вторых, своим полным подчинением тем целям, которые весь русский народ соборно считает для себя высшими. Все это и было резюмировано святым Александром Невским семью словами: **«Не в силе Бог, а в правде!»**.

Однако, сегодня этот наш девиз приобретает еще одну весьма важную, доселе мало замечавшуюся проекцию. Ведь это сегодня, как и тогда, как и всегда, подлинная альтернатива по отношению к другой, выше отмеченной программе, выраженной словами: *«Мы не признаем другого права, кроме **права меча!**»*.

Согласно этому нашему девизу, только **право и правда** являются подлинной альтернативой для меча. Вернее, меч вообще только и допустим и оправдан, если он служит инструментом права. Сегодня весь мир жадно жаждет такой альтернативы права и правды. Другой альтернативы у мира нет, тем более после позорного провала всех космополитических идеологий, пытавшихся подменить своими мифами коренные нравственные принципы человечества, в том числе и права.

Весь мир сегодня знает, иногда подспудно, а зачастую и сознательно, что только Россия, если она вернется на свой собственный правильный путь, может быть глобальным катализатором такой **альтернативы правды, истины, права и справедливости**. *«Якоже чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благодетели и правде и истине»* (Еф. 5, 8–9).

Кроме того, именно сегодня одновременное требование **истины и справедливости** стало особенно актуальным после систематических злодеяний разных человеконенавистнических диктатур XX века. В Латинской Америке все левые течения, включая даже и коммунистов, давно выдвинули требование: *«Verdad y Justicia»* (истина и справедливость). Ведь, после многих злодеяний, сегодня уже невозможно судить всех виновных, но **необходимо хотя бы, чтобы истина об этих злодеяниях была недвусмысленно установлена**. В этом заключается минимальная справедливость, от которой никто не имеет права откаться.

Сегодня часто подымается и вопрос о необходимости объединений, в том числе кадет, суворовцев и нахимовцев. Однако, подлинное объединение, как и подлинная свобода, возможны только лишь **в истине и правде**, или, как говорят по-испански сегодня в Латинской Америке: **«en verdad y justicia»**. **«И познаете истину, и истина сделает вас свободными»** (От Иоанна, 8, 32). Объединение требует также и устранения разъединяющей символики, ибо оно возможно только лишь под объединяющей символикой наших общих предков. В рамках именно таких всеобщих надежд на конечное торжество истины и правды, и с целью их подтверждения, многие еще живые русские зарубежные кадеты и выдвинули сегодня снова этот наш общий старый непобедимый русский девиз: **«Не в силе Бог, а в правде!»**

Кадетский Президиум Русских зарубежных кадет установил девизом XIX Кадетского Съезда русских зарубежных кадет, состоявшегося в сентябре 2007 г. в Москве, это изречение святого благоверного Великого князя Александра Невского: **«Не в силе Бог, а в правде!»**. Так гласило и первое изречение на арках храмового свода в Первом Русском Великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе, в Белой Церкви, в Югославии. День святого Александра Невского 6 декабря по новому стилю был корпусным Праздником этого корпуса.

Это изречение стало девизом всех последующих кадетских съездов. Четвертый Общекадетский съезд, состоявшийся в Хабаровске в 2014 г., который я имел честь открыть, тоже имел своим девизом эти слова святого Александра Невского. В этом отношении, кадеты, суворовцы и нахимовцы сегодня стали в авангард русской мысли.

Русские СУДЬБЫ

*Мой отец пережил лагерь,
но не пожалел о том,
что вернулся на Родину.*

Зураб ЧАВЧАВАДЗЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Зураб Михайлович Чавчавадзе, князь — родился 22 января 1943 г. в Париже. Окончил факультет западноевропейской филологии Тбилисского государственного университета. Работал в НИИ научной информации в Тбилиси, преподавал в Грузинском государственном университете. В 1990 г. стал одним из организаторов Российского дворянского собрания, позже приостановил свое членство в нем. Сегодня — генеральный директор Благотворительного фонда святителя Василия Великого. Директор православной гимназии святителя Василия Великого в деревне Зайцево. **Живет в Москве.**

Мои родители — отец, офицер лейб-гвардейского Конно-гренадерского полка Михаил Чавчавадзе и мать Мария Чавчавадзе после революции и Гражданской войны покинули Россию. Они эмигрировали во Францию в 1920-е годы, но, не выдержав разлуки с родиной, в 1948 г. вернулись в СССР. Мне было тогда пять лет, и в памяти остались только отдельные моменты: поезд из Парижа в Марсель, пароход, на котором мы плыли в Батуми. Правда, когда спустя десятилетия я снова попал в Париж, то узнал дом, в котором мы жили. Чтобы понять, почему мы вернулись, нужно знать историю русской эмиграции. Когда началась Вторая мировая война, в эмигрантских кругах произошел раскол. Некоторые надели немецкие мундиры, выбрав немецкую сторону. Таких, правда, было немного. Другие сопереживали гитлеровцам, рассчитывая, что они уничтожат коммунизм. Но значительная часть эмиграции была настроена иначе и желала победы Красной армии. Даже Деникин, лютейший враг большевиков, сделал заявление, что если бы советское командование его пригласило, он готов возглавить дивизию. Мои родители были из этого числа. Мой дед, полковник, улан гвардейского полка, участник Белого движения, когда узнал, что Сталинградская битва кончилась разгромом немцев, на радостях покрасил простыню в красный цвет и вывесил на балконе, чем чуть нас всех не погубил. Друг семьи случайно заметил и поспешил снять наш самодельный красный флаг. Это случилось в 5 утра, а в 6 мимо уже шли гестаповцы в центральный штаб гестапо, находившийся рядом с нашим домом.

Когда война победоносно завершилась, многие эмигранты поспешили в российские посольства с просьбой о репатриации. Мы возвращались на теплоходе «Россия», на котором с нами плыли тысячи людей. Таких кораблей было несколько, и каждый сделал не по одному рейсу. Но на родине с нами обошлись не очень хорошо. Спустя два года отца арестовали, обвинив в том, что он агент пяти разведок, по количеству стран, которые он пересекал на пути во Францию. Он получил «титул» врага народа, а мы стали семьей врага народа, нас сослали в Южный Казахстан. В этой ссылке мы (мама, дед, мои братья, сестры) оттрубили шесть с половиной лет с большими трудностями и риском для жизни. Мой дед умер там от истощения. Но мои родители не жалели о принятом решении.

Когда отца освободили, мне было тринадцать лет, но условия жизни рано сделали меня взрослым. Я хорошо помню, как оценивал свое решение о возвращении отец. Он говорил, что очень переживает за детей, которым дорого обошлось его решение, но сам лично ни в чем не раскаивается. Живя за границей, он не мог избавиться от гнетущего ощущения, что не разделяет судьбу своего народа. А после того как, возвратившись, хлебнул по полной программе, уже мог сказать, что теперь он вместе со своим народом и заслужил право ходить по родной земле. Наша семья прошла тяжелые испытания, но мы сохранили свои корни. Кстати, семьи эмигрантов, которые сохранили родной язык и патриотический дух, постепенно возвращаются на родину, хотя идут уже третье и четвертое поколения «первой волны» эмиграции.

У меня была аристократическая фамилия. Я понимал, что государственная служба и военная карьера не для меня (хотя до дрожи обожал все, что связано с воинской службой). Я оказался первым по отцовской линии, кто не служил. Все мои предки были офицерами, получали военное образование, а потом развивали таланты и становились дипломатами, писателями, общественными деятелями. Я не мог стать комсомольцем, членом партии и пошел по научно-педагогической стезе. Окончил Тбилисский госуниверситет, преподавал французскую филологию. В 1990 г. мы с князем Голицыным организовали Российское дворянское собрание. Мы мечтали возродить дух дворянства, традицию воспитания. Но не все получилось, как задумывалось. В наши ряды влились «советские дворяне», которые, боясь преследований, в 30-е годы меняли фамилии, сжигали документы, фотографии. Вместе с этим они во многом утратили и сам дворянский дух.

Мы пытались возродить главное, что было в дворянском сословии — его идеал, его дух, в центре которого — идея служения, чести, рыцарства и благородства. Все остальное — титулы, гордость за предков и прочее — только название. Я помню, как в детстве я не ладил с какими-то мальчишками — еще до ареста отца и ссылки в Казахстан — и заявил им, что я князь, и они не имеют права со мной так обращаться. Когда моему отцу рассказали об этом... Никогда не забуду этого разговора. Мне было шесть лет, и отец сказал мне: «Когда ты кичишься своим титулом, ты автоматически его теряешь. Ты его стер, попра!» Он мне объяснил, что этого никогда нельзя делать, что я должен, наоборот, быть ниже всех остальных. Вот тогда я имею право носить дворянский титул. А, кстати, те, кто проявлял кичливость и снобизм, считались в дворянском обществе нерукопожатными. Главное в том, что дворян недаром называли служилым сословием. Дворян-

*Надежда Геннадьевна (бабушка)
на балу в Зимнем дворце, 1903 год.
Из личного архива
князя Зураба Чавчавадзе*

ство — это служение, это одни обязательства: перед людьми, государством, обществом, одни обязательства... Кому много дано, с того много и спросится.

Пока был жив наследник престола Великий князь Владимир Кириллович, я был его личным представителем в России. Но самое важное, мы никогда не теряли связи с Церковью. Мы воспитывались в православном духе, всегда хранили веру и ходили в храм. Хотя в хрущевские годы это категорически не приветствовалось. Сейчас я возглавляю православную гимназию святителя Василия Великого.

Мы были приучены к Церкви, мы жили в Ее лоне, регулярно исповедовались, причащались. И гонения нас только укрепляли. Власть не понимала, что создает обратный эффект: у нас возникало желание защитить Церковь, отстаивать ее позиции! Я не знаю, был ли я ког-

да-нибудь более горячим апологетом Православия, как тогда, когда меня вызвала директор школы и сказала: «Где твой Бог?» Я сказал: «Бог везде. Он в Вас». Это ее, бедную, больше всего выводило из себя — покойную ныне Александру Тихоновну...

Сейчас много говорится о примирении с историей. Я думаю, что от идеала примирения мы еще далеки. События 90-х годов поляризовали общество, водораздел прошел даже по семьям: два брата могут скандалить, защищая абсолютно противоположные ценности. Тогда же появилось поколение, выбирающее Pepsi и копирующее западные псевдоценности. Но мы этим переболели, и сейчас чувство здорового патриотизма берет верх. Нас всю жизнь натравливали друг на друга по национальным, классовым, профессиональным признакам, а в России всегда разноэтничный, разнорелигиозный народ жил в мире и созидал свой дом крепким, мощным, растущим и процветающим. Мы еще далеки от конечной цели, но происходящие изменения внушают оптимизм.

Владимир КРУПИН

«ЗЕМНАЯ ГВАРДИЯ ГОСПОДА»

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 г. в с. Кильмезь Кировской области, сын лесничего. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был главным редактором журнала «Москва». С 1994 г. преподает в Московской Духовной академии. Главный редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Огромность России я начал постигать с первого полета в Восточную Сибирь, в Иркутск. 1972-й год, конференция «Молодость, творчество, современник» (МТС). Там я познакомился с так называемой, появившейся в молодой литературе России, Иркутской стенкой: Распутин, Пакулов, Китайский, Гурулев, Машкин, Шугаев, Суворов, совсем тогда молодой Хайрюзов. Сильное пополнение вливалось тогда в литературу России. Легко сравнить это благодатное пришествие с сибирскими полками 41-го года, спасшими Москву.

Но об этом много написано, сейчас я о том, что меня поразило. Мы летели, тогда летали с посадкой в Омске, часов семь. Безконечные, неохватные взглядом просторы. Вылетели из Москвы вечером, сели в Иркутске, Москва еще вовсю спит, а тут уже сияет завтрашнее солнце. Куда исчезли из жизни пять часов? Потом они к нам вернуться, когда мы вылетим из Иркутска рано-рано утром и прилетим в Москву тоже рано утром. Было ощущение, что летим на крыльях рассвета, несем его к Уралу и за Урал. Рассвет в Европе идет от нас.

И с тех пор привязалась ко мне привычка ощущать начало дня движением его от востока. Я не умозрительно, не по карте представлял движение наступающего дня, а по личным ощущениям.

Ночь. Ворочаюсь на постели и понимаю, что в Петропавловске-на-Камчатке утро. Мысленно поднимаюсь на высокую сопку над заливом. На соседней сияет куполами прекрасный нововозведенный храм. Представляю Шанхай, Пекин, Улан-Батор. Движется день: Магадан просыпается, Хабаровск (Амур), Кемерово, опять же Иркутск (Ангара), Красноярск

(Енисей), Омск, Томск, Барнаул, Оренбург, Тобольск, Тюмень, Алма-Ата, Ташкент, Екатеринбург, Ижевск, Пермь, Сыктывкар, Вятка, далее по тексту огромное количество городов России и Европы. Любимый Ближний Восток. Везде пролетает ангел рассвета, нового Божия дня. А вслед за стремительно проходящим днем накрывает пространства крыло ночи.

Все в памяти зрения. Везде же был, везде знакомые. Почти везде причащался.

И как раз эти Божественные Литургии и Причастия меня успокаивают. Все будет хорошо, ничего с нами не случится: вот вынесли Чашу с Дарами во Владивостоке, через час-два-три выносят в Благовещенске, и так далее, до Калининграда, а закончат причащаться на западе России, на востоке уже вновь читают Правило ко Причащению. И вновь, «со страхом Божиим и Верою» приступают к принятию Тела и Крови Христовых люди православные — земная гвардия Господа.

МЫ ПШЕНИЦА ИЛИ ПЫЛЬ?

Преподобный Ефрем Сирин объясняет падение Константинополя, потерю имени императора Константина и замена его на Стамбул, превращение великого храма Софии, Премудрости Божией в мечеть Айя-София тем, что вначале упала Вера православная.

Все, тогда происшедшее (1453 г.), близко к нашему сегодняшнему положению. Разница в том, что на нас не турки напали, а вирус. И в природе он вывелся или в лаборатории, неважно, он нам наказание по Божию попущению.

Разве мы не заслужили наказание? И мы, прихожане, и наши любимые пастыри? Как тогда пострадала вера православная, так и теперь страдает.

Так как я многократно убеждался в малой просвещенности светом Христовым нашей молодежи (не говорю о православной), то считаю нужным хотя коротко рассказать о трагичнейшей судьбе столицы Восточного Православия, Византии (Константинополя). Ее предали на Ферраро-Флорентийском соборе, на котором пытались сохранить Византийскую империю. Но для этого надо было признать главенство католического Рима, который обещал за это военную помощь. Вроде бы, кроме Марка Ефесского, признали, то есть предали веру христианскую. А в итоге потеряли веру и защиты не получили.

На соборе от России был митрополит Исидор. Награжденный на нем званием кардинала, вернулся в Москву. На первой же службе в Успенском соборе Кремля возгласил поминовение папы Римского. Скажете: ну и что, это же просто фактически пожелание здоровья, благоденствия, долгоденствия, нет, это предательство. Потерпеть власти католиков русские не могли. За что же тогда стояли киево-печерские старцы, русские князья, начиная с Александра Невского?

С митрополита Исидора сорвали облачение, посадили в темницу. Он бежал. Я почти уверен, что ему позволили бежать. А что с ним делать? И догонять не стали. Прибежал к папе, получил должность представителя папы в Константинополе. То есть, вот уже какая шаткая вера наступила в Риме, что предателя веры держали на высокой должности. Когда турки осадили столицу, Исидор свое кардинальское облачение обменял на лохмотья нищего, и

в этом «облечении» бежал. А нищего приняли за него, убили, выставили его голову как кардинальскую. Дальнейшее про Исидора неинтересно.

Но надо возвеличить последнего императора Византии, Константина XII. Он мог покинуть осажденный город, но он обратился к войскам (а турецкие войска превосходили греческие численностью в семь раз плюс мощная артиллерия), сказал: «Сколько великих и славных царей, бывших здесь прежде меня, пострадали за свое Отечество: неужели я, последний, не поступлю подобно им? Нет, я умру здесь, с вами».

Воины греческие сражались отчаянно, но были явно обречены. Константинополь пал еще и от того, что после предательской Флорентийской унии его наводнили турки, на всех площадях звучала турецкая речь.

И цитатой из сочинения преподобного Ефрема Сирина закончим:

«Дело ясно, — сами видите, как наказывает нас Бог посредством нечестивых... Вместо того, чтобы быть пшеницей, мы стали пылью: и вот внезапный сильный ветер от востока развеял нас. Мы не искали убежища в едином убежище спасения (стаде Христовом. — В. К.), и нас не спасли самые укрепленные города. Наши пастыри из суетной славы стремились к высшим степеням: и вот они лежат поверженные на земле, или отводятся в страну магов».

Так пыль мы или зерна пшеничные?

ФАШИЗМ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Уж, казалось бы, за шесть тысячелетий человечество опытным путем исследовало все пути жизни человеческой. И индивидуальной, и общественной. Но почему же ни человек, ни общество никак не становятся умнее? Ведь только дураки могут позволить надеть себе на голову узду так называемого «мирового порядка», а на шею хомут так называемых «общечеловеческих ценностей».

Там, где этот порядок, как правило, насильно внедряется, льется кровь, ломается устоявшийся быт, рушится национальная культура, отчаяние и безысходность овладевает душами людей.

В самой главной войне истории человеческой цивилизации, Великой Отечественной, был побежден фашизм. Казалось, навсегда. Но вот он опять являет свой звериный лик, сопровождая и охраняя шествие по миру «мирового порядка».

Так кто же или что же остановит нашествие фашизма новых времен? Без этого миру спокойно не жить. Такие времена настали, что никто даже и не заикается о светлом будущем. Какое светлое? Какое будущее? Мы же постоянно видим, что человек становится не лучше, а хуже. Где эта хвалебная эволюция?

Нет эволюции. Если и есть, то только со знаком минус.

Но откуда же взялся фашизм? И неужели кто-то еще думает, что его можно остановить дипломатией, экономикой, деньгами, оружием? Все перепробовано и все не помогло. Его остановит единственное — обращение западного мира к Иисусу Христу.

Так откуда же взялся фашизм? Где его корни?

Распятие и Воскресение Христа — это не история, это непреходящий центр мировой жизни. У Бога нет времени, он вечен и бесконечен, всегда

был и всегда будет. Он любит нас, дал нам свободу выбора. А на что ее тратит человечество? Мы, православные, живем для соединения с Богом, это главное наше отличие от теперешних наших недоброжелателей.

А остальной мир? В этом мире уже не стыдно, а почетно быть гомосексуалистом. А отчего погибли города Содом и Гоморра, Помпея, разрушен Карфаген? Именно из-за Божьего гнева к этой мерзости. И что, Богу трудно еще пару раз тряхнуть землю под нечестивцами?

Времена раннего христианства. Гонения на христиан. Кровь, пытки, костры, казни, звери разрывают верующих... и что? Учение Христа только усиливается. Ибо люди видят великую награду для мучеников — жизнь бесконечную.

Браги Христа видят бесполезность физических гонений на христиан и идут по пути хитрому, иезуитскому — изгоняют из Священного писания его Христологическую основу. Убирают из Ветхого Завета книги Маккавеев, Пророка Исаии, других, говоривших о приходе в мир Сына Божия, уродуют сердце Ветхого Завета — Псалтирь, изгоняя из него все, что говорит о спасении. Оказывается, Бог не воскрес, а «проснулся». Делают так называемый масоретский перевод Библии, который стал основой для латинского его варианта — Вульгаты.

Мы, слава силе Твоей, Господи, получили перевод Писания, выполненный семьюдесятью толковниками, так называемую Септуагинту, сохранившую чистоту первоначальных источников Священных книг.

Итак, западный мир стал жить без Христа, а что из этого получилось, мы видим воочию. Держат его на плаву только доллар, дубинка и наглость.

Вообще, думающие люди Запада, а они и там были, где-то к средним векам стали соображать, что что-то неладно: Писание есть, а миропорядок рушится. Стали с тоской вспоминать античность и ее возрождать, и время это доселе слывет как время Возрождения. Но какое там возрождение? Возрождалось дикое язычество. Ну да, Парфенон, Фидий, фаюмский портрет, олимпиады, театр... Но ведь все это без центра, без Единого Бога. Богов на Олимпе много, да нет симфонии: Геба ветрена, Гефест хромает, Посейдон мокрый, Афина на охоте, Афродита у зеркала...

Не получилось у Запада никакого возрождения: продолжались войны, грабежи, работорговля, золотишко заехало в красный угол. Спаситься бы от этого молитвой, но кто будет молиться, у кого она сильна? В монастырях разврат. Дошло до того, что от греха стало можно (и модно) откупиться. Купи индульгенцию, получи квитанцию и иди, греши. Кстати, Лютер восстал как раз против индульгенций. Протест честного человека. Но потом он поставил в основание протестантизма не восточную Церковь, а понятие прихода, и что? И стали протестанты плодиться без передышки. У всех своя платформа, свои вожди, и все, конечно, по-своему правы. А это как раз признак сектантства.

Энциклопедисты выбивались из сил, доказывая, что можно прожить без Бога. Особенно сатанист Вольтер. Да и Руссо, и Дидро. Руссо: «Главная привычка — не иметь никаких привычек», — искалечил «зеркало русской революции». Лев Толстой даже образок с изображением Руссо на шее вместо крестика носил. Увы, сильны бесы, слушали больше их, а не здравые умы Гете, Ломоносова, Державина, Пушкина, святых. И позднее, хорошо ли читали Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Леонтьева, Ильина? А Данилевского?

Вернемся в XVIII—XIX века. Думали, думали западные умы, что же спасет мир? Додумались — чувства, воспитание чувств! Джон Локк доказывал, и это вроде правильно, ведь именно чувствами мы познаем мир. Но одному холодно, другому в это же время жарко, одному недосолено, другому пересолено. Одному верста коротка, другому и аршин длинен. Словом, как в присказеньке, один говорит: стрижено, другой: брито.

Кант, Гегель, эти взялись за разум. И тоже верно: кто управляет чувствами? Разум. Но и с разумом незадача, он же разный у всех. Опять перессорились.

Далее замаячили Шопенгауэр, Ницше. Эти ребята посерьезнее. У них есть железное слово: воля. Воля, она разгуляться ни чувствам, ни разуму не даст. И вот как раз тут-то диавол и высовывает на свет теорию происхождения видов Дарвина. О, какое ликование было в стане безбожников! Не Бог нас сотворил, не Бог, от обезьяны мы. Кстати говоря, ведь они это о себе говорили: доселе эти потомки шерстяных тварей цепляются за всякие черепа неардертальцев, за коллайдеры. Что угодно, лишь бы без Бога обойтись.

Без Бога хотели дойти до образа сверхчеловека. Как иначе: от инфузории-туфельки дошли до человека, надо дальше идти. Отсюда и фашизм, он от обезбоженности. Шли к человеку, дошли до озверения.

Не спасали конституции: где конституция, там безправие. Не спасали банки: где банки, там нищета, не спасали партии: где партии, там интриги, склоки и вранье и т. п. Миром правила и правит жадность: к власти, к богатству, к пространствам, к славе. От Бога установленная система монархической власти была свергнута революциями, и если где она еще осталась, то в картонном, декоративном виде, а не в настоящем, когда царь — единовластный хозяин и отец нации.

Неужели еще кто-то из простаков верит, что демократия создана для людей? Создана для их безправия, унижения, ограбления. Царствует при ней, особенно в России, диктатура воровства. А что нас жалеть, сами же в нее верили. Кому верили? Чикагским мальчикам, Горбачеву? Пьяному руководителю с лицом ресторанного вышибалы? Почему же не верили, не вняли святому Иоанну Кронштадтскому, сказавшему на все времена: «Демократия в аду». В аду и живем. Так нам и надо.

В сверхчеловеки славян не пустят: черепа (по теории Ломброзо) не подойдут. В сверхчеловеки нам, славянам, нельзя, мы недочеловеки, унтерменши, нам хватит водки, табаку и балалайки. Да еще егэ-образного обезьяньего образования. При котором так и не научишься читать и писать, а только будешь тыкать в кнопки, утыкаться в большие и маленькие экраны, любоваться развратом, ржать над пошлостью и мерзостью «камеди-клавов», поглощать синтетику и отраву современной пищи, пить, курить и колотиться. И верить, что Россия способна развязать войну. И что фашистов победила Америка. И что гомосексуалисты — это хорошо, а целомудрие плохо.

В мире одно противостояние: кто за Христа, кто против. Все остальное прикладное.

Фашизм не победить, пока запад не обратится ко Христу. Это единственное условие. Все другое от лукавого.

И не надеяться, что мы скоро его победим.

Молиться надо! Спаси, Господи, Россию, Дом Пресвятой Богородицы!

Филипп МОСКВИТИН

РОССИЯ НЕБЕСНАЯ

*Искусство
и национальная идея.
Разговор со зрителями*

Филипп Александрович Москвитин — художник, иконописец, скульптор, публицист, род. в 1974 г. в Иркутске в семье художника, жил в Санкт-Петербурге. Окончил Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества, аспирантуру под руководством проф. Ильи Глазунова, член Союза художников России, член-кор. Академии Российской словесности, доцент факультета церковно-исторической живописи РПУ св. ап. Иоанна Богослова. Имеет более 30 персональных выставок в центральных залах России, а также награды от Русской Православной Церкви и Российской академии художеств. **Живет в Москве.**

Основные смыслы христианства заложены в Господней молитве «Отче наш». Как писал митрополит Филарет (Дроздов), «Молитва Господня — такая молитва, которой Господь наш Иисус Христос научил апостолов и которую они передали всем верующим». Жертвенный подвиг Иисуса Христа стал и святым образом, и образцом подобия для верующих людей, осознавших, что спасение и возрождение человека возможно через принесенную им жертву. В русских иконах суть Господней молитвы через символические композиции связана с русской историей, основное содержание которой составлял во все времена, вплоть до наших дней, воинский подвиг. «Жизнь за други своя» — это стержень жизни, это сквозной метафизический смысл, позволяющий не только узнать, но и увидеть историю России во всех ее трагических и героических событиях.

Святая Русь показала пример государственного устройства и жизни по заповедям Христовым. Сегодня мы обращаемся к этому историческому опыту, теряющему с течением времени конкретные очертания. Однако понимание его общенационального и религиозно-нравственного значения сохраняется. Народ стремится к объединению вокруг исторических святынь, понимает, что преемство русской жизни и истории является залогом благодатного существования нашего государства. Много способствуют в возрождении «русской национальной идеологии», без которой невозможно возрождение патриотизма, провозглашенного сегодня базисом национальной идеи, искусство, особенно живопись. Посредством произведений искусства можно здраво сформулировать и до-

ходчиво объяснить народу, что воля к жизни, победа над врагом — основные свойства нашей жизни, не имеющие временного счисления.

В своих размышлениях о будущем России митрополит Иоанн (Снычев) говорил: «Вне всякого сомнения, последние десятилетия русской жизни — великое, героическое время! Надо лишь помнить, что это величие не в том, что мы стреляли друг в друга на фронтах гражданской войны, не в том, что поверили лукавым вождям, разорили коллективизацией крестьянство, под корень вывели казачество, допустили вакханалию массового антирусского террора, разгул святотатства, безбожия и богоборчества! Нет, героизм в том, что, несмотря на все это, мы ценной невероятных жертв и ужасающих лишений сохранили в душе народа искру веры, горячую любовь к Родине; что мы дважды (после революции и Великой Отечественной войны) отстраивали обращенную в пепелище страну, вопреки всему создали мощнейшую державу с развитой экономикой и непобедимой армией»¹.

Во дни и месяцы празднования 75-летия Великой Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, явилось много признаков возрождения исторической тысячелетней России, имеющей другое сущностное имя — Родина. Да, это наша и моя Родина, которую каждый из нас каждодневно защищает по мере своих способностей и дарований, понимая, что Россия окружена злобной силой, ежечасно трудящейся на уничтожение христианской страны. Я — художник, художник с раннего детства и мыслю себя неотъемлемой частью России земной и небесной, России исторической и современной, дарующей мне духовные силы и вдохновение. Ставлю для себя задачу создания программ: тематических экспозиций, авторских выставок, для приобщения народа к пониманию искусства и через него — русской истории. Сейчас много говорится и делается для подготовки будущих защитников Отечества. Для них важно не только услышать факты из российской истории, но и увидеть небесных покровителей героев, узнать великих полководцев, офицеров и рядовых солдат, понять, чем руководствовались они в своих свершениях, заметить в их глазах свет вечной жизни и любви к Родине. Без знания истории России и Русской Православной Церкви трудно понять и полюбить современных героев. Поэтому считаю, что нужно создавать выставочные проекты, показывающие нить непрерывной истории, знание о прошлом укрепляет дух народный.

Для художника всегда важно найти свою тему и узнаваемый авторский стиль. Мне, с Божьей помощью, это удалось благодаря моему мировоззрению, воспитанному с детства в православной семье, а также на примерах судеб и подвигов святителей и христианских подвижников, русских государей и полководцев, всех тех, кто стяжал свет вечной жизни. Этот свет я вижу в глазах своих современников, священников, воинов, людей творческих специальностей. Много помогает работа в области церковного искусства, пишу иконы для монастырей и храмов. Из всего этого складывается и творческий, и духовный путь.

Первые шаги в профессию я сделал в пять лет в студии у иркутского художника Александра Ивановича Шелтунова, он вел занятия для детей, затем школа искусств, где в это же время выше этажом учился Денис Мацуев. В детстве я любил рисовать битвы, богатырей, мушкетеров, королей.

¹ *Иоанн (Снычев) митрополит. Русский узел. СПб., 2001. С. 399.*

Мне всегда хотелось создавать многофигурные композиции, делать сложные сюжетные вещи. Очень много мне дали учителя в МСХШ — в знаменитой Суриковской школе при Академии художеств, в которую я поступил в одиннадцать лет, в семнадцать закончил: дипломной работой стало полотно «Протопоп Аввакум в Сибири». Не мог я не поддаться влиянию одного из моих любимых художников — сибиряка Василия Ивановича Сурикова и его картины «Боярыня Морозова». Мне всегда хотелось работать в церковно-историческом жанре, наверное, еще и потому, что по маминой линии несколько поколений предков были иконописцами.

Портрет митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна

Велико было влияние русской классической литературы. К четырнадцати годам я прочел всего Лескова, к семнадцати — всего Достоевского. Из западной прозы мне нравились романы Вальтера Скотта, особенно рыцари, сражающиеся за Гроб Господень. В доме были книги, живописные альбомы всех великих художников, в нашем доме бывали режиссеры, писатели, художники, с детства я общался с людьми интересных профессий, говорил с ними о законах творчества и задачах русского искусства. Мы с отцом смотрели героическое кино: «Они сражались за родину», «Война и мир», «Спартак». Моя бабушка была родом из Пскова и хотя по профессии она была экономист, очень любила историю и русскую старину, с ней мы объездили всю псковскую землю и Пушкинские горы, и Изборск, в девять лет я вместе с ней посетил Псково-Печерский монастырь, увидел пещеры. И после этого я уже никогда не снимал свой нательный крест.

Во время учебы в академии, в середине 90-х годов, мною была задумана историческая картина «Арест Патриарха Тихона» о мало известных тогда трагических 20-х годах XX века. Святого Патриарха новые богоборческие власти держали под арестом, мучили допросами,

грозили расправой. На плечи Первосвятителя Тихона лег крест гонений. Это достаточно крупный холст, картина прозвучала, сейчас она находится в музее. Для того времени — это была совершенно новая тема: исповедничество в эпоху гонений на Церковь.

А на дипломе я решил написать нашего современника, великого молитвенника за Землю Русскую, за веру православную — митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Мне очень нравились его известные книги «Одоление смуты», «Самодержавие Духа». Владыка Иоанн возвысил свой голос, когда уже готова была разразиться Гражданская война — в начале 90-х годов. Авторитет митрополита Иоанна в патриотических кругах всегда был очень высоким. В моей дипломной работе над портретом Владыки меня поддержал профессор Николай Николаевич Третьяков. Он помог мне с фотографиями, был моим рецензентом. Я владыку Иоанна видел, посещал его многолюдные службы. Интересно, что мой дедушка, ветеран войны, очень ценил митрополита Иоанна. Он мне рассказывал: «Нас воспитывали в неуважении к духовенству, но вот этого пастыря я уважаю». Дедушка приходил на его службы, слушал его проповеди и причащался. Все мои темы продиктованы самой жизнью.

Когда я писал Патриарха Тихона, я посещал службы в Донском монастыре и слушал проповеди отца Даниила Сарычева, архимандрита. Я писал его портрет, отец Даниил мне многое рассказывал: он помнил Государя, помнил Патриарха Тихона. Вспоминается такой эпизод: отец Даниил пригласил меня на свой день рождения. Мы сидели в храме Донского монастыря за праздничным столом и пели песни. Это было удивительное время нашего близкого общения: конец 90-х, начало 2000-х. Благословляя меня, он всегда говорил: «Не скорби, Филипп, у России будет великое будущее. По молитвам Новомучеников Церкви русской наша Родина будет прощена и спасена». В 1999 г. я сделал следующую работу — изобразил всю Царскую Семью: семь фигур в царских облачениях. Тогда шли споры вокруг личности Царя Николая II. Подвиг Царственных страстотерпцев стал понятен многим русским людям после их осознанного воцерковления. Для меня Царь Николай II — Помазанник Божий. Мое воцерковление связано с уважением к Царю и Царской Семье, с их чудесной помощью. Для меня их подвиг — моя жизнь и мое творчество.

Наши родственники по маминой линии живут в Сан-Франциско. В 1988 г. мы всей семьей приехали к ним в гости. И там мы молились в русском храме, который построил и где служил святитель Иоанн Шанхайский. Там мы впервые прочитали об убийстве Царской Семьи и были потрясены: таких книг в Советском Союзе не выходило. В 14 лет за океаном мною была прочитана книга «Убийство Царской семьи» следователя Соколова. Это сильно повлияло на мое отношение к Церкви, к вере, к подвигу. Я уже тогда задумался о теме героев и мучеников, эта тема со мной поныне. В семнадцать лет я взялся за портрет Государя Николая II.

После того, как я написал святых Царственных мучеников, я написал под руководством Ильи Глазунова картину «Перенесение мощей святителя Тихона, патриарха Всероссийского». На ней изобразил духовников нашей Церкви, архимандритов Кирилла, Наума и Даниила. Когда работал над полотном, смотрел такие картины как «Погребение графа Оргаса» Эль Греко. Мои любимые художники Веласкес, Сурбаран, Рибера, люблю испанцев и

с удовольствием посещаю Испанию. Моя картина «Перенесение мощей святителя Тихона» — это гимн Патриаршеству. Многие люди, которые на ней изображены, уже ушли: Святейший Патриарх Алексий, старцы Кирилл, Наум и Даниил, архимандрит Спиридон, протодьякон отец Матфей. «Перенесение мощей святителя Тихона» высоко оценивал профессор Николай Николаевич Третьяков, говорил, что эта картина еще прозвучит. Многие людей уже нет, но мы о них молимся, и они о нас в Царствии Небесном.

Благодарен Илье Сергеевичу Глазунову, ему удалось собрать замечательных людей, подвижников, у которых мне посчастливилось учиться; во первых, у него самого — выдающегося художника, принявшего меня лично и выдавшего студенческий билет с со своей подписью у себя в мастерской, с первых курсов руководившего учебным процессом. С Ильей Сергеевичем мы встречались два, три раза в неделю, причем в субботы он назначал встряску — создание эскиза картины или портрета в течение часа. Важны были письма другу, которые он просил нас писать — они содержали мысли об искусстве, впечатления от Петербурга, Эрмитажа и Русского музея, где я месяцы провел, копируя великих мастеров. Он делился своими мыслями и приводил знаменитых людей эпохи для общения с нами: академика историка Рыбакова, академика санскритолога Гусеву, протоиерея Александра Киселева, известных политиков, Рыжкова, Лужкова и многих других. Благодаря Илье Глазунову мы узнали лучших специалистов художественного мира. Выдающийся искусствовед Вера Григорьевна Брюсова открыла нам древнерусское искусство, биографии иконописцев, казалось бы, забытых в наше время; профессор Петр Петрович Литвинский научил писать портрет и выбрал работы для первых выставок; профессор Лейла Семиуловна Хасьянова сумела добиться великолепных результатов нашей портретной мастерской, создавая благоприятную творческую атмосферу. Профессор протоиерей Владислав Цыпин ввел нас и глубоко погрузил в священную и церковную историю, профессор Борис Николаевич Кокуев — научил анатомическому рисунку. Особой благодарности заслуживает профессор Николай Николаевич Третьяков — давший нам основы композиции и ставший рецензентом моих полотен.

Многие ушли, однако связь с учителями юности, спустя десятилетия, живет в душе, слышу их советы и напутствия, они действенны в каждый момент творческой жизни.

Храню память о друзьях моего поколения, безвременно ушедших — Павле Рыженко и Борисе Черушеве, талантливых художниках, достигших высокого мастерства, один в исторической живописи, другой в церковной живописи. С ними я разделял творческие поиски и путешествия и счастлив тем, что плечом к плечу мы писали и обсуждали большие полотна, посвящая их Отчизне. Нас объединял талант и прекрасные порывы души.

Сегодня, работая для храмов двух столиц, я, сочетая, учитываю два стилистических направления, которые их отличают: это имперский стиль церковной живописи Петербурга и каноничная иконопись московской школы. В VI в. иконопись вышла из портрета, древнерусская живопись всегда была иконой, а впоследствии светская русская живопись вышла из иконы. То есть наши икона и портрет — родственны. И я, в некотором смысле, в живописных работах стараюсь в каких-то моментах вернуть иконность, иконичность живописному образу, подчеркнуть те мистические сияния, на-

меченные, например, в эскизах Александра Иванова. В русском искусстве есть и переходный этап — парсуна: Скопина-Шуйского, царей Иоанна и Феодора, Алексея Михайловича и Патриарха Никона. Есть образы, которые имеют плоскостное решение, как в иконе, так и в монументальной живописи. И при этом они наполнены портретностью, личностным содержанием. У нас утрачен как таковой духовный портрет. Последний, кто им занимался, был Михаил Нестеров. И в какой-то мере Павел Корин. Это уже столетняя давность. Сейчас процветает заказной коммерческий портрет, а я перед собой вижу задачу продолжить традицию духовного портрета: портрет на пути к лику. Это важно заложить и на начальном этапе написания иконы новопрославленного святого: когда сначала создается рисунок или прорисовывается живописный портрет, тогда получается и каноничный образ, который несет в себе отпечаток личности изображенного.

Написание иконы — это трудное подвижничество. Когда ты пишешь икону, ты впечатляешься не живой натурой, а теми произведениями искусства, которые были созданы прежде. У таких иконописцев как Андрей Рублев — было духовное зрение. Мы его почитаем в лице святых и преподобных. Мы знаем, что он святой монах, понимаем, что такие вещи, как «Троица», такие образы, как «Звенигородский Чин», — писаны Духом Святым. Это мог делать человек только при участии Божиим. У Андрея Рублева подвиг монашеский соединялся с подвигом иконописца. Он видел эти образы внутренним взором. Я часто пишу списки с древних икон. И смотрю, например, чем же наполнен образ Одигитрии Дионисия: постоянно свою кисть возвращаю к золотому веку иконописи и сверяю свой творческий метод с выверенными, отточенными веками изводами и плавями.

Еще наши летописцы отмечали, что иконописцы проводили выходные дни в созерцании древних образов. Они любили просто сесть напротив древней иконы и всматриваться в нее. У современного человека по ряду объективных причин культура всматривания утрачена. Изменилась скорость жизни, уменьшилась углубленность видения, мигание смартфонов, планшетов сокращают глубину пространства. Мелькание кадров фильмов, быстрая смена технологий, постоянная изменчивость образа и содержания внешней жизни приводят к тому, что художник теряет способность к созерцательности. Иван Ильин предупреждал, чтобы мы берегли «созерцанья тихого свободы» — именно она является условием творческой свободой. Сегодня, к сожалению, созерцание не рассматривается как наиболее верный метод познания мира.

Постмодернизм присвоил себе название «современное искусство». Правильнее говорить: современное искусство — это то, что сделали наши современники. Чаще всего оно временно, не вечно. Это искусство для принятия к сведению. Церковное искусство, созданное верующим талантливым иконописцем, становится со-вечным. Если мы пишем список «Троицы», то стараемся приблизиться к Рублеву. Без молитвы ко Пресвятой Троице этого приближения не получится, если мы думаем о Ней, то в этот момент мы и к вечности причастны. Тайным, непостижимым образом мы входим в инобытие: и очами, и душою, и мыслью. Мы видим мир в обратной перспективе, о которой говорил отец Павел Флоренский. Точка схода — это сердце человека. Когда мы взираем на Троицу, Она взирает на нас.

В соответствии с пониманием перспективных соотношений, изложенном в работе Павла Флоренского «Обратная перспектива», можно сказать, что отказ художника от прямой перспективы происходит ради религиозной объективности и сверхличной метафизичности. Живопись имеет задачу не дублировать действительность, а дать наиболее глубокое постижение ее архитектоники, ее материала, ее смысла. Постигание этого смысла происходит путем живого соприкосновения с реальностью, вживанием, вчувствованием в реальность. Причем пространство духовной реальности не смешивается с пространством чувственной реальности. Преобразование пространства придает некоторую цельность, особый, замкнутый в себе мир, который не механическими, но внутренними силами сдерживается, центруется в пространстве произведения. Как говорит Павел Флоренский, «...самое пространство — не одно только равномерное, бесструктурное место, не простая графа, а само — своеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение»¹.

Многие современные иконописцы, основываясь на личном понимании метафизичности, работают, в некотором смысле, как художники Ренессанса, заметно проявляя в иконе свое «я», свою точку зрения. И это не помогает, а мешает и молящимся, и восприятию образа. Молящиеся созерцают на иконе не одухотворенный страданиями Лик Христа, а Его многокрасочный показательный образ, стилизованный под икону «нашего времени». Уверен, что стремление к самовыражению через выдуманную автором стилизацию ведет к уходу от первообраза, большее же уважение к первоисточникам, к великим нашим предкам создавшим явленные им образы, позволит не свернуть на путь самоутверждения себя в иконе, как происходило с иконописцами в 1990-е. К чему это привело, мы все хорошо знаем: сначала к отказу от древнерусского наследия, а затем и уходу от чистоты Православия. Живой рисунок и точность приходит, когда ты держишься традиции, а наша традиция и вся русская живопись духовны. Если мы смотрим живопись XIX в. в Третьяковской галерее, центральным полотном будет «Явление Христа народу». В зале икон центральное место принадлежит «Троице» Рублева и «Звенигородскому чину». Русская культура на протяжении веков — христоцентрична. И русская литература тоже: и Достоевский христоцентричен, и Василий Шукшин, и Валентин Распутин, и Лесков. И наши великие художники — Суриков, Васнецов, Нестеров.

Иногда говорят, что нельзя идти вперед, постоянно глядя назад, а именно, нельзя построить современную Россию, оглядываясь на Святую Русь. Оглядываться, может, и не надо, потому что Святую Русь надо нести в сердце, ведь это понятие не земного, но небесного смысла. Так говорил в стихотворении о связи нашего и будущего века со Святой Русью выдающийся российский поэт Юрий Шестаков:

*Мир к гибели несется!
Там, в неведомой дали,
Отгорит, остынет солнце,
Оборвется жизнь земли.*

¹ Священник Павел Флоренский. Избранные труды по искусству. М: Изобразительное искусство, 1996. С. 26.

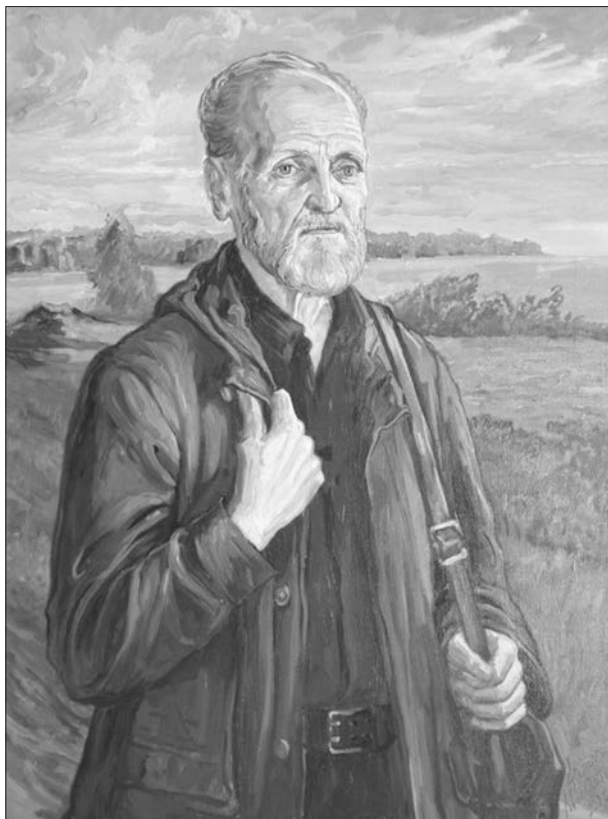
*Небо в свиток Ангел скрутит,
И за гранью смертных дней
Стран земных уже не будет,
Даже Родины моей.
В прошлом сгинет безвозвратно
Наша прежняя юдоль,
И наступит ноль пространства,
Времени земного ноль.
Но, вовек не умирая,
Помня бренной плоти груз,
В самых светлых сферах рая
Будет жить Святая Русь!¹*

Святая Русь — это не явление прошлого, но будущего, понятие «сочечное», вневременное. Отец Николай Гурьянов повторял, что Святая Русь жива и никогда не умирала. Пока последний храм стоит на нашей земле и служится Литургия, будет жить Святая Русь. Будут и ее художники, и писатели, вглядывающиеся в вечность, стремящиеся к Троице, понимающие, что центром жизни является Христос. Как говорил великий русский композитор Георгий Свиридов, Россия — страна Христа, страна минора, страна печали.

В своем творчестве я стараюсь держаться направления, проторенного нашими великими предками в иконописи золотого века и в живописи золотого века. Чаще пишу для монастырей — иконостасы, иконы крупного размера. Творчески решаю сложные задачи создания образов тех святых, которых Русская Церковь прославляет. Мне довелось написать иконы новопрославленных святых: святителей Луку Крымского, Иоанна Шанхайского, адмирала Феодора Ушакова, святой Матроны Московской, Царственных страстотерпцев, Патриарха Тихона.

Но меня интересуют и современники, не оставляю портретную живопись. Один мудрый человек мне посоветовал писать тех, кто «уходит», я, вняв его совету, успел написать и духовников-старцев, и профессиру, и ветеранов. Духовники отмечали, что нужно видеть свет вечной жизни в глазах верующих людей, эта мысль есть у митрополита Антония Сурожского, он говорил: не поверишь, пока в глазах другого человека не увидишь свет вечной жизни. И я искал свет вечной жизни в очах портретируемых. Сколько было удивительных встреч! Вспоминаю, как я писал портрет выдающегося современного прозаика-мыслителя Владимира Крупина. Он у меня изображен странником. Помню, как он пришел в мою мастерскую в весенней куртке, на улице было уже тепло. У меня в студии есть верхние окна и очень хороший свет. Озаренный этим слепящим весенним светом, Владимир Николаевич показался мне похожим на путника. И на полотне я поместил его в те земли, где проходит Вятский крестный ход. Писатель у меня получился как крестоходец. Он и есть такой путник по смыслам жизни, по красивым местам любимой России. Мы все странники в этом мире. Александр Иванов на картине «Явление Христа народу» себя изобразил как путника, в шляпе с посохом.

¹ Шестаков Ю. М. Земное притяжение. СПб.: Родная Ладога, 2012. С. 214.

Портрет писателя Владимира Крупина

Мне довелось написать портреты Веры Григорьевны Брюсовой, известного искусствоведа и реставратора, мы с ней много общались. Она рассказывала, как ездила на Байкал к Валентину Григорьевичу Распутину. Как они с Распутиным и Беловым создали штаб в Москве, чтобы остановить поворот сибирских рек (был в советское время такой чудовищный проект). Они хотели с помощью культуры остановить преступление против природы и человека, предупреждали: что будут размыты кладбища, будут затоплены древние храмы. И остановили. С особым вдохновением я работал над портретами Георгия Свиридова, Василия Белова и Валерия Ганичева — моих великих современников. Валерий Николаевич

позировал в студии, мы с ним обсуждали насущные темы, бывали в совместных поездках, он многому меня научил, например, тому, что каждая выставка должна быть акцией, и я следую его мудрому совету.

Успел пообщаться с великими Василием Беловым и Валентином Распутиным, со многими выдающимися современными русскими писателями общаюсь и слежу за их творчеством. Мне очень интересны историософские, богословские исследования митрополита Константина (Горянова), исторические книги Николая Коняева, лирико-эпическое творчество Виктора Потанина, нравственная военная проза Николая Иванова, духовные стихи поэта Андрея Реброва. Хочу написать портреты о. Александра Шаргунова, известного богослова. И о. Владислава Цыпина, церковного историка, он мне с юности привил любовь к истории Церкви. Много он поведал о новейшем периоде истории нашей Церкви, о Патриархе Тихоне, о гонениях, о наших Новомучениках. Посещение служб Донского монастыря и лекции о. Владислава на меня сильно повлияли. Хочется написать портреты этих двух замечательных пастырей, буду думать, как это осуществить. Давно замыслил портрет профессора МГУ и Духовной академии Валерия Яковлевича Саврея — ярчайшего мыслителя нашего времени. Он читает лекции для разных аудиторий: священников, монашествующих и студентов по всей стране. Его любимая цитата: «Если хочешь познавать Православие, познавай монашество. Если хочешь познать монашество, по-

знай старчество». Он всегда напоминает, как важно быть ближе к Источнику жизни, ко Христу.

Надеюсь, что напишу других наших современников, священников, деятелей культуры. Я написал портрет художника Ивана Николаева, находящийся сегодня в музее Академии художеств. Это один из самых сильных монументалистов сегодня. Он оформлял станции метро «Достоевская», «Тимирязевская» и «Боровицкая». Ряд современных художников являются его учениками и последователями. Общение с духовными лицами, творческими людьми благотворно влияет и на мое искусство, бесценен их жизненный и профессиональный опыт, стараюсь многое подметить в этих исторических личностях, ищу способы отразить в портрете. Особенно важен взгляд. Взгляд человека, который молится, — особенный. Такой человек имеет живой духовный опыт, чувствует помощь свыше и живет в идеях Святой Руси.

Видя сегодня, что в храмах порой возникают соцреалистические панно, возрождение направления церковно-исторической живописи считаю своей перспективной задачей. Попытки соединения соцреализма с иконой приводят к тому, что ничего не получается, не получается ни церковный образ, ни тем более икона. Не буду спорить, понятие «советский дух» существует, и он доказал свою силу, повлиял на историю России, ее Победу в Великой Отечественной войне. Но советский дух не тождественен церковному духу. И патриотизм советский не всегда тождественен патриотизму русскому. Чтобы снова стать русскими, нужно воцерковиться, и народ наш это уже почувствовал: тягу к истории, к духовным корням нашей цивилизации. Много тому способствуют примеры жизни великих полководцев Великой Отечественной войны. Многие из них были рожденными в Российской империи, людьми верующими, молящимися, как, например, маршалы Георгий Жуков, Борис Шапошников и другие. Мать Бориса Шапошникова добилась приема у Сталина, чтобы попросить его о спасении сельского храма от разрушения. Георгий Жуков возил с собой по всем фронтам храмовую Казанскую икону Божией Матери.

Когда пишу портреты лучшего русского воинства советской эпохи, ищу свет христианской веры в глазах моих героев, он гармонирует с духовным светом великих полководцев прошлых времен: Александра Невского, Минина и По-

Портрет Императора Николая II

жарского, Императора Николая II, Патриарха Тихона и других предводителей русского воинства.

Работая над большой выставкой «Великий князь Александр Невский — святой защитник Руси», понимаю, что история России, вплоть до сегодняшнего дня, неразрывна, нельзя говорить только о святом князе, не проследивая его духовное влияние, укоренившееся в последующих веках. Недаром во время Великой Отечественной войны был учрежден орден его имени и орден других великих полководцев прошлого — Федора Ушакова, Павла Нахимова. Это единая рать, стоящая на защите пограничных и духовных рубежей России. Мне лестно понимание того, что мы с этими героями принадлежим одной Родине, одной Русской земле. Много проясняет этот смысл стихотворение «Русский воин» известного современного поэта Андрея Реброва.

*Он брел по жизненным просторам —
Как суждено: то — вверх, то — вниз...
И родовым глубинным взором
Вбирал намоленную высь.
Он умирал от крестной раны
В земле, в траншее полевой,
Но вновь из паши фронтовой, —
С библейской силой зерновой —
Как на стерне, возрастал живой.
Знать, в небе прадеды-крестьяне
Молились с ангельским стараньем
О дольней ниве родовой.
Знать, Горней Родиной хранима,
Русь — под заоблачным крестом —
Стоит, как древний храм незримый,
На всхожем поле боевом¹.*

Выставка «Великий князь Александр Невский — святой защитник Руси» намечена на 2021 год, когда будет праздноваться его 800-летие. Центральная часть экспозиции будет посвящена святому князю и его подвигам, а по сторонам от центра портреты его последователей — великих полководцев других времен, вплоть до сегодняшнего дня. Для меня воинская тема — личная, кровная: мой дед воевал, он ветеран Великой Отечественной войны. Большая часть экспозиции будет посвящена ветеранам. Портрет своего деда я писал с натуры, когда он еще был жив и крепок. Когда слышал его рассказ, как он добровольцем в шестнадцать лет пошел на фронт, как он сражался под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, под Харьковом был ранен, и врачи ампутировали ногу ниже колена. Когда слушаешь рассказы деда о войне, кажется, лично прикасаешься к подвигу, переносишь эти события на себя, с раннего детства я представлял, как бы сам повел себя в той ситуации. Живой рассказ, живое впечатление придают особую выразительность самому портрету.

Много до меня было написано советскими художниками прекрасных портретов героев. Соцреализм — это значимое направление в искусстве,

¹ Ребров А. Б. Зоркая свеча. СПб.: Родная Ладога, 2013. С. 182.

но нынешняя эпоха заставляет художника по-другому взглянуть на мир. В свете евангельских заповедей глубже, длительнее понимается тот подвиг, который совершили наши деды и прадеды, подтвердив заповедь Господа о том, что «нет больше той любви, аще кто положит душу за други своя». Мой дед Василий Андреевич Старцев был верующим человеком, родители причащали его в детстве — это не могло не отразиться на его жизненном пути. Ходил в церковь, сам воцерковлялся.

Портрет Всеволода Андреевича Шубина я написал на фоне гор, в той среде, где он совершал свой жизненный подвиг — он известный геолог, первооткрыватель алмазов в Якутии, впоследствии заместитель министра геологии, заслуженный геолог РСФСР. У меня Шубин изображен как ветеран, в гимнастерке, с орденами и медалями. Как он говорил, самая главная его награда — это все-таки профессиональная, геологическая, отмеченная всего лишь небольшим значком. Шубин рассказывал, как дошел до Берлина, как потом бил японцев. Запомнился такой интересный случай: после победы над отрядом японцев солдаты отправились вечером прогуляться, посмотреть закат. Вдруг они увидели незнакомого генерала, сидящего на камне и тоже созерцающего небо. Подошли к генералу, отдали честь, потому что его форма почти не отличалась от той формы, которая была в наших войсках тогда. А он поприветствовал их забытым: «Господа офицеры». Солдаты переглянулись, потом поняли, что это генерал Царской армии, который остался после революции на чужбине. Эта символическая встреча стала не просто незабываемой, реальной встречей с прошлым, но промыслительной, свидетельствующей, что время и история неразрывны.

Живые эмоции, подлинные рассказы, — все это помогает художнику, когда он пишет портрет не по литографии или старинной фотографии, а общается с реальным человеком. Поколение героев Великой Отечественной войны уже ушло, но я рад, что успел запечатлеть некоторых, их портреты дают представление о личностях тех, кто спас нашу Родину Россию от

«День святого Георгия Победоносца»

неминуемой гибели. И блокадница Татьяна Ивановна, и Вера Григорьевна Брюсова, и многие другие люди, которых в молодости застала война, которые выдержали смертельные испытания, были истинными христианами, совестливыми, честными людьми. На их примерах должно воспитываться новое поколение. И в тоже время это не должно быть навязывание своего мнения. Нужно незаметно, органично возродить интерес современных людей к истории своей Родины. Именно это я хотел сделать своей картиной «День святого Георгия Победоносца». На ней нет изображения святого покровителя российского воинства, в ней нет сюжета. Изображена в пышном цветущем раскидистая яблоня со скворечником, а в близких небесах в лучах весеннего солнца сияет крест на куполе церкви.

Сердце зрителя должно откликнуться, почувствовать, что это символ Великой Победы в войне, окончившейся в день Георгия Победоносца. Что это свидетельство вечной победы жизни над смертью, правды над ложью, веры над неверием. А точнее — Божией воли. Маршалы Победы Георгий Жуков и Константин Рокоссовский засвидетельствовали это 24 июня 1945 года, принимая парад в ознаменование новой святой Победы России. Наша, оставшаяся в своих духовных глубинах христианской, православной страна победила оккультные силы объединенной Европы.

Без Русской Православной Церкви, без имени Христа, без веры в великое будущее нашей Родины невозможно воспитать новые поколения победителей. Мне радостно сознавать, что я имею отношение к этому процессу. У меня есть иконописная студия в Подмоскovie. В ней я нахожусь в творческом затворе, тружусь для города Дмитрова. Сейчас в работе три иконостаса, идет работа над праздничным рядом — Крещение, Преображение, Сошествие во ад. Пребываю в праздничном настроении. Чтобы в глубине храма иконы контрастировали, у меня они не на золотом фоне — золота хватает на резьбе иконостаса, они на зеленоватом фоне. Это излюбленный фон московской школы XVI века. В музее Андрея Рублева много икон именно с таким фоном. Мой излюбленный цветовой контраст — холодноватые зеленые, глубокие синие и красный пасхальный цвета. И когда я вставляю каждую икону в иконостас, вижу, что иконостас становится все торжественнее и пасхальнее. У меня настроение радостное, хотя вынужденный творческий затвор заставляет много трудиться. Еще больше думать: что все мы в этом мире тленны, кто-то рядом испытывает страдания, кто-то заблуждения. Но все люди стремятся к радости. А чем может радоваться художник? Обращаться сам и обращать взор зрителей к Источнику жизни, к Христу. И если человек сердцем рядом с этим Источником, он пьет живую воду — во здравие свое и в защиту своей Родины.

Николай БУРЛЯЕВ

НИКОГДА Я НЕ БЫЛ НА БОСФОРЕ

*Документальная повесть
кинematографиста*

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Шуккина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинematографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинematографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинematографистов СССР, член правления Союза кинematографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Рукопись не сгорела. Обнаружилась дневниковая тетрадь, пролежавшая в столе 32 года. Перелистал, воскрешая события тех памятных времен, и захотел переплавить их в повесть, не отступая от правды. За несколько лет до создания фильма «Лермонтов» родились поэтические строки:

*Открыв лицо, пора начать борьбу.
Где сил, отваги взять*

на дальнюю дорогу?

Вступить за Правду

иль остаться у порога?

Но поздно думать.

Уж шагнул, иду...

(1988)

Пережил, быть может, самые трудные два года своей судьбы после завершения съемок «Лермонтова». 10 мая 1986 года на V Съезде кинematографистов СССР, в Кремле, в присутствии тысячи коллег со всей страны и первых лиц государства: Горбачева, Рыжкова, Яковлева — был произведен первый выстрел в меня и мою картину. Некий неизвестный молодой критик заявил с кремлевской трибуны о том, что фильм «Лермонтов» является позором Советского кинematографа. Подвергнутый первый раз в жизни публичной политической порке, дождавшись перерыва, униженный и оскорбленный, я бежал из Кремля. Спустя несколько дней Сергей Федорович Бондарчук, в объединение которого я снял свой фильм и которого серая кинematографическая стая распинала еще беспощаднее, чем меня, сказал:

— Микола... Ты вот ушел из Кремля, а я остался. В перерыве подошел к актрисе Т. и режиссеру М. (Он назвал имена двух известных кинematографистов). Они говорили о «Лермонтове». Я спросил: а вы видели фильм?

— Да., — ответила Народная артистка СССР. — Коля такой чудный мальчик, но он так молод...

— А вы знаете, — сказал я ей, — что это первый фильм, который говорит о той силе, которая всем нам жить не дает...

— Какой силе, Сережа?..

— Книжки надо читать, — сказал я ей.

Вслед за кремлевским залпом последовала психическая атака на картину: 22 разгромные статьи в центральной прессе. Как-то утром позвонил маме, которая спросила:

— Ты «Правду» читал?

— Что?.. И там тоже?..

Купил главную газету государства, орган ЦК партии, написавшую о том, что Бурляев идеализирует образ Лермонтова. «А где же “немытая Россия, страна рабов?..”»

Словно по команде, все СМИ блокировали десятки положительных рецензий выдающихся деятелей культуры: Сергея Бондарчука, Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Белова, Арсения Тарковского, Юрия Бондарева, Вадима Кожина, лермонтоведов и профессуры МГУ, единодушно принявших фильм. Так начиналась эпоха «перестройки, демократии и гласности». Вскоре я прочитал в книге о тайных обществах текст, многое мне прояснивший: «Если имя и дело какого-нибудь автора будет нам неуютно, мы будем порочить имя и дело этого автора задолго до того, как о нем узнают люди». Арт-атака СМИ на «Лермонтова» началась за 10 месяцев до выхода фильма на экран.

Прошел через унижительное «судилище» в Союзе кинематографистов, на котором мой бывший приятель режиссер Сергей Соловьев, которому я помогал в создании его дипломного фильма и которому руководство Мосфильма не позволило снять его негативную версию жизни Лермонтова, потребовал положить мой фильм на полку. Стая коллег, которых я считал друзьями, яростно требовала, чтобы я перемонтировал, резал, исправлял картину. Я в одиночку сражался за свое детище, но вдруг был поддержан Худсоветом Мосфильма, который, вопреки требованию Союза кинематографистов оценить фильм низшей, третьей категорией, большинством голосов: Гайдай, Натансон и другие, (8 против 4-х), проголосовал за высшую — первую категорию. Руководитель Советского кинопроката Евгений Войтович велел изготовить 1500 кинокопий, распространив их по всему Советскому Союзу. Спасая фильм, я начал ездить по стране с показом «Лермонтова» и встреч со зрителями. Всюду встречал горячий прием. Всюду задавал местным прокатчикам вопрос:

— У вас есть копия фильма?

Все как один отвечали:

— Да, есть.

— Вы показывали фильм людям?

— Да, в кинотеатре на окраине города, утром... Фильм не кассовый... Мы его сняли с экрана...

Добился демонстрации картины в кинотеатрах Москвы, приглашая на просмотр и обсуждение выдающихся деятелей культуры. Одна немолодая интеллигентная зрительница подходила ко мне в различных залах и со-

общала: «Я видела фильм 10 раз!.. 20 раз!.. 50 раз!..» На страстную поклонницу она похожа не была. В малом зале кинотеатра «Россия» удалось добиться ежедневного показа в течение целого месяца, с представлением фильма известными писателями, журналистами, лермонтоведами, учеными, актерами. За 30 дней выступило 30 человек. На имя Горбачева в Кремль потоком шли письма, подписанные тысячами зрителей с требованием показывать этот фильм во всех школах страны.

Разрывая кольцо блокады, попытался лично ответить в печати гонителям «Лермонтова». По договоренности с главным редактором газеты «Водный транспорт» — Панюшкиным, осознанно рискуя своей карьерой, ночью, подпольно, в тайне от всех сотрудников газеты и типографии (на ночь оставили лишь одного наборщика) мы совершили процесс печати выпуска с двухполосным разворотом моего ответа палачам фильма. Утром я доставил в Госкино пачку номеров газеты, мгновенно разлетевшейся по кабинетам и возымевшей эффект бомбы, разорвавшейся в стане врага. Мой отец, прочитав статью, сказал:

— Да ведь это ответ князя Курбского — Грозному!

Главного редактора газеты мгновенно вызвали «на ковер» в ЦК Партии.

Мое имя было под явным запретом на всех центральных телеканалах. Журналистов, посмеявшихся выпустить в эфир положительные интервью с Бурлаевым, вытесняли с каналов. На предложение депутата Верховного Совета Сергея Бабурина руководителю главного телеканала показать «Лермонтова» в день его рождения, был получен ответ-вопрос: «У вас — что.., есть те, кто поддерживает этот фильм»?

Мама друга моего детства Никиты Михалкова — Наталья Петровна Кончаловская, просмотрев фильм на даче, с любовью глядя мои руки и голову, сказала:

— Вот какой ты стал, Коленька... Держись... Ведь они тебе завидуют...

Мой новый сценарий фильма о Пушкине без объяснений был отвергнут Госкино СССР.

«Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю». Как прав был Пушкин. Стойко перенося все удары, я не терял теплящегося в душе боевого упоения и радости, понимая, что Правда со временем победит.

*Заповедано мне петь весь свой век:
На Руси рожден счастливый человек.
Сердцем петь про радость, Правду и Свет —
На земле прекрасней участи нет.*

*Кровь кипит, пылает мозг — я пою!
Я разжег в душе пожар — в нем сгорю!
Под конец я жизнь до смерти полюблю!
Под душою, как под ношей упаду.*

*В горле Русь клокочет — душу отворю,
Захлебнусь любовью-болью, но спою:
Смерть — не в землю нисхождение и не тление!
Бесконечное движенье, возрождение!*

Спустя два года гонений и репрессий, раздался звонок из иностранного отдела Госкино:

— Ваш фильм «Лермонтов» отобран турками на Стамбульский международный кинофестиваль.

Не поверил своим ушам... Целый месяц жил с ощущением, что этому невероятному событию кто-то не даст воплотиться в жизнь. Однако...

12 апреля 1988 года. В Госкино, получил (словно руководитель делегации) документы, билеты, напутствие и валюту (по 17 фунтов): мне, кинорежиссеру Тенгизу Абуладзе, кинокритику Валентине Ивановой. Довез Абуладзе до гостиницы, чтобы наутро забрать его в аэропорт. Прощаясь, Тенгиз Евгеньевич сказал:

— Я рад, что ваша картина едет на конкурс.

— А вы видели фильм?

— Еще нет. Посмотрю в Стамбуле.

— И я рад, что мы летим вместе. Не знаю, читали ли вы ложное заявление критика Кичина о том, что Бурляев бросал камни в создателя «Покаяния». Я написал опровержение...

— А стоило ли писать?... — улыбнулся Абуладзе.

13 апреля.

Утром по пути в аэропорт мы мило беседовали, начиная притираться друг к другу. Говорили о моей дочери и его внучке, родившихся едва ли не в один день..., о модной практике «плавать раньше, чем ходить»..., о причинах боли в сердце..., о его «Покаянии» и моем «Лермонтове». В аэропорту соединились с критиком Валентиной Ивановой, не торопясь попили чаю. Все формальности прошли спокойно, обыденно, устало — все мы мало спали в эту ночь. Занеся ногу на борт самолета, глядя в опрятную спину впереди идущего Абуладзе, я настолько возликовал сердцем, что готов был чмокнуть его в спину от избытка любви и к нему, и ко всему вокруг.

*Судьбы моей печали
Остались за спиной,
И сердце зазвучало
Гармонией земной
И обрело покой.*

*Пришло освобождение.
Дух крылья развернет,
Свершит предназначение!
Какое упоение —
Над бурями полет!*

Свершилось! Дождлся! Дожил! Лечу с опальным «Лермонтовым» на международный кинофестиваль. Я знал, что так будет, еще делая свой фильм, предчувствовал его судьбу, фестивали, поездки, жизнь «Лермонтова» «в людях». Все идет по плану Всевышнего. Сидя за моей спиной, Валентина Иванова объясняла соседям — русской даме и турку, указывая пальцем в мою сторону:

— Николай Бурляев! «Лермонтов», «Иваново детство», «Андрей Рублев»!..

— Ах, я так и думала, — воскликнула соседка.

— «Покаяние» вне конкурса, — продолжала Валентина журналистскую суету, — и фильмы Тарковского и Панфилова.

Не скрою, мне было приятно слышать, в каком обрамлении будет подан туркам мой «Лермонтов».

Решил подремать. Закрыл глаза и вспомнил недавнее посещение дома Ильи Глазунова, показ моего фильм ему, писателю Солоухину и журналисту из либерального «Огонька», почему-то состоящего в «друзьях» хозяина. Илья Сергеевич, говоривший поначалу о том, что он торопится и мы скоро простимся, не отпускал нас с 18-ти до часа ночи. Пять часов они с Солоухиным бомбардировали меня своими конспирологическими и монархическими концепциями. Илья Сергеевич говорил настолько азартно и плотно, что вставить слово было сложно. Когда Солоухин вдруг изрек, «окая» в адрес Лермонтова: «Да, ведь он же был плохой человек...», я не выдержал и резко парировал: «Ну вот, и вы туда же!..» Постарался объяснить классику советской литературы, насколько Лермонтов был светлый, бесстрашный и любящий человек.

Илья Сергеевич ожесточенно ругал кинематографистов: Андрея Тарковского, Элема Климова и прочих, обвиняя их в русофобии. Говорил, что и я в «Лермонтове» не избежал их влияния.

— Но, как огоньки, у вас мерцают чувства истинной любви к России. За это они вас и ненавидят. Вы нарушили их законы.

Мои коллеги выражали и здравые суждения, но столь категоричную тональность, сдобренную нецензурными выражениями, я переносил с трудом, пытаясь сохранять внешнее спокойствие, не вступал в спор на глазах у недруга из «Огонька». Однако не удержался и спросил у него:

— Я читал ваше интервью с Элемом Климовым. Как понимать реплику Элема: «С “Лермонтовым” мы уже разобрались»?

— Климов сказал это в негативном плане, — сверкнул с готовностью «Огонек».

Когда хозяин достал папку с вензелем и росписью Николая и поцеловал ее, я спросил:

— Что ж, руки будем целовать Николаю за то, что он дважды ссылал Лермонтова под пули на Кавказ?

Ответа не последовало. Я разглядывал стены, увешенные бесценными иконами, и думал: зачем ему столько икон? на черный день, что ли? Спустя тридцать лет я успел вручить Илье Сергеевичу, перед его уходом из жизни, главную награду Славянского форума изобразительных искусств «Золотой Витязь», Золотую медаль имени Александра Иванова «За выдающийся вклад в создание Российской Академии живописи, ваяния и зодчества». Ныне, посетив, наконец, созданный И. С. Глазуновым музей, наполненный теми самыми изумительными иконами, я признался себе, что был не прав в своих грешных мыслях. Да и по поводу образа Императора Николая, созданного в моем фильме Марисом Лиепой, он во много был прав. Сейчас я бы подал Императора в ином, менее гротесковом плане. Но тогда... — мне, державшему оборону от всего мира, было тяжело переносить «бросание бесценное камней». Тем более со стороны единомышленников.

— Вы слишком иронично показали царя, — атаковал хозяин. — Это советский фильм. Если бы мы жили в то время, я бы вызвал вас на дуэль и убил. Вы оскорбили честь Государя Императора... Но я готов всюду голосовать за ваш фильм обеими руками!

— Зачем же голосовать за фильм, если вы не принимаете картину? — спросил я хозяина.

— Вы талант! — вдруг воскликнул Илья Сергеевич. — Вы единственный кинорежиссер, посмевшийся ныне говорить о России, не черня ее. Если вы и дальше будете снимать в нужном русле, то и я, и многие вас поддержат.

Расставаясь, хозяин сказал, что у него много интересных книг, дал мне свой телефон и пригласил непременно прийти к нему после Турции.

Милая грациозная стюардесса, подавая мне завтрак, задержалась, наклонилась к уху и прошептала:

— Кроме вас я никого не знаю. Есть ли с вами еще артисты?

— Здесь известный кинорежиссер, автор «Покаяния» Тенгиз Абуладзе. Знаете такого?

— Ну как же, — ахнула девица. — А где же он?

— Вон — с краю, седой.

В аэропорту нас встречали советский консул, представители ТАСС и Совэкспортфильма Виктор Маленкин. Поселили нас в лучшем, пятизвездочном отеле «Магмага», возвышающимся над всем Стамбулом, где поджидующий на переводчик раздал нам по конверту с аккредитацией на фестиваль, кучей приглашений на приемы и 60000 лир на расходы. Жить стало лучше, жить стало веселей. Развернул буклет фестиваля, из которого узнал, что из 160 фильмов в конкурсе участвует всего 16. Начал листать с конца: и Тарковский, и Абуладзе, и Панфилов, и все звезды мирового кинематографа, а на первой странице — мой опальный «Лермонтов», за которым черед фильмов Франции, Англии, Австралии, Испании, Японии, Канады, Швеции, Китая, Венгрии, Чехословакии, Турции, Югославии, Польши и Сирии. Абуладзе и Иванова ахнули, прочитав, что председатель жюри Элиа Казан. Переводчик сказал, что на днях сюда прибудут классики мирового кинематографа Иштван Сабо и Миклош Янчо. И самое главное, то, что «Лермонтов» будет показан послезавтра четыре сеанса подряд (в 12, 15, 18.30 и в 21 час), и что в этот же день я принимаю участие в пресс-конференции вместе с Иштваном Сабо, Стивом Грубером, Майклом Редфордом и французом Жаном Шарлем Такела. Переводчик оповестил, что вокруг имени Абуладзе развернулся сенсационный скандал: цензурный комитет Турции запретил показ его фильма «Мольба», и вчера прошла демонстрация протеста, организованная творческой интеллигенцией Стамбула, а это в стране с чрезвычайным положением категорически запрещено. Председатель жюри Элиа Казан на своей пресс-конференции тоже заявил протест, да и дирекция фестиваля получила множество протестных телеграмм. Переводчик сообщил, что лучшему конкурсному фильму будет присуждена премии 1 000 000 лир, что равняется 72 000 долларов. В составе жюри, кроме Элиа Казана, генеральный секретарь ФИПРЕСИ, кинокритик из ФРГ Клаус Эдер, президент Сан-Францисского кинофестиваля Джордж Ганд, французский продюсер Жак де Глоу, французская киноактриса Ка-

трин Вилкининг, английский кинокритик Дон Ранвуд, венгерский кинорежиссер Петер Бачо и турецкий режиссер Эрден Кирал. В Стамбул прибыли руководители 15 международных кинофестивалей со всего мира.

14 апреля.

«Никогда я не был на Босфоре», — сожалел Есенин. А мне вот — довелось. Начались ежедневные мытарства по кругам фестивального горнила. Отсидел прием, устроенный турецким телевидением для участников фестиваля в нескольких залах, на двух этажах Белого дворца султана. Подобные тусовки переношу с трудом: вымученная (во всяком случае для меня) болтовня ни о чем, на чужом языке, фальшивые улыбки и поддакивания там, где ни хрена не понимаешь:

— О, yes!.. О, yes!.. — улыбался я своим сотрапезникам: вице-президенту турецкого телевидения Шехир Карабол, ее мужу и какому-то кубинцу. Мадам охала: «О, Лермонтов!.. Ваш показ послезавтра!.. Я обязательно приду!.. Может быть, мы купим ваш фильм для турецкого телевидения...»

Мимо нашего стола сновали знакомые по экрану заграничные кинодивы. Все вокруг скучали, болтали, жевали, курили, стреляли глазками... Переводчик сообщил мне новость:

— 72 000 долларов — приз для лучшего турецкого фильма. Иностранцам — Гран-при «Золотой тюльпан» и призы жюри...

С трудом отсидев положенные два часа, отведав «восточных слабостей», откланялся и поехал с Виктором в отель через весь ночной «Царьград», над Босфором и Мраморным морем.

15 апреля.

Поскольку на выданные лиры я должен питаться сам, пришлось наедаться с роскошного «пятизвездочного» шведского стола. Но много ли может принять человеческая утроба? Следующая подкормка лишь поздно вечером во французском консульстве.

Впервые в одиночестве побродил главной улочке Стамбула, на которой и наш отель, и все фестивальные кинотеатры. Присмотрелся к ценам на товары со всего мира: от «Диора» до «Сони». Побалдел от красоты детских платьиц и одежонок, повздыхал от осознания того, что рядом со мной идет и моя бедность.

Посидели около часа с Абуладзе в моем номере, поговорили... Хотел напоить его чаем: совал, совал свой кипятильник во все розетки, но стамбульская электросеть не желала подавать ток в советский кипятильник. Подарил Абуладзе сборник «Поэзия-85» с подборкой моих стихов, которую он тут же прочел и в присущей ему сдержанной манере высказал свое одобрение. Он сообщил, что в жюри его приятель — венгр Петер Бачо. Сказал, что может с ним поговорить о моем фильме. Как ни было приятно беседовать со столь интеллигентным собеседником, решил пойти посмотреть конкурсный чешский фильм, дабы узнать уровень конкурентов.

Картина оказалась традиционно-болтливой и лживой киноверсией жизни чешского композитора начала XX века. Без сожаления сбежал в антракте, поняв, что в сравнении с этой вялой жвачкой мой «Лермонтов» значительно выигрывает.

Подошел к мечети на голос муллы. Едва ступил на порог, сидящий у входа и поющий в микрофон мулла отрицательно махнул мне рукой: «Нель-

зя!» Я извинился и остался за мраморным порогом. Мулла что-то громко крикнул служителю в лавке, и тот жестом объяснил мне, что я могу зайти внутрь, сняв обувь.

На пресс-конференцию Абуладзе набилось человек 150, стояли, толпясь в проходах. Первой выступила Валентина Иванова, наговорив несуразной ерунды, поразив меня непониманием того, где она находится и что интересно, а что нет в данном месте. Говорила словно на «летучке» в своей «Советской культуре». То и дело посматривала в мою сторону и похвалила С. Ф. Бондарчука, высказав опасение: «как бы одна мафия в Советском кино не сменила другую».

Абуладзе говорил в традициях грузинского тоста с юмором и грацией, образно и обаятельно, но его весьма искажали переводчики. Пауза между каждой его фразой тянулась непомерно долго: пока переводчики, споря и дискутируя между собой, переводили с турецкого на английский и на французский. На вопрос об отношении к запрету цензурным комитетом показа его «Мольбы» он ответил прекрасно:

— Мне говорили, что одна из «запретителей» — очень милая и красивая актриса — что он согласен с Шекспиром, изрекшим: «Ты — так прекрасна, что я готов умереть от твоей руки!»

Его ответ вызвал восторг собравшихся.

А потом на пороге Французского консульства нас радушно встретили консул и атташе по культуре, и началась трехчасовая толкучка с улыбками, жеванием и стрелянием глаз. Половину срока изнывал и томился в уединении. Вторая половина тусовки прошла интенсивнее: узнав о присутствии на приеме автора «Лермонтова», ко мне выстроилась целая череда кинематографистов и журналистов. Многие, открывая факт моего причастия к фильмам великого Тарковского и «Военно-полевому роману», взвизгивали и восторгались. Долго не отлипал от меня член жюри, сопредседатель правления «Minnesota Stars», президент Сан-Францисского кинофестиваля Джордж Ганд. Говорил о своем положительном впечатлении о моем «Лермонтове», о том, что этот фильм непременно нужно показать в Америке. Его поддерживали Рональд Холовей, снявший фильм об Элеме Климове, и какая-то журналистка. Джордж написал в мою тетрадь следующие слова: «Поздравляю с созданием выдающегося и столь прекрасного фильма о великом Русском поэте Лермонтове. Вы преуспели как исполнитель главной роли и имели успех как режиссер. Ваша игра излучала жизнь, настроение великого поэта, которым все мы восхищаемся. Я лично наслаждался встречей с вами в Стамбуле и надеюсь, что когда-нибудь мы сможем встретиться вновь в Сан-Франциско. Мои лучшие пожелания успеха в вашей дальнейшей карьере в кинематографе как режиссера, сценариста и актера».

Нашу беседу прервал советский консул, сказал, что Абуладзе хочет познакомить меня с министром кинематографии Венгрии, режиссером-классиком Иштваном Сабо, с членом жюри венгерским режиссером Петером Бачо и с румынским кино-классиком Попеску Гопо. Довольно долго беседовал с еще одним членом жюри, Генсеком ФИПРЕСИ, высокорослым немцем Клаусом Эдером, которому тоже понравился мой фильм по сути и по образительной части — прекрасно снятому Кавказу и России.

— На какой пленке вы снимали?

— На «Кодаке», который нам предоставил через господина Шамье телеканал ФРГ ZDF.

— Я знаю его, — сказал Клаус, — я тоже из ФРГ.

Вскоре Клауса оттеснила от меня группа молодых китайцев в авангарде с режиссером Занг Зе Мингом и представительницей кинопроката Зоу Ке Мей. Они буквально верещали и подпрыгивали, узнавая названия моих фильмов. Их раскосые глаза округлялись до размера советского рубля.

Уводил Абуладзе с приема весьма повеселевшим, одним из последних. У подъезда он спросил:

— У меня, кажется, что-то было в руке?.. Ах, да, стакан.

Он решил, что нужно продолжить наше общение в доме у консула Александра. За чаем с оладьями он рассказывал, как продавали американцам его «Покаяние», как Яковлев сократил прокат фильма с 1000 до 500 копий, и как многие регионы страны отказались прокатывать его фильм.

15 апреля.

За окнами дождь. Босфор в тумане, а на душе томительно-радостное состояние готовности к новым битвам. Полночи репетировал в уме предстоящую пресс-конференцию, готовый говорить как всегда открыто.

В зал вошел, когда все участники пресс-конференции уже собрались. За стол президиума посадили режиссеров трех стран: Франция — Жан Шарль Такела, Венгрия — Иштван Сабо, от СССР — я. Мне первому почему-то и предоставили слово. Сказал, что благодарю за приглашение моего «Лермонтова» на конкурс, что приехал не за премией, и если не будет никакого поощрения, уеду удовлетворенным, ибо познакомился с новой для меня страной, которую познакомил со своим фильмом. Рассказал о создании картины, о критике и восприятии фильма народом. После меня кратко высказались Сабо и Тикела, и начались вопросы. Первый — ко мне с просьбой рассказать о личности Лермонтова и прочитав его стихи. Спросили о Тарковском. После пресс-конференции дал интервью для журнала о кино, о котором попросил меня молодой турецкий режиссер Семир, обучавшийся во ВГИКе у Наумова. Заостренный и белый, едва не альбинос, он был настолько светел, что я мысленно назвал его «белым турком». После откровенного интервью журналист признался, что ничего подобного в их журнале еще не было.

В 15 часов состоялся показ «Лермонтова» в кинотеатре «Дуния». При входе директор кинотеатра взволнованно сказала, что зрителей очень много. Как обещал, пришел и Тенгиз Абуладзе, в сопровождении турецких грузин, укормивших его роскошным обедом. Его поступок я расценил как подвиг интеллигентного человека. 800-местный зал был заполнен на треть, что в дневное время считалось аншлагом при стоимости билета в 2000 лир.

Мое появление на сцене встретили радушно, а когда я в завершении свой речи сказал по-турецки: «я желаю радости вам и счастья вашим детям», — зрительный зал взорвался аплодисментами. Остался смотреть картину, сев рядом с Абуладзе. Каждый раз смотрю свой фильм глазами данной аудитории, а теперь и глазами Абуладзе... Смотреть было тяжело:

фонограмма звучит еле-еле, переводчик, читая английские субтитры, что-то невнятно бормотал по-турецки... После шестой части просмотр прервали на положенный у турок антракт и перекур. Меня окружили зрители, выражали свое доброе отношение, пожимали руки, просили автограф. По окончании фильма все зрители, включая Абуладзе, аплодировали дружно и продолжительно. А где-то в Стамбуле в этот момент заседали жюри и решалось распределение наград. Будь что будет — всё приму с благодарностью.

Зайдя в зал на второй показ в 18.30, не поверил глазам — зал забит до отказа. Эти зрители встретили меня еще более радушно. Аплодировали громко, дружно, долго.

— Перед вами счастливый человек, — начал я свою речь. И снова овация.

В этот раз говорил дольше, но зал слушал с неослабевающим вниманием, в полной тишине. Когда я с трудом дочитал по бумажке свое турецкое приветствие зрителям и их детям, восторг зала был неопишем, овация не смолкала, пока я шел через весь зал к выходу: люди махали мне, пожимали руки, кто-то по-русски сказал «спасибо», видимо, эмигранты... При выходе из зала меня крепко обнял наш сияющий консул Александр Прищепов:

— Великолепно, Николай! Великолепно!

Эта встреча действительно превзошла все мои ожидания — празднично, сердечно, идеально.

В том же парке над Босфором, в котором я уже бывал, но теперь в Желтом дворце султана, был прием участников кинофестиваля, организованный мэром Стамбула Бедреттином Даланом. Зная, что решение о наградах уже принято, я выискивал глазами знакомых членов жюри... Вот Петер Бачо... Издали поздоровались кивком головы, и на челе его невысоком не отразилось ничего. Значит, премии нет, — подумал я. Вторым я заметил Президента ФИПРЕСИ Клауса Эдера. Тепло, как и вчера, поздоровались за руку. Переводчик Мехмед спросил его:

— Вы немец?

— Да, к сожалению, — вздохнул Клаус.

— Почему к сожалению, — спросил я, — а Гете, Бах, Бетховен, Шиллер...

А вот и третий член жюри, американец Джорж Ганд. Обрадовался ему как родному, задал прямой вопрос:

— Скажите мне, чтобы я спал спокойно, — моему фильму не дали премию?

Понять, что он мне бубнит на гортанно американо-хоккейном сленге, я не смог.

Мы стояли вдвоем с Гандом и Абуладзе, когда я увидел, что именно к нам через весь зал, следуя за идущим перед ней представительным человеком, стремительно приближается телекамера с ярко-освещенной на ней лампой. Человек протянул мне руку и сказал:

— Я мэр Стамбула.

— А я советский актер и режиссер.

— Вы из Москвы?

— Да.

— Вы знаете моего друга мэра Москвы Сайкина?

— Нет.

Немереное количество камер, окружавших нас, толкали друг друга, вспыхивали и трещали, как в хронике о кинозвездах. Я извлек из пакета расписные русские подарки: палехский поднос, матрешку, деревянную ложку, и вручил мэру.

— О, я знаю это! — воскликнул хозяин города и начал профессионально, явно на публику, извлекать матрешки одну за другой.

В отель возвращались в звездном автобусе: Тенгиз Абуладзе, Иштван Сабо, Попеску Гопо, у которого оказалась русская мать. Французские актрисы, сидевшие за моей спиной, почему-то робея, шептались: «Это русский актер... Тарковский... „Lanfans de Ivan“, „Andre Rublev“». Подъехав к отелю, несмотря на усталость, решил проверить заполненность зала на последнем просмотре в кинотеатре «Дуния». Заполнено больше половины мест, сидят тихо. Увидел знакомого «белого турка» Семира, сидящего у прохода и утирающего слезы. Он бросился ко мне, поцеловал в щеку, сказал:

— Я не могу наглядеться на этот фильм.

Усадил рядом с собой. Уйти уже было неудобно: все сидели не шелохнувшись, никто не покидал зал. Звук подавался громко, на турецкий не переводили. Пришлось дожидаться финала. Из зала выходили с Семиром. Возможно, ради таких мгновений стоило, несмотря на усталость, прийти сюда. Узнав, что герой фильма здесь, ко мне стали подходить зрители, кто руку пожмет, кто поцелует трижды, кто по-русски поблагодарит, кто по-английски, кто по-турецки. Все взволнованы, растроганы, кто-то признался, что даже плакал. Подошло множество молодых людей, желали успеха, победы, счастья...

Поскольку утренний завтрак был давно переварен, а на приеме у мэра поесть не удалось, принял приглашение перекусить с Семиром и его приятелем-журналистом. Растроганный Семир сказал:

— Если я больше никогда не увижу Россию, я хотел бы перед смертью еще раз увидеть этот фильм.

Он рассказал, что доведен здесь до крайности, что, возвратившись из СССР, у него конфисковали все вещи, книги, заточили в тюрьму вместе с четырехлетним сыном. А когда он возвращался в камеру, обессиленный допросами и пытками током, его малыш целовал ему руки, успокаивал, уверяя, что все будет хорошо. Предлагал рассказать на ночь папе сказочку.

*Когда не признан и гоним,
Останешься один —
Не презирай и не кляни,
Но веру сохрани.*

*Не виноват жестокий брат,
И ты не виноват,
Что мира вам не обрести
И душу не спасти.*

*С рожденья сердцу суждена
Добра со злом война.
Другого нет у нас пути
Лицо свое найти.*

*Найдя его, не отступить.
Самим собою быть.
Покой хранить, добро творить,
Все сущее любить.*

*Но даже те, кем обретен
Свет Истины простой,
В высь поднимаются с трудом,
И каждый миг их — бой!*

*Но тот, кто жил, тот сделал шаг
Под солнцем в небесах.
И Свет за краткий жизни миг
Лучом во всех проник.*

16 апреля.

Утром после сытного завтрака: (пятизвездочных: навалом, ешь — не хочу, желудок мал), нас с Абуладзе, Ивановой и звездной компанией на двух автобусах повезли на экскурсию по Стамбулу. Заповедная зона — византийские сооружения, дворец Султана, равный значением нашему Кремлю. И я, обманутый надеждой на теплую турецкую погоду, и все звезды, одевшиеся столь же легкомысленно, продрогли до костей на стамбульских ветрах и каменных плитах дворца. Поспав ночью всего три часа, смертельно усталый, я брел в стаде киногениев со всего мира и думал: скорей бы в отель. Особый восторг и двусмысленные улыбочки кино-элиты вызвало посещение гарема султана и информация о том, что у него было более сотни жен и одалисок, танцевавших перед падишахом и его малыми наследниками обнаженными, но с прикрытыми лицами. Побаловали нас и театрализованным представлением — танцевальным шествием, исполненным военным оркестром, разодетым в костюмы воинов XIX века, с кривыми ятаганами на боку. Ко мне то и дело подходили кинематографисты разных стран с выражением восхищения моим фильмом. Австрийский кинокритик Отто Рейтер сказал, что непременно напишет о фильме в венском журнале и пришлет мне статью. Одна полячка с досадой сказала:

— Мы все думали, что ваш фильм получит главную премию, но дали французу...

Эту новость принял совершенно спокойно, никак не нарушив душевного равновесия.

Прогуливаясь об руку с Абуладзе, налаживая все более тесный контакт, мы говоря обо всем спектре проблем: от политики до секса. Он от души хохотал над моим рассказом об отце, который каждое утро просыпался в 6 часов под звуки гимна из репродуктора и тяжело вздыхал: «Эх, е...» Да и засыпал он после работы с этим же вздохом. Абуладзе был в восторге:

— Гениальный образ!.. Вы позволите мне снять это в моей новой картине?..

Добравшись наконец до отеля, принял пенную ванну и рухнул в постель на часовую передышку. На душе было светло, хотя и «без-приз-ерно».

*За славу, блага — грех служить.
Не для себя молю*

*Я Бога сердце озарить,
Помочь мне душу воплотить —
Я славу не люблю.*

*Молю: для тех, в ком веры нет,
Зажечь во тьме звезду.
Среди распада, мрака, бед
Да будут — радость, вера, Свет!
За это в бой иду.*

*Когда ж придется пожинать
Хвалу и лесть — молю:
Минует самости напасть,
Чтоб от гордыни не пропасть...
Я славу не люблю.*

Хорошо отдохнув, облачился в белый костюм, голубые носки и галстук от «Диора». Пусть видят, что я и без приза — хорош.

Торжественная церемония закрытия фестиваля проходила в истинно царском зале с высоченными, как в Большом театре, потолками и лепниной, обрамляющей сцену, сплошь заставленную цепью корзин с цветами и венками на постаментах в человеческий рост. В переполненном зале мы не стали искать кресел со своими именами, устроившись в свободном третьем ряду. Дальше — все, как положено: ведущие в вечерних нарядах, стоя за пюпитрами, оповестили, что 160 фильмов, в семи кинотеатрах, посмотрели за две недели 150 000 зрителей, что в зале присутствует свыше ста кинознаменитостей со всего мира. Начали называть по именам, и каждый поднимался в зале, высвеченный мощным прожектором. Одним из первых был назван «создатель фильма “Лермонтов”, советский кинорежиссер и актер Н. Б.» Я стремительно встал, повернулся к залу и высоко поднял обе руки, получив в ответ гром аплодисментов. Впрочем, щедро аплодировали всем. Потом назвали Тенгиза Абуладзе, и он поднялся под шквал рукоплесканий. Пригласили на сцену жюри. Последним, с особой помпой, расписывая гениальность обладателя «Оскара», работавшего с Марлоном Брандо, Лизой Минелли и прочими дивами, представили Председателя — американца Элиа Казана, оказавшегося 80-летним турецким евреем, похожим на моего старого соседа Илью Абрамыча. Илья Казан по-братски вручил весьма красивый «Золотой тюльпан» французу Такела (некогда обласканному «Оскаром»), очень похожему на самого Казана: стоя рядышком, они выглядели словно два родных брата.

Я щедро аплодировал всем призерам. На выходе из зала ко мне подошел импозантный, интеллигентный человек и сказал по-английски:

— Ваш фильм — лучший на фестивале. Вы великолепный режиссер и актер.

Это неожиданное, искреннее признание, сказанное на ходу, прозвучало приятным завершающим аккордом.

17 апреля.

Много наслышанный о соборе Святой Софии, я не ожидал больших потрясений: ну, собор — и собор, немало я их видел и в России, и за рубежом.

Но вступив под его гигантские, просторные своды, невольно ахнул. Охваченный чувством восторга, дух мой вознесся под высоченный купол. Гений зодчего создал неповторимое сооружение, не подавляющее, но окрыляющее человека. Тончайшая мозаика стен, походящая на живописную роспись, золотой фон которых излучал свет и радость. Как возможно было создать это чудо всего за четыре года? На украшение главного храма Православного мира Византия пожертвовала 600 центнеров золота. Чего только не видела эта Босфорская святыня за два тысячелетия: землетрясения, войны, нашествия.., столкновения народов — греки, крестоносцы, русские, белая эмиграция, турки, взявшие Православную святыню в полон, окружив ее с четырех сторон штыками минаретов. Все прекрасно в соборе Святой Софии, по-прежнему увенчанной гениальной по мастерству, божественной мозаикой Богородицы с младенцем.

Вечером на творческой встрече в Советском консульстве откровенно говорил не только я, но и Абуладзе, и Иванова. Мы, словно подзадоривая друг друга, вводили в явный шок дипломатов и их жен, описывая анархию, царящую в нынешнем «перестраивающемся» советском бытии. Не ожидал, что окажусь в одном строю с Абуладзе, вознесенным на пьедестал нынешним руководством Союза кинематографистов и Ивановой, которая поначалу воспевала их, но теперь поменяла свое отношение.

Перед сном пощелкал по турецким, американским, немецким, французским, люксембургским телеканалам: всюду та же цветастая сексодрянь, которая стала внедряться и у нас в России.

18 апреля.

Утром дружной компанией (с Абуладзе, Ивановой и сопровождающей дамой) направились добывать последние фунты на знаменитый стамбульский крытый рынок «Тапалы Чарши» — ГУМ, помноженный в стократ по экзотике, и наличию товаров. Древние каменные сводчатые, расписные стены, искривленные пересекающиеся лабиринты торговых рядов, тянущиеся до бесконечности. Праздник ремесленного творчества: золото и серебро в несметном количестве, камни, медная и фарфоровая утварь, кожаные изделия изысканного покроя, товары всех стран мира. И никакой толкучки — чистота и культура торговли: даже чай поднесут в ожидании подгонки покупки.

Вечером нас пригласил на ужин знаменитый писатель, драматург, президент турецкого театрального общества Юнеско и руководитель крупной фирмы «Фора корпорэйшн» Рефик Эрдуран. Устав за эти суетные дни от общения, я пытался отказаться, но Абуладзе уговорил меня, о чем я потом не пожалел. Господин Эрдуран оказался обаятельным, открытым человеком. Рассказал, как в 1955 году он выкрал из турецкой тюрьмы знаменитого Назыма Хикмета и переправил его за границу. Но самое главное, он предложил Абуладзе и мне снять наши будущие фильмы в Турции. Он сказал, что его корпорация имеет достаточно средств для осуществления больших кинопроектов, может оплачивать любые услуги, в любой стране мира, в любой валюте. Сказал, что у него серьезная поддержка правительства, прессы, министерств иностранных дел, культуры и финансов, готовых оказать полную поддержку его проектам. Сказал, что у нас, режиссеров, будет полная свобода в выборе съемочного коллектива и любой темы, пусть даже не относящейся к Турции.

Главное, побыстрее начать и создать фильмы на европейском уровне, способные конкурировать на международных кинофестивалях.

На это фантастическое предложение мы оба ответили принципиальным согласием. На вопрос «есть ли у вас какие-то проекты?», я ответил, что сегодня меня интересует две темы. Первая — фильм о Пушкине, который должен целиком сниматься в России. Вторая тема — фильм об Иисусе Христе, основанный на четырех Евангелиях. Эта картина может быть целиком снята в юго-восточной части Турции, в Каппадокии, имеющей адекватную временам жизни Христа натуру, с возможной достройкой там необходимых декораций.

Условились, что Эрдуран незамедлительно направит соответствующие письма в Госкино СССР и «Грузию-фильм».

В этот вечер, наконец, узнал, как мой «Лермонтов» попал в Турцию. Директор по международным связям фестиваля критик Веджи Саяр, обаятельный респектабельный бородач, запросил в Госкино список и кассеты картин, тематически подходящих для Стамбульского фестиваля. Выбрал только «Лермонтова» и пригласил автора.

19 апреля.

И пришел последний вечер на Босфоре. Провел его в теплой компании с моим «белым турком» Семиром и его друзьями. Сидя в уютном ресторанчике на побережье, мы душевно беседовали, слушали ненавязчивые импровизации гитариста, разглядывая огоньки на противоположной стороне Босфора: ну, чем не Ялта? Было настолько хорошо, что спел три песни под электрогитару, вызвав восторг немногочисленных посетителей ресторана и признание гитариста в том, что он видел меня лет 20 назад в «Ивановом детстве», что он любит меня и счастлив увидеть живым. Как говорил мой отец: «Цалуй, пока тепленький!» В последнем своем тосте я сказал, что очень ждал этой поездки в Стамбул. Уезжаю без приза, но удовлетворенный. Я открыл новую страну, новых друзей. Показал в Турции моего «Лермонтова» и встретил сердечный прием. Мои молодые друзья сказали, что они благодарны мне за встречу, счастливы, что я оправдал их веру в русского человека. На прощание я прочитал прекрасно говорящему по-русски Семиру свои стихи:

*О радости спою для вас.
На свет рождаются друзьями:
Одна на всех Земля под нами,
И небо общее у нас.*

*Живите, радостью дыша.
Да будут радостны деянья,
Светлы и встречи, и прощанья,
Благожелательна душа.*

*Да охраняет радость вас,
Не покидает вас удача.
У всех людей — одна задача,
И вечность общая у нас.*

Стамбул — Москва, 1988—2020 годы

Василий КИЛЯКОВ

ЗАПИСКИ ПОЖИВШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Василий Васильевич Кияков — родился в 1960 г. в Кирове. Окончил Литературный институт им. Горького (мастерская М. П. Лобанова). Автор нескольких книг прозы, лауреат многих лит. премий, обладатель «Бронзового Витязя» Международного славянского лит. форума «Золотой Витязь», лауреат конкурса «Просвещение через книгу» Издательского Совета РПЦ. Публиковался во многих популярных периодических изданиях. Член СП России. **Живет в г. Электросталь Московской области.**

Ребенок, девочка неполных двух лет, еще не говорит отчетливо, только слогами. Мызгает во рту кусок пирога и с высокой лавки закидывает на стол обеденный то одну, то другую ножку в кожаной пинетке. Она закидывает и смотрит испытующе на реакцию родителей. Глаза любопытные, синие, озорные, словно спрашивают: «А что вы сделаете, если я так?..» Глядя на нее, думал: сколько ей, этой девочке, придется еще перетерпеть, понять, почувствовать. И воспитания, и огорчений, связанных с воспитанием и испытаниями... Сколько ей еще наживать опыта, а главное — зачем? Ведь все кончается одним и тем же для каждого из нас... Это «наживание опыта» и сочувствия, умения сострадать через свою боль и сопоставление с другими — было бы никчемной глупостью, если бы душа не могла бы относить этот опыт туда, в небытие, в пакибытие свое...

Нет, тут, верно, важен даже не сам опыт, а именно: «изделие», полученное от всей жизни. И именно выковка этого «изделия», выковка души человеческой. Бог — кузнец, горшечник? Кует и лепит. Думать так было бы примитивно, конечно. Что Бог — скульптор душ, но больше даже именно через чужие руки работает Он. Порой враждебные нам руки. Мы обижаемся на молоток и напильник в Божьих руках, — так как обижались бы именно на руки Творца. И все мы незаконченные изделия — незаконченные, пока еще живем и дышим, пока в силах хоть что-то менять в себе по своей воле и воле Демиурга... Он держит нас, Он работает над нами. Мы податливые изделия, над которыми трудится Бог неустанно, обваливая нас в песке и тлене и притирая друг к другу. Обкатывая нас, как морские голыши, друг о друга. И именно море, оке-

ан — вот что наиболее, как стихия, идентично самой жизни, образу нашего бытия... Море, стирающее наши (друг о друга и каждому) бока.

Что же из этого следует? Зачем мы, «обкатанные», Ему? Неужели только такие мы и сможем продолжать бытие в «ином мире»... Иногда этакое «притирание» трагически и внезапно конечно. О чем это говорит? Лишь подтверждает то, что «у Бога все живы». Для Бога нет никакой разницы, дышишь ты или ушел к Нему. Плоть — вовсе не подтверждение этой жизни. Так скульптор или кузнец после того, как затвердеет изделие, доводит его напильником или молотком, сбивая лишнее.

...Девочка, присмирив, закинув ножку на стол, смотрела на взрослых. Стояла на другой и смотрела мне в глаза. Наверное, была удивлена, почему я не ругаю ее и не удивляюсь, не поучаю ее... Она, верно, кое-что уже понимает. А я думал о том, желал бы я снова стать вот таким первоизделием, глиной, самородком — и вновь испытать боль приобретения опыта, зачатков нравственности? Желал бы я оказаться на ее месте и, испытывая этот мир, баловаться в нем? Какое же изделие пожелает вернуться в скалу, в глину, в ничто?

* * *

Судя по обилию боли и всяческих перипетий в жизни человека, — одна из главнейших целей жизни — в воспитании именно воли. Терпение и смирение — качества, о которых так много говорит церковь. Не податливость и слепая покорность, вовсе нет, даже напротив: следствие воспитанной, готовой уже воли к Божьим приказам, к приятию Промысла, к отсечению своей воли — вот величайший героизм и цель жизни. Не «прыжок веры» как абсурд, а именно высота духа...

Главная ошибка «волютаристов» (Ницше, Шопенгауэр, Макиавелли...) — в том, что они полагают меру великой силы воли в проявленных победах над другими. Главный же показатель созревшей воли — способность побеждать именно себя: «Победа из побед — победа над собой».

Но для чего Богу волевой человек, — или это значит, что Богу нужен воин? Не генерал, не майор, а именно солдат. Но в таком случае, каковы же условия существования «там»? Если не мягкотелость, а именно жесткость по отношению к себе и воля — как первейшие качества, необходимые для жизни с Богом, в «ином мире»? Значит, благолепие и беспечность рая — пустые выдумки? В «ином мире» необходим только сложившийся, крепкий человек. Не расслабленный и благодный «нюня», но кремень, истый воин, твердо верящий своему военачальнику в духе. Это обстоятельство хорошо понимали первые святые, именно отсюда — тяжкий ежедневный их труд, вериги («Гнету гнущего мя»), юродство, стояние на камне, бдения. И смерть, наконец, — как последний экзамен, самый жесткий и бесповоротный. «Без права на пересдачу».

Тогда становится понятно, почему самоубийство — то есть несдача экзамена, отказ, бегство с поля боя — не прощается Главнокомандующим. Часовой, покинувший пост, потому что было холодно или дождливо, нестерпимо морозно или страшно от приближения врага, — такой солдат не годен и на следующую ступень. Ступень, следующую для жизни души, может перешагнуть лишь мужественный. А эта жизнь по ту сторону, несомненно, есть, и несомненно, что бытие здесь — лишь подготовка в мир

иной. Все рассуждения о том, что «мир абсурден» и ему нет до нас никакого дела, как ветру до цветочной пылицы, — наивность. А значит, настоящая борьба — не здесь, а именно там. Именно там бой, а здесь лишь подготовка. И борьба «там» — она много сложнее, чем испытания здесь, раз «туда» отбирают лишь избранных, достойно выдержавших первые трудности здесь. Отсюда и вывод, что духи злобы поднебесные — вовсе не выдумка досужих бездельников.

Не случайно святые в Православии не только выдерживали бои уже в реальном мире, но даже и усложняли его: носили вериги до крови, и пост, и бдение, и постоянная молитва (то есть внимание к голосу Главнокомандующего, угадывание его святой воли).

* * *

Говоря об «архетипах» наций... «Странность», «непонятность» русского человека для иностранцев — хлебосолье, широта души, искренность и поиски искренности — все это объясняется просто: русский живет не этим миром, не только видимым миром живет. Отсюда и непонятный для них героизм русских в войнах. И это генетически и кровно давно усвоено русскими и свойственно им. Так же, как оптимизм, хитрость, находчивость евреев в торговле, в делах денежных, ростовщических, как тяга к порядку, построению и легендарная храбрость немцев, замешанная на древней тяге к коллективному самоубийству, как некая петушиная спесь, иронизм французов и т. п.

И вот, если уж он, русский, срывается в другую сторону — к воровству, к тратам — тут тоже нет никакого удержу. Нет меры ни в чем. Потому что для него глубинно нет идеи самосохранения, им не ценится бытие этого мира, потому что он предполагает (и не без основания), что здесь это бытие его души не окончится, не погаснет. Ни один представитель никакого другого народа не кутит так безрассудно, часто — необъяснимо пышно и даже глупо, не «пыжит» так, как русский. Тут уж и цыгане, и «режь последний огурец», и много-много еще чего. И эту оторванность, внушаемость русского хорошо понимают западные (с основательно поломанными генетически кодами) народы, вернее, их предводители. Оттого и яростное навязывание нам, внедрение «бородатых Кончит», и «свобода» ЛГБТ-сообществ, и пляски юных «пчелок» на европейский манер, истоки которых в американских публичных домах...

Насажение страсти к имуществу, к деньгам, к потреблению, к индивидуализму (в пику соборности) обрело невиданные масштабы. Все, что разобщает, индивидуализирует, ослабляет Россию, все, что тащит в иную сторону от соборности, сплочения и взаимной приязни, прививают правдами и неправдами. Уничтожение крестьянства, войны и революции, внедрение доллара в Россию — все это несказанно ослабило страну. Принужденная страсть к доллару девальвировала победу СССР во Второй мировой, сегодня долларое пространство сжирает и Россию, и русский характер, «глобализует» их...

* * *

В метро, в вагоне подземной электрички, девушка лет двадцати-двадцати двух. Сидит она, стиснутая со всех сторон, прижавшись к не старому

еще, живому и бодрому своему соседу. Она прильнула к нему справа и так обхватила его правую руку, обвила ее, как обвила бы лиана дерево. Так забирает она всю руку его себе, обвив своими руками, как можно было бы прильнуть только к очень любимому человеку, на которого надеешься бес-предельно, в котором уверен. Так кто же он? Отец? Муж?

Мы в детстве, мальчишками, так обхватывали гладкие белоснежные и белящиеся как известью стволы берез, когда влезали на них. Что-то ее ждет, эту девушку... Что ждет этого ее отца? Мы, мальчишки, так были уверены в том, что жизнь — бесконечно ценный дар. Мы были счастливы полагаться в этом уповании своем даже и на деревья...

Вот встали и вышли они, эти двое, на станции Курская, а я долго еще помнил их взаимное друг к другу тепло, нежность, доверие и преданность, такую очевидную для меня, прожившего и редко встречающего теперь нечто подобное.

* * *

...С какой яростью, живостью и с каким отвращением Иван Алексеевич Бунин писал книги о революционной и послереволюционной России, книги по беспощадному исповедальному тону, пронзительности и остроте, равные которым едва ли можно отыскать. И по язвительной наблюдательности ничего похожего не знаю. Его повесть «Деревня» и та меркнет в сравнении с дневниками.

Вот слова, названия по отношению к ставшей социалистической России: «Под серпом и молотом», «Окаянные дни»... Это шедевры, образчики великой и праведной ненависти (если только можно назвать шедеврами яростные заметки от весьма наблюдательного и памятливого писателя, с отлично «набитой» рукой, с точным и органическим чувством слова). Но вот что приходит на память: отчего же родного брата и своего учителя Юлия с проклятиями И. А. Бунин не упрекает нигде. Он любил и уважал его безмерно. Безмерно переживал его безвременную кончину... А ведь именно Юлий, этот не последний в своем значении «чернопеределец», народник и революционер, арестовывался не раз и даже ссылался.

Между ссылками учил Бунина французскому, учил журналистике. Сам был отменным журналистом. Разрабатывал и печатал программу революционных действий на будущее под выдуманным псевдонимом Алексеев. Был допрошен дознавателями и арестовывался, отбывал три года в Озерках. Основатель журнала «Среда», он печатал и работы Ленина, Плеханова. Уж коли быть объективным, то начинать бы И. А. если не с себя, то со своей родни. Когда узнаешь это, по-другому видишь попытки советской власти «уплотнить» И. А. Бунина, обыски его матросами, бесцеремонные вторжения, которые так ранили писателя, выводили его из себя, мучили нестерпимой обидой и бессильной яростью до «трясущихся рук» и перебоев в сердце. Как огненно он записывал ощущения, обиду и ярость свои, «бьющееся сердце» свое, унижение до обидных слез.

А вот запись его в 1918 году: «Андрей (слуга Юлия) все больше шалает, даже страшно. Служит чуть ли не 20 лет и всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен и мил. Теперь точно с ума спятил. Служит еще аккуратно, но, видимо, уже через силу, не может глядеть на нас,

уклоняется от разговора с нами, весь внутренне дрожит от злобы, когда же не выдерживает молчания, несет какую-то загадочную чепуху <...> У него (слуги. — В. К.) вдруг запрыгали руки: “Да, да, летит (Россия в тар-татары). А кто виноват? Буржуазия! И увидите, увидите, как ее будут резать, увидите и вспомните тогда вашего генерала Алексеева”». Как точен слуга, поразительно. И даже фамилия генерала и псевдоним Юлия-революционера вдруг совпали. Но вот диво дивное: Бунин И. А., повторяю, вовсе не винит ни родного брата, ни его друзей, ни отца своего... А ведь именно они, дворяне, так заморочили головы себе и своим слугам, и самим себе — от безделья что ли, от своей спеси? И уж точно — именно от беспечности, от «большого ума». От сочувствия той народной массе, которая впоследствии разнесет, разорвет свою же страну вдребезги.

Не дворяне ли испортили жизнь и себе, и России? И не однажды. Этот героизм и самоотверженность героическая очаровали даже Толстого. Вспомним, с каким рвением Л. Н. Толстой взялся за роман о декабристах. Трех из декабристов он отыскал и лично расспрашивал. И, изучив многое, вдруг проникся таким отвращением к событиям на Сенатской площади и их предыстории, что роман его о декабристах перерос в «Войну и мир», и мысль ушла совсем в иное русло. Страдавшие родственники И. Бунина, изучи они предмет и предысторию, тоже, пожалуй, разочаровались бы. Ведь князья ходили с красными бантами в петлице, а Синод поддержал февраль... Вот и Бунин — кажется, как ему не сочувствовать. Но кто, как не сами дворяне растревожили «Михрютку», зарядили злобой и завистью? Кто, как не они сами, — воспели «Двенадцать»?

А вот за год до того запись, в 1917 году: «Чуть не с детства я был под влиянием Юлия, попал в среду “радикалов” и чуть не всю жизнь прожил в ужасной предвзятости ко всем классам!» Предвзятость такова, что Бунин всю жизнь гордился своей дворянской кровью, а любимое словцо у него «барин», «барчук». И вот результат: уже через три года такие строки в дневнике: «Сон, дикий сон! Давно ли все это было — сила, богатство, полнота жизни — и все это было наше, наш дом — Россия!» (1921 год).

* * *

А вот каковы были чаяния и заботы купцов и дворян накануне революционных событий? У того же Бунина читаем в дневнике запись от 1911 года. Обстановка уже предреволюционная. Пять лет назад опубликован рассказ Л. Андреева «Губернатор», три года назад «Рассказ о семи повешенных», наделавший много шума, одобренный Горьким и многими... А Иван Ильин с его на то время приверженностью к анархизму, его «Бунт Стеньки Разина» — бомба при обыске в 1906 году. А ведь это Иван Ильин, впоследствии шесть раз арестованный и, наконец, высланный из России, оставленный в живых лишь по личному указанию Ленина, в библиотеке которого хранилась его работа (лучшая, на взгляд Ленина, работа о Гегеле). Многие другие — Бердяев, Шестов... И многое с предреволюционным запахом крови, гари печатал уже и сам А. М. Горький. Вот в дневниках Бунина: «Юлий привез новость — умер ефремовский дурачок Васька. Похороны ему устроили ефремовские купцы великолепные. Всю жизнь над ним потешались, заставляли др...чить и покатывались со смеху, глядели,

как он “старается”, — похоронили так, что весь город дивился: великолепный гроб, певчие... Тоже “сюжет”».

Да, «сюжет». И впрямь, кто и что видел, и как видел — даже чрезвычайно наблюдательный и дальнзоркий Бунин. И всего через пять лет — около восемнадцати миллионов убитых и умерших от голода в Первой мировой и в Гражданской войне. И затем сданная, видимая уже победа над немцем, проигранная война, которая должна была закончиться в Берлине парадом русских войск, и уже пошиты были и буденовки с кителями из кожи для этого парада.

И буденовки, и кожанки наденет впоследствии ЧК, и — расстрелы, аресты, и пытки... Даже миллионам, «сочувствующим» революции, и «попутчикам» — смерть. Бунин и попутчиком не был. Вынужден был прятать записки своих дневников за подоконник с уличной стороны, чтобы не нашли при обыске. Впоследствии недалеко от дома, где он жил в Москве, на Поварской, недалеко от последнего его пристанища, откроют Дом Литераторов.

«Русский колокол» И. Ильина и «Окаянные дни» зазвучали слишком поздно...

* * *

Перечитывал антологию русских поэтов и думал о величии Православия. Все эти поэты, даже позиционирующие себя как атеисты, все-таки православные по самой внутренней сути своей. Величие их поэзии объясняется одним: это искренний плач об утерянной жизни души с Богом, сожаление об этом. Плач о великой утраченной Любви слышен, даже если и не называется напрямую в их строках. Эта «тоска по Богу» — в подтекстах, и она свойственна только русским национальным поэтам. Именно это ставит нашу поэзию выше очень многих и многого. Эта экзистенция, эта способность русских поэтов к созерцанию так очевидна...

* * *

Теперь я многое повидал и думаю, что жизнь любого человека сама по себе уже подвиг. Доказать это просто. Каждый, если вспомнит самые свои трудные и неуютные в этом мире дни, обратит внимание на то, что теперь, когда прошло некоторое время, те дни вспоминаются гораздо легче, даже и не без удовольствия, не без ностальгии по давней, страшной жизни. И это при том, что сегодня, при воспоминании о тех тревожных днях, нам все-таки комфортно. Уже это одно доказывает, что минувшее, ушедшее — всегда лучше настоящего, каким бы оно ни было. И, в свою очередь, подсказывает нам, что жизнь — всегда и любая — есть нелегкий труд. И труд немалый. Если бы не свойство нашего мозга стирать из памяти страшное, негатив, жить было бы невозможно.

Порою на судьбу нашу выпадают будничные, незаметные, но великие подвиги, о которых так никто никогда и не узнает. По прожитым годам мы смотрим на эти труды наши как бы с берега в бурю на тонущие корабли...

«Настоящее уныло <...> Что пройдет, то будет мило», — гениально заметил А. С. Пушкин. То же понимают и напоминают нам о том же и свя-

тые Православия. О том, что жизнь — великий труд, знают именно они, и лучше многих из проживших.

Силуан Афонский, когда у него диагностировали рак, пустился в пляс. Старцы благодарили Бога, когда чувствовали отпуст. И это не слабость. Они понимали, что отработали уже свою страду в этой жизни, что Бог отзывает их из мира заслуженно. Бог призывает, значит, пора и отдохнуть. «Нет, нет, пора костям на место...» — говорила моя бабушка по матери, прожившая длинную жизнь, оставшаяся вдовой в двадцать лет после войны с детьми... «Нет, нет, пора, пора... под тополя».

Но человек, едва ли не каждый, старея, держится, хватается за ветхое свое жилище, за бренное тело свое. Ему, этому человеку, приготовлены уже хоромы светлые на высоте, в Свете, в Покое и в Радости. А он — нет, мертвой рукой вцепляется-держится за то, что есть, за убогое, старое, больное и нищее. «Но крепко вцапались мы в нищую суму...» — писал Есенин, который и в двадцать был уже по-крестьянски умудрен талантом от рождения, как бы впитал опыт поколений крестьян-«христиан».

Нельзя отказываться от жизни в духе. Конечно, вряд ли убедит это рассуждение, но подумать есть над чем...

* * *

Язычество Европы окончательное, полное уже. Возврата нет, точка невозврата пройдена. Шаржи на Христа и на Магомета — легко, и чтобы отстоять это странное право сумасшедших карикатуристов похабными рисунками оскорблять миллиарды людей, за это «право» выходят правители европейских государств и выводят тысячи ошалевших в Париже единомышленников... А и всего-то требуется не задевать того, что свято для других, зачем? Разве мало тем для шаржей? Какие это странные рельсы «цивилизационной демократии», которую они постоянно экспортируют всем, навязывают, внедряют по всему миру, странам, которые их вовсе не просят об этом экспорте атеистических и релятивистских идей. И вот доэкспортировались уже до того, что и у самих ничего не осталось, никакой демократии в том виде, в котором ее понимали бедные древние греки, сочинившие это государственное устройство.

Репортаж по ТВ о покупках в Европе елочных игрушек. В Европе, где, празднуя Рождество Христово, никто даже не упоминает уже, что Рождество это именно Христа, спасшего, спасающего мир от тлена и разложения уже при физической жизни. Только один из нескольких продавцов упомянул в Германии об этом, а упомянув, сказал: «Он Воскрес!» — и стремительно, точно скрываясь с места преступления, убежал в свой европейский магазин. Оказалось впоследствии, что это грек-эмигрант, и именно потому он так эрудирован и храбр.

Говорят, что в Америке-де больше верующих: из протестантов, католиков. На Пасху — вечеринка с Бараком Обамой, Анджелиной Джоли, Клинтонами и другими известностями, без упоминания даже словом о Пасхе Христовой, с плясками дикарскими, аттракционами и крутой попойкой.

Америка — это какая-то обнаглевшая вконец железно-громадная деревня, с утвердившейся плебейско-языческой цивилизацией, раненой психикой, истинно «железобетонный Моргород», вечно чем-то обиженная, недо-

вольная деревня, выстроенная ввысь. Целая страна с психологией глубокой провинции. Не оттого ли там вечно доказывают (и себе, и другим) собственное превосходство. И утверждают, как только могут утверждаться вечно неуверенные в себе подростки или стареющие, недалекие сумасшедшие. Поразительны их вечно улыбающиеся, всем будто бы довольные физиономии и настрйо: кому-то неведомому все время доказывать свою состоятельность, отменную дееспособность и подчеркивать, что все у них будто бы «о'кей».

Срамные пляски-канкан, всегда оскаленные «приветливо» зубы и пожирание напоказ килограммами и поштучно то червей, то саранчи, то горы бургеров, то огромных тараканов... И все за доллары, все за бумажку, на которую, сожрав какую-нибудь тварь, чтобы тебя стошнило, ты приобретешь еще один пылесос или еще одну блузку и всю жизнь потом будешь сотрясаться от брезгливых и унижительных воспоминаний о той холодной и шевелящейся во рту мерзости, которую ты был принужден жевать под камеры, под хохот и крики. Вспоминать этот несмываемый позор перед собственной совестью, эту алчность, эту подлейшую дурь свою — всю оставшуюся жизнь!

Что это за «менталитет»? Непонятно. Смотрю на «празднование» их Пасхи — праздника «без названия», и укрепляюсь в своей уверенности, что эти точно уже не успокоятся, пока не наделают чего-то действительно страшного в окружающем мире. Пришла их пора: в Ливии ли, в Сирии, в Грузии, на Украине, какая разница — не успокоятся, пока не запнутся о порог до крови... Они, эти янки, так и остались нацией подростков-дикарей, сбежавших от родителей и мстящих им за свою умственную и духовную несостоятельность, неполноценность. Акселераты, умственно несозревшие, с огромными горами мышц, с атомной бомбой, семьдесят процентов мировых ресурсов пожирающие для прокачки этих мышц, но не знающие совершенно, что такое совесть и Бог. Даже напротив — регистрирующие и позволяющие сектам сатанистов быть и называться религией наряду с христианством.

Эта никогда не воевавшая на своей территории общность, никогда, по сути, не голодавшая (Великая Депрессия не в счет, она не сравнится с потрясениями и войнами, которые настигали Европу и Россию) — общность авантюристов в пятом колене, сбежавших от суда и войн из Англии, убежденных глобалистов и узников собственного мнения о своей сверхдержавной акселерации, занятая лишь приобретательством, связанная лишь длинным долларом... Эта общность не может и никогда не сможет ни воспринять, ни почувствовать Божьего замысла о мире, о каждом из рожденных в этот мир, потому что не ищут они следов и намеков на этот замысел, на промысел, на само бытие Божье. А без таких поисков ничто и сама жизнь человеческая, горсть пепла, не более того.

Стоит только взглянуть на их атаки магазинов в дни «Благодарения», когда снижаются цены — они сметаю с витрин все подешевевшее, бьют, дают друг друга. И здесь — самая суть их бытия, а ведь это — сытое общество с самыми высокими доходами на душу населения!

Нравственные инвалиды от рождения. И что ни скажи об этой стране — будет истинной правдой. Зачем же им и Пасха Христова? Они изгнаны были не только из Рая Богом, но убежали и от традиций, и от обязанностей, от совести. И теперь кичатся своей «самобытностью» — хотя какая

самобытность в стране без корней. Большой театр в Москве — ровесник Америке!

* * *

Подмосковьем на электричке. Октябрь месяц. Вечереет, и время от времени капли косым пунктиром чертят стекло. Проезжаю поселок, который отчасти строили итальянцы еще в XVIII веке. Теперь и не верится, что было когда-то время, и европейцы почитали за честь подзаработать в России. Строителями, гувернерами — и работали (с большой благодарностью!) за рубли.

Еду полями, когда-то заповедными, а теперь сплошь застроенными коттеджами, иные — до того безвкусной планировки, похожие на каменные мешки или камеры-изоляторы.

Мужичок с рюкзаком тяжело вышел на платформу, силясь, вскинул рюкзак на плечи. Дачник. Вскидывая тяжесть, от усилия и старания топнул ногой в резиновом сапоге прямо в луже. Лужа расплескалась, и тут же голуби на платформе вспыхнули белым исподом крыльев, захлопали, поднялись к небу. Три сизаря. Лужа пролилась в ручеек, подхватила белое голубиное перо, потащила куда-то, как судьба тащит брентную жизнь человеческую...

Мужичок шел, шурясь, вглядываясь в желтые дали осенних берез, в гущу лимонно-желтой и уже начинающей багроветь листвы, в пятнистую заросль осин. Низкие заброшенные дачки под трещавшими кронами и «коронами» разряда в сыром воздухе высоковольтных ЛЭП, заброшенные хибары и сараюшки, если только можно назвать сараюшками навесы из неструганного горбыля в пять-шесть досок, кое-как отгороженные от бомжей ржавой колючей проволокой и ржавыми же остовами панцирных кроватей и тут же вбитыми бревнами, досками. Это огородики вдоль железной дороги под ЛЭП. Видно, забраны они самозахватом, чтобы хоть как-то прокормиться простому люду: под посадку картошки. Работы в подмосковных городах нет никакой. Утренние электрички — битком в Москву. Там местный русский люд соперничает в наемной дешевизне рабочих рук с приезжими из дальних краев вахтовиками. Контролеров-ревизоров по десять человек на вагон электрички. А где на все про все денег взять? А пенсионерам? Пенсии едва ли хватит самому прокормиться. Вот и «самозхваты» под огороды. Смешные, с горькими слезами от взгляда на эти огородики-имения впечатления и думы.

И тут — тронула электричка, и навес над платформой вдруг распахнулся, открылся вширь, в самую даль и в небо: не дом, а усадьба новоиспеченного дворянчика-олигарха. Дворец с башней рыцарских времен, с лифтом, бассейном, мансардой (теперь это модно называть «пентхаусом») — в четыре этажа. С гаражами, со скатами под землю, с фонарями в виде круглых шаров в одном метре от земли — по европейской моде. А по периметру дома-дворца какие-то голые гипсовые Дианы с кувшинами на плечах у фонтанчика, а за ними следом — еще дачка. И еще — какого-то пресыщенного, вероятно, проворовавшегося человека с натянутым на заборе объявлением: «Продается».

Так и живем: и за Сирию имеем право вступить против американской военщины, и «результаты приватизации пересматривать не будем». Что же ждет нас, страну, где все на виду, но ни честь, ни право не действуют?

И не боятся они, эти новоявленные «дворянчики» ничего. А между тем ровно сто лет тому назад изголодавшийся люд взялся за вилы. Сто лет тому, как Россия покатила под откос из-за безмерной пропасти между богатыми «барчуками», гнавшими по Москве в Яр, и голодными, замерзающими семьями рабочего люда. Сто лет прошло. Ничему не учит история, и вот опять бездна между «классами». Камеры видеозаписей, звонки с пред-варительным оповещением хозяйчиков, лампы на светодиодах, чтобы разом вспыхивали. Нет, брат, все это не поможет тебе, не поможет и охрана в пятнистой форме на КПП, если голодный люд заскучает по твоим погребам и твоему сверхдоплату. Кто не желает делиться малым, тот теряет все...

Так что же они, или так глупы навеки, или, напротив, умны? А может быть, близоруки? Или мудры, но как-то не по-русски? Я вышел вслед за мужичком на платформу, а вокруг этих «дворцов» — ни-ще-та-а! Голимая, крошечная. А ведь это не какая-то сибирская глушь, не пермские пустынные просторы, это почти что Москва!

Мужичок скинул рюкзак, долго стоял, прищурившись, на платформе, глядя из-под руки вдаль. Потом загнул голенища сапог и полез в болотину. Выломал там себе батог на дорожку и вдруг крикнул мне, оглянувшись, крикнул властно, как пристало бы и самому Пугачеву (что меня удивило, крикнул незнакомому как родному): «...Эй, милый, пособи-ка с рюкзаком, кажись, лямка оторвалась!» И мы, закинув рюкзаки повыше, потопали мимо забора-дворца-фазенды какого-то «нового» русского, каждый по своим делам...

По дороге, словно себе самому, но так, чтобы я слышал, он говорил:

— А я не завидую им. Пятиметровые заборы, боязнь за жизнь... Скучно, страшно...

И еще немного пройдя, то ли этим дворцам, то ли самому себе:

— Так, господа, знать, проживем еще? А? Поживе-ом!..

И столько силы, плотоядной какой-то злобы было в этих словах, сказанных врасплох: «По-жи-ве-о-м!» Не зависти, а именно злобы, что я невольно подумал: «Да уж не Пугачев ли и впрямь это, не Степан ли Разин или сам Болотников воплотился?». Коллективное бессознательное страшно оживает на полях моей страны. Слышат ли хруст орасины, в болоте выла-мываемой, во дворцах? Ох, вряд ли...

* * *

Необычное, неординарное влияние творчества, творческого процесса — на людей, обладающих настоящим даром, людей, носящих в себе искру Божью. Она или сжигает (эта искра Божья), изнашивает и нередко калечит, убивает человека (Ван Гог, Моцарт...), или, напротив, способствует долго-жительству, придает смысл, ставит и даже вкус бытию творческого человека (тоже, конечно, не без срывов и терзаний), охраняет и поддерживает существование творца и художника в этом бренном мире.

* * *

Все люди, каждый из нас, приходят на эту землю, чтобы решить свои задачи. Найти свои ответы через боль и скорбь, холод и отчаяние. Но ответ

на решенные задачи должен совпасть с ответами Божьими. А чтобы сошлось с ответом Божьим, указанным в конце задачника, необходимо задачник до-решать до конца, от корки до корки. У кого-то нет ума. У кого-то воли, у кого-то — и того и другого. Третий не дает труда себе даже и задуматься. А между тем многие, даже и до глубокой старости в полном умственном здравии дожившие, не только не в состоянии успешно решать свои задачи, но даже и просто не в состоянии понять сам смысл того или иного вопроса. «Что требуется отыскать?» (Не говорю уже, что принять за неизвестное и обозначить: «икс, игрек, зет»). Но как же это странно! Не может же у жизни, этого строгого и больного явления, не может же быть таким низким «КПД» по осуществлению Божьего замысла о человеке.

И вот ноябрь. И листья, и яблоки в саду под окнами опали. Деревья голые, сиротски продуты и костяно, мертво качаются под ветром. Но навер-ху болтается одно яблоко, штрифель. Как же и почему же лишь оно одно и не упало? Непонятно.

Птицы, подлетая, проклевывали это яблоко насквозь. Но оно не падает. Болтается от ветра, как теннисный мячик, скачет, как привязанное, но не падает... Какова его задача? Кормить ли собою, телом своим птиц? Или это дело случая: дожить, довисеть до невероятных заморозков? Или не зависит ни от чего? Или это яблоко — оно этакий «Прометей» растительного мира, бунтарь, саможертвенность которого очевидна? И уж тем более вопросы: так счастье ли вот это такое долгожительство, когда клюют и используют многочисленные замерзшие птицы ли, дети ли, внуки, правнуки — благо ли? Решение ли это итоговой Божьей задачи, даже и практический экзамен? Не яблоком ли, таким же проеденным, доживали и философы многие, и ослепший А. Ф. Лосев, и В. Шаламов, и Д. Лихачев? А во многих семьях старики? Но это примеры и приметы всем нам: «Держаться за ветвь жизни до последнего», по непостижимой для нас воле самого Создателя.

* * *

Какое несчастье для человека его душа! Эта субстанция — удивительнейшая сущность, сколок Бога, божественного зеркала, вживленная в плоть живого. Но вживлен этот «сколок» необработанным осколком. Колючим. Стеклянным. Острым. Не дающим покоя. Постоянно напоминающим о себе острой болью, присутствием совести, неудобствами размышлений. Сравнениями. Рефлексией.

Невероятное смещение человека и животного. Этот кентавр, постоянно мучимый сомнениями и поисками высшего порядка, и — самыми низкими плотскими желаниями. Какие сомнения по поводу Любви Божественной в этой боли от осколка и смещения сущностей посещают людей! Какие страсти терзают их по системе координат «свой-чужой» и по их «животной» сущности... Есть у Шопенгауэра метафора о человеческой воле — в виде терзающего самого себя великана, наносящего самому себе увечья. Я бы добавил, что он, этот великан (и даже именно кентавр!), терзает себя, пытаясь вырезать и вырвать этот драгоценный, острый и болящий осколок из своей плоти.

Ребенок трех лет, девочка, внучка. Прибежала ко мне, просит развернуть карамельку. Дала и ждет. Я разворачиваю эту карамельку, освобождаю от слипшейся бумаги и вижу столько счастья от ожидания гостинца, что мне вдруг становится чрезвычайно, почти до боли жаль ее! И сердце мое вдруг так разогревается, таким сочувствием к ней, к ее простоте и безобидной радости от сущего пустяка, от конфетки. Я осознаю вдруг, какая дорога «из желтого кирпича», дорога, длиною в жизнь, ждет ее, сколько всего и всякого ей суждено пройти, что становится так мучительно-нестерпимо... Я нахожу еще конфетку и угощаю ее еще раз. И вновь столько счастья и столько невыразимой радости! Как же мало, ничтожно мало надо для счастья вот этим маленьким безобидным и трогательно-наивным людям, детям. Конечно, и огорчить их может тоже любой пустяк, и огорчить невероятно глубоко...

А ведь и я (теперь в это даже и не верится, так это было давно!) был таким же простым и наивным. Что и куда делось?..

Послушайте, я точно знаю, что все мы и каждый из нас вот так же просили у Бога благословения родиться на этой земле, как она, эта девочка, ждет от меня конфетку. И мало того, мы ждали от Него этого подарка: прийти в эту жизнь — точно так же, как моя милая и маленькая Соня ждет конфетку из моих рук... И мы Ему разве не казались наивными до слез, до трогательного жаления нас? И не от этого ли «воспоминания» души так защемило мое бедное сердце много пожившего уже человека!

История и современность

Василий ДВОРЦОВ ЕРМАК. ГЕОПОЛИТИКА ПРОТИВ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Василий Владимирович Дворцов — родился в 1960 г. в Томске. Как художник и реставратор поработал во многих городах СССР. Автор четырех книг прозы, сборников стихов, пьес, множества публицистических статей. Лауреат различных литературных премий, в том числе премии журнала «Москва» 2002 г. за роман «Аз буки ведал...». Секретарь Правления СП России. **Живет в Москве.**

*Начало зол — ложная мысль!
Источник самообольщения
и бесовской прелести — ложная
мысль! Причина разнообразного
вреда и гибели — ложная мысль!*
Святитель Игнатий Брянчанинов

Люди старшего поколения помнят, как лет тридцать назад всеми легко и уверенно произносилось МЫ. МЫ в истории, МЫ в космосе, МЫ в культуре, в праве и в правде. Сегодня, даже когда разговор идет о внешнеполитических интересах России, увы, приходится уточнять: кто кого имеет в виду, когда заявляет это самое МЫ. И дело не только в материальном, классовом или национальном расслоении и разложении бывшего «советского народа». Хотя, да: и конфликт претензий на владение средствами производства и прибавочной стоимости учитывать необходимо, однако, самая важная современная несовместимость населения России в единое МЫ — это несовместимость мировоззрений этого самого населения.

Не люблю слово «постмодерн», подменившее тоже нерусское, но уже прижившееся, и потому смысловое более емкое «эклектика», но хаос затянувшейся толерантности ощущаю разъем и подгноил все системные опоры и скрепы российского общества, так что нынче МЫ очерчивает совсем уже узкий круг тех, за кого можно отвечать и на кого можно полагаться. Особо болезненна эта узость в темах священных, типа Великой Отечественной войны. Правда, уже трудно терпеть просто оскорбительное количество «свободных» точек зрения на величайшую народную драму, с собственными «свободными» методиками оценок жертвы, принесенной дедами-прадедами за полувековой мир в Европе.

¹ Статья печатается с сокращениями.

Вспышка переоценки национальных ценностей, казалось бы, такая произвольная, непринужденно свободная, на самом деле явилась результатом долгой и методичной педагогической работы. Нужно было ввести вариационную историю в школе и тем сломать иерархию критериев всего прошлого и подвергнуть сомнению все авторитеты, далее втянуть школяров в безответственные препирательства с сослагательными наклонениями, плюс эмоционально закрепить головную смуту спецэффектными кинопродуктами, напрочь отрицающими какие-либо мотивации призывника для самопожертвования во имя Родины. И получить поколения нигилистов, для которых нет понятия МЫ, а нравственное противостояние советского и фашистского совершенно гадательно.

Отталкиваясь от сего подлого личного опыта, нам легче понять, как и почему в девятнадцатом веке такая, казалось бы, высокомудрая и высококультурная, такая царски-традиционная Россия эдипово отказывалась от своих отцов-героев. Не вся, не сразу, не от всех, но поступательно и центростремительно, и центром тех «отцеубийств» были элиты: вначале аристократическая, за ней разночинская. И советская.

В 50-е годы XIX века протоиерей Иоанн Рождественский писал: «Уж если бороться с иезуитами, так... с интриг секретных внутри России. Лукавый дух у нас гнездится везде, от канцелярии Синода до бурятской кибитки, и всюду приносит плоды...». Плоды просвещения. Образования. Точнее — воспитания.

Когда в 1707 г. Общество Иисуса открыло в московской Немецкой слободе свою первую школу, в нее стали принимать мальчиков не только из слободских католических семей. Юные Апраксины, Лопухины, Головины обучались в ней геометрии, астрономии, латинскому и немецкому языку, химии и другим европейским премудростям. И потому выросли совершенно искренними адептами петровских революций. Что, впрочем, в свое время не помешало Петру Алексеевичу иезуитов, уличенных в проавстрийских интригах, изгнать и школу закрыть. Одним петровым махом.

Элитное светское образование — главная канализация иезуитов во внутреннюю жизнь государства и народа, на территории которых они оказались. С последующим на эти государства и народы орденом влиянием. И конечной их, государств и народов, перестройкой под нужды Ордена. Пусть «идеальное» государство-карцер в Парагвае остается опытом Запада, но свои уроки заучили и славяне: что было с Польским королевством и Литовским великим княжеством при Батории, что случилось с Хорватией в начале двадцатого века, и что теперь происходит на Украине.

Преподобный Иустин Попович в своей книге «Федор Достоевский о Европе и славянстве» писал: «Человек обоготворял себя и посредством философии, и посредством науки, и посредством религии (папизма), и посредством цивилизации, и посредством культуры. Но один дух действовал через все эти виды деятельности — дух католицизма. Все, что происходит в Европе, происходит под знаком католицизма. Сделав человека мерилom всего, обоготворив человека, возведя в догмат непогрешимость человека, католицизм вольно и невольно, непосредственно и опосредованно стал причиной и поводом атеизма, социализма, анархизма, науки, культуры и цивилизации по человеку. Европейский человеко-бог отеснил Богочеловека; католицизм санкционировал человеко-божие; Европа взяла на себя

обязанность это человеко-божие социализировать — и отсюда весь ужас и все мучение Европы».

За каких-то полвека со дня основания Общества иезуиты захватили или основали в разных странах и на разных континентах почти 700 колледжей, около 200 семинарий, более 500 миссий и резиденций. Так что, когда в 1773 г. папа Климент XIV под давлением заволновавшихся правителей Испании, Португалии, Австрии и Франции издал буллу, запрещающую деятельность Ордена, то выяснилось, что без учителей остаются разом 250 тысяч школьников и студентов. Что такое четверть миллиона обучаемых для восемнадцатого века — понятно. Тем более — прежде иных это были отпрыски знатнейших и богатейших родов.

Екатерина Великая в пику папе Клименту XIV, потребовавшему от нее выдачи из России членов и имущества Общества Иисуса, позволила иезуитам остаться. В принятии, как казалось Императрице, чисто политического решения, мнение Православной Церкви, при Петре I подчиненной светской власти, ею не учитывалось. И иезуиты благополучно пережили в Полоцке все гонения. До 1801 г., когда, уже при Павле Петровиче, новый папа официально признал Орден действенным в пределах Российской Империи.

Девятнадцатый век — век философских, научных, технических и социальных революций — как и везде, для России начался со школьного преобразования. За четверть века до декабристского путча, из Витебска, школы и миссии Ордена начали стремительно разлетаться по столицам и губернским городам, включая Сибирь. Сложившееся тогда классическое образование кое в чем и сегодня живо в принципах, определенных иезуитами как «парижская система»: регламентировался, то есть унифицировался весь учебный процесс, отсюда же деление на классы, переводные экзамены, классные журналы, инспекторы на уроках. Но это внешнее, сутевое же в том, что для *переориентации детей и подростков с почитания родителей на почитание учителей* в них воспитывали — и воспитывают! — острую критичность по отношению ко всему наследному. Именно так суперкатолические школы выпустили Вольтера, Лейбница, Декарта, Корнеля, Мольера...

В российских орденских коллегиумах, помимо древних и современных языков и античной литературы, давали фундаментальные основы математики, физики, астрономии, политической географии, гражданской и военной архитектуры, а так же изучались гражданское и государственное право, психология, живопись, музыка, танцевальное искусство. И понятно, что в петербургском пансионе аббата Шарля Николая получали выходные аттестации юные Голицыны, Нарышкины, Одоевские, Ростопчины, Орловы. А через несколько лет открыто объявляли себя католиками князь Петр Голицын, княгиня Александра Голицына и княжна Елизавета Голицына, ставшая католической монахиней, князь Иван Гагарин, княгиня Елизавета Гагарина, светлейший князь Андрей Разумовский, постригся в монахи-варнавиты граф Григорий Шувалов, отреклись от веры отцов графиня Варвара Головина, княжна Наталия Нарышкина, сын знаменитого генерала Петр Ермолов... И многие, многие аристократы, не объявлявшие о своем вероотступничестве вслух.

Так что, когда Александр I Благословенный попытался после наполеоновской чумы зачистить Империю от масонов и иезуитов, то наткнулся в своем окружении на совершенно сложившуюся и хорошо структурирован-

ную пятую колонну, которая уже приступила к государственной и общественной перестройке.

Для чего сие предисловие? Для того, чтобы подвести к конечно же требующему серьезного профессионального исследования некоему видению и пониманию того, как и почему, спустя полвека от вроде как отгремевших миллеро-ломоновоско-татищевских войн, в отечественной исторической науке заложились именно такая парадигма, в которой даже такой укорененный монархист Карамзин, а тем более последовавшие либеральные теоретики Костомаров, Соловьев, Ключевский, за исключением отчаянного демарша Нечволодова, рассматривали историю России уже исключительно с материалистической точки зрения — с позиций почему-то обязательного для всего человечества культурного развития и технического прогресса. Какие бы движущие силы ни брались — великие князья или сословия, племена или ландшафты, производственные отношения или брачно-военные союзы — логика событий упорно выстраивалась вне мотивационной доминанты человеческой жизни — веры в Бога: вне соотнесения временного и вечного, вне судимости тварного мира своим Создателем. При всем разночтении называния пружин, толкающих мир в общем эволюционном прогрессе, никем из русских историков девятнадцатого века православность не воспринималось главным критерием мыслей и поступков русского человека и русского народа. Более того, в прогрессистском мировоззрении религиозное поведение определялось как фанатизм или даже прямое помешательство.

Знакомо? — выпускники суперкатолических школ Вольтер, Лейбниц, Мольер...

Отказ от первородства религиозного императива не просто отворял врата фактологическому произволу, не только легализовал либерализм в толковании фактов и процессов. Главное — в про-иезуитской культурно-исторической парадигме лишними, даже мешающими, становились принципиально православные герои. Среди первых: грозные государи Иоанн III и Иоанн IV Васильевичи, Царь-агнец Федор Иоаннович, князь Димитрий Иванович Хворостинин. Аника Строганов. Атаман и сотник Василий-Ермак Оленин.

* * *

Всякое доброе дело, которое совершается не из одной только любви к Богу, но к которому бывает примешана и своя воля, не чисто и не приятно Богу.

Преподобный Варсонофий Великий

Всем известно об отсутствии на новгородском памятнике 1862 года «1000-летие России» фигуры первого признанного миром русского Царя Иоанна IV Васильевича Грозного. Как бы вдруг да пропало пятьдесят лет и сто пять дней правления с двукратным возрастанием территорий — так, что к 1584 г. Царство перекрыло своими размерами всю остальную Европу. Величайшие преобразования государственного управления с введением соборного народовластия, с реформами суда, армии, расцвет науки и культуры... А главное, более тридцати лет противостояния коалиции Османского султана и Римского папы с их сателлитами от Крыма до Швеции. Одинокое стояние против Юга, Запада и Севера. С великой победой на Востоке.

Русское Царство, уже с XV века прибывая все новыми тюркскими и угорскими народами, в этническом плане изначально формировалась как Империя — семья народов. И по-семейному, со старшими и младшими. Только тонкость: Русская Империя духовно и идейно являлась наследницей Византии, а структурно продолжала обустройство союза славянских улусов Великой Орды. Это улусное наследие прекратила лишь Опричнина, но об этом чуть позже. Главное — православная империя в России изначально строилась на принципах веротерпимости и уважения к национальным укладам и племенным правилам и нормам жизни.

А рядом, в Западной Европе, новые империи творились другими «прибылями»: мощь Испанской, Английской, Португальской и Голландской морских империй росла ограблением захваченных колоний с порабощением аборигенов.

Самодержавно утвердившись разгромом Крымской орды под Молодями, покорением Казанской, Астраханской и Ногайской орд, смирением вечных изменщиков Великого Новгорода и Пскова, Российское Царство в логике своего времени вышло на необходимость собственных морских портов. Море Черное запирала безводно-засушливая Дикая степь, практически непроходимая для обозов, военных и торговых. В краткий период весеннего половодья и цветения трав ее могла пересечь только летучая конница — наскоро пограбить, набрать полонян из черкесов, славян и тюрок. Море Белое замерзало, да еще требовалось обойти Кольский полуостров с воинственными шведами... Так что берег Балтийского моря становился русской неизбежностью.

Да только появление нового конкурента никто никогда и нигде не приветствовал. И когда в январе 1558 г. Иван IV выступил против Ливонской конфедерации, нацелясь на Балтийское море, то уже на следующий год ему противостояла коалиция из Шведского королевства, Польского, Великого княжества Литовского.

Еще только в предвиденье Иванова похода, впервые в европейской истории, вступили в сговор, казалось бы, принципиально непримиримые Стамбул и Ватикан — султан Селим II и папа Григорий XIII. Подкупам и угрозами султан понудил, а папа, с заверением о помощи всеми католическими силами, благословил шляхту избрать себе в лидеры лучшего на то время стратега Европы. И в 1576 г. решением Сейма турецко-подданный венгр-секкей из рода знаменитых трансильванских колдунов (это его сестра Елизавета пыталась омолодиться в кровавых ваннах, погубив несколько сот девственниц), лютеранин Иштван Батори (по принятии католичества — Стефан Баторий) становится королем Польским и Великим князем Литовским. Шляхта выторговала лишь несоздание новой династии, женив Стефана на бесплодно-престарелой вдове короля Ягайло Анне. Но поляки и литовцы не учли того, что с новым Королем и Великим князем в их земли проник Орден иезуитов — Societas Jesu, он же Орден св. Игнатия...

В той войне Россия впервые для себя столкнулась с тактикой, отработанной Европой в Столетней и иных затяжных европейских войнах: это когда боевые действия строятся на изматывании, истощении противника, без решающих масштабных сражений. Постепенно зона бесконечных малых боестолкновений и маневров растянулась от Чудского озера до нижнего Днепра. И мы на двадцать пять лет завязли на Северо-Западе,

практически потеряв возможность силовых решений все более зреющим проблемам на Востоке.

* * *

*Ибо уста грешника и уста льстивого открылись против меня,
наговорили на меня языком льстивым,
И словами ненависти окружили меня и вооружились на меня без вины.*

Псалом 108

Среди множества преобразовательных инициатив Царя Иоанна IV Васильевича Грозного самая известная, приснопамятная, на всех уровнях проговариваемая, судимая, и до наших дней самая... оклеветанная реформа по централизации власти — это Опричнина. Оклеветанная равно и внешними и внутренними историками, оклеветанная совершенно естественно, непридуманно, как нечто само собой разумеющееся — если ее, реформу, рассматривать и оценивать с платформы проиезуитской историографической парадигмы. Каковая держала, двигала и контролировала отечественную историографию с начала XVIII в. и, простите, советские товарищи, по конец века XX.

Опять же, как наглядно здесь заложенное иезуитами отделяет и отдаляет российскую элиту от русского народа, в памяти которого оценки многих героев прошлого упорно иные, так что и Грозный Царь, и Император Павел поминаются не сумасшедшими упырями и злобными самодурами, а страдальцами за убеждения.

И сколько бы сил ни тратилось на перенос мировоззренческих модулей от элиты в народное сознание для создания так называемого «общественного мнения», однако руководствуется такими спущенными сверху матрицами только безличностная масса — толпа, электорат, маргинальные избиратели. Те, кого Пушкин назвал «чернь тупая».

Кстати, важный момент: поэты, шире — люди творчески одаренные, при, казалось бы, обязательном для создания произведений искусства элитном образовании, мыслят всегда народно! Точнее, творческая личность и мыслит, и чувствует как народ. Так Александр Сергеевич, при всем личном уважении и преклонении перед изыскательскими трудами Карамзина, вывел независимый, оригинальный для своего времени и совершенно народный образ кающегося Грозного Царя в драме «Борис Годунов». Ну да Александр Сергеевич и высших аристократов, бездумно-неоценочно, рабски несущих свое элитное образование, относил к той же черни. Черни великосветской.

Итак, Опричнина.

Имена, факты, события, статистические цифры и графики, временные периоды, география, экономика, геополитика и конспирология — вроде по этой теме уже ничего не осталось нерассмотренного, неизученного, неистолкованного. Рыцарско-монашеский орден, потеснивший в управлении государством боярскую Думу с ее местническим старшинством, был создан Царем Иоанном Васильевичем с учетом опыта Избранной рады, которая при любом ослаблении Государя из ближнего совета тут же превращалась в заговорщиков. К таковым заговорам можно причесть и несогласованное с

Царем «замирение» с практически разгромленной Ливонией, давшей время сбору коалиции Литвы, Польши, Швеции и позже Дании.

Явившись непосредственной реакцией на декабрьскую, 1564 г., попытку мятежа, который активно заваривали западные подстрекатели, Опричина не просто спасла жизнь Иоанну Васильевичу, но стала точкой опоры для царской «революции сверху», в несколько лет превратившей союз славянских улусов в самодержавное царство. При этом нужно понимать, что, конечно же, одной только Опричниной невозможно было сокрушить вотчинное землевладение удельных князей и княжат, обратив их в служилых людей: реализацию указа от 15 января 1562 г., об уравнивании в правах удельных князей и поместное дворянство, начала Боярская Дума, которую Иоанн Васильевич максимально по возможности того времени демократизировал. Так что Курбский даже ябедничал: «писарям русским князь великий зело верит, а избирает их ни от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих».

Начало царской самодержавности было положено Думой, но Опричина стала понуждающим ускорителем, репрессивным катализатором болезненного процесса централизации. Если бы не это революционное ускорение, то — при всем неприятии исторической сослагательности — Россия вполне могла бы вместо прорыва в величайшие мировые империи так и протоптаться в союзных княжеских противовесах, подобно четвертованной в магнатских интересах Польше.

Изначально в Опричину собралась тысяча человек, далее, сорганизовавшись в войско, она разворачивалась до шести тысяч. Но изначально и всегда в Опричнине была «особая опричнина», братия из пятисот самых близких и верных до смерти только Государю, бескорыстно идейных единомышленников. Эта бескорыстная, безоглядная верность исходила из их фанатичной религиозности. Ведь «особой опричнине» предстояло «просеивание русской жизни» для отделения «добрых семян православной соборности» от «плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах» — ереси жидовствующих, доставшейся Иоанну IV в наследство от деда, Иоанна III. Для этих «особых» обязательным чином в двенадцать ночи служилась полунощница, в четыре утра заутреня, в восемь начиналась обедня, а в пять вечера повечерие — так что за сутки соборные моления складывались до девяти часов. И каждый день Царь сам звонил в предутренние колокола, пел на клиросе, даже во время общей трапезы читал для всех братски ободряющих вслух Писание.

Псалом 46: «Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему, пойте. Ибо Бог — Царь всей земли; пойте все разумно». Народная монархия и народный монархизм.

Сакральность идеи Царя в России, то есть, восприятие высшей земной власти как особого религиозного служения — христианское, православное, наследное от Византии. В том же Исламе подобного в отношении султанов и ханов нет. Конкретно же, исторически на Руси эту сакральность утвердил и прописал ритуалом митрополит Макарий, составив специальный чин венчания на Царство, который полностью, с миропомазанием — кстати, не неким отдельным Таинством, а свидетельством о «печати и дара Святаго Духа» — был совершен над сыном Иоанна Васильевича Федором Иоанно-

вичем. Ведь в отличие от римского епископа, русские православные Патриарх и Царь никогда не претендовали на некое представительство Господа нашего Иисуса Христа: Патриарх сублимирует соборность церковного народа, Царь осуществляет государственное единство. И потому полноценное, правильное созерцание природы отношений «крестьянского Белого Царя» и его верноподданных возможно только в религиозном созерцании. Для маловеров и, тем более, атеистов — лишенных личного опыта молитвенной соборности, в желании полного самоотречения всегда подозревается раболепство, в требовании полного послушания видится деспотия.

Единые для всех полунощница, заутреня, обедня и повечерие — девять часов общей молитвы и общая трапеза... Об «особой опричнине» можно смело говорить, как о внебрядовом пара-монашеском братстве с игуменом-Царем. Конечно, это было не настоящее монашество, и под грубыми рясами пряталось тонкое белье, и на трапезных столах стояли не только горох и капуста. Но это было то самое МЫ, которым ясно и четко очерчивался круг людей, которые ясно и четко видели, за кого они могут отвечать, и на кого они могут полагаться. Именно этот доминантный религиозный принцип набора первых опричников ясно и четко объясняет: кто стал этим первым. И объясняет ревность в отношении к Опричнине определенной части иерархов Православной Церкви.

* * *

*Срамно... видеть, что имеющие в виду наслаждение
вечными благами рожься в прахе земных вещей...*

Преподобный Нил Синайский

Почему Ермак? Кто он такой, откуда? Какой он — этот эпический герой, которому выпало направить всемирную историю в настоящее?.. Почему Ермак?..

На чтениях, круглых столах и конференциях, посвященных нашей художественно-исторической литературе, мне не раз доводилось озвучивать крамольную убежденность в том, что написанные в последние лет двести русские литературные произведения, повествующие об исторических событиях и героях Отечества, как правило, исторически несостоятельны. И, выслушав очередные гневные отповеди и обвинения в непатриотизме, в непонимании воспитательного значения, а, возможно, банальной зависти, пытаться объяснить коллегам их неправоту. Ведь, если подумать, то проблема псевдоисторичности даже в лучших художественных образцах, к тому же из-за пафосной тематики родинолюбия, действительно наличествует. Проблема системна, то есть, воспроизводится из поколения в поколение, при всех общественных эстетических и этических переменах. Эта проблема очевидно не литературная и не идеологическая, так что не выявляется и не вычищается литературной или партийной критикой.

Исторический роман или повесть, историческая поэма или драма, конечно же, всегда и обязательно основываются на реальном фактологическом материале. Реальные события, реальные участники реальных событий, реальные подробности быта реальных участников реальных событий... И совершенно правильно, когда писателей восхваляют за панорамность битв и градостроений при обилии проработанных мелких деталей, хвалят

за филологические изыскания и фольклорно-диалектную стилизацию, за церемониальную и ритуальную точность. Но славословят авторов еще и за идейное, даже политическое созвучие описуемых действий прошлого с нашей современностью, за тождественность мыслей, чувств и убеждений исторических героев и сегодняшнего читателя. Что, увы, зачастую, — да что там, практически всегда! — превратно, неверно, да просто невозможно.

Человек веры и человек безверия никогда не поймут друг друга.

Здесь мы опять упираемся в зашоренность про-иезуитской историографической парадигмы, в которой христианское, а тем паче православное мировоззрение русского человека и русского народа, как мотивационная доминанта жизнедеятельности даже не рассматривается. Отсюда все трактовки и логические построения вариантов протечения исторических процессов через реперные научно-подтвержденные факты неубедительны: ведь главным в истории вообще и в историях конкретных всегда был, есть и будет человек, а все остальное — климат, ландшафт, экономика, технологии — ступени вниз.

Глубокоуважаемые доктора наук, профессора, академики, прикладные археологи и кабинетные историографы, именно в этой сходной точке — проблеме реконструкции идейной и чувственной рефлексии, образа мыслей, характера героя или этноса, своими действиями определивших направление развития истории — вы и мы, поэты, прозаики, драматурги, совершенно едины. И мы можем на собственном примере вам показать: воссоздание истинных мыслей, реакций, действий верующего, тем более верующего абсолютно, безвариантно, героя неверующим автором невозможно. Честно говоря, она невозможна и для верующего писателя, но верующего как-то так, вне Церкви, не пережившего несколько сот литургий и всенощных, не постящегося и не трудничающего в монастырях, просто не понимающего, как можно страдать без исповеди, без причастия и иных таинств. Не пережившего благодати молитвенной соборности и не познавшего лично отклика святых на свои тайные сердечные мольбы.

Об этом трудно говорить, ибо это вызывает понятный эмоциональный протест людей, воспитанных в про-иезуитских шаблонах толкования истории, но... Большинство великих художественных произведений, написанных на исторические темы за последние двести лет, — лжесвидетельства. Увы, никакой самый-самый патриот-великодержавник, самый искренне русский отчизнолюбец, литературно талантливый и исторически начитанный, но при этом не воцерковленный писатель не создаст правды о Владимире Святославовиче, об Александре Невском, о Василии Темном, Борисе Годунове, Скопине-Шуйском, Пожарском и Минине. А уж насколько исторически фальшивы и порой даже кощунственны (потому-то и столь растиражированы) романские и поэменные портреты преподобного Сергия, патриархов Еромогена и Никона. И Ермака.

«Ко славе страстию дыша, / В стране суровой и угрюмой, / На ди-
ком бреге Иртыша / Сидел Ермак, объятый думой...» — ну, не поэтиче-
ские изыски или ляпы оценивал Пушкин, нацарапав на полях рылеевской
«Думы», изданной в 1825 году, — «дрянь», и ниже уточнив «совершенная
дрянь». Александра Сергеевича, только что закончившего работу над дра-
мой «Борис Годунов», буквально взбеленила пошлость либерально-матери-
алистического толкования трагичного сибирского похода как похода за ...

паблисити: «Товарищи его трудов, / Побед и громозвучной славы ... / С рассветом глас раздастся мой, / На славу иль на смерть ... сладкий сон — / В мечтах напомним славу он ...». За год до смерти Пушкин, уже имевший опыт архивных и экспедиционных изысканий, автор «Истории пугачевского бунта», начал собирать материалы по Ермаку, выписав всевозможные документы из Тобольска.

Запущенная в начале девятнадцатого века масонско-декабристская литературная ермакиада, трактовавшая образ русского православного героя таким дерзким и алчным авантюристом, лихим искателем славы, добычи и — как же! — «свободы» от душащей все прогрессивное царской тирании, в советское время подкрепились доктриной «стремление на Дон и за Урал — стихийный народный протест». Так Ермака начально аристократы-декабристы, за ними либералы-разночинцы, далее революционеры-троцкисты и советские и антисоветские идеологи-патриоты эстафетно упорно одинаково вписывали во все тот же антихристианский иконостас, в один про-революционно «пророческий» ряд с душегубом, насильником и грабителем Стенькой Разиным, с кровавым упырем Булавиным и лжецом-самозванцем Пугачевым.

Параллельно — с того же девятнадцатого века внешние (а как же без иезуитов?) и внутренние (а как же без их учеников?) русофобские силы столь же упорно поход Ермака стали параллелить с колониальными экспедициями конкистадоров Писарро и Кортеса, уничтоживших миры инков и ацтеков. Именно в этом духе — духе цивилизационного превосходства — и написана очень красивая, но исторически совершенно наветная, даже клеветническая картина Василия Сурикова.

* * *

*Рассуждение — это руль, который ведет... безопасно,
не позволяя уклоняться с прямого пути ни направо, ни налево.*

Преподобный Паисий Святогорец

Ермак-Василий Тимофеевич Оленин.

Почти до конца восемнадцатого века в России имя, получаемое при крещении, хранилось в зоне сакральности, употребляемо было лишь в церковных таинствах и обрядах, и только отчасти в официальных документах. Общеупотребительно же было личное же имя — рекло, назвище, прозвище, и сегодня рудиментно живущее в школьных, уголовных, армейских и иных корпоративных кличках. Отражало ли оно личные качества, несло ли наследные родовые внешние и внутренние черты, но оно обязательно менялось — первое детское, внутрисемейное, уточнялось взрослым характером или профессией.

Ермак. Точнее бы этому назвищу звучать «ермэк»: от тюркского «эр», «ер» — единица. То есть, Ермак — это одиночка, не имеющий семьи. По-славянски — бобыль, бездомок. Или же инок — живущий иначе, не как все. Отсюда нарицательное «ермак» — маленький походный котелок на одного едока, в отличие от общего, дружинного казана.

Почему Оленин, а не Аленин? Так уж до семнадцатого века писалось. До печатного станка каллиграфия титульные «А» и «О» трудно различалась.

Версии же о времени рождения и месте происхождения Ермака-Василия столь различны, противны друг другу и равно малодоказательны, что

истина здесь возможна не в «преданиях старцев», а в доказательствах логики. Логика жизни и смерти, где смерть — обстоятельствами, мотивами, противлением ей или смиренным восприятием, куда большая важность, чем рождение.

Именно в логике произошедшего много позже и оставившего себе материальные доказательства, мы должны признать версию рождения Василия Оленина на Северном Урале. Никакой пришлый донской или волжский атаман не смог бы за пару месяцев спланировать военную операцию, которую блестяще, практически без накладок провел в течение следующего года. Косвенно принадлежность к родине Чусовой подтверждается тем легким схождением Ермака в качестве представителя Белого Царя с повелителями угорских и тюркских родов Оби, Иртыша и Тобола, где его не восприняли экзотическим иностранцем. И портретом, переданным Ремизову его дедом, участником того славного похода: «вельми мужествен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн бородою, возрастом средней, и плоск, и плечист». «Плосколиц», «черн бородою» — это же от матери-вогулки.

Действительно, нельзя, невозможно спланировать рейд с целью захвата столицы и убийства владыки, пусть рыхлого населением, но территориально огромного Сибирского юрта, опираясь только на проводников, без личного знания всех сложностей, всех тонкостей прокладки маршрута, просто поражающего тактической привязанностью к местности. Какой волжский или донской атаман смог бы загодя простроить тысячеверстовый поход по-осеннему мелким, с волоками-перетасками, речкам, да так, чтобы не потерять ни одного плоскодонного струга, не утопить ни пуда пороха и свинца, ни меры муки. Какой прибылой военачальник смог бы заранее заложить скрытную зимовку для восьмисот бойцов так, чтобы не нашли, не заметили ее местные охотники и рыбаки и не оповестили своих князей?

Сохранить в тайне зимовку восьмисот человек — это, действительно, неразрешимая загадка для несибиряков. Даже если разбить отряд на три-четыре стана, то все равно получаются слишком большие таборы, чтобы к весне они не выдали себя... Но ответ возможен — ялпын-ма. Священные земли, запретные для посещения, прохождения, а тем более для охоты и рыбалки, тайные урочища, горы, берега озер и рек. Ни ханты, ни манси, ни даже татары, если они не шаманы, никогда не заходили в ялпын-ма. Даже приближение к их границами сопровождалось обязательными жертвоприношениями, отводящими порчу мстительных духов. Мог ли дончак или волжанин знать про эти места — излучины, лощины, сопки и останцы, главное, знать — где эти места, о которых каждый род, сохраняя свое здоровье и жизнь детей, умалчивал даже от соседей. Мог ли пришлый, заранее, без карт, наметить зимовья в практически недоступной тайге?

А зачем Ермак вообще спланировал столь сложную стратегию набега со столь сложным маршрутом? Мелкие реки, скрытная зимовка...

До ермаковского похода Строгоновы уже лет десять-пятнадцать находились в состоянии вялотекущей войны с уральскими и сибирскими вогульскими, хантыйскими и татарскими князьками и беками. Впрочем, такие же мелкие боестолкновения постоянно происходили и меж зауральскими племенами и родами. Постоянно и многовеково. То и дело археологи находят-раскапывают останки мощных деревянных, с земляными валами крепостей десятого-пятнадцатого веков, в которых на зимовку запирались

полукочевые летом семьи остяков и пелымцев. Запирались от стужи, от соседей и заходящих из тундры лыжников-ненцев, снимающих скальпы со всех, кого им удавалось убить и ограбить. Несколько сот наемных казаков и «немцев» — выкупленных из рабства у крымского хана мушкетеров и пушкарей — венгров, итальянцев, германцев, поляков и от иных народов солдат удачи, располагались Строгановыми по заводам и шахтам, отпугивая и отбивая налеты небольших ватаг мародеров.

Однако с укреплением власти Кучума набеги эти становились все масштабней и по количеству и организованности нападавших, и по жертвенным последствиям для русского населения. И вот наступил год, когда Кучум собрал под своим бунчуком практически всех подданных — десятитысячный тумен, возглавляемый племянником Кучума молодым царевичем Мухаммед-Кули (Махмуткул), на сотнях больших дощатых лодок с головами змей, напоминающих шнеккары викингов, на тысячах долбленых обласков, собравшихся с притоков Иртыша и Оби, плыли на русских уже не ради нанесения тревог и обид, а на вытеснение, изгнание. Плыли под дудки и бубны, под разноголосые песни и боевые выкрики. На зорях кричали муэдзины, у ночных костров камлали шаманы — на войне не до межрелигиозных споров.

Для того, чтобы отбиться от такого войска, необходимо было встречно выставить хотя бы пять-шесть тысяч. Но ведь все опричное стрелецкое войско в максимальном своем наборе была не более десяти тысяч.

А Строгановы и вовсе отправили в поход восемьсот пятьдесят. К тому же надо учитывать, что и Москва, и Казань с Астраханью, и Бухара с Тюменью — осколки единой Орды, то есть, принципы войсковой стратегии у всех были одинаковы, всем знакомы. И смесь древесного угля, серы и селитры — то есть порох, особо эти принципы не менял. Конечно, пушки, завезенные в Европу из Китая Батыем, изменили тактику осад и взятия крепостей, хорошо они зарекомендовали себя в передвижных крепостях гуляй-городах, непереоценены оказались в морских и речных сражениях. Но фитильные ручницы и пищали вымещали луки из пехотного боя с большим трудом. Это сделали уже кремневые ружья и пистолы в конце века семнадцатого.

Тем более, что в Сибири царствовало феноменальное в своем совершенстве орудие смерти — композитный селькупский лук. Этот лук наравне с пушней шел ценнейшим ясаком: сложносоставной, склеенный рыбьим клеем из четырех пород дерева в форме соединенных рукоятью дуг, с роговой накладкой под руку и обтянутый от размокания берестой. Он не сгибался при натягивании тетивы, а сжимался своими разнесенными полукружиями и бил дальше и точнее не только фитильного, но даже кремневого ружья, необсуждаемо обходя их в скорострельности.

* * *

*Нести крест — значит быть готовым к опасностям...
и ежедневной смерти...*

Святитель Иоанн Златоуст

Десять тысяч воинов огнем и пикой-саблей прошли по «московским» осякам и вогуличам, захватили и разграбили несколько русских укреплений, вплотную подойдя аж к Перми. В то же время за спиной у Строгановых по Вятке и Каме уже пять лет кроваво кипело восстание черемисов и чувашей.

шей, к которым присоединились взбунтовавшиеся казанские татары, так что Казань, Чебоксары и Свияжск месяцами бывали заблокированы. А на юге хан Сибирского юрта и Тюмени Кучум заключил с беем Большой Ногайской орды Исмаилом договор о военной взаимопомощи против Московского Царя. Хотя оба числились данниками России, но как же не воспользоваться тем, что их повелитель завяз на Северо-Западе? И если черемисы, казанцы и сибиряки уже открыто заявили о своем намерении воевать Русь, то ногайцы осторожничали, мялись, якобы дожидаясь достаточного повода для похода.

И повод был дан. Надо исследовать ту историю с ограблением посольства, но, в общем раскладе кажется странным, если казаки станичных атаманов Барбоши, Кольца и Черкаса на ногайского посла напали «случайно». Ненароком, без чьей-то наводки.

Итак: англичане в Сибири, у Кучума. Хан посылает не мелкую свору грабителей, а максимально возможное для себя войско в десять тысяч на Пермь. Черемисы, чуваш и волжские татары выжигают русские поселения по Каме и Вятке, пытаются отбить Казань. Большая Ногайская орда готовилась ударить на Астрахань.

В сложившейся геополитической ситуации совершенно понятно, что какое бы количество наемников Строгановы бы не подняли, без государственной помощи в несколько тысяч стрельцов с батареями, с обозами, флотами и конницей, отстоять русское присутствие на Северной Двине, Каме, Вятке, Оби, Иртышу и Тоболу даже не снилось. Но практически все боевые и технические возможности Иоанна Васильевича были уже два десятилетия увязаны в Ливонии, растянуты от Пскова до Чернигова. Так что срываемые с бесконечных фронтов полки могли загасить бунты черемисов и казанцев, понудить к миру местных ханов и биев лишь на краткое время.

Вот здесь, масштабами столкнувшихся геополитических интересов крошатся, рассыпаются в хлам и пыль двухсотлетние окаменелости про-иезуитской историографии: «покорение Сибири Ермаком» и «завоевании Сибирского царства». Да о каком-то частном, семейном завоевании бескрайней неведомой страны можно говорить, о каком-то разовом покорении десятков самовольных князьков, ханов и биев, имеющих свои крепостцы, знающие свои земли и реки как пять пальцев, да еще обладающих достаточным боевым опытом для их защиты? ... Это как такое можно даже замысливать силами восьми с половиной сотни сердюков и десятком пушечек?!

Столь же безумно рассуждать об алчной строгановской аванюре с проплатой воровского похода за тысячу верст ради собольих и беличьих шкурок.

В самом начале 1582 г. на подавление черемисского бунта посылались князя Воротынский и Хворостинин. Однако московские полки попали в жуткую метель, надолго увязнув обозами в бездорожных снегах, и упустили разбежавшихся разбойников. Кажется, это было единственное задание, не выполненное нашими великими полководцами. С уроком — без местных проводников и добровольных помощников пришлые войска слепы и глухи.

Я следую версии историка Руслана Григорьевича Скрынникова: Ермак-Василий Оленин десять лет отвоевал под знаменами великого стратега-победителя князя Дмитрия Ивановича Хворостинина — с битвы при Молодях с 1572 по 1581 гг., когда «сотника Ермака Тимофеевича атамана казацкого» в докладе королю Стефану поминает комендант Могилева

Стравинский. И вот почему этот документ особо важен: упоминание по отчеству — это признание пожизненного дворянства, в те времена сотнику присваивался статус «боярского сына», но только выслужить таковой было ох не просто. Сотником простолюдин мог стать не только за героическое участие в походах, но и за особые командирские заслуги на поле боя. Да еще и не за один год службы.

Так что где-то здесь, на Вятке или Ветлуге, объяснение тому, почему именно Ермак командирруется из воюющей по Днепру армии на Яик — нанять провинившихся казаков для похода на Кучума: Дмитрий Иванович Хворостинин и Аника Феодоров сын Строганов были опричниками первого набора, братией «малой опричнины», доверительно знавшие друг друга, и потому прямое, личное прошение сыновей покойного Аники к князю о выделении им толкового, опытного, смелого и верного военачальника для организации спецоперации по уничтожению подлого супостата — очень даже возможно.

Но почему Строгановы со своим предложением обратились не к самому Царю, а к его воеводе? Точнее, почему воевода не перенаправил их прошение к Царю?.. Ну, очень возможны для того и личные причины: по любимому черемисскому преданию, Иоанн Васильевич, в гневе за упущенных в метели бунтарей, приказал князьям Воротынскому и Хворостинину надеть бабские одежды и всю ночь сеять муку. Было — не было? Но проваленный рейд вряд ли располагал усугубить царское недовольство докладом-ябедой о зломыслии Кучума и коварстве англичан, которым черемисский бунт был тоже на руку. Бабьим платком и ситом можно было и не отделаться. Другое дело — попробовать рискнуть, дерзнуть и дело исправить: разрушить многосложный заговор одним точечным, ножевым ударом в сердце изменщиков. А уже потом и доложить об успехе...

Только многолетняя царская служба объясняет последующее поведение Ермака. Ну, не был он никаким вожаком-атаманом вольных яицких-волжских-донских казаков, не желавших служить Царю, однако удобно из-под щита российской армии промышлявших разбоем вдоль границ с Персией и Османской империи. А порой за мзду и дуван равно легко нанимавшихся хоть к крымскому хану, хоть к польскому магнату. Сотник же и боярский сын Ермак-Василий Тимофеевич Оленин убежденно, умом и сердцем являлся верноподданным государевым слугой. И, как доверенный человек князя Хворостинина, взявшийся на предельно опасное поручение, дело практически смертное, он не мог не быть ответственным за принятое на себя именно религиозно.

Кроме десятилетнего боевого опыта и командной выучки в регулярных опричных войсках, сотник Ермак-Василий с детства-юности не понаслышке знал прибрежные земли по Чусовой, Сосьве, Конде, Пелыму. Что являлось необходимым для стратегического планирования и тактического исполнения неисправимого в случае какой-либо ошибки дальнего похода.

При всем том, Ермак и атаман казацкий. То есть, голова, старшой, во-жак и батка, избранный на воеводство товарищами по оружию. Такой знак народного доверия важен был в переговорах по найму охотников из числа провинившихся яицких казаков, никого из государевых людей не признававших, почти отчаявшихся смертников. И сработало: две казачьи станицы — двести пятьдесят сабель Ивана-Кольца и двести Александра-Черка-

са пошли за Ермаком, и были прощены за подвиг, и щедро награждены Грозным Царем. А вот отказавшуюся идти «воровскую» станицу Богдана Барабоши стрельцы казнили всю без пощады, дабы извиниться перед беем Большой Ногайской орды за побитых послов, чем лишить того повода к началу войны с Россией.

Итак, двинувшись мелкими реками, чтобы разойтись с туменом Мухаммеда-Кули, скрытно перезимовав и по весеннему полноводью запустив ладьи чайками, отряд Ермака неожиданно для Кучума вышел к сибирской столице.

* * *

*Если бы человек всегда в мысленной части держался здравомыслия,
а в деятельности благоразумия, то встречал бы в жизни
наименьшую долю случайностей, неприятных сердцу...*

Святитель Феофан затворник Вышинский

Не будем прорабатывать историю всей компании, разберем лишь то, что произошло на Чувашском мысу. И оттолкнемся в своем разборе от знаменитейшего полотна великого художника Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем», которое, наравне с репинским «Царь Иван Васильевич Грозный и сын его Иван», стало художественным символом, прогрессистской иконой нашей российско-иезуитской историографии.

В 1895 г. картина была выставлена на публику, и автор получил заслуженные хвалы за талант и мастерство, а так же звание академика и невиданный сорокатысячный гонорар от Императора. Но в один из дней выставку Товарищества передвижников посетил другой русский гений — Василий Верещагин. Как человек, повидавший не одну войну, и в чине прапорщика лично участвовавший в кровопролитной обороне Самаркандской цитадели — за что удостоен ордена святого Георгия, Верещагин долго тяжело молчал. Потом резко развернувшись, негромко буркнул: «кремневые ружья только через сто лет появятся», и вышел.

Конечно, можно Сурикову предъявлять упреки в дилетантски поверхностной военно-исторической подготовке к написанию эпического полотна. Можно улавливать на незнании того, что остяцкие богатыри, выходя на битву, надевали доспехи из лопатин лосинных рогов, что боевые топоры вогулов наводили ужас на архангелогородцев и даже шведов, а примитивные детские луки с почему-то растрепанными стрелами, которые автор вложил в руки сибирских воинов, использовались только в охоте на белку и щуку... Но ведь гениальный художник и сам сибиряк Суриков искренне не ленился, он же столько сил и времени потратил на изучение материалов, написал десятки и десятки этюдов, посещал музеи, читал. И что? И почему такие ляпы и оплошные искажения?

А дело в том, что читал он, а потом, исходя из прочитанного, отбирал нужное к замысленному эпическому полотну в полном подчинении господствовавшей тогда (и господствующей ныне) цивилизационной доктрине. Суриков, сам не осознавая того, отдавал все свои силы, свои талант и мастерство исполнению заказа от «общественного мнения», воплощая в красках заложенные некогда аббатом Шарлем Николя и его братьями по Ордену представления о примитивности азиатских варваров и европейском

превосходстве колонизаторов. Отсюда эта умбристо-черная гамма хаотично копошащейся человеческой массы, цветом и тоном сливающейся с мокрой глиной откоса. И гипертрофированная эмоциональность аборигенных лиц, точнее — застывших масок страха и злобы античного театра. Масок-слепков с умерших.

При всей абсурдности композиции с точки зрения реальности боевых действий, главная идея картины читается всеми, сразу и однозначно: удар громонесущей, порохотучной монолитной богатырской дружины не встречает никакого сопротивления. Не может встретить: несколько пушечных и пищальных выстрелов — и тысячи дикарей тут же с воплями ужаса разбегутся по своим лесам и болотам.

Сергей Соловьев, «История России с древнейших времен»: «В то время как на Средней Волге и Нижней Каме *дикие народцы* (выделено мной. — В. Д.) делали последние отчаянные усилия, чтоб высвободиться из-под русского подданства, в то время как на Западе Польша и Швеция благодаря личным достоинствам Батория успели соединенными силами оттолкнуть Московское государство от моря, успели отнять у него возможность ближайшего, непосредственного сообщения с Западною Европою, возможность пользоваться плодами ее образованности, необходимыми для скорейшего и окончательного торжества над Азиею, — в то время движение русского народонаселения на северо-восток не только не прекращалось, но усиливалось все более и более, и русский человек перешел наконец через Уральские горы».

Вот именно так от Карамзина и до сих пор российским школьникам российские учителя читают: «В трактовке художника это событие представлено как народный подвиг, художник подчеркивает неразрывную связь русских воинов с их предводителем» ... «осеняя дружину Ермака этим знаменем, Суриков тем самым как бы передает ей эстафету многовековой борьбы русского народа против татар»... Какую эстафету, против каких татар?! Которые в конце августа 1588 г. догнали в устье Ирменя, окружили и, плечо в плечо с русскими, разбили остатки кучумовского отряда? И где на картине хоть один из трех священников, вышедших в дальний и отчаянно рискованный поход для духовного окормления воинов, готовых к смерти в любой день?

За четыреста тридцать восемь лет очертания берега у Чувашского мыса под Тобольском, конечно же, сильно изменились. Однако сам характер подмываемого крутого левобережья все тот же: высокий подковообразный обрыв протяженностью в несколько километров сдерживает напор весенних разливов.

Сколько воинов успел собрать Кучум? Появление русских челнов в такой глубине неоглядного Юрта, в двух-трех переходах от столицы, вызвало естественный шок, и рассчитывать на призыв обдорцев, ляпинцев, казымцев, бардаковцев, а, тем более, Пегой орды не приходилось. Даже если успевали белогорцы с кондинцами и пельымцами, вряд ли под стенами Искера набиралось более трех тысяч его защитников. Правда, самых профессиональных и преданных, если не самому хану Кучуму, то его военачальнику Мухаммеду-Кули.

Для того, чтобы прицельно и множественно стрелять в наступающего противника, лучникам, каковые составляли основную массу сибирского войска, необходимо было растянуться в пяти-десяти рядную шеренгу. Так,

чтобы фланги находились на расстоянии полета стрелы — это 250–350 метров, и могли поддерживать друг друга. Невероятно, чтобы часть стрелков оставили на облаках под ярмом на бессмысленную смерть. Правильнее было выстроить всех по-над обрывом, чтобы иметь возможность быстрого передвижения шеренги вправо-влево, в зависимости от точки десантирования противника. За спинами лучников по центру располагалась вооруженная копьями, топорами, саблями, защищенная доспехами и щитами пехота, прикрывающая ставку, а на флангах ждали своего времени отряды всадников.

И вот вопрос к адвокатам Сурикова: каким образом численно почти трехкратно уступающий противнику отряд Ермака мог под обстрелом лучников прищвартоваться, штурмом взять обрыв, и только после того вступить в прямой ружейный и рукопашный бой? Напомню, что селькупский лук пробивал легкий доспех — тегилый, и даже кольчугу с двухсот шагов. Пусть он был не у каждого, но и с обычного охотничьего тренированные лучники на сто, сто пятьдесят шагов точно поражали незащищенные места. При том, что за те две секунды, пока первая стрела настигала цель, за ней уже вылетали еще две-три, а то и четыре.

Поймем же возмущение Верещагина: если бы на Чувашском мысу все происходило согласно Сурикову, то буквально через три-четыре минуты по Иртышу поплыли бы, безвольно кружась под завалившимися хоругвями, струги, переполненные убитыми и умирающими казаками, плотно истыканными тысячами и тысячами стрел...

Первое огнестрельное, тем более фитильное, оружие не применялось без защиты, пушкари и пищальщики вели оборонительный бой только из-за фортификационных сооружений: долговременных — крепостных стен, тынов, валов или полевых передвижных — тяжелого, на гужевой тяге гуляй-города и легкого град-обоза. Вести бой наступательный или тактически-маневренный стрельцы и мушкетеры смогли только с изобретением ударно-кремневого замка и порохового дозатора-патрона в XVII веке.

Однако, в полевых условиях, если не предвиделось противостояние тяжелой кавалерии, стрельцы также использовали ручные щиты — прямоугольные, с откидными опорами, они полностью закрывали стоящего человека. В конкретных случаях — из липовых досок или плетенные ивовые с покрытием дубленой кожей щиты весили от десяти килограмм, так что их, как правило, несли сами пищальщики, либо, если щиты были больших размеров и усиленные, выделялись специальные несуны-«защитники».

Причалить и высадиться ермаковцам необходимо было там, где угол наклона и высота обрыва позволяли споро выйти наверх, дабы успеть построиться в боевой порядок, прежде чем кучумовцы подойдут на выстрел. А если, как и произошло на Чувашском мысу, противник не начнет сближение, то атаковать самим. Боевое построение для атаки на шеренгу лучников — «черепаша». От гоплитов античных времен до современного ОМОНа это единственная защита от метательных снарядов: при достаточной тренировке отряд свободно маневрирует, закрываясь по периферии и сверху плотно сдвинутыми щитами.

На каждого бойца в ермаковской дружине приходилось по две пищали. Пусть часть бойцов оставалась на лодках, для защиты пушек и припасов с реки, основной атакующий отряд на расстоянии двухсот шагов от неприятеля должен был по возможности развернуть фронт для стрельбы. Конечно

же, растянуть не на двести метров, но... Первый залп в шестьсот-семьсот стволов, кроме поражения прямостоящего противника, давал хорошую дымовую завесу, позволяющую продолжить сближение. А вот на втором залпе, со ста шагов и менее, пицаль уже имела существенное преимущество перед самым мощным луком — выпущенная пуля пробивала два, а то и три тела. Конечно, если «мишени» не защищали колонтары и куяки.

Выбив огнестрелом у противника центральную часть строя, казаки, пользуясь еще большим дымом, из-за оставленных щитов набегом вступали в рукопашный бой, в котором им не было равных. Сотня направо, сотня налево — не давая лучникам опомниться и перестроиться, основная же масса бросалась вперед — сквозь заграду тяжелой пехоты к ставке. Конечно, стратегия и тактика не сестры-близнецы, и каждый конкретный бой складывался своеобразно. Но всякий раз в результате сражений (кроме как западен-засад на рыбакающих или промысляющих лосей малых казачьих разъездов) военачальники-кучумовцы или мятежные князьки-вопечники брались в полон или гибли в несогласии сдаться. В этом несомненность военного гения избранного на сие «дело» царского сотника и казачьего атамана.

* * *

*...положить душу свою — значит отречься
от себя, отречься от своих стремлений
к богатству, к наслаждениям, к чести и славе...*

Святитель Лука Крымский

На взятие Ермаком Искера, с восстановлением власти «крестьянского Белого Царя» над обскими, иртышскими и томскими княжествами, первымотреагировал бей Большой Ногайской орды Исмаил, тут же послав в Москву дань и грамоту о вечной дружбе. Вместе с ногайцами подтвердили свою ясачность и башкиры. Сникли бунтары в Казани и Астрахани, потеряли задор черемисы.

И когда беглый Кучум послал к родственникам и прежним покровителям в Бухару мольбу о военной помощи, то получил резкий отказ: владыку Абдуллах-хана очень даже устраивало, что Московский Государь, войдя в Сибирь, пресек готовящийся прорыв торговых кораблей из Европы в Китай, затеянный Кучумом в ущерб его караванному пути. Чуть позже Абдуллах-хана известит Царя Федора Иоанновича о начале новых добрых своих отношений с Россией. Прочувствовав с юга — с опытом Персии, Индии, Пакистана и Афганистана, нарастающий напор европейской колонизации, бухарские, самаркандские и ташкентские правители на сто с лишним лет дали русским «зеленый свет» для беспрепятственного продвижения на восток, но только севернее полустепных районов Шелкового пути. И мы шли, шли, шли — Тюмень, Березов, Сургут, Мангазея, Томск, Кузнецк, Красноярск, Иркутск, Якутск ... и вот уже наши станы в русской Америке — Ново-Архангельск, форт Рос.

Проблемы в южных областях Сибири и Центральной Азии у России начались при Анне Иоанновне, Санкт-Петербургским ответом на просьбы казахов спасти их от ойратов: «ежели на Вас, кайсаков, будут нападать неприятели, чтоб Вы от того нашим защищением охранены быть». И за-

тем, все более запутываясь в сложнейший многовековых мотках, петлях и узелках хивинских, бухарских, туркменских и киргизских взаимных обид и родословий мести, русские в Азии пролили крови просто немеряно.

«Отречься от себя, отречься от своих стремлений к богатству, к наслаждениям, к чести и славе»... Опять и опять: кто же он, этот царский сотник и казачий атаман Ермак-Василий Тимофеевич Оленин, столь круто повернувший мировую историю в наше настоящее?

По занятию Искера русскими, мирная жизнь в Сибири мгновенно не началась. И Кучум, бежавший с большой казной и имевший поддержку в исламизированных семьях князьков и биев, несколько раз пытался собрать коалицию для ответного удара. И не все вогульские князьцы, побаиваясь расплаты за набеги на Пермь и противление Ермаку, спешили присягнуть Белому Царю. И обезглавленный некогда Кучумом Тайбугинский юрт, откочевавший к ногаям, тоже мечтал вернуться. Ибо всех смущала и соблазняла численная малость русского присутствия.

Отправив станичного атамана Ивана Черкаса Александрова в Москву с пленными царевичами и скопившейся в ханском сарае за неоплаченные ясачные годы пушниной, Ермак получил щедрую Царскую милость для себя и прощение вины яицким казакам. Но высланные через год в помощь 500 стрельцов, по незнанию иных дорог, пошли по все тем же мелким рекам, по которым Ермак обходил заслоны и засады. В результате стрельцы безответственно бросили обозный груз, и, добравшись до Сибири без пороха, свинца, муки, одежды и прочего, зиму не пережили, погибнув от холода и голода. А дальше со стороны Москвы наступило молчание.

Мартом 1584 г., приняв постриг с именем Иона, умирает Иоанн IV Васильевич Грозный. На трон вступил его третий сын, сын Анастасии Захарьиной-Юрьевой, Федор I Иоаннович Блаженный, последний правитель рода Рюриковичей, по словам отца «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рожденный». И, как мы уже понимаем, канонизированный как «святой благоверный Феодор I Иоаннович, царь Московский», в российско-иезуитской историографии рассматривается, конечно же, «ненормальным», «слабоумным», «вырожденцем»...

Николай Костомаров: «Царь Федор Иванович был чужд всего, соответственно своему малоумию. Вставал он в четыре часа, приходил к нему духовник со святою водою и с иконою того святого, чья память праздновалась в настоящий день. Царь читал вслух молитвы, потом шел к царице, которая жила особо, вместе с нею ходил к заутрене, ... в 9 часов утра шел к обедне, в одиннадцать часов обедал, потом спал, потом ходил к вечерне...».

Василий Ключевский: «Царевич Федор вырос в Александровской слободе, среди безобразия и ужасов опричнины. Рано по утрам отец, игумен шутовского слободского монастыря, посылал его на колокольню звонить к заутрене. ... он рос безматерним сиротой в отвратительной опричной обстановке и вырос малорослым и бледнолицым недоростком ... английский посол Флетчер: “В лице царя Федора династия вымирала воочию”».

Еще бы либералам не привлечь «воспоминания» лондонского посла — изгнанного из России с закрытием Московской компании, то есть, закрытием английской монополии на торговлю русскими товарами за границей. С самостоятельным выходом русских купцов на негоциантов Франции, Германии и Италии...

Ненависть отечественных историков к истории своего Отечества, отторжения как к истории православного государства — Святой Руси и православного народа — народа-богоносца, откровенно инфернальная. Открыто сатанинская. Ведь есть же свидетельство первого русского Патриарха Иова, также прославленного в лике святых: в предсмертном томлении Царь беседовал с незримым «великим Святителем», а в сам час кончины Федора Иоанновича по всем Кремлевским палатам ощущалось благоухание. Да только кому нужны удостоверения убежденного опричника, ко всему прочему канонизовавшего фаната-ксенофоба Иосифа Волоцкого?

Ведь, если непредвзято, без предубеждений, то почему бы рядом с иностранными источниками не проработать-проанализировать слезные вопли летописцев Смутного времени о том, как при Федоре Иоанновиче и страна процветала, и люди были счастливы. И что никто не хотел никаких перемен, ибо народ знал наверняка: Царь своею праведною молитвою спасает и управляет Россию. Ответ у современника святого благоверного Царя дьяка Ивана Семенова: «Монашество, соединенное с царством, не разделяясь, взаимно украшали друг друга ... И то и другое было *видимо только одним верным, которые были привязаны к нему любовью* (выделено мной. — В. Д.). Извне все легко могли видеть в нем царя, внутри же подвигами иночества он оказывался монахом».

Без перемены историографической парадигмы мы и далее обречены шаблонно-рамочно взирать на себя, на свой народ, своих героев, свою Родину вражескими глазами. Глазами врага рода человеческого. И что бы ни мечтали о себе самые высоколобые витии, самые прославленные книжники и совопросники мира сего, они «преданием старцев» приговорены определять православные духовные нормы «юродством», духовную волю «слабостью», духовный подвиг «безумием». И никогда им не понять: как сотник-атаман Ермак-Василий Тимофеевич Оленин, идеально спланировавший и блестяще проведенный спецоперацию по обеспечению для России мира с Востока, неожиданно на три года принял для себя миссию государева наместника, точнее, «местного воеводы» величайшей страны, не имея для того никаких ресурсов, но, вот чудо, примерно управился и с этим, непредставимым для ратоборца, испытанием. Принял, вник и справился — как ответственный религиозно.

* * *

Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

Римлянам 13:4

С маленьким отрядом, сократившимся в результате полновесных боев и мелких стычек с засадами, с обморожениями, болезнями и несчастными случаями до пяти с половиной сотен бойцов, Ермак должен был не только удерживать столицу, но и, по возможности, развернуть и закрепить административно-властное присутствие Русского Государства во все сибирские родовые княжества и земли. Как, чем и, главное, кем?..

Действительно: сибирские татары Тайбугины в своем правлении опирались на поддержку единокровников-ханов с их родовыми ополчениями, а

бухарский шейбонид Кучум, хотя взошел на трон благодаря бухарским сар-базам и джигитам, да и после не раз получал войсковую помощь, главную ставку делал на Ислам, через веру отрывая местную аристократию от своих одноплеменников-простолюдинов. Тайбугины вели суды на основе традиций, Кучум — шариата. Но, по любому, у предыдущих повелителей всегда было достаточно нукеров и для обеспечения обыденного сбора налогов, и для подавления вспыхивающих недовольств баскаками или бесерменами. То есть, для устрашения и расправы. Ведь именно террором Кучум провел перепись населения, когда менял общеродовой налог-тамгу на исламский закят «с дыма», то есть с семьи.

Проникшая вглубь неизведанных земель небольшая дружина славян, с довеском из фрязин, франков и прочих «немцев», одинаково чуждая для местных племен угров и тюрков, не могла, подобно Тайбугинам, использовать в своих интересах извечное для Сибири этническое противостояние. Исповедуемое христианство не позволяло ожидать какого-либо добродушия, тем более, благоговейного уважения от упрямых язычников и мусульман-неофитов. А о русском терроре и геноциде «диких народцев» (выраженище С. Соловьева) нелепые пасквили стали измышлять, опять же, в восемнадцатом веке, опять же, в иезуитских школах — в российских, польских, французских, итальянских...

Да подумать только: какой-токой геноцид с «вылазной дружиной» в две-три сотни человек! Ужаснуть, надругаться, нанести кровавую обиду, а далее мирно принимать в крепости гостей, поставщиков продовольствия, послов с дарами и самих родовых князьков с данью для Белого Царя и просьбой о личной дружбе. С прошениями о правдивом воеводском суде меж граничными соседями?.. Инфернальная русофобия.

В шорах двухсотлетней прогрессистской историографии недопустимо, абсурдно, казусно: ну, не мог, не должен был Ермак из своих отчаянных рубак и стрелков создать администрацию для неоглядного региона, населенного столь разбросанно и разнородно? Казаки-башибузуки и иноземные «солдаты удачи» годились для войны, но поручить им дьячие и подьячие дела? А остальных поставить в приставы, надельщики, рассыльщики и иные приказники?..

Наместники и сменявшие их местные воеводы утверждались Царем и Боярской думой на два-три года. Как правило, это были отставные служилые люди — родовые бояре, дворяне и выслужившиеся дети боярские. За оклад — дабы не торговали и не побирались, воеводы вели военные, управленческие, стражные, судебные и налоговые дела, руководя приказными избами и столами. Отвечали воеводы даже за писцовые книги, в которые для финансовых отчетов в Москву собирали описания земель по их количеству и качеству, доходность и повинности населения. А еще висели на них заботы о пополнении пороховых, дровяных и съестных припасов с описью... Притом наказы и указы из центра зачастую присылались с такими уточнениями: «как буде пригоже», «смотря по тамошнему делу», «как Бог вразумит».

И это не курьез времени, не глупость (прозрейте, костомаровцы-ключевцы-соловьевцы!) безграмотных дьяков и ленивых писарей приказной избы: при тогдашней неразработанности государственного законодательства, нехватка законов гражданских и уголовных восполнялась законами

веры. В пределах русской власти — законами Евангелия и совести. Так что православное государство продумано и вполне рационально полагалась на богобоязненную рассудительность своего православного представительства. И та православная совестливая рассудительность в местах тюркских, угорских, черкесских, мусульманских, буддийских, языческих воспринималась как закон крестьянского Белого Царя, принималась как суд убедительно праведный.

Справедливость Белого Царя и была главной опорой Ермака в его управлении Сибирью. Единственным ресурсом обеспечения его власти была Русская правда.

Война, как густейшая сосредоточенность болей, скорбей и страхов, беспощадно проявляет человека. В походе и боях невозможно притворяться, лгать и утаивать, скоро всем все становится видно и бесспорно понятно. В этих общих на всех болях, скорбях и страхах очерчивает круг отвечающих друг за друга и полагающихся друг на друга. Круг тех, кто думает, действует и говорит — МЫ.

А еще война возводит во власть истинного лидера. Нет более чтимого и доверенного вождя, кроме того, кто брал на себя боли, скорби и страхи своих дружников. Кто был равен с ними перед смертью, но вывел их в жизнь. Он — ось, вокруг которой и очерчивается МЫ. МЫ кристаллизуются ЛИДЕРОМ.

Отсюда столь ожесточенно усердная русофобская историографическая магистраль: клеветой, глумлением и фальсификацией, извне и изнутри, открыто издеваться и тайно потешаться над памятью героев Православия, дабы подорвать в настоящем и будущем само только вероятие объединения православный народа вокруг православного лидера... Пересмотрите школьные уроки истории...

Преображение вольных казаков и наемников в верноподданных государевых слуг — еще один религиозный подвиг Ермака-Василия Оленина. Доверие, перешедшее в веру с совершенным послушанием, преобразование сознания людей, ох, своевольных, ох, негибких, — так, что исполнив обещанное на Чусовой и получив долю добычи с копья, не разбежались они по своим путям-дорожкам, а остались, продолжили дружинное служение в сибирской уkraine — это подлинное чудо. Не в силе Бог, а в правде. Ермаковцы продолжили гибнуть от подлых засад и заманных предательств, от лютых холодов, безвременных метелей, от цинги. Но держались друг за друга, держались друг другом. Умирая друг за друга, жили друг другом. Чем вызывали уважение и благоговейное признание их силы у местных народов. Силы их Бога.

«Так да светит свет *ваши* пред *людьми*, чтобы они *видели ваши* добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:14–16). Первый архиепископ Тобольский и Сибирский Киприан повелел записать в синодик соборной Софийской церкви для ежедневного поминовения имени Ермака-Василия и всех его товарищей, принявших смерть в Сибири. А в неделю Православия соборному протодиакону велегласно возглашать им вечную память.

Помянем своих героев и МЫ.

ПОЭЗИЯ

**Игумен Дионисий
(ШЛЕНОВ)**

ВРАЧЕВСТВО ВЕРЫ В ДНИ ИСПЫТАНИЙ

Игумен Дионисий (Шленов) — окончил Московскую Духовную академию в Троице-Сергиевой лавре, пострижен в монашество и рукоположен. Стал одним из инициаторов возрождения преподавания классических и новогреческого языков в Московской Духовной академии. Заместитель главного редактора журнала «Богословский вестник», заведующий библиотекой Академии. Руководитель профиля «Греческая христианская литература» в магистратуре Академии. Автор более ста публикаций.

УТЕШЕНИЕ КРЕСТНОЕ

Воздвигается Крест среди храма.
О, душа, покаянно молись,
Чтоб закончились беды и драмы
И явилась священная высь.

Воздвигается Крест, чтобы мы
Утешение снова имели.
Зажигается свет среди тьмы,
Чтобы жить в неотмирном уделе.

Ко Кресту, что воздвигнут, спешим,
Просим Бога о милости горней
И хотим пребывать вместе с Ним
Покаянно, легко и бесспорно.

ПУТЬ ЖИЗНИ

Все шире ширятся круги
Непонимания и страха,
Как будто слышится «беги»,
Хоть и безвременна атака.

Но, несмотря на произвол,
Остаться надо непреклонным,
Чтоб дальше править жизни челн
В иной удел — Христу покорно!

ПРИЗЫВ ВЕЧНОСТИ

«Возможно ль будет избежать чуму,
Что снова во дворы домов стучится?
Возможно ли душой осилить тьму
Чрез сумрака тяжелые границы?

Возможно ли?» — взывает малOVER,
А Бог ответы все за паству знает
И не дает неисполнимых мер
Для тех, кто Его Промыслу внимает.

«Возможно ли?» О, Господи, зачем
Ты испытуешь нас Твоею карой? —
Чтобы очистить наше бытие
Особым испытания накалом.

Болезнь еще стучится вдалеке,
Стоит как будто в полном отдаленье,
А мы душой почти что налегке
Смирненно молим Бога о спасенье.

«Возможно ли?» О, Господи, спаси,
Дай силу чашу пронести до ночи

И в сердце знамя веры водрузи,
Чтоб видели легко иное очи!

Нам больше знаки внешние грозят.
О, как начать
 свою лишь слушать душу?
Звучит вдали о горестях набат,
Что хочет мир
 привычный нам разрушить.

«Возможно ли все выдержать?»
 О, да!

Не страшно тем,
 кто молится как надо,
Чтоб кончилась безвременья беда
От подлинного вечности набата.

ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ МОЛИТВА БОГУ

Нужно просто решить,
Что же дальше грядет.
Разорвется ли нить
В сей мучительный год?

Неужели опять
Будет сумрак и мрак?
Неужели печать
Бесконечных атак?

Нужно просто решить
И от сердца сказать.

Будем Бога просить
И душой умолять:

«О, Господь! Обнови
Нашей жизни пути
И на труд вдохнови,
Чтобы вечность найти!»

Или просто на миг
Перестать вопрошать,
Чтобы веры родник
Душу стал орошать.

БЛИЗОСТЬ ГОСПОДА

Как будто кончилась эпоха
Надежды, радости и света.
Теперь одно реченье: «Плохо», —
И нет искомого ответа.

Но только кажется! Ведь с нами
Господь стоит в незримом свете.
Да будет жизнь в духовном храме,
Что не доступен всей планете.

СОКРОВИЩЕ ВЕРЫ

По маловерью Крест не лобызать —
Большое преступление, без спора.
Но если в послушании стоять,
То можно верой передвинуть горы.

Что выше и надежнее всего? —
Святое ради Церкви послушанье,
Что нам желает только одного —
Исполнить ко спасению призванье.

Как будто невозможно лобызать
Священные, пречистые иконы,

Но сей совет — на время устоять,
Исполнив ради ближнего законы.

Когда болезнь в разгаре —
 бдит душа,
В иное входит чудно измеренье,
Внутри горит священная свеча,
Что позволяет избежать истления.

А как же вера? Не отнять ее —
В глуби души сокрытое богатство,
Что составляет чудо-бытие
И самое спасительное царство.

ПРОМЫСЕЛ О РУССКОМ ПУТИ

Есть Промысла чудесные пути,
Что к свету мир мятущийся ведут,
Чтоб смог ответы Божии найти,
Освободившись от греховных пут.

Есть попущенье, когда зло сильнее,
Когда попутный не поможет ветер,
И вместо вдохновенных жизни дней
Душа живет среди разбитых «петр».

А есть события, в коих смысла нет,
Что только злобой созданы людской,
Известны Богу, но Его Совет —
Бежать от сети зла в Его покой.

Болезни вирус мир весь охватил,
Чтобы разрушить связи государств.
Виновник для всего и есть, и был,
Хоть думает, что он ответ не даст.

Как будто все равно, кто виноват,
Коль страшная угроза всем грозит,

Ведь с каждого угла звонит набат,
Но сердце почему-то не молчит.

Вершатся в мире беды до поры,
А грех искусно вовлекает в сеть.
Всего сильнее молитвенный порыв,
Чтобы напасти верой одолеть!

О, как бы не поддаться на обман,
И панике сказать спокойно «нет».
Надежды дар особый Богом дан,
По вере будет дан всему ответ!

Святая Русь духовно устоит, —
Молитва удивительно легка.
Над нею распростерт незримо щит,
И Божье ограждение — на века!

Нет эгоизма в воинстве простом,
Ведь Русь Святая —
 подлинный форпост!
Готова защищать вселенной дом,
Вымаливая мир в Великий пост...

Юрий ИШКОВ

«ПРАВО, СЛАВНА РОДИНА МОЯ!»

Юрий Викторович Ишков — родился в 1954 г. Окончил факультет русского языка и литературы ЛГПИ им. Кирова и юридический факультет ТГУ им. Ленина. Член СП России, автор пяти поэтических сборников, многих публикаций в периодической печати. Победитель конкурса исторической поэзии на фестивале «Словенское поле — 2016», лауреат основной премии Администрации Псковской области за достижения в области литературы. **Живет в г. Великие Луки.**

МАТЕРЬ БОЖЬЯ! ЗДЕСЬ ЖИВУ И ВЕРЮ...

Право, славна родина моя!
Мать Божья, здесь живу и верую,
Сохрани российские края,
Ниспослав судьбу благословенную!

Город тоже мой благослови
На успех труда и вечность Памяти,
Храмы тут — святыни на крови
Со следами пороха и пламени.

Молится и воин, и монах,
Были беды долгие и общие,
Потому кресты на куполах
Блещут по-особому на Псковщине.

Сберегая неба чистоту,
Уподобь его златому кружеву,
Полюби навек за красоту
Приграничья древнюю жемчужину!

Утром глянь, как дивно в синеве
Кланяется месяц юной зореньке,
Как лучи струятся по траве,
И светлеют улицы и дворики!

Где еще вот так же хороши
У домов березки тонкоствольные,
И для них поющие в тиши
Птицы легкокрылые и вольные!

Девы взглянут — оторопь берет,
Столь глаза загадочны и веселы,
Был бы наш богат к тому ж народ,
Ну так то в мечтах:
кабы да если бы!..

К истине идем не без греха,
Крестимся, а целим в лебедь белую,
Ниспошли нам мудрость на века,
Мать Божья, здесь живу и верую!

БЛОКАДНИКИ

Герои достойны почести,
Их враг истреблял и голод.
Столпом первозданной прочности
Стоял осажденный город.

Ему повторяли реквием
Бомбежки и канонады,
Дымы простирались едкие
Над крышами Ленинграда.

Снаряды крушили улицы
И рвали на части небо,
А в темных руинах чудились
Краюхи ржаного хлеба.

Больные и невесомые,
Сменили рабочих дети,
Сражались — боееспособные
В то черное лихолетье.

Всем миром внимали радио,
Роднясь под звучанье скрипок,
И были сердцами в прадедов
От малого до велика.

В кольце оружийных выстрелов
Их было священным братство,

А краткое слово «выстоять» —
Заветным для ленинградцев.

На многих пальто и ватники
Свисали не по размерам.
Варили ремни блокадники
С крапивой из местных скверов.

Общались они вполголоса
И знали: под смертной сенью,
Без слез и последних возгласов
В домах умирают семьи.

Туманы ложатся саваном
На надписи и березки,
И землю, святую самую,
На кладбище Пискаревском.

История помнит ужасы
Младенцев с глазами старцев.
О том, что такое мужество,
Спросите у ленинградцев!

БАТАЛЬОН

Лучи алеют над дорогой,
Как сотни воинских знамен.
Ценой успеха фронтового
Здесь стал погибший батальон.

Комбат все знал: не уцелеют
Бойцы в бою, и схватке быть.
Им звонко птица пела трелью,
Шел май, и всем хотелось жить.

Приказ святей молитв о жизни,
Окоп — ее земная грань,
И нет других сынов Отчизны,
Но есть война, огонь и гарь.

Под танк с гранатами в обнимку
Вползти комвзвода не успел,
Поджечь броню, метнув бутылку,
Сержант израненный сумел.

В России истинную волю
Имеют с детства млад и стар,
Удержан был залитый кровью
Оборонительный плацдарм.

Повсюду люди распростерты,
И ввысь, до облачной каймы,
Единым памятником мертвым
Восходят черные дымы.

Убит комбат. Нет смелой Тани,
Полет свинцовой смерти скор,
В аду отчаянных баталий
Погибло много медсестер.

Закат блеснул и лег гвоздикой
На темно-серый небосклон,
Цена того, что стало тихо, —
Один стрелковый батальон.

ФРОНТОВАЯ ПЕСНЯ

Над полем движется туман,
Молчат в округе пулеметы,
И оружийные расчеты
Созвал для песен капитан.

Когда еще, как не сейчас,
Им спеть о девушке Катюше,
Согрев обветренные души,
И вспомнить блеск любимых глаз.

Сыграл простой артиллерист
Мотив на стареньком баяне,
И поняли однополчане:
Пред ними — будущий артист!

Пилотку сдвинув набекрень,
Он пел высоким баритоном
В кругу бойцов дивизиона,
Избрав для сцены крепкий пень.

И подхватили с первых строк,
По-русски громко и от сердца,
На всю ближайшую окрестность,
Солдаты песню, кто как мог.

А через сутки в помощь им,
Затишье долгое нарушив,
Запели славные «Катюши»
Многоголосьем огневым.

СЕЛЬСКИЙ ДОМ ЗАЦЕЛОВАН ЛИВНЕМ...

Сельский дом зацелован ливнем,
Туч расходится сводный хор,
Блещет лужами возле лилий
Обрамленный оградой двор.

Много слез обронила крыша,
В мае грустным бывает дождь,
А при грозах частенько слышно,
Как сирень сотрясает дрожь.

Благодатен покой в глубинке,
Луч устроился в тополях.
У церковной клонясь тропинки,
Ивы молятся о краях.

Просят солнце сиять безбрежно
Из высокой голубизны,
Чтоб являлись как можно реже
Бури с северной стороны.

Птицы радостно ширь земную
Хвалят стаей, качая ветвь,
Их протяжное «Аллилуйя!»
Побуждает любить и петь.

Быть ли лету сухим и знойным
Или с крыши стекать слезам,
Знает ветер над колокольней,
Верный нашим святым местам.

Александр КАПЛИН

РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ XIX–XX ВЕКОВ (от Ф. И. Тютчева до И. А. Ильина)

*Об иезуитах и их
отношении к России*

Александр Дмитриевич Каплин — родился в 1961 г. на хуторе Красном Коньшевского района Курской области. Окончил исторический факультет Харьковского госуниверситета (ХГУ), профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. Автор многих книг по истории русской религиозной мысли, ответственный редактор, составитель «Православной энциклопедии Харьковщины», член редакционного совета, один из авторов энциклопедии «Славянофилы». Работы издавались на русском, украинском, немецком, сербском, польском языках. **Живет в Харькове. Украина.**

Об истории ордена иезуитов, его деятельности написана огромная литература. Однако, что касается осмысления взаимоотношений иезуитов и России, то эта тема с историко-графической точки зрения изучена недостаточно. Современная же активизация православно-католического диалога, безусловно, нуждается в большей ясности понимания того, как оценивали отношение к России наиболее активной части католиков (иезуитов) выдающиеся русские православные мыслители XIX — первой половины XX веков.

Рассмотрению этого вопроса и посвящена данная статья. При этом мы предложим ряд экскурсов, разъясняющих смысл, акценты и оттенки многих суждений.

Католический монашеский орден «Общество Иисуса» (официальное название — *Societas Jesu*) был основан в Париже в 1534 г. испанцем Игнатием Лойолой. В 1540 г. папа Павел III признал орден как «Общество священников под верховным начальством папы для защиты веры». Объявил папа и цель: «Вернуть заблудшие массы в ограду церкви», что должно было означать возврат в лоно латинской церкви всех тех, кто предпочел реформированную религию.

С 1543 г. Ордену были дарованы исключительные привилегии: его члены получали неограниченные права в сфере исповеди и проповеди, могли изменять устав в соответствии с духом времени и местными обстоятельствами, имели возможность заниматься торговлей и банковскими операциями, освобождались от денежных повинностей и т. п.

Впоследствии Ю. Ф. Самарин напишет: «Можно сказать, что все жизненные соки, вся душа латинства ушли в него, и что, с первой минуты своего появления на свет, иезуитство воплотило в себе всю сущность, весь

смысл латинства и стало на его место»¹.

Это вызвало ответную реакцию в самых разных странах. Назовем лишь некоторые факты. В 1588 г. иезуиты были изгнаны из Трансильвании, в 1594 г. — из Франции (*из-за покушения на короля, тем не менее, в 1608 г. Генрих IV призвал их вновь из-за опасения новых покушений на его жизнь*), из Венеции — в 1606 г., из Богемии, Моравии и Венгрии — в 1618 г., из Мальты — 1639 г., из Португалии — в 1759 г. и 1834 г., снова из Франции — в 1764 г. и т. д.

В 1773 г. папа Климент XIV распустил орден, но Пий VII в 1814 г. восстановил его.

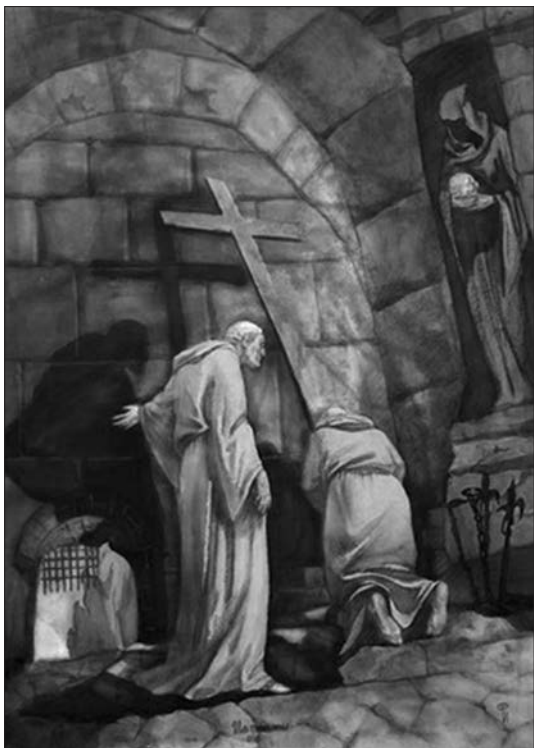
Многokrатно изгонялись иезуиты и из России (*после Смуты нач. XVII в., 1688, 1719, 1815, 1820 гг.*).

Впервые русские встретились с ними в 1582 г. в лице Антонио Поссевино, «один ... совет и план» которого «для отклонения Юго-западной России от естественного тяготения к Москве и Византии», — по слову Ю. Ф. Самарина, — «заставляют отнести его к числу самых заклятых врагов России, нанесших ей наиболее вреда»².

Через 23 года после А. Поссевино Москва увидела иезуитов в свите Самозванца во времена Смуты, и эта встреча закончилась их изгнанием.

Что же предшествовало последнему (как думали в веке XIX) изгнанию?

В четвертом письме к иезуиту о. Мартынову (1865) Ю. Ф. Самарин подчеркивает, что в александровское время вся сила иезуитов заключалась в «духовном безсилии» высших слоев петербургского общества. Здесь могли рассчитывать на успех и получать сочувствие «всякое, со стороны занесенное учение, политическое или религиозное, всякая фантазия, всякий призрак»: «По-видимому, все сияло благонамеренностью; ... а между тем, живое, народное самосознание гибло. При сильно развитом государственном патриотизме терялся народный смысл; историческая память была как бы отшиблена; непосредственное ощущение всего пережитого прошедшего в каждой минуте настоящего было утрачено; народный язык сделался как бы чужим, своя вера упала на степень всякой иной веры», под веротерпимостью подразумевали «*вмешательство во имя безразличия всех исповеданий*»³.

¹ Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. М., 1866. С. 228.

² Там же. С. 232—233.

³ Там же. С. 265—266.

«И в эту-то дряблую и рыхлую среду, безсильную духом, оторванную от народной и церковной почвы, питавшей ее вещественно и духовно, врезались иезуиты...»; никакого отпора не было: «дворянские души и дворянские капиталы сами собою устремились в раскинутые сети...»¹.

Кстати, впоследствии Г. В. Флоровский практически не замечает этого драматизма, констатируя: «В тогдашнем мистическом синкретизме были и римско-католические элементы»².

Несмотря на неизменно заканчивающиеся изгнанием иезуитов из России пребывания в ней, специальных богословских, исторических сочинений в России долгое время на эту тему не было. Однако новое проникновение иезуитов в Россию в XIX веке под разными видами и предложениями (с «*фальшивыми именами*», с «*поддельными паспортами*»), совращение ими русских эмигрантов, отпрысков именитых фамилий, активизация самих иезуитов из русских с целью обращения «славян-схизматиков» побуждали наиболее дальновидных и духовно чутких русских мыслителей обратить внимание на это явление.

Одним из первых об иезуитах в середине XIX века высказался Ф. И. Тютчев в статье «Римский вопрос с русской точки зрения» (1849), опубликованной на французском языке (1850) и вызвавшей целую бурю откликов (*на русском языке статья впервые была опубликована лишь в 1886 году*).

Ф. И. Тютчев. Фото. 1856

Надо сказать, что на Западе к тому времени об иезуитах были написано множество работ. Уместно вспомнить полемику с иезуитами известного французского религиозного мыслителя и ученого Б. Паскаля (1623—1662) в его «Письмах к провинциалу», которые отличались неприкрытым отвращением к иезуитам, неприятием какой-либо смеси лжи и истины.

Особо резкой критике в паскалевских «Письмах...» подвергалась так называемая казуистика, своеобразная моральная наука иезуитов, оправдывающая греховные поступки человека благими целями с помощью бесконечных юридических комментариев и изощренных софистических приемов.

Изданные в 1657 г. отдельной книгой «Письма к провин-

¹ Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. М., 1866. С. 267.

² Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 135.

циалу» сразу же, в том же году, были помещены в «Индекс запрещенных книг» (*Index Librorum Prohibitorum*) Римской церкви.

Ф. И. Тютчев имел немалые познания в этом вопросе (в его библиотеке были и паскалевские «Письма к провинциалу»), поэтому он и констатировал: не только враги христианской веры питают к ордену иезуитов «ожесточенную и непреодолимую ненависть. Нельзя также скрыть от себя, что многие католики — и притом наиболее искренние, наиболее преданные своей церкви, от Паскаля и до наших дней, — не переставали, из поколения в поколение, чувствовать открытое, непреодолимое отвращение к этому учреждению»¹.

Ф. И. Тютчев называл этот орден «сосредоточенным, но буквально верным выражением римского католичества. Проще сказать, он есть само католичество, но только в состоянии действия, в положении воинствующем»².

Поэтому римские католики бессильны перед орденом, ибо, нападая на него, постоянно подвергаются опасности «поранить самую римскую церковь».

И «можно не без основания сказать, что иезуитский вопрос слишком близко затрагивает религиозную совесть Запада, чтобы Запад мог когда-нибудь разрешить его вполне удовлетворительным образом»³.

Отсюда становится понятной роль русских православных мыслителей: уяснить этот вопрос и для себя и для самого Запада.

Вслед за статьями Ф. И. Тютчева появляются три брошюры («французские») А. С. Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных исповеданиях» (1853, 1855, 1858)⁴. Эти публикации сыграли важную роль в обосновании отношения Православия к католицизму во время крестового похода против России в 1850-х годах.

Еще со второй половины 1830-х гг. А. С. Хомяков оказал огромное (и даже решающее) воздействие на формирование богословских и религиозно-исторических воззрений ряда выдающихся мыслителей, в т. ч. молодого Ю. Ф. Самарина, особенно во время его работы на диссертацией «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (1840—1844).

А. С. Хомяков

¹ Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. 7-е изд. СПб., 1913. С. 489—490.

² Там же. С. 491.

³ Там же. С. 489.

⁴ К сожалению, в России они были изданы только в 1879 году, по ходатайству графа Д. А. Толстого.

Граф Д. А. Толстой.
Портрет кисти И. Крамского. 1884

В третьей «французской» брошюре¹ А. С. Хомяков неопровержимо доказывает заблуждения иезуита И. С. Гагарина, в том числе изложенные в его брошюре «Россия будет ли католическою?» (1856).

В 1863–1864 гг. в Париже на французском языке выходит двухтомник графа Дмитрия Андреевича Толстого «La Catholicisme Romain en Russie» («Римский католицизм в России»), будущего (с 1865 по 1880 гг.) обер-прокурора Святейшего Синода и министра народного образования (с 1866 по 1880 гг.). Над книгой граф Д. А. Толстой (1823–1889) начал работать в 1848 г.², и написана она была первоначально на русском языке (*часть материала была издана*³). Но в силу ряда причин, в т. ч. с целью ознакомления западного читателя

с православным воззрением, она была переведена на французский (*и лишь в 1876–1877 гг. была издана и на русском языке*⁴).

В книге Д. А. Толстого⁵, основанной на источниках, немало материала приводилось и об иезуитах, в том числе и в Приложениях.

Первое (французское) издание «Римского католицизма в России», уже через два года, в 1866 г., очутилось в «Индексе запрещенных книг» римской церкви, с редкой аттестацией, которая выдается в «Индексе...» лишь сочинениям самых страшных еретиков «opus praedamnatum». Замечательно, что редактор индекса по невежеству (как считал проф. А. П. Лебедев) принял имя автора, Димитрий, за его фамилию и поместил графа Толстого в алфавитном порядке индекса под буквой Д⁶.

¹ См.: Хомяков А. С. Сочинения богословские. Изд. 5-е. М., 1907 (Репринт. СПб., 1995). С. 173–182.

² В сентябре 1847 г. Д. А. Толстой был назначен чиновником особых поручений при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий, а в ноябре 1851 г. — вице-директором этого департамента.

³ Толстой Д. А. Об иезуитах в Москве и Петербурге. СПб., 1859.

⁴ Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Историческое исследование / графа Дмитрия А. Толстого. [В 2 т.] Т. 1-2. СПб.: Изд. и тип. В. Ф. Демакова, 1876. Т. 1: VIII, 538 с.; Т. 2: VIII, 438, 139 с.

⁵ Ю. Ф. Самарин это сочинение назвал «превосходным трудом графа Толстого, открывшего нам terram incognitam наших отношений к латинской церкви» // Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. М., 1866. С. 232.

⁶ Между тем книгу «Римский католицизм в России» «Колокол» (1867, 1 марта) оценил как «весьма замечательную и чрезвычайно богатую фактами», а один из

Книга Д. А. Толстого была не первой (по времени) среди русских исследователей об иезуитах. У него были предшественники.

Так, будущий профессор В. А. Модестов издал книгу «История падения иезуитов в XVIII столетии: С прил. ист. документов» (СПб., 1855. 306 с.). Опираясь на исторические источники, В. А. Модестов развенчивает деятельность ордена иезуитов.

Первой русской специальной церковно-исторической работой об иезуитах в России стало исследование выпускника Казанской духовной академии Александра Лилова «О зловердных действиях иезуитов в отношении к православной церкви в России в конце XVI и в начале XVII века» (Казань, 1856. 283 с.).

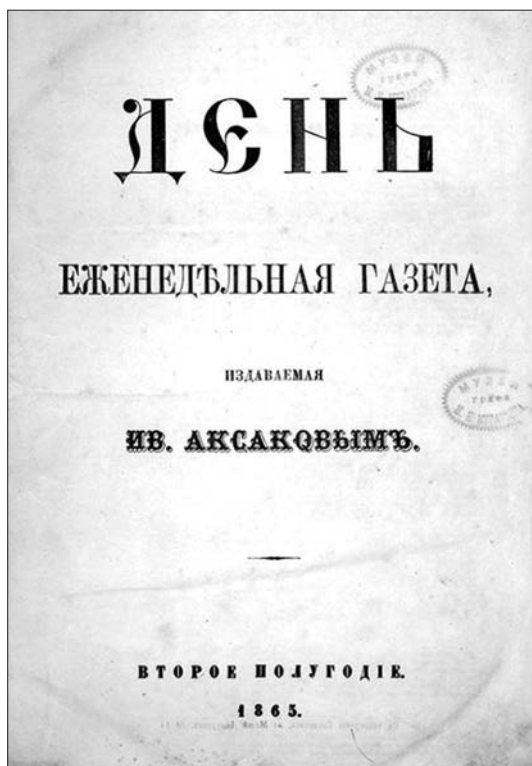
Но книги В. А. Модестова и А. Лилова по ряду причин не получили широкой известности¹ в отличие от сочинения, специально посвященного разбору учения иезуитов. Это пять писем выдающего русского православного мыслителя, духовного сына протоиерея А. И. Ключарева (впоследствии знаменитого харьковского архиепископа Амвросия) Юрия Федоровича Самарина (1819–1876) «Иезуиты и их отношение к России», появившихся первоначально в газете И. С. Аксакова «День» (1865, №№ 45–52).

Причина появления писем Ю. Ф. Самарина была такова.

В 1864 г. в Москве распространился слух о том, что пра-

Ю. Ф. Самарин

старейших германских университетов — Лейпцигский — возвел Д. А. Толстого в звание доктора философии.

¹ Правда, книгу А. Лилова не только прочитал, но и пользовался ею Ю. Ф. Самарин (См.: Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. М., 1866. С. 232).

*И. С. Аксаков. Портрет
работы И. Репина, 1878*

вительство намеревается разрешить деятельность иезуитского ордена в России. Информация поступала как из-за границы, так и опиралась на факт пребывания в Петербурге иезуита-проповедника.

И. С. Аксаков, видя, что «фальшивый либерализм вместе с фальшивой гуманностью» был тогда «в особенном ходу», выступил с предупредительной передовой статьей, смысл которой сводился к следующему: «Впустить в Россию орден иезуитов, это все равно, что впустить в нее заведомо и сознательно шайку шулеров, воров и тому подобных художников, и даже не все равно, а во сто раз хуже»¹.

В защиту ордена выступил иезуит из русских И. М. Мартынов (1821–1894). Он уже

двадцать лет к тому времени пребывал в ордене, в 1854 г. вместе с другими иезуитами, кн. И. Гагариным и С. Джунковским, был заочно осужден российскими властями за «самовольное пребывание и вступление в монахи иезуитского ордена». Жил он во Франции, помещал много статей во французских изданиях, вел в них хронику русской научной и литературной жизни под заглавием «*Courrier Russe*». Участвовал в основании в Париже Кирилло-Мефодиевского общества и к тому времени издавал «Кирилло-Мефодиевский сборник» (том I, 1863).

В своем письме (*изданном отдельной брошюрой, а затем и в газете «День», 1865, №№ 45–46*) И. Мартынов выступил в защиту своего ордена и вызвал к полемике всех желающих. Ответом ему и послужили письма Ю. Ф. Самарина, опубликованные не только в «Дне», но и в отдельной книге вместе с комментариями редакции газеты «День» и письмом самого И. Мартынова².

Интересовал Ю. Ф. Самарина «не столько иезуитский орден, в смысле исторического учреждения, сколько иезуитство в смысле психического явления или нравственной заразы, корнящейся в самой душе человеческой, и потому способной развиться повсеместно и отравить всякую общественную среду, разумеется — при известных условиях внутренней испорченности»³.

Делом автора было «узнать эту болезнь, назвать ее по имени и определить ее диагностику; иными словами, я хотел бы, не пускаясь в возражения,

¹ День. 1865, № 12.

² Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. М., 1866.

³ Там же. С. 119.

ограничиться раскрытием тех глубокообдуманных приемов, посредством которых иезуитизм проникает в совесть и мутит ее, проследить логическую их идеологию и показать их общее происхождение из одного строго выдержанного намерения»¹.

Ю. Ф. Самарин установил, что иезуитский орден разрешил «великую» задачу, совершил «мировую сделку» — водворил в душе человека «унию между истиною и ложью, добром и злом, Божьею правдою и человеческого неправдою»². Аргументы Ю. Ф. Самарина (*в совершенстве знавшего латинский и ряд других европейских языков*) были настолько основательны, что иезуиты предпочли воздержаться от дальнейшей полемики.

Однако у православного читателя книга имела такой успех, что потребовалось еще два издания (1868 и 1870). Кроме этих трех отдельных изданий, «Иезуиты...» появились во французском и польском переводах³.

Особенно следует отметить высокую оценку самаринского труда святителем Игнатием (Брянчаниновым).

В письме своему брату П. А. Брянчанинову от 11 июня 1866 г. святитель Игнатий добавил: «Сочинение Юрия Самарина о иезуитах написано в духе Новикова “Гус и Лютер”⁴, но слог у Самарина лучше. Сочинение Самарина признаю полезным и нужным, а соч. гр. Толстого “La Catholicisme Romain” даже необходимым»⁵.

Учитывая требовательность святителя Игнатия, нельзя не признать эту оценку как истинное одобрение.

Неоднократные резкие оценки святителем Игнатием книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу»⁶ латинских святых⁷ не оставляют сомнения и в оценке сочинения И. Лойолы «Духовные упражнения» (как «духовной прелести»), где изложена система иезуитского воспитания, представляющая собой сочетание молитвы, чтения и самоиспытания, сопровождаемого воображаемым беседованием с Богом и святыми, с представлением страстей Христовых, с созерцанием Христа и сближением с Богом⁸.

¹ Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. М., 1866. С. 119.

² Там же. С. 102, 115.

³ На французский язык книга Ю. Ф. Самарина была переведена П. Бутурлиным и издана в Париже: *Les le suites et leurs rapports avec la Russie trad. Du russe par P. Boutourlin. Paris: Cherbulier, 1867*; а на польский язык — неизвестным переводчиком и издана в Варшаве: *Iezuici i stosunki ich do Rosyyi. Przel z russk. A. N. Warsz, 1867*.

⁴ Святитель Игнатий имел в виду сочинение близкого по взглядам к славянофилам Е. П. Новикова (1826–1903) «Гус и Лютер. Критическое исследование. В 2-х томах» (М., 1859). О. М. Бодянский в предисловии этой книги говорит: «Полагаю, что занимающиеся судьбами славянского мира оценят как следует это в высшей степени добросовестное и замечательное исследование...».

⁵ *Игнатий (Брянчанинов), святитель. Сочинения. Т. VII. Письма. Репринт. изд. М.: Правило веры, 1993. С. 453.*

⁶ «О подражании Христу» является официально признанным трудом среди иезуитов.

⁷ В одном из писем к мирянам святитель Игнатий призывал: «...Займитесь чтением Нового Завета и св. Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых!)...» (См. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 4. Аскетическая проповедь и письма к мирянам. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1886. С. 485–486).

⁸ Учение И. Лойолы рассмотрено впоследствии во второй книге трилогии М. В. Лодыженского «Свет незримый. Из области высшей мистики» (СПб., 1912) в главе «Мистика Востока и мистика Запада».

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

тинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкою того пламени, которым разжены прельщенные»¹.

Возвращаясь к Ю. Ф. Самарину, следует обратить внимание и на то, что многие его суждения о русской истории неплохо бы осмыслить и в настоящее время. Например, что Император Павел I был «действительным ... заступником и покровителем» иезуитов, на службу которым при нем поступила русская дипломатия² и др.

В 1860-е годы подготавливается и издается еще один замечательный труд — священника Казанского собора в Петербурге М. Я. Морошкина (1820–1870) «Иезуиты в России, с царствования Екатерины II-й и до нашего времени»³. Его автор, к сожалению, скончался в год выхода второй части. Этот труд⁴ и по сей день остается самым основательным историческим исследованием самого долгого пребывания иезуитов в России.

Нельзя не упомянуть еще записки С.С. Джунковского, бывшего иезуита, возвратившегося в 1866 г. в Русскую Православную Церковь: «Рус-

Святитель Игнатий подчеркивал: «Большая часть подвижников Западной церкви, провозглашаемых ею за величайших святых — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных... Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести. <...> В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись пред его взорами, по его желанию, ад или рай. <...> Известно, что ис-

¹ Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. I. Аскетические опыты. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1886. С. 241–242.

² Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. С. 253–254.

³ Морошкин М. Я., священник. Иезуиты в России, с царствования Екатерины II-й и до нашего времени (в 2-х ч.). Ч. 1: обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I-го. СПб.: В Тип. Второго Отд-ния Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. XV, 301, XII, II с. Ч. 2: обнимающая историю иезуитов в царствование Александра I-го. 1870. [2], 528, VIII с.

⁴ См. тогдашнюю оценку: Щербальский П. Е. По поводу исследования Морошкина: Иезуиты в России // Русский Вестник, 1868. Кн. 4.

ский семь лет иезуит» (в газете «Русский инвалид», 1866—1867) и сочинение видного церковного историка, впоследствии заслуженного профессора Московского университета, протоиерея А. М. Иванцова-Платонова «О римском католицизме и его отношении к Православной Церкви. Ч. 1-2» (М. 1869—1870).

Вышеизложенное позволяет заключить, что в XIX веке (особенно в 1840-е — 1870-е гг.) русская православная мысль в лице лучших своих представителей детально исследовала историю взаимоотношений России и иезуитов, дала четкий богословский и церковно-исторический комментарий к ним, который можно передать словами Д. А. Толстого: «К счастью России, в третий раз (в 1820 г. — А. К.) выгнан из нея этот враждебный истинному просвещению и всем христианским иноверным с ним исповеданиям орден, и будем, для блага человечества, надеяться, что это уже навсегда»¹.

Огромная роль в понимании иезуитов принадлежала именно церковным и светским православным мыслителям: истинным славянофилам (А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков) или близким к ним по мировоззрению (Д. А. Толстой, Ф. И. Тютчев, свящ. М. Я. Морошкин, прот. А. М. Иванцов-Платонов). Нельзя не упомянуть в данном контексте и Ф. М. Достоевского, в романах которого — «Идиот», «Братья Карамазовы» — иезуиты и иезуитство оценивались неизменно отрицательно.

И в последующее время все твердо и право-мыслящие православные деятели неизменно следовали этой русской православной линии.

Такие оценки в богословской, исторической, да и в художественной литературе, публицистике, общественном мнении не могли не отразиться на преподавании в духовных учебных заведениях. По академическому уставу 1884 г. «сравнительное богословие» в духовных академиях было заменено «историей и разбором западных исповеданий», а в 1911—1912 гг. «историей и обличением западных исповеданий в связи с историей западной церкви от 1054 года до настоящего времени».

В эти десятилетия были изданы важные сочинения заслуженного профессора Московской Духовной академии А. Д. Беляева, профессора Санкт-Петербургской духовной академии А. А. Бронзова и др. о католицизме, иезуитах, иезуитизме². Активизируется систематическое исследование и издание комплекса материалов Ватиканского и Римского государственного архивов, а также бумаг иезуитского ордена³.

Победа богоборческих сил в России привела к тому, что осмысление истории католицизма в советское время практически прекратилось, но в эмиграции, изгнании мы можем встретить не только забалтывание этой темы (Н. А. Бердяевым и некоторыми др.), но и весьма полезные сочинения.

Нельзя не обратить внимание на фундаментальный труд И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою», над которым он работал в Италии с августа 1924 г. по весну 1925 года. Здесь, в библиотеке Уффици во Флоренции и в библиотеке Сан-Ремо, автор нашел необходимую ему иезуитскую литературу-

¹ Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. 2. СПб, 1877. С. 228.

² См. напр.: Беляев А. Д. О соединении церквей. Сергиев Посад, 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1897. 238 с.; Бронзов А. А. Размышления об иезуитской морали — древней и новой // Христианское чтение. 1902. № 7. С. 37—66 и др.

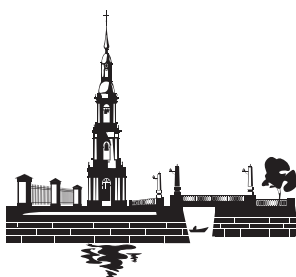
³ Россия и Италия. Сб. исторических материалов и исследований. СПб. Т. 1, 1907—1911. Т. 2, 1908—1913. Т. 3, 1911—1915.

ру и использовал ее особенно в разделе «О ложных решениях проблемы». В частности, он обратил внимание на то, что у некоторых иезуитов, можно найти «более утонченную попытку дать абсолютное оправдание не только мечу, но и любой несправедности», хотя они, «по-видимому, так же, как и Лютер, опирались на ветхозаветное представление о Боге, согласно которому Божество мыслится как совершенство силы, а не как совершенство любви и добра...»¹.

Таким образом, всякие контакты России православной, царской, имперской с иезуитами заканчивались для нее трудноисчислимым ущербом и изгнанием последних из России. Активизация иезуитов в России всегда была связана с отходом от православного понимания русской истории, ослаблением государства, усилением секуляризации и либерализации.

Все твердостоящие в православии русские мыслители единодушны в отрицательной оценке плодов деятельности иезуитов в России. Что же касается наиболее важных трудов XIX — первой половины XX вв. об иезуитах, то они отнюдь не утратили своей значимости и по сей день, так как были написаны замечательными православными церковными и светскими мыслителями, знающими первоисточники, и одобрены нашими святыми отцами, а потому могут служить надежной опорой и для современных богословских, церковно-исторических, научных оценок.

¹ Цит. по: *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою. 2-е изд. Лондон, Канада, 1975. С. 194.

Павел КРЕНЕВ

ТАК ЭТО БЫЛО

*К 75-летию
Великой Победы*

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — родился в д. Лопшеньга. Окончил Ленинградское Суворовское училище, затем факультет журналистики ЛГУ. Служил в ленинградских властных структурах. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Секретарь Союза писателей России. Печатался в журналах: «Нева», «Ленинград», «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Север», «Вертикаль» и др. Является лауреатом Всероссийских литературных премий. Кандидат юридических наук. **Живет в Москве.**

Выпадают такие удачи, и нам удастся повстречаться с интересными людьми. Но о такой встрече и не мечталось. Мы однажды узнали, что живет и здравствует на московской земле человек, можно сказать, легендарный. С учетом того, что занимал он крупные посты и в Великую Отечественную войну, и в послевоенный период, имя его встречается то здесь, то там и в мемуарной литературе, и в художественных произведениях. Это историческая личность, и ее никак не обойдешь, когда речь идет о нашей истории. Радость наша тем более объяснима, что, занимаясь подготовкой сборника о чекистах Сталинградского сражения, нам удалось выйти на самое первое лицо — руководителя всей военной контрразведки той исторической битвы. Телефонный звонок, приглашение, и вот мы сидим в гостеприимной и уютной квартире. Наш собеседник — генерал-лейтенант в отставке Селивановский Николай Николаевич, бывший начальник Особого отдела Сталинградского фронта, впоследствии — заместитель министра государственной безопасности СССР, ныне пенсионер.

Первый вопрос наш был такой:

— *Расскажите, Николай Николаевич, о Вашей службе в органах государственной безопасности, о том, какой путь Вы прошли в них до Сталинградского сражения?*

— Вероятно, можно так сказать, что я счастливый человек. И совсем не потому, что жизнь моя, как кому-то может показаться (все же дорос до замминистра!), была безоблачной. Как раз меня-то судьба совсем не жаловала. Но я все равно счастлив, потому что в буквальном смысле являюсь ровесником века (родился в 1901 г.), и мне посчастливилось принять самое непосредственное участие

в самых заметных событиях бурного нашего века, разделить как радости, так и беды своей страны.

Сейчас почти легендарно звучит название Московской школы красных командиров имени ВЦИК РСФСР (в 20-е годы ее называли Школой кремлевских курсантов), а ведь я в ней учился! Я был кремлевским курсантом, готовился стать артиллеристом. Но в 1922 г. меня и еще 30 человек-отличников досрочно отозвали из школы и направили учиться на курсы ОГПУ, которые располагались на улице Покровке. Там в течение полугода я постигал науку контрразведчика, а по окончании курсов был направлен на Туркестанский фронт, где воевал с басмачами. Хотя и являлся оперативным работником — уполномоченным 65-го, а затем 12-го кавалерийских полков, но фактически я ничем не отличался от других командиров и солдат — в сабельные атаки ходил вместе со всеми. Честно говоря, никогда не любил отсиживаться за чьей-то спиной, этим и горжусь. Зато всегда мог людям честно смотреть в глаза. Кроме того, очень боялся уронить звание чекиста. И так было всю жизнь: я этим званием всегда гордился и очень им дорожил.

В начале 1927 г., когда Туркестанский фронт прекратил свое существование, меня направили работать в Особый отдел Ленинградского военного округа. Долго там прослужить не удалось, хотя Ленинград мне очень понравился: уже на следующий год был я направлен учиться в Московскую высшую пограничную школу.

Должен сказать, что это было в тот период лучшее контрразведывательное учебное учреждение в стране. Преподавателями являлись виднейшие чекисты, которые участвовали в таких крупных операциях, как «Трест», «Синдикат» и других. Например, лекции по основам контрразведки читал на моем курсе А. Х. Артузов, виднейший теоретик и практик советской контрразведки.

Когда началась война, я работал в 3 управлении Наркомата Оборона и занимал должность начальника отдела, который курировал все высшие военные учебные заведения страны. Вызвал меня к себе Мехлис, начальник Главного политуправления, вручил документы.

— Поезжай, — говорит, — к Буденному, будешь у него начальником 3 отдела.

Это означало, что я должен был возглавить военную контрразведку Юго-Западного направления, которое возглавлял маршал С. М. Буденный. Дали мне в помощь шифровальщика. С ним на разведывательном самолете Р-5 я и прилетел под Полтаву, где располагался штаб Буденного. Там началась моя фронтовая жизнь.

Должен сказать, что была эта жизнь, особенно в первые месяцы войны, ох какой нелегкой. Сейчас тяжело и не совсем удобно об этом вспоминать, но подразделение контрразведки всего Юго-Западного направления первоначально состояло... из двух человек — из меня да шифровальщика. Мне сказали: на месте разберись, подбери себе работников... А из кого подбирать, если специалистов не было совсем? В общем, неразбериха царил несусветная. Правда, в составе Юго-Западного и Южного фронтов, которые входили в Юго-Западное направление, военная контрразведка была, я являлся прямым ее руководителем, но непосредственно мне не подчинялся почти никто. Это был, конечно, нонсенс. Вышел из положения тем, что

набрал несколько человек из местных территориальных органов — они все равно эвакуировались.

Далее события разворачивались трагически. В сентябре немцы несколькими танковыми клиньями пробili нашу оборону, окружили основные силы Юго-Западного фронта. При выходе из окружения тысячи людей погибли. В том числе командующий фронтом Кирпонос, почти весь Военный совет, начальник Особого отдела фронта Михеев.

В Ахтырке, где расквартировался штаб, я сформировал из вышедших из окружения чекистов свой Особый отдел. Эти мои офицеры и вошли почти все в будущий Особый отдел Сталинградского фронта. Боевые были ребята, обстрелянные. А тогда, в Ахтырке, представил всех к наградам. До сих пор храню фотографию, где сидят награжденные, только что вышедшие из окружения чекисты с членом Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущевым и С. К. Тимошенко — командующим направлением. Жалко только, что меня среди них нет: не мог же я сам себя к награде представить. Хотя сфотографироваться, конечно, с ними можно было, чего уж там.

Потом опять мучительный, длиною еще почти в год, путь отступления: Харьков, Воронеж, Ростов-на-Дону... До самого Сталинграда. Постоянные тяжелые бои, потери боевых товарищей... Постепенно, но все же удавалось создавать условия для контрразведывательной работы в тех экстремальных условиях. Начиная с Харькова, мы стали серьезно и системно проводить оперативную работу в тылу как своем, так и немецком, выявили нескольких вражеских агентов среди военнослужащих, выходящих к нам из окружения. Примерно тогда же занялись формированием и заброской во вражеский тыл партизанских отрядов. Кстати сказать, мне лично довелось участвовать в комплектовании, подготовке и переброске через линию фронта партизанского отряда знаменитого разведчика, Героя Советского Союза С. А. Ваушасова. Прибыл он ко мне из Москвы с небольшой группой опытных и умелых чекистов, а отряд мы ему сформировали под Воронежем зимой 1942 года. Оттуда он и пошел по немецким тылам в Белоруссию...

С лета 1942 г. началось сражение за Сталинград, и я был назначен начальником Особого отдела Сталинградского фронта.

— Дайте, пожалуйста, свою оценку роли и значения чекистских органов в Сталинградском сражении.

— В этом вопросе, как, вероятно, ни в каком другом, мне трудно быть до конца беспристрастным: ведь я лично эти органы и возглавлял. И все же, если уж быть сугубо объективным, я могу сказать совершенно однозначно: чекисты внесли очень большой вклад в дело разгрома немецких войск под Сталинградом.

Во-первых, необходимо воздать должное их роли в чисто военном отношении. Я всегда стремился поставить дело так, чтобы мои подчиненные не отсиживались по штабам да по тылам, а всегда, в самой боевой обстановке находились среди воинов тех подразделений и частей, которые они курировали. Только в бою можно по-настоящему узнать человека, и люди начнут уважать тебя лишь тогда, когда они убедятся, что сам ты не трус. Я столкнулся с этой человеческой особенностью еще в гражданскую, когда, будучи молодым чекистом, сам ходил в атаки на басмачей. Чекисты — живые

люди. Так же, как и другие солдаты Великой Отечественной, они нередко гибли на полях сражений. Немало полегло их и под Сталинградом.

И наша совесть перед участниками того грандиозного сражения чиста.

Мы всеми силами старались хоть как-то воодушевить людей. Помните, был в Сталинграде дом, защитники которого под руководством сержанта Павлова выстояли в самое суровое время, отбили все вражеские атаки. Честь и слава этим воинам! Не все, однако, помнят, что был еще дом, тоже выстоявший во время самых ожесточенных уличных боев. Это было здание бывшей водолечебницы. В ее подвале размещался Особый отдел Сталинградского фронта. Штаб фронта, а после его перебазирования на левый берег Волги — штаб 62 армии (командующий — Чуйков) располагались, как известно, в высоком волжском берегу под сорокаметровой его толщей. Мы могли бы разместиться там же и быть в безопасности. Но мы остались в городе, вместе с его защитниками жили и работали там под обстрелами и бомбежками в условиях постоянного боя. Я уверен, что это оказывало на участников Сталинградского сражения воодушевляющее воздействие, ведь люди рассматривали это так: если Особый отдел, который знает обстановку лучше, чем другие, не уходит из города, значит, обстановка эта не так уж и плоха. Мы-то, конечно, знали, что положение временами складывалось совершенно критическое, но решили так: пусть погибнем вместе со всеми, но будем стоять до конца.

Несмотря на тяжелейшие условия, мы проводили большую контрразведывательную и разведывательную работу. Положение на театрах боевых действий и в тылу войск мы знали неплохо. Должен сказать, что ни одно серьезное решение штабов армий и фронта не принималось без детальных консультаций с военными контрразведчиками.

Вели мы и большую работу по внедрению своей агентуры в спец-органы противника. Со второй половины 1942 г. стали активно практиковать перепроверку выявленных агентов Абвера и засылку их в Полтавскую и Варшавскую абверовские разведшколы. Под различными легендами направляли туда и своих, полностью подготовленных нами разведчиков. Полученные разведданные сразу же направляли в центр. В конечном итоге проводимые нами оперативные мероприятия и предпринимаемые меры не позволили гитлеровской разведке получить своевременные данные о концентрации советским командованием крупной военной группировки под Сталинградом и подготовки ее к наступлению.

Нередко приходилось вмешиваться в кадровые вопросы. Делали это мы не по своей, как говорится, воле, а так требовала боевая обстановка. При назначении кого-либо на руководящие должности командование фронтом обычно согласовывало кандидатуры с нами, особистами — мы ведь действительно знали людей хорошо. Так было, например, с назначением генерала А. В. Горбатова на должность командующим армией. Вызвал меня к себе член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев, поинтересовался:

— Какое твое мнение о Горбатове?

А тот был у нас командиром дивизии, смелый человек, старый военный, воевал грамотно. Я так и ответил: знаю только с хорошей стороны.

— Но ведь он же сидел? — задает мне каверзный вопрос Хрущев.

— Если выпущен и ему доверена дивизия, значит ничего за ним нет, — ответил я, — а воюет он хорошо, всем бы так воевать.

— Ладно, сомнения мои ты развеял, — удовлетворенно мотнул головой Хрущев, — будем назначать Горбатова командующим армией.

Или вот еще характерный случай. 25 июля 1942 г. после снятия Тимошенко с должности командующего Сталинградским фронтом на эту должность был назначен В. Н. Гордов. Я воспринял это назначение как крупную кадровую ошибку, так как знал Гордова как человека грубого, не пользующегося авторитетом среди участников битвы за Сталинград, в военном отношении не очень искушенного. Естественно, у нас имелись все подтверждающие это материалы.

Все это изложил в телеграмме, которую направил лично И. В. Сталину, а копию — Л. П. Берии. Что тут началось! Меня вызвали в Москву, и Берия долго меня ругал, заявляя при этом, что я сую нос куда не следует, что назначение командующих фронтами — это прерогатива Верховного командования, а не меня — особиста. Потом по указанию Сталина на Сталинградский фронт приезжал В. С. Абакумов и проверял, насколько я прав в своих доводах. Честно говоря, я сильно рисковал и, будь что не так, не сносить бы мне головы... Но данные мои, видно, подтвердились, и вскоре Гордов под благовидным предлогом от командования фронтом был отстранен.

Говоря о вкладе военных чекистов в нашу победу над фашистами, не могу с горечью не заметить, что вклад этот в силу мало понятных для меня причин в мемуарной литературе искусственно замалчивается. Взять того же Н. С. Хрущева. В боевой обстановке он не устал отмечать славные дела и роль чекистов, а в его напумевших мемуарах об этой роли — ни слова.

Бывший командующий 62 армией В. И. Чуйков в 1949 г. позвонил мне по ВЧ из Берлина (он был тогда главнокомандующим Группой войск в Германии):

— Николай Николаевич, я книгу воспоминаний пишу о Сталинградском сражении. Хочу твоих ребят — чекистов и тебя упомянуть добрыми словами. Не будешь возражать?

— О ребятах, — говорю, — пожалуйста, буду очень рад. А обо мне не надо.

Прочитал я его книгу в середине 50-х, о чекистах не сказано ни слова. Даже не назван в своей должности и лишь мельком упомянут Витков, начальник Особого отдела 62 армии. А ведь с ним-то Чуйков состоял не то что в приятельских, а просто в дружеских отношениях.

Все это выглядит не вполне порядочно.

— *Нельзя ли привести примеры верности долгу, стойкости и мужества чекистов, проявления ими лучших человеческих качеств?*

— С удовольствием это сделаю. Среди моих подчиненных были, например, люди, которых я с удовольствием представил бы к званию Героя Советского Союза. Таких, например, как М. А. Белоусов, Васильченко, Чуракова. Они проявили себя как бесстрашные, мужественные люди, очень квалифицированные оперативные работники. Примеры истинного бесстрашия показывали и представители высшего нашего руководства. Когда на Сталинградском фронте находился В. С. Абакумов, он активно практиковал посещение боевых порядков.

Например, однажды в беседе с командующим стрелковым корпусом Тапасхиным неожиданно выяснилось, что тот намерен атаковать железно-

дорожную станцию, чтобы отбить ее у немцев. Со стороны станции раздавались взрывы, над ней летали немецкие самолеты.

— Если станция занята немцами, то почему ее бомбят немецкие самолеты? — спросил Абакумов Тапасчишина, пока солдаты готовились идти в атаку. Не получив вразумительного ответа, Абакумов сел в машину и сказал:

— Еду в район станции. Если там немцы и я вступлю с ними в бой, то приказываю открыть по моей машине артиллерийский огонь: мне нельзя попадать в плен.

Мне ничего не оставалось делать, как сесть в машину к Абакумову. И на очень большой скорости (чтобы противник не мог вести по нам прицельный огонь), мы поехали к станции. Честно говоря, я испытал при этом не самые лучшие минуты в своей жизни, но что было делать? Не мог же я отправить прямо в лапы немцам своего руководителя. Лучше уж было погибнуть вместе, потому что, если бы с ним что-нибудь случилось, с меня бы потом три шкуры спустили. Кроме того, не хотелось перед бойцами ударять в грязь лицом.

Нам очень повезло: на станции немцев не оказалось. Кое-как вернулись из-под бомбежки назад. Абакумов крепко поругал руководство корпуса, и я считаю, поделом: зачем зря подставлять под бомбы бойцов? Надо было просто провести разведку, вот и все. Чтобы это понять и принять правильное решение, не нужно было быть большим стратегом.

Помню еще случай, когда мне пришлось ходить с бойцами в атаку. Сейчас, когда вспоминаю, улыбаюсь, а в тот момент было не до смеха.

Перед нашим наступлением поздней осенью 42-го приехал я как-то в Особый отдел одной из дивизий. Ищу начальника. Его нет, говорят, он находится у командира дивизии. Я туда. Но там нет ни комдива, ни моего подчиненного особиста. Дежурный докладывает: они отбыли в такой-то полк. Но и там никого не оказалось. Все руководство, в том числе и мои ребята ушли в расположение такого-то батальона. Прибыл и я туда же и увидел такую картину. Командир дивизии жутко ругает комбата за то, что тот не может взять высоту, которая находилась как раз в зоне действий его подразделения, и это мешает выпрямлению рубежей дивизии перед наступлением. А комбат, видно, опытный, обстрелянный и решительный человек, держится твердо и отвечает, что он не может наступать, так как не хочет губить остатки своего батальона, что у него всего-то осталось человек двадцать пять.

— Ах так, — кричит в запале командир дивизии, — тогда мы прямо сейчас пойдем в атаку и я сам поведу батальон!

И что бы вы думали? Он действительно рассредоточивает людей, готовит их к атаке. С ним вызвались идти и мои особисты. Я препятствовать не стал, но куда мне-то самому было деваться в такой ситуации? Сесть в машину и уехать? Это было бы великим позором не только для меня лично как генерала и начальника Особого отдела фронта, но и как представителя военной контрразведки.

И мне пришлось идти в атаку на высоту вместе со всеми. Более того, вынужден был ее возглавить как самый старший по званию и по должности.

Встали мы, группа офицеров, из траншей во весь рост, я закричал: «Вперед, за Родину, за Сталина!» и побежали мы по снегу на высоту, за нами — солдатики. Бежать было ужасно тяжело: я в полушубке, в вален-

ках, весь тепло одет — не собирался ведь в атаку ходить. Помню, бежал и без остановки палил из автомата. Рядом падали убитые и раненые. Потом была рукопашная... Когда взяли уже высоту, вбежали в какую-то деревеньку, я заскочил в дом и у порога свалился без сознания. Трудное это дело — ходить в атаку, когда тебе уже за сорок, да без привычки. Выручила, наверно, память: в гражданскую не раз приходилось хаживать в штыковые атаки на пулеметы...

Потом мое начальство меня ругало и спрашивало, мол, мне, наверно, заняться больше нечем, если уж я в атаки с солдатами стал бегать?

Теперь, на старости лет, не хочу кривить душой и скажу, как считаю: воины-чекисты в период Сталинградского сражения проявили себя более достойно и честно по отношению к защитникам города, чем некоторые представители военного командования.

Взять хотя бы того же Ф. И. Голикова, заместителя командующего фронтом. Н. С. Хрущев в своих воспоминаниях рассказывает, как генерал Голиков в буквальном смысле слезно умолял разрешить ему перебраться из города на другой, безопасный берег Волги. И он все-таки покинул нас. Помню, мы с Белоусовым стояли на берегу Волги, а люди Голикова складывали его хозяйство в лодки. Он сам тоже садился в катер и уезжал... Белоусов затем рассказывал мне, что на моем лице в тот момент отражалось явное желание расстрелять Голикова как дезертира. Не стану с ним спорить...

Сам Никита Сергеевич тоже, как я считаю, слишком рано без особой на то необходимости переехал Волгу вместе со штабом.

Он доложил в Москву, что немцы просто одолевают штаб, поэтому надо срочно перебазироваться. Я специально вслед за этим послал на автомобиле одного из офицеров проверить, насколько же реально «одолевали» немцы штаб? Оказалось, что в радиусе как минимум километров пятидесяти их и в помине еще не было. Безусловно, я доложил об этой ситуации своему прямому руководителю Абакумову. Тот, естественно, Сталину. А Сталин дал хорошую взбучку Хрущеву. Никита Сергеевич долго потом на меня обижался... Но все равно считаю, что был я прав: нельзя крупному руководителю проявлять малодушие. Люди ведь всё видят, и их боевой дух отнюдь не становился выше от такого поведения высшего руководства.

Что касается проявлений чекистами лучших человеческих качеств, то их было достаточно. Конечно, тяжелая война — это не время для сантиментов. Мы были вынуждены быть порой суровыми. Но разве нельзя, допустим, отнести к проявлениям высокого гуманизма то, что начальник Особого отдела 62 армии Битков подобрал потерявшего родителей мальчонку, выходил его, сделал своим приемным сыном?

Помню, когда однажды, в самое тяжелое для Сталинграда время заболел командующий 64 армией М. С. Шумилов, я пришел к нему. Он с трудом открыл глаза, чуть приподнялся, увидел начальника Особого отдела и забеспокоился:

— Что-то случилось?

— Да нет, — говорю, — пришел навестить Вас, Михаил Степанович, пожелать выздоровления.

И так его растрогал мой, казалось бы, совсем обычный человеческий поступок! Он даже прослезился и прошептал: «Надо же, такая тяжелая обстановка, и Вы нашли для меня время...»

— Но ведь были, вероятно, в работе военных контрразведчиков и промахи, и просчеты?

— Не обошлось, конечно, и без них, чего уж там. Например, вспоминая теперь нашу работу, с сожалением отмечаю, что в борьбе с противником не всегда отдавали мы должное проведению по-настоящему чекистских, оперативных мероприятий, использованию тонких методов. Да, нам удалось, как я уже отмечал, наладить агентурную работу как на передовой, так и за линией фронта, и в нашем тылу, но вот крупных мероприятий по дезинформации противника мы почти не проводили. Лучшим средством для этого было бы завязывание с Абвером радиоигр. Но до такой степени оперативного искусства мы тогда еще не доросли. Хотя, безусловно, могли этим заниматься, ведь нами было захвачено большое количество вражеских лазутчиков. Многие были с исправными рациями... Это наш просчет.

В разговоре с вами я отметил факты малодушия у представителей командования фронтом и армиями. Довольно неприятно об этом вспоминать, но такие факты, хотя и очень редко, встречались и у моих подчиненных. Например, в самый ожесточенный момент битвы за город бросил одну из армий начальник ее Особого отдела и удрал вместе со своим отделом на левый берег Волги. Этот случай я и сейчас расцениваю как дезертирство. Признаюсь честно, что, будь моя воля, я бы поступил с ним, как это положено по законам военного времени.

О случившемся я доложил телеграммой Абакумову, и тот отстранил труса-руководителя от занимаемой должности. Потом этот дезертир мне отомстил одним из приемов, которыми пользуются такого рода низкие люди. Когда в 1951 г. я был вместе с Абакумовым и другими генералами по незаслуженным обвинениям заключен в Лефортовскую тюрьму, он активно строчил на меня всякие доносы. Что поделаешь, подлецы встречались и среди военных чекистов.

С сожалением вспоминаю также, что не всегда удавалось отстоять людей, которые были жертвами чьих-то интриг.

Вот, например, такой случай. Приехали однажды на Сталинградский фронт Г. М. Маленков и Г. К. Жуков. Ночью у меня раздается звонок. У телефона — сотрудник их охраны, просит меня зайти. Прихожу в укромную землянку. Оба они лежат на походных кроватях-раскидушках, — и Маленков, и Жуков. Один слева от двери, другой — справа. Никто из них меня даже не поприветствовал, как говорится, не сказал ни здравствуйте, ни до свидания. Жуков лежит, читает что-то, на меня — ноль внимания, а Маленков, не поднимаясь с постели, спрашивает:

— У нас к вам только один вопрос. Что вы можете сказать о работниках штаба фронта?

Я ответил, что по моей линии претензий к офицерам штаба нет, что все они проверенные и надежные люди.

— Можете идти, — сказал мне после этого Маленков.

Странный это был разговор, и я тогда ничего не понял. Тем более, что был обескуражен подчеркнуто пренебрежительным к себе отношением. Мне казалось, и кажется теперь, что, будучи далеко не последним лицом на фронте и в общем боевым генералом, я такого отношения к себе не заслужил. Думаю, что это было проявление самого обычного хамства.

А той ночью был арестован и увезен в Москву один из офицеров штаба фронта. Я потом говорил с Абакумовым, спрашивал, за что же был арестован офицер? Абакумов ответил, что это указание идет сверху и обсуждению не подлежит. Сотрудник штаба затем года два сидел в тюрьме и в конце концов был отпущен, так как в отношении него действительно не было никаких материалов. Ясно, что он пал жертвой чьей-то грязной интриги.

— *Было бы интересно узнать, каково Ваше отношение к приказу Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года?*

— Этот известный сталинский приказ, в обиходе называвшийся «Ни шагу назад!» оказал огромное воздействие на ход военных действий, поэтому ваш интерес к нему вполне оправдан.

Лично я испытываю к нему двойственное отношение.

С одной стороны, он как бы подставил под удар военных контрразведчиков. Потому что именно особисты полностью возглавили деятельность заградительных отрядов, направленных в тыл действующих армий и боровшихся против паникеров, дезертиров, изменников и вражеских шпионов. Особый отдел поэтому приобрел как бы карательные функции, вследствие чего многие бойцы, не знавшие сущности работы военной контрразведки, стали побаиваться особых отделов, считать их сугубо репрессивными органами. То есть, с выходом приказа № 227 отношение к нам в войсках сильно изменилось.

С другой стороны, полностью признавая довольно жестокий характер сущности этого приказа, нельзя не отметить, что он сыграл серьезнейшую стабилизирующую роль в нормализации боевой обстановки на нашем фронте. Практически полностью прекратились случаи массового бегства солдат в тыл с передовой. Трудно не согласиться с тем, что в тяжелейших условиях Сталинградской битвы это было крайне важно.

Приказ сдержал смятение даже в сфере высшего руководства. В. И. Чуйков уже после войны мне сам рассказывал, как он в тяжелейшую минуту битвы за Сталинград однажды сам дрогнул и вместе со своим штабом хотел было перебраться на другой, безопасный берег Волги.

— Уже сели мы в лодку, — вспоминал Чуйков, — собрались отплыть, но в последнее мгновение я передумал. Я просто представил, что потом сделаю со мной Селивановский в соответствии с приказом № 227.

Исходя из всего этого, я считаю, что такой приказ был необходим. Он был вынужденной и суровой, но правильной мерой.

— *Николай Николаевич, что бы Вы пожелали сегодняшним и завтрашним чекистам?*

— Что может пожелать старый солдат молодым воинам? Конечно же, самой святой любви и верности нашей Родине! Сейчас она попала в беду, в сердцах и душах многих людей царит сумятица. Думаю, что корень зла заключается в том, что мы в одночасье позабыли и позабросили идеалы, за которые умирали миллионы наших сограждан на полях гражданской и Отечественной войн. Идеалы — это ведь стержень человеческого духа, а его-то у многих теперь и нет. Поэтому чекисты, как представители лучшей части нашего народа, должны делать все, чтобы вернуть эти идеалы. И тогда снова вернется на нашу землю мир, спокойствие и вера в завтрашний день!

Послесловие

Беседы с Николаем Николаевичем Селивановским состоялись в октябре 1990 года, почти накануне его девяностолетия. Потом было и участие в его юбилее...

Огромное участие в подготовке встреч с этим славным человеком принял генерал-майор в отставке, бывший начальник Управления КГБ СССР по Иркутской области Виктор Иванович Демидов. Именно он разыскал в Москве Н. Н. Селивановского, вместе с автором этого материала он присутствовал на всех встречах с ним, принимал активнейшее участие в беседах, записях этих бесед. В. И. Демидов — полноценный соавтор всей работы.

К великому сожалению, их обоих уже нет рядом с нами. Выразим глубочайшее уважение тому и другому.

ВЫШАА КНИГА

Моисеев С.

Переход через пропасть.

Данная книга не просто «мемуары», но — живая «хроника», записанная по горячим следам активным участником и одним из вдохновителей-организаторов событий 2014 года, что вошли в историю под наименованием «Русской весны в Новороссии». С. Моисеев свидетельствует: история творится не только через сильных мира, но и через незнаемое этого мира видимого. Своей книгой он дает возможность всем — сторонникам и противникам — разобраться в сути процессов, произошедших и продолжающихся в Новороссии и на общерусском пространстве в целом.

При этом автор уверен: «Переход через пропасть» — это не только о событиях Русской весны, но и о том, что каждый человек стоит перед пропастью, которую надо перейти в течении жизни. ...об обреченности человека на борьбу за... В конечном итоге — за свою вечную душу. И в этой борьбе каждому суждено сделать свой выбор.

Выражаю огромную благодарность за помощь в издании моей книги протоиерею Всеволоду Чаплину, руководителю «Фонда защиты национальных ценностей» Александру Малькевичу, издательству «РОДИНА».

Точка ЗРЕНИЯ

Валерий КОРОВИН

ПОКА ЕСТЬ ЗАПАД...

Валерий Михайлович Коровин — родился в 1977 г. Российский политолог, журналист, общественный деятель. Директор Центра геополитических экспертиз, член Евразийского комитета — зам. руководителя Международного Евразийского движения, гл. редактор Информационно-аналитического портала «Евразия». Постоянный член Изборского клуба. **Живет в Москве.**

Будет ли новая холодная война?

Китай формирует свою идеологию, правда, опять пытаюсь скрепить западный Модерн со своим цивилизационным опытом. Отказ же от идеологии вообще — заведомый проигрыш в холодной войне с Западом.

Министр иностранных дел Китая Ван И обвинил некоторые политические силы США в том, что они подталкивают отношения между странами к «новой холодной войне». По его словам, некоторые политические силы «берут в заложники китайско-американские отношения». «Это опасно, и поставит мир под угрозу во всем мире» — сказал Ван И.

Собственно, холодная война — это есть противостояние идеологических проектов. Причем таких, которые претендуют на глобальный универсализм. По большому счету единственным историческим примером холодной войны является противостояние советского идеологического блока и западного, столь же идеологического. Оба они претендовали на универсализм и установление своей идеологической модели в глобальном масштабе.

Сама по себе идеология, как явление, есть порождение Модерна. Идеология заменила как религиозные, так и философские воззрения Традиции, оставив в качестве операционной системы лишь матрицу Модерна, основанного на материализме, прогрессизме и позитивизме.

Бог в Модерне был вынесен за скобки. Осталась субъектно-объектная пара диалектики взаимоотношений человека и природы. Забыв о Боге, человек взялся природу укротить, сам став источником смыслов. Восток, как колыбель одного типа цивилизаций, создавал свою смысло-

вую матрицу на основе своей ментальности и системы ценностей. Запад — на основе своего исторического опыта и ценностных ориентиров.

Системная ошибка заключалась в том, что геополитический Восток, или хартленд, в центре которого лежит континентальная евразийская Россия (не как даже отдельное государство, а как особая цивилизация), изначально взял за основу западную идеологическую матрицу.

Марксизм — одна из трех западных идеологических разновидностей Модерна (две другие — либерализм и фашизм). И несмотря на то, что сам марксизм в нашей версии был изменен до неузнаваемости, неизменными в нем остались базовые столпы Модерна — материализм, прогрессизм и позитивизм. А все вместе они не соответствуют нашей восточной, евразийской, русской цивилизационной ментальности.

Для нас источником истины является Бог, даже если наш рассудок расстроен атеистическими догмами. Для нас духовное архетипически выше материального, а метафизическое, как минимум, находится на равных с физическим. Для нас существует не только то, что мы видим, осязаем или подтверждаем в ходе лабораторного опыта, но и то, что мы не видим, не осязаем, но чувствуем ментально.

И как мы не пытались трансформировать марксизм, вертеть, крутить, придавать ему русские черты, адаптировать под нашу действительность, подгонять под нашу ментальность, от его западной, материалистической, атеистической и прогрессистской сути никуда не деться.

То, что марксизм, взятый нами на вооружение, являлся западной политической идеологией Модерна, дало самому Западу все основания заявлять об универсальности своего исторического опыта. Ну, смотрите, Модерн — западное явление, марксизм — порожден на Западе на базе Модерна, ну чего вы сопротивляетесь? Зачем упорствуете?

Холодная война была проиграна нами по той причине, что мы изначально играли на идеологическом поле Запада по его правилам. Разница была лишь в нюансах, собственно, и привнесенных нами в эту не нашу в своих основах идеологическую матрицу.

Да, мы вносили свои корректировки. Еще со времен Ленина. На момент пролетарской революции у нас не было политического класса труда, собственно, пролетариата, как движущей революционной силы, и Ленин заменил его политической партией. К рабочим, которых по всей империи было не более 5 %, приплюсовали крестьян. Да и сама революция не была политическим выходом осознавшего себя политическим классом пролетариата, а представляла собой скорее бланкистский заговор в верхах.

Позже все продолжилось в том же духе. На пространстве бывшей империи не было самоопределения наций, а было директивное их создание. Не было пролетарских восстаний в этих новых нациях-республиках, а было силовое насаждение там просоветских элит. Не было растворения народов и этносов в политическом классе, они сохранились, как и были, но все делали вид, что их не существует. Не было даже атеизма и материализма в массовом сознании, но была лишь воля элит настаивать на том, что они есть, а кто против — пеняйте на себя.

Была лишь железная воля к насаждению своего идеологического проекта, и вера в него. Но такие же воля и вера в абсолютность, универсальность и непогрешимость своего исторического опыта были и на Западе, у наших

идеологических оппонентов. Разница лишь в том, что мы созидали свой идеологический проект на их основаниях, поэтому они всегда и заведомо выигрывали.

Ну что толку соревноваться, если источник смыслов и эталон их реализации изначально находится на Западе? А класс или индивид является субъектом идеологии — это, конечно, значимо, но в идеологическом противостоянии по большому счету ничего не меняет.

В какой-то момент в Европе возникла еще одна альтернатива, третья идеологическая сила, ставящая в центр, в качестве основного субъекта своей идеологии, нацию. Но и она оказалась, суть — тот же Модерн, тот же прогрессизм, позитивизм и материализм в основе, только со своими нюансами.

Но вернемся к нынешней ситуации. Возможность новой холодной войны должна быть обусловлена появлением идеологической альтернативы тому, что Запад в какой-то момент, на правах победителя в холодной войне, объявил универсальной идеологической матрицей. Рынок, права человека, раскрепощение индивида, гражданское общество, бесполоая биомасса и прочие либеральные химеры Запада оказались безальтернативной смысловой основой, предлагавшейся всему человечеству по умолчанию.

Глобализм почти свершился, западные его апологеты уже практически праздновали победу, заранее отчеканив медали «За взятие мира».

Но в какой-то момент кое-где, в том числе и в России, начало складываться, а затем и укрепляться подозрение, что не всем это подходит. Что у разных народов разные ценности, что существует множество идентичностей, а не одна, и что уж точно не западному либерализму с его вероломством и бесцеремонностью претендовать на универсальность. К тому же под сомнение был поставлен сам Модерн. Вызов брошен не только со стороны Постмодерна, но и со стороны Традиции. В итоге доминирование Запада опротестовано, а глобалистский проект разрушен, окончательно добит коронавирусом. Но какова альтернатива?

Заявляя о новой холодной войне, Китай исходит из того, что у него есть идеологическая альтернатива, претендующая, как и западный идеологический проект, на универсальность. Но какова она в атеистическом на государственном уровне Китае, принявшем законы рыночной экономики и увязшем в западной финансовой системе с несметными запасами долларовой массы и американских облигаций?

Да, у Китая есть свой путь. И экономика там не строго рыночная, а скорее многоукладная, с сильной ролью государства и элементами плановости.

И на мир китайцы смотрят иначе. Если англосаксы Запада стремятся к абсолютному доминированию, поглощая или подавляя оппонентов, наживаясь за их счет, то китайская философия выстроена на формуле win-win, выигрывают обе стороны за счет общего развития. В общем, есть нюансы и отличия от Запада. Так же, как были они и у СССР.

Неизменно одно — США исключительно идеологичны, действуют на основе жесткой геополитической логики, политичны (исходят из шмиттовской формулы «друг-враг»), и противостоять им можно только на основе своей идеологии. Но действительно своей, а не очередной версии чуть измененных тех же самых идеологий Модерна — либерализма, марксизма и фашизма, пускай и со значительным тюнингом, но выстроенных на западных

парадигмальных основах. Подлинная идеологическая альтернатива Западу может быть создана только за рамками Модерна как такового.

Китай формирует свою идеологию, правда, опять пытаюсь скрестить западный Модерн со своим цивилизационным опытом. Отказ же от идеологии вообще — заведомый проигрыш в холодной войне с Западом. Пока есть Запад, как цельный субъект, пока там есть воля и ум, пока он силен экономически и интегрирован геополитически — без идеологической альтернативы его не победить, не загнать в клетку, не поставить на место и даже не успокоить.

Россия же пока что только пробуждается к идеологии, никак не сбросив ярмо 13-й статьи Конституции, написанной как раз тогда, когда Запад нас победил. Есть, конечно, еще один, крайний способ уgomонить Запад — это война горячая, и здесь России практически нет равных. Но... не будем об этом.

Правило ядерного паритета

Посол США в Варшаве Джорджетт Мосбахер допустила, что американский ядерный арсенал может быть передислоцирован из Германии в Польшу. Такое заявление она сделала на фоне продолжающейся в Германии политической дискуссии о целесообразности размещения ядерного оружия в стране.

В этом заявлении Мосбахер присутствует сразу два символических момента, отражающих стремительное сворачивание американского глобального доминирования в мире. Первый — сама возможность дискуссии о целесообразности американского ядерного оружия в Германии. Во времена холодной войны такое обсуждение было невозможно даже гипотетически.

Во-первых, советская угроза не ставилась под сомнение, так как советский проект был идеологическим и претендовал на глобальное доминирование в мировом масштабе, как, впрочем, и западный. А во-вторых, Германия была расчленена, западная ее часть оккупирована англо-американской коалицией и ни о какой возможности даже частичного суверенитета Германии речь не шла.

Однако ситуация кардинально изменилась после самоликвидации советского блока: угроза со стороны СССР одномоментно исчезла, а Германия получила возможность объединиться, заплатив за это тогдашнему недалекому советскому лидеру «цену бутерброда», как позже выразился Гельмут Коль.

Для нахождения американского ядерного оружия исчез фактор номер раз — советская угроза — и появился фактор номер два — целостность и возрождающийся суверенитет Германии. Конечно, какое-то время американцам еще удавалось морочить немцам голову, мол, мы победители в холодной войне, а значит, будем доминировать по праву сильного.

Однако и этот фактор больше не работает. В нынешнем мире теперь есть суверенная Россия. И есть Китай, претендующий на экономическое доминирование и давно уже, возможно, потеснивший бы США с первой экономической строчки, если бы не откуда-то взявшийся коронавирус.

При этом ни Россия, ни Китай не угрожают ни Европе, ни Германии, ни вообще странам НАТО, тем более посредством ядерного оружия. И если

бы не агрессивное поведение США, не их безудержное стремление понатыкать везде своих военных баз, мир бы, возможно, давно уже погрузился в состояние стабильности, спокойствия и благоденствия.

Так что, по большому счету, у Германии есть все основания попросить американскую военщину вон из страны со своим опасным грузом.

Второй символический момент — тот безапелляционный тон, которым Мосбахер уже, по сути, переместила ядерный арсенал НАТО в Польшу. Высокомерие и самоуверенность, впрочем, как всегда, у американского посла просто зашкаливают.

В ее представлении, если Вашингтон захочет, то переезд ядерного американского хлама в Польшу — вопрос решенный. Что, польский суверенитет? Нет, не слышали...

Да, польские элиты, действительно, пару десятилетий с момента распада блока Варшавского договора смотрели в рот обитателям вашингтонского обкома, безропотно выполняя все самые унижительные поручения, будь то полная экономическая зависимость от Америки или же ничем не обоснованное агрессивное, временами довольно придурковатое в своей безудержности, поведение Польши в адрес России.

Однако украинский «майдан» и особенно его последствия, превратившие бывшую советскую Украину в американскую помойку, ужаснули даже поляков. Стать еще одной Украиной им далеко не улыбается.

К тому же в последние годы Польша ведет себя все более и более самостоятельно, имея свою особую позицию по всем вопросам в рамках ЕС, а польские элиты все яснее осознают пагубность и тушиковость конфронтации с Россией. И это не говоря уже о простых жителях Польши, симпатии которых к России растут год от года, несмотря на информационные усилия проамериканских НКО.

Стать расходным материалом в очередной американской аванюре США против России — такая перспектива для Польши все менее привлекательна. Да еще и принять на себя ядерный удар? Это вообще за гранью. Так что явно поторопилась Мосбахер. Как бы не пришлось со своим арсеналом отправиться... обратно на свой американский остров.

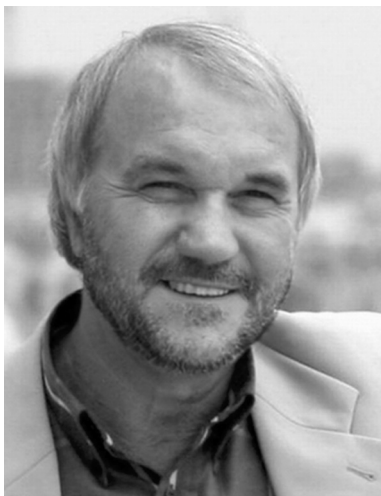
Ну и наконец, собственно, сам вопрос безопасности для Европы. Функция ядерного оружия в мире — с самого момента его появления у СССР — это быть фактором сдерживания. До тех пор, пока ядерный паритет не установился, США успели разбомбить, унижить и оккупировать Японию.

Паритет зиждется на равновесии. Пока ядерное оружие в Германии, равновесие худо-бедно сохранялось, учитывая потерю нами Восточной Европы, что сказалось не в пользу европейской безопасности, а, скорее, наоборот. Но его перемещение в Польшу — не что иное, как акт агрессии со стороны США, и к тому же агрессии ядерной.

В случае такого вольного перемещения ядерных ракет по Европе, да к тому же практически к самым нашим границам — хочешь не хочешь, а придется давать ответ. В целях безопасности и восстановления равновесия, разумеется.

В конце концов, у России достаточно союзников, в том числе в Латинской Америке, и кто знает, где вновь обнаружатся русские ракеты, может, в Венесуэле, а может, снова на Кубе. Так что, госпожа Мосбахер, следите за... высказываниями.

ПОЭЗИЯ

Александр КОВАЛЕВ

СЕМЬ БАЛЛАД О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Александр Николаевич Ковалев — инженер-энергетик по образованию, доктор технических наук, профессор, академик ПАНИ. Одновременно более 40 лет профессионально работает в литературе. Член СП России, поэт, публицист, автор двух десятков книг поэзии и прозы. Лауреат премии Ленкомсомола, премии им. Маршала Говорова ЗАКСа и Правительства СПб., премии им. Св. князя Александра Невского и ряда иных литературных премий современной России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕМ ШАГЕ

Он упал не по правилам, боком,
(так не учит военный Устав),
не дойдя до чужого окопа
только шаг из приказанных ста.

Он упал в темно-бурый суглинок,
ткнувшись в бруствер
пробитым виском,
за четырнадцать верст от Берлина,
под чужой дереушкой Шварцблом.

Он упал двадцать пятого, в среду,
смяв нерусскую землю в горсти,
за четырнадцать дней до Победы
и за пять до своих двадцати...

А с годами и место, и сроки
уточнились для целой страны:
он упал в середине Европы
на исходе Великой войны!

БАЛЛАДА О КРОНШТАДТСКОМ АРТИЛЛЕРИСТЕ

Сашка Грач жил
на станции Стрельна,
и не Сашкина это вина,
что в июньское то воскресенье
в Сашкин дом саданула война.

«Не посмеет. Слабó...» —
думал Сашка.

И отважно с зари до темна
он в то лето держал нараспашку
все четыре грачевских окна.

А она не спросила,
посмела,
все решила по-своему влет.
И поставила Сашку к прицелу —
наводящим в кронштадтский расчет.

А потом подползла черной тенью,
отвела орудийный затвор
и заставила Сашку по Стрельне
бить снарядами прямо в упор.

И однажды, в пылу артобстрела,
он по вспышкам чужого огня

положил перекрестье прицела
на четыре знакомых окна.

Он узнал все четыре. А рядом,
врывшись в землю у самой стены,
по растерзанному Ленинграду
били,
били чужие стволы.

И тогда он рукой онемелой,
обжигая металлом ладонь,
довернул маховик по прицелу,
с кровью выдохнув слово:
«ОГОНЬ!...»

Он кричал его хрипло и страшно,
позабыв все другие слова.
Он расстреливал
дом свой вчерашний,
Сашка Грач из десятого «А».

И, наверно, от этого крика
и несказанных Сашкою слов,
в небе
огненной дамбой возникли
все две тыщи
кронштадтских стволов.

Поднялись и ударили разом
над кипящей балтийской водой,
мстя за кровь
и за боль Ленинграда,
и за Сашкин расстрелянный дом.

...В остывающем небе прогорклom
настороженный ястреб кружил,
а под ним, петель стиснутый город,
задыхался и все-таки жил.

ПЕРЕВАЛ

(альпийская баллада)

*Памяти защитников
Марухского перевала*

Даже ветер в скалах смолк.
Даже щебет птиц над лесом:
810-й полк —
против трех из «Эдельвейса».

Кто свидетель? — облака
да вершин холодный глянец.
342 штыка —
против «шмайсеров» и гаубиц...

Иней высветлил висок,
время дни перелистало.
810-й полк,
кто вернулся с перевала?

Кто свидетель — облака,
тишина над Бугой-Чатом...
342 штыка —
мрамор имена впечатал.

БАЛЛАДА О СЛЕПОМ СОЛДАТЕ

Солдат Петров не слышал о Гомере,
не ведал про судьбу его и славу.
Ему фашист в конце войны отмерил
осколок в десять граммов под Бреслау.

Дивизионный врач осколок вынул,
не лгал, не обнадежил словом лишним.
Заштопал, залатал,
перчатки скинул, сказал:
«Живой, а в остальном привыкнешь...».

И он привык.
Обжился худо-бедно.

Другой без рук, без ног,
и то — «в привычку».
А у него «очки-велосипеды» —
два синих колеса на перемычке.

А у него — ни матери в деревне,
ни женщины в Орле,
ни дяди с тетей...
Через плечо аккордеон трофейный,
а музыка — она везде в почете.

...Гремели поезда на частых стыках.
Послевоенный люд до песен жадный,
срывая глотки в хоровой до хрипа,
просил:
«Еще-е! Надбавь, братишка, жару!..»

И он играл, выматывая душу
из черно-белых магдебургских клавиш,
про валенки, про девушку Катюшу
и про бои под городом Бреслау.

Потом, сойдя под Брестом или Тверью,
он пел другим про «медсестренку Клаву»...
Солдат Петров не слышал о Гомере,
не ведал ни судьбы его, ни славы.

БАЛЛАДА О ПРИЕЗЖЕМ

В этом городе, тусклом и тесном,
где нерадостно даже проездом,
где в рублевой гостинице «Южной»
я торчу третьи сутки по службе,
в этом городе — что за чудак —
он неделю живет просто так.

В этом городе с тихой рекою,
где рыбак смотрит в воду с тоскою,
где — ни пристаней, ни пароходов,
он зачем-то на берег приходит
и садится, приезжий чудак,
и сидит, и молчит просто так.

В этом городе, сплошь шлакоблочном,
где полшага от рынка до почты,
где — ни древних икон, ни преданий,
ни дворцов, ни классических зданий,
в этом городе — что за чудак —
он по улицам бродит за так.

А ночами он тихо вздыхает,
и встает, и окно растворяет,
«Беломор» разминает рукой,
долго смотрит на берег другой
и, как в том сорок третьем, чудак,
плотно прячет окурок в кулак.

БАЛЛАДА О ТРЕХ ПРОЦЕНТАХ

Жил на свете бухгалтер Леснихин
от державных забот вдалеке,
в старом доме, на улочке тихой,
в незаметном своем городке.

Был он робок, со всеми приветлив,
был не молод — виски с сединой,
и под именем ставил в анкете:
год рождения — двадцать второй.

Жил он просто: вставал спозаранку,
ровно в восемь —
в конторе не гость —
он с коротенькой орденской планкой
пиджачишко свой вешал на гвоздь.

В нарукавники синего цвета
он привычно влезал всякий раз,
и высчитывал точно проценты,
и сводил аккуратно баланс...

Но однажды с рябой киноленты,
полыхающей с белой стены,
он услышал о страшных процентах
— трех процентах,
пришедших с войны.

А с экрана — наотмашь по нервам
— голос все уточнял, как живой:
Год рождения — двадцать первый.
Год рождения — двадцать второй.
Год рожденья...

То цепко, то зыбко
цифра билась, впивалась в висок:
— Три процента?
Нет-нет, здесь ошибка.
(Он ведь знал в арифметике толк.)

Одиноко над стареньким фото —
тридцать три позабытых лица —
вновь и вновь вспоминая кого-то,
он всю ночь просидел до конца.

— Ваня, Миша, Алеша —
наш выпуск,
весь десятый... —
но билось в виске:
Если я в этом крошечке выжил,
значит вы... Неужели, вы все?..

Он не верил:
Здесь явно — ошибка.
Он исправит, найдет ее сам.
Он звонил и расспрашивал хрипло,
слал запросы по всем адресам.

Но безжалостно, непоправимо
приходил за ответом ответ:
Миша Волков — у Старого Крыма.
Под Маздоком — Иван Пересвет.
Леша Громов — 20 марта,
за Дунай, на исходе войны...
.....

Ничего не исправил бухгалтер,
лишь добавил вискам седины...

В городке неприметном и тихом,
с полинявшей на солнце листвой,
проживает бухгалтер Леснихин.
Вы, возможно, встречали его.

Он живет в двух кварталах от центра,
в старом доме над сонной рекой.
Он из тех, он из тех трех процентов:
год рождения — двадцать второй.

У ВОРОТ БРАНДЕНБУРГСКИХ

(баллада совести)

У ворот Бранденбургских —
шельмоватый оскал —
парень нашенский, русский,
ордена продавал.
По серпастому флагу
в тротуарной пыли —
и медаль «За отвагу»,
и медаль «За Берлин»...

На каких пепелищах
самой гордой из стран
у забытых и нищих
обменял на стакан?

Разве кто-нибудь взыщет,
разве плюнет в лицо?
Разве кто-нибудь сыщет
безымянных бойцов?

На прилавках блошинных
был товар хоть куда —
тормозили машины,
шли пешком господа.
Кто — матрешку, кто — дудку,
кто — с лампасом штаны —
она, сколько придурков
из великой страны.

Бойко, весело брали,
за бесценок, за так.
Только вот на медали
не клевали никак.

Спроса нет на «Отвагу»,
спроса нет на «Берлин».
И мрачнел бедолага,
курской матери сын. —
Мол, промазал с товаром,
пролетел, дуралей...

Но взревел над базаром
многосылный «Харлей».
Осадил рядом с флагом,
в черной коже спина,
лапой в кожаной краге

нагло ткнул в ордена,
бросил русскому деньги
и, смеясь, приколот
к черной коже, где тенькал
крест за город Орел...

А вокруг копошился
муравейник людской.
И от счастья светился
недоумок курской.
Торговались Урал,
и Рязань, и Ухта.
И никто не сгорал
от тоски и стыда.
Не шептал, виноватый
вселенской виной:
«Что ж ты сделал, Горбатый,
со своею страной?!»

1990 г.

ПОБЕДА, ЧТО ОСТАЛАСЬ С НАМИ

Время вымывает имена,
память поколений гложет плавно.
И уже Великая война
кажется далекой и не главной.

До конца дописана глава,
до седин торжественна окрестность,
и еще так правильны слова,
но фальшивят чуточку оркестры.

А над миром новая весна
пишет жизнь своими письменами...

И уже Великая война,
а за ней Великая страна,
что-то, вроде дня Бородина —
кажется, была совсем не с нами.

Евгений ЮШИН

«МНЕ СВЕТИТ В ПУТИ РОДНИКОВАЯ РОЩА И БАБУШКИН ИКОНОСТАС»

Евгений Юрьевич Юшин — родился в г. Озеры Московской обл., детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки. Окончил историко-филологический факультет Педагогического института. Четырнадцать лет руководил журналом «Молодая гвардия». Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии им. Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. **Живет в Москве.**

* * *

Я оттуда, где ветры песками рябы,
Я — разбитый дождями проселок.
Небеса —
голубы, васильки — голубы,
И глаза голубы у девчонок.

Мама, мамочка!
Лес под зарею горит!
Я оттуда, из этого чада,
Где языческий идол в тумане зарыт
За каленой церковной оградой.

Все смешалось:
молитвы смиренных стогов,
Фейерверк петушиного крика
И мордовские
скулы крутых облаков,
И по речке моей — ежевика.

Ежевика, малина...
И там — над рекой,
Где пытит одинокая баржа,
Открывается сердцу
простор и покой,
Древних звезд неподкупная стража.

* * *

Я осень тихую приемлю
Без рваных северных ветров,
Когда листва летит на землю
И гонит к стойбищу коров.

Ну и какие в том печали?
Всему на свете свой черед.
— До встречи! — птицы прокричали.
— До встречи! — выдохнул народ.

— Курлы!.. —
И что же в том такого?
Простор. И журавлиный свет.
И все ж душа рождает слово
О всех, которых с нами нет.

Кто так же пели и любили,
Хранили Русь, страдали с ней...
И вот однажды проводили
Своих последних журавлей.

Холмы пологие печальны.
Всему на свете свой черед.
И звездный берег — дальний-дальний
Молитву древнюю поет.

РЮКЗАК

Лет двадцать еще поцарапать планету
Примятым литым каблуком,
А там уж отправиться к горнему свету
С потертым своим рюкзаком.

В нем сложены зори, и песни, и радость,
Любовь и потери мои,
И все, что по яростной жизни досталось:
Бураны, луга, соловьи.

Но в нем и грехи. Тяжела моя ноша...
За то ли, что в детстве грачонка я спас,
Мне светит в пути родниковая роща
И бабушкин иконостас.

И мама печет «жаворóнков» весенних.
Отец — ордена на пиджак.
Скребется мышонок под ворохом сена,
Скрипит под сосною лешак.

Брусничные угли — у края болота.
Заря — костерком по реке.
И все, что копил я от года до года, —
В потертом моем рюкзаке.

Сгорает в руке у отца папироса,
Как думы о счастье земном.
Хлопочут скворцы, и трепещут стрекозы,
И сливы запахли вином.

И молится поле мое Куликово,
И молится Бородино
О всех, кто сберег наше русское слово,
О каждом, ушедшем давно.

Гуляй! Под звездой ничто не возвратно!
Я тоже однажды уйду.
Ложатся заката родимые пятна
На вешние вишни в саду.

Былинка дрожит на ветру — затухает.
Лодчонка скользит по реке.
А прошлое кается, любит и тает
В потертом моем рюкзаке.

* * *

Веслом листаешь волн страницы...
А прочитаешь и поймешь
Осоки шепот, свист синицы
И леса утреннюю дрожь.

И путь полей меж перелесков,
Дороги пыльной непокой,
Герань за чуткой занавеской
И голос церкви за рекой.

Ты в этом голосе услышишь
И журавлиный переклик,
Молитву бора над кладбищем
И песни пращуров своих.

А путь земной, где ветер свищет,
Где славят юность соловьи,

Доверь проселку. Он отыщет
Дорогу к людям и к любви.

И озаришься песней луга,
И разглядишь на вишне пот.
Сидит на солнышке старуха,
Слова невнятные жует.

И целый век — гремучий, грубый —
Преподнесут, как чудеса,
Ее пергаментные губы,
Почти незрячие глаза.

Увидишь вдруг: за красноталом,
За камышовым ветерком
Заря — лоскутным одеялом,
Туман поречный — рушником.

* * *

Очень медленно надо идти,
Чтоб увидеть живущее рядом.
Дремлет шмель у цветка на груди,
Строят дом муравьи у ограды.

Если вдруг побежишь —
 промелькнут
Очи милой и яблоки сада.

Мимо сердца дожди упадут,
Мимо сердца — любовь и утраты.

И ничто не затеплит груди:
Мамин взгляд, журавли над отчизной,
Друг желанный, погост на пути...
Словно ты и не встретился с жизнью.

А ДОЖДЬ УШЕЛ

Луг отдыхает в теплой неге.
Далеких молний белый хруст.
Весь мир — сплетение энергий
Галактик и любимых уст.

А дождь ушел. И в свежей сини
Кипит соломенный пожар.

Мерцают броши на калине,
Дымит над крышей белый пар.

И трясогузка-недотрога
Бежит с оглядкой на кусты.
Осталась мокрая дорога
И просветленные цветы.

* * *

В новый год иду неторопливо.
Поклонюсь божнице, прошепчу,
Чтобы все родные были живы,
Ничего иного не хочу.

Разве б только донеслись до слуха
Песни вёсел по речной волне,
Разве б только, чтобы внук Илюха
Помогал скворечник ладить мне.

Чтоб травинку гусочка щипала
Неторопко около ворот,
Чтобы внучка куклу одевала,
Пела так, как мама ей поет.

Просто всё, когда без потрясений.
С Богом в сердце так идти, идти
По весенней тропке, по осенней,
По снегами сбитому пути.

*Не куплю я дали за рекою,
Ни лугов ромашковую песнь,
Ни боров брусничные покои —
Потому что это я и есть.*

Евгений Юшин

Вячеслав ЛЮТЫЙ

КОВЧЕГ

*Изображение и смысл
в стихотворениях
Евгения Юшина*

Вячеслав Дмитриевич Лютый — литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. М. Горького. Заместитель директора-главного редактора журнала «Подъем». Автор трех книг о современной литературе, лауреат многих литературных премий. Член Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей РФ. **Живет в Воронеже.**

Русская поэзия сегодня довольно скупо изображает окружающий человека мир. Как правило, наиболее рельефные черты пейзажа или жанровой мизансцены в стихах присутствуют очень выборочно, штучно — дабы подвести сюжет к конечному обобщению целенаправленно и не отвлекать внимание читателя на нюансы, как бы схваченные боковым зрением. Почти не встречаются природные панорамы, в которых одна деталь с непостижимой естественностью и свободой соединяется с другой, третьей — и при этом авторская мысль никуда не уходит, но явно возвращается в текст и обозначает общий лирический итог поэтического рассказа только в финале.

Теперь все больше внимание пишущего сосредоточено на интерьере, вещах мелких, ситуациях обиходных. Сор, из которого произрастают стихи, по саркастической мысли Ахматовой, ныне вторгся в поэзию и самоутвердился. В огромной степени это касается стихотворений «либеральных» авторов, вплотную занятых проблемами самовыражения. Но и так называемая «консервативная» лирика не чужда соблазну познакомить нас с мелочами жизни поэта и штрихами его частной жизни. Гротескные картины городского быта здесь адресуются, скорее, уму читателя, нежели его чувству и ощущению красоты.

Провинциальное или сельское житье-бытье дается в определенном смысле «по факту»: герой — органическая часть создаваемой стихотворной композиции, а в интонации повествования нет скрытой, практически невидимой стороннему глазу

прикрепленности к городу. Нет тайного сопоставления мегаполиса и деревни, когда удивительная по выразительности картина, увиденная нынешним жителем «каменных джунглей» в сельском отчем крае, стала бы главной и самодостаточной.

Одухотворенная во всех своих приметах и людях, эта поэтическая живопись, а порой и рисунок — редкость по нынешним временам. Поэты, которые выбрали для себя такой художественный путь, во многом оказываются творческими наследниками Есенина. Внутри подобного литературного окоема можно найти разные и взаимно не похожие голоса. Стихотворения Евгения Юшина — одно из самых ярких явлений этого корпуса современной русской лирики.

У Юшина есть две строфы, которые могут служить своего рода духовно-творческой моделью его авторской речи:

Евгений Юшин

*Вишни падают. Вся земля под деревьями — сытью.
Подобрав гребешок, как заплата цветная, петух
Боком, боком, вприсядку по грядкам шаги свои сыплет.
И угрюмой индюшкой уткнулся в корыто лопух.*

*Я люблю это время молочное в сахарных осах.
Тонкий ломтик луны у горбатых под сеном телег.
И все смотрит куда-то сквозь поле и небо береза.
Что-то знает душа, но не может понять человек.*

В первых шести строках даны время и ближнее пространство. В предпоследней строке — пространство широкое, которому свойственно одиночество. В финале обозначена метафизика, экзистенциальная невысказанность, неподвластная формулировкам: «не может *понять* человек» — житейское; «что-то *знает* душа» — неземное.

В той или иной мере такой смысловой строй присущ очень многим произведениям поэта. Даже там, где изобразительная задача целиком владеет автором, и он закольцовывает сюжет наглядными предметами, с которых и начиналась вещь. Даже там внутренняя раздвоенность его чувств и сознания скрыто присутствует в тексте и сказывается в акцентах словесной картины. Именно потому жанровые и природные сюжеты у Юшина не становятся декоративными. У иного автора подобные детали только множатся. И едва ли не главным достоинством поэтики такого сочинителя оказывается лишь этот, несомненно, важный прием и умение им пользоваться «не по чину».

В стихах Евгения Юшина пейзаж не перегружен избыточными деталями. Но, обозначив явление или его фактурную, узнаваемую часть, автор

перемещает свой взгляд дальше и создает панорамное изображение. Склонность к панораме при соприкосновении с внешним миром можно считать главной особенностью зрения поэта. В этом движении певца-наблюдателя есть некая затаенность. Его речь адресуется куда-то вовне — тем людям, которые должны «войти» в поэтическое око и принять все, им увиденное: радостное, грозное, печальное, достойное восхищения и поклонения, сочувствия и горькой слезы. В этом мерном переходе взгляда от одного к другому можно найти образ целого, которое нельзя разъять, дабы не разрушить красоту внешнего и глубину скрытого. Совсем не так — во множестве современных «стихотворений-телеграмм», переполненных разными мелочами и штрихами. В них интонационные и сокровенные связи между срезами реальности и оттисками души, кажется, намеренно изъяты из контекста, вырезаны виртуальными ножницами — характерным инструментом лихорадочного рассудка стихотворца. У Юшина — иначе.

*Здесь люди красивы, как вольного неба размах,
Но взоры неспешны: душа не откроется сразу.
И девушки царственно носят озера в глазах,
А парни задумчивы, как мускулистые вязы.*

*Здесь дни широки, а полночные звезды остры.
Леса молчаливы, но все о себе понимают.
Туманы буксуют на волнах коричневой При.
Лежи из густых омуты зеркала поднимают.*

*Сгущаются красные сумерки возле домов.
И мчит колесо золоченой листвы издалече.
Придут Кочетковы, Степашины, Коля Нырков,
И старый баян развернет угловатые плечи.*

*Не только за чаем мы будем сидеть допоздна.
Пройдут, не спеша, перед нами дожди молодые,
Раскаты объятий, мурашки рассвета, весна, —
Вся жизнь пролетит, и накатятся слезы седые.*

*Потом все разъедутся. Встанет луна у ворот.
Притихнут собаки, и в сердце осядут печали.
И спелое яблоко гулко в траву упадет,
И старый баян замолчит, пожимая плечами.*

Стоит особенно отметить, что у Евгения Юшина все, о чем он пишет, принадлежит нам всем — даже когда речь идет о чем-то личном. У него очень часто встречается или подразумевается оборот «у нас тут» («только здесь», «нам ближе»). И кажется: входя в душу поэта, ты принимаешь как давно знакомое то, что лишь сейчас увидел и понял, почувствовал и оценил.

*И только здесь, где поля — вволю,
Душа, страдая, познает
И липы голос колокольный,
И взгляд старухи у ворот.*

У читателя — свое поле, и он догадывается, что душа познает мир, только страдая и отдавая часть себя другому, может быть — *всем* («старуха») или *всему* («липа»). Но здесь возникает еще и контраст динамики происходящего: голос колокольный *звучит*, старуха смотрит *пристально*. Движение и покой в непостижимом единстве пронзают твоё сознание, скользящее по лирической странице — оно принимает нарисованное как что-то личное, собственное, уже неотделимое от твоей прошлой и настоящей жизни, от родной земли и певца, нашедшего путь к еще одному сердцу.

*И нет над нами рая,
А он вокруг, а он внутри болит.
Дыханьем сосен лето догорает,
И сердце, словно угли, шевелит.*

Юшин в стихах изобразителен, но не рассудителен. Он как бы дает в финале очередной истории свой маленький авторский комментарий. Между тем, комментатор не равновелик увиденному. Будто выходя из живописного полотна, он взвешивает положенное на холст — и существующее, а потом опять уходит в краски и линии, вышедшие из-под его руки, оставляя читателю свет и тени, лица и пространство, домашний обиход и приметы леса, поля, неба и земли. В его сюжетах всегда присутствует очень точный ключевой образ, который связывает стихотворную ткань с визуальной, ум — со зрением:

*Мы и живем-то, словно что-то просим,
Подобно зимним птицам на снегу.*

Отдельная от больших городов провинциальная жизнь, скудная и самодостаточная, по полноте чувств такая же, как и в другом удаленном от шумного центра месте («И здесь живут, и здесь чему-то рады, / И здесь хватает муки и страстей»). У поэта, зимнего жителя мегаполиса, совсем не найти сухого, безжалостно трезвого ума, ныне особенно распространенного в своем космополитическом изводе, но есть — безоглядная вовлеченность в русский мир. С городом автор не связывает собственный путь — судьбу и творчество, потому что иллюзорный асфальтовый рай высушивает человека. И он уезжает из города в деревню, в «домотканую провинцию», возвращаясь к истинному ощущению жизни («Изо всех карманов город выброшу...»).

Когда Юшин погружается в реалии природы, он почти всегда использует как художественный прием олицетворение. Ткань его стихотворной речи мастерски принимает в себя этот троп, который выполняет свою роль почти незаметно, не выходя на первый план, но будто «сшивая» собою отдельные фрагменты панорамы. В результате под пером поэта окружающий мир (как правило, сельский) предстает удивительно живым, похожим на все человеческое, одновременно принимая в себя и самого человека — искреннего и открытого душой.

*И хотелось свистеть, словно птаха,
И хотелось брести и брести*

*Мимо сосен в тяжелых папах,
Мимо рек, потерявших пути.*

Отметим, что Юшин всегда присутствует в своем сюжете, так или иначе являя собственное лицо и волю. И потому его поэтическая живопись никогда не наскучит, ибо в ней все движется, меняется — не убегая от автора, но будто идя с ним рука об руку. Органичное чувство полноты жизненного и природного круга позволяет поэту насыщать свои строки объемом и дыханием, соединять наглядно-близкое и смутно-далекое. Самобытная и житейски узнаваемая образность, классическая ясность картины и взвешенная целостность многих произведений Евгения Юшина адекватны с лучшими образцами русской натурфилософской поэзии.

*Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И все, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.*

*Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.*

*Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.*

*Анюта соседу несет молока.
Наладил сетенку Василий...
Пока что не громко, пока что слегка,
А все ж оживает Россия.*

Природные стихи у Юшина никогда не бывают угрюмыми. Кажется, знание о круговороте времен года дает ему уже чисто человеческие душевные силы и позволяет с радостью встречать и весеннее обновление, и могучую стихию грозы. Он становится частью торжества жизни и частью непредсказуемой стихии. Никакое буйство окружающего естественного мира не устрашает его лирического героя, почувствовавшего свое родство с природой.

*А сколько жить — на то не наша воля.
А сколько петь — на то не наш загляд.
Черпнешь волны, а в ней качнется поле.
Черпнешь небес, а в них вздыхает сад.*

.....
*И небо свободно, и пажити голы.
Совсем опустели и дали, и долы.
И думать легко, и приятно смотреть
На осень, на озимь, на синь и на медь.*

Отмечая красоту и сказочную нерукотворность земли и неба, поэт всегда прикреплен к настоящему времени. Радость бытия во многих его стихах вызвана восторгом проживаемого мгновения. Но есть еще прошлое и будущее. Вчерашний день у Юшина связан с ушедшими родными и с тяжкими эпизодами русской истории. Эта «мемориальная» часть его поэтики напитана грустью и тихим счастьем, горечью и гневом. И всякий раз автор находит окрашенный чувством образ, сотканный из нитей родства и справедливости, нежности и надежды, который в двух строках содержит неотделимые друг от друга русский смысл и русский порыв.

Прощание с отцом, дошедшим в Отечественную до Берлина: «Ты нес на плечах меня майским счастливым парадом. / Теперь вот другие тебя на плечах понесли».

Обманчивая тишина на Руси: «Сколько вражьих чубов причесалось о вилы и обух — / Помнят травы ночные, кровавый брусничный кисель».

Предки, которые всегда с нами: «Разделят радость и спасут от горя, / Покуда сам я не забуду их».

Негаснущая любовь к отчей земле: «К снегом запорошенному краю, / К селам, почерневшим на крови».

Оглядываясь в минувшее, поэт просит Бога о будущем русских крестьян:

*Пожалей их, Господь. Без того им по жизни досталось
То пахать, то косить, отправлять сыновей на войну.
Кроме этой избы с огородом у них не осталось
Ничего.
Ничего не вменяй им, Всевышний, в вину.*

*Сохрани им любовь к этим пажитям, синим болотам,
Буеракам и песням в исчерченных плугом полях.
Здесь полынь на меже пахнет кровью и дедовским потом,
И ладонями бабушки теплится мята в лугах.*

И теперь уже перед нами не упоенный земным существованием певец, но ходатай за всю историческую Русь. Поминая «железный ветер» рубежа тысячелетий, он видит внутренним взором давние дни и сегодняшние. Какая страшная доля выпала русскому человеку: одолеть фашистского врага — и через полвека попасть под пята либерального хищника с холодной и циничной душой!..

*В морщинах бревен — пыль иного века.
Какие здесь гремели облака!
С войны вернувшись, гармонист-калека
Одной рукой растягивал меха.*

*И пел ведь, пел. И радости-печали
Любой избе хватало на судьбу:
И люльки, словно лодочки, качали,
И провожали ближнего в гробу.*

*И бабушка, и мама — молодые.
И песни — не удержит соловей.
Какие здесь черемухи льяные!
Какие искры на глазах коней!*

Любовь к русскому пахарю и русскому воину проходит через все стихи Юшина. Для него это — то родное, что принимается целиком, без упрека и рационального учета достоинств и недостатков. В его голосе нет отстраненности, судейской или ворчливой интонации. Напротив, приподнятость авторской речи — здесь органическое и ничем не отменяемое свойство характера и таланта поэта.

Евгений Юшин — художник средней полосы России. Образ и персонажи деревни у него объемны, красочны, сердечны, тогда как город ему не интересен, скуден и выглядит не ярким, а мимолетно-пестрым. Точно так же «северные этюды» в его творчестве, скорее, плод ума, нежели сердца. Эти строки выразительны, однако в них нет единственности.

Между тем, несмотря на то, что иные сельские стихи поэта кажутся быстрой зарисовкой, практически всегда в этих текстах есть пронзительное наблюдение или глубокий образ, смысл которого множится. Называя родное «зеленое село» библейским ковчегом, который плывет по волнам, поэт неявно обозначает оба значения этого слова. Ковчег — корабль, спасающий людей и животных. И одновременно — ларец, в котором хранились скрижали с заповедями человеческого бытия. Сниженный до душевного обихода, строгий исторический символ насыщен теплотой и самыми разными приметами. Но в нем есть два кардинальных смысла: Спасение и Наставление. Деревня спасительна для истерзанной души русского человека, потому что дает ей извечный закон, по которому устроены природа и главные ценности русского мира: любовь, семья, память, труд, созидание, милосердие, детство, достоинство, честность, самоотверженность, благодарность, уважение... Все это хранит в себе пространство русской деревни, знавшей на своем веку и покой, и беду.

Меняются времена, люди без рода и племени говорят, что сельский мир в России почти умер. Однако здесь принято верить не лукавым пророкам, а вдохновенным поэтам:

*И полетят другие гуси,
И песни новые вослед,
Но так же будут пахнуть Русью
Полынь
и этот белый свет.*

Зулай ХАМИДОВА

**СТИЛЬ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Язык художественной литературы и литературный язык, безусловно, понятия не тождественные. Чеченский язык нашел свое полное воплощение в языке устно-поэтического творчества и в языке художественной литературы, который составляет одну из форм, разновидность существования литературного языка. «Охватывая разные сферы жизни, используя различные коммуникативные формы речи, языковой стиль художественной литературы выступает не как нечто особое по отношению к единому общенародному языку, не как нечто отличное от него, а как его отражение, как его специфическое, концентрированное проявление и выражение»¹.

В языке художественной литературы отражаются лучшие качества литературного чеченского языка, который является образцом при отборе и употреблении языковых средств. Однако во многих случаях язык художественной литературы выходит

¹ Адмони, Сильман, 1954. С. 99.

Зулай Хамидовна Хамидова — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор. Окончила Чечено-Ингушский государственный университет. Заслуженный деятель науки Чечено-Ингушской Республики. Награждена почетной грамотой за успехи в науке. В 1993 г. назначена ректором Чеченского государственного педагогического института. В 1994 г. зам. главы Администрации г. Грозного. Автор более 200 работ, в том числе 5 монографий, учебников для вуза. Работала в РУДН (читала курс «История мировой культуры»), советником исполнительного директора «Благотворительного Фонда имени Зии Бажаева». Написала и выпустила более 20 работ, среди которых «Чеченско-русский словарь». Удостоена премии им. Михаила Ломоносова с вручением золотой медали. Член СП России. **Живет в Москве.**

за пределы литературного и использует ресурсы общенародного чеченского языка, а также включает языковые черты других функциональных стилей (научного, устно-поэтического, публицистического и разговорного). Тем не менее, это не является «смещением» стилей, поскольку обусловлено замыслом и содержанием произведения, т. е. стилистически мотивировано. Все иностилевые элементы, проникающие в стиль художественной литературы, используются в эстетической функции, т. е. отличной от той, какую они выполняли в стиле-источнике. Нельзя не согласиться с тем, что «если вывести художественную речь из числа функциональных стилей, но считать, что литературный язык существует во множестве функций, — а это отрицать нельзя, — то получается, что эстетическая функция не является одной из функций языка. Использование языка в эстетической сфере — одно из высших достижений литературного языка, и от этого ни литературный язык не перестает быть таковым, попадая в художественное произведение ни язык художественной литературы не перестает быть проявлением литературного языка»¹.

Стилистическая неоднородность, яркое проявление индивидуальных особенностей языка конкретного писателя не являются препятствием для выделения специфических особенностей языка художественной литературы, позволяющих отграничить художественную речь от любого другого стиля.

Эстетико-коммуникативная функция художественного стиля связана с особым способом выражения мыслей, что отличает этот стиль от других. «Эстетическая функция (наряду с другими языковыми функциями, и прежде всего с коммуникативной) — вот важнейший интегральный признак, который открыто или скрыто заключен в стиле художественного произведения, особенно нового времени. Этот интегральный признак отличает стиль художественного произведения от других стилей речи. Стиль художественного произведения выделяется, наконец, и практически. Независимо от литературного направления и творческого метода писателя, читатель обычно без особого труда определяет, что является художественным произведением и что относится к другим речевым стилям»².

Несколько факторов определяют особенности языка художественной литературы: широкая метафоричность, образность языковых единиц всех уровней языка, использование синонимов, многозначности, разных стилиевых пластов лексики. По сравнению с другими функциональными стилями в литературно-художественном стиле есть свои законы восприятия слова. Жанровые и композиционные особенности художественного произведения, целевая установка автора определяет значение слова: оно может обозначать в контексте многозначность, не зафиксированную в словарях, при этом сохраняя связь с идейно-эстетической системой произведения — проявляется единство коммуникативной и эстетической функций.

Многоплановость является характерной чертой структуры художественного произведения. Функционально-смысловые типы речи (описание, рассуждение, повествование) взаимодействуют с изобразительно-выразительными языковыми средствами, от которых они зависят: в художествен-

¹ *Кожина*, 1993. С. 79–80.

² *Будагов*, 1974. С. 103–113.

ном тексте изображение портретов героев и их рассуждения передаются разными лексическими и синтаксическими средствами.

Являясь частью общелитературного языка, литературно-художественный стиль использует для речевой характеристики героя и как средство выразительности диалектные, просторечные слова и т. д. При использовании архаизмов и историзмов преследуется стилистическая цель создать исторический колорит эпохи.

Деление речи на авторскую и речь персонажей является отличительной чертой языка художественных произведений. Активно начало в произведении представляет авторская речь, в которой заключены: основной тон повествования, оценка героев и происходящих событий. Авторская речь является нормированной, а у выдающихся писателей (И. Хамидов, И. Мамакаев, Ш. Арсанукаев, Шайхиев и др.) она представляет собой высшее достижение литературного языка.

Речь персонажа передает особый стиль духовной жизни человека и, в соответствии со своими индивидуальными особенностями, каждый персонаж говорит по-своему. Важной стороной речи с точки зрения стилистики является не только то, что говорит герой о себе, сколько то, как он говорит, экспрессивно-оценочная сторона речи. Доминирующие в речи персонажей отдельные черты, мотивы могут служить существенной характеристикой их характеров.

В прямой зависимости от противопоставления речи персонажей авторской речи находится стилистическое использование в тексте разговорного и научного стилей. Создается особая языковая структура, которая включает элементы различных функциональных стилей. В структуре художественного произведения выделяется авторская речь, прямая, несобственно-авторская и несобственно-прямая речь¹. В прямой речи активно проявляет себя разговорный стиль. Отражая внешнюю по отношению к автору действительность, авторская речь строится с преобладанием книжно-письменных элементов.

Многочисленные стилевые разновидности, существующие в художественной литературе, объясняются и выделением трех подстилей литературно-художественного стиля: прозы, поэзии и драматургии. Ни в одном другом стиле не наблюдается такого взаимодействия стилистических ресурсов разных стилей. Тем не менее, в литературно-художественном стиле используются лишь некоторые элементы других стилей, и их функционирование отличается тем, что они подчиняются эстетической организации содержания и формы этого стиля. «Понятия точности, образности экспрессивности, как и другие стилистические категории, не механически переключаются из одного языкового стиля в другой, а в системе каждого стиля приобретают глубокое своеобразие»².

Литературно-художественный стиль отличается коммуникативной функцией, которая проявляется в слиянии информации о художественном мире произведения и о мире действительности, Эстетическая (или художественная) функция тесно связана с коммуникативной. Взаимодействие

¹ Васильева, 1983.

² Будагов, 1954. С. 60.

этих двух функций обуславливает не только передачу смысла, содержания произведения, но и эмоционально воздействует на читателя.

Эстетическая функция, связанная с конкретно-чувственным восприятием действительности, способствует употреблению в литературно-художественной речи таких типов слов, форм и конструкций, в которых проявляются категории конкретности, количество которых в четыре раза превышает их наличие в научном стиле.

Сравним два текста.

Отрывок из художественной прозы старейшего чеченского писателя Х. Ошаева:

БІаьстена" кьегинчу Іуьйранна ламана" Шуьйтахъ, жимачу майдахъ сецира автобус. Шай"-шай" маьхъариший машенна чуьра аракхох-кабелира нах. ТІаьххъара охъавовьссира лекхачу дегІара, шуьйра беллаш а йолуш, тІеюьйхина тужурка а, когахъ керза эткаш а, коьрта" бІаь-шитиг тІе бендацараллица тІеІоьттина хурашка а йалуш жима стаг.

Ше" карара жима чамда лаьтта а йиллина, хурашка дІа а яьккхина, аьлларг ца до мекхаш, куьйга" нІелгащца шардина, бІаьстена" маьлха" зІаьнарша комаьрша цІаста диллинчу гонахарчу лаьмнашка леррина бІаьрг кхарстийра цо.

Самукъанечу тачано екхийра жимачу стега" юьхъ¹.

Отрывок из научной статьи по этике ученого С.-М. Хасиева:

Дуьнен чохъ шед лазам баккха еш хилла. Вай" дайша цуьнца човхош хилла. Шедана бухххье тІаьрсига" мотт тосуш хилла говра" берецо. Цу тІе, шера" коьртехъ цкъа, валара" киртиг тІехІоьттича бе", тухуш ца хилла динна шед. Тохархъама, шед тохар, осалалла лоруш а хилла².

В основе противопоставления научного стиля художественному лежат различные типы мышления — научного (с помощью понятий) и художественного (эстетического — с помощью образов). Разные формы познания и отражения действительности раскрываются с помощью различных языковых средств.

Текст из художественной прозы имеет целью создать яркую, образную картину, воспроизводящую волнующую встречу молодого человека с родным селом после многолетнего отсутствия. Действие развивается во времени, с употреблением прошедших времен, начиная с остановки автобуса, выхода из него и встречи с родной землей. Для описания природы автор привлекает различные изобразительно-выразительные средства языка: эпитеты, метафоры, слова с переносным значением, параллелизм.

Синтаксический строй текста характеризуется преобладанием сложных предложений. Кроме того, в тексте есть и авторский неологизм **бендацараллица**. Подчеркивание, выписывание отдельных деталей в описании героя придает тексту своеобразную экспрессию, образность.

Второй текст (отрывок) типичен для научной статьи: лаконичность изложения, использование слов в их прямом значении, преобладание простых предложений, разъяснения, сухость изложения, отсутствие излишней эмоциональности и образности.

Эмоциональность и экспрессивность литературно-художественного стиля создается единицами почти всех уровней языковой системы. Множество

¹ *Opra*, 1996, № 1.

² *Opra*, 1996, № 3.

слов с предметно-конкретным значением способствуют созданию в художественной речи ярких картин действительности. От других функциональных стилей литературно-художественный стиль отличает образно-художественная речь, которую писатель использует для создания образа. Образность речи обуславливает ее наглядность, картинность. Не прибегая к прямым оценкам, к авторской характеристике, писатель использует систему изобразительных средств, выраженных в языке произведения, для раскрытия духовного мира своих героев и показывает свое отношение к ним выбором экспрессивных речевых средств.

Образность обусловлена художественной мотивированностью слова, его местом в художественном произведении и соответствием содержанию.

В художественном контексте слово двупланово: являясь номинативно-коммуникативной единицей, оно также служит и средством создания художественной выразительности, средством создания образа.

В художественном стиле широко используется весь объем значений слов, особенно их переносное употребление, которое обусловлено наличием в нем тропов и стилистических фигур.

От других стилей литературно-художественный стиль отличается максимально творческим использованием языковых ресурсов. В публицистическом и научном стилях перенос значений не продуктивен, как в художественном стиле, так как в этих стилях употребляется много предметной и терминологической лексики, а в них, как известно, ограничено развитие полисемии. На обычные, нормативные значения слов накладываются новые смыслы, благодаря чему достигается свежесть, новизна образного выражения.

Разное восприятие мира разными людьми свидетельствует о субъективности отражения действительности. И тропы используются для выражения субъективно-оценочной стороны отражения. Тропы позволяют рассмотреть предмет, явление с разных сторон.

Здесь писатель имеет неограниченные возможности для творчества, для проявления своего видения. Слова, обороты, предложения, интонации, характеризующие образ, отличаются многоплановостью. Лексические и другие языковые средства взаимосвязаны. Наличие дополнительных ассоциативных смыслов, которые возникают в результате особой организации словесного материала, является одной из важных особенностей художественного слова: оно включается в особую эмоциональную среду, в конкретном контексте, в индивидуальном окружении.

«На синтаксическом уровне применяются две разновидности собственно изобразительного синтаксиса: интонационно-смысловое выделение и ритмико-мелодическая организация участков текста (восклицание, вопросы, возгласы; сегментация; инверсия; синтаксический параллелизм; перечисления, повторы, присоединения) и средства синтаксической характерологии (воспроизведение устно-разговорной речи, стилизация, пародирование»¹.

Внутри литературно-художественного стиля, как целостного, единого, различаются индивидуальные стили конкретных писателей и поэтов.

В формировании стиля писателя определяющую роль занимают личность автора, его характер, мировоззрение, жизненный опыт и время, эпоха, в которой он живет, что обуславливает содержание произведений писателя.

¹ Иванчикова, 1981. С. 92–110.

Индивидуальный стиль определяется как «единство основных идейно-художественных особенностей (идей, темы, характеры, сюжеты, язык), обнаруживающихся на протяжении всей творческой работы писателя»¹.

Художественные особенности произведения прежде всего проявляются в языке писателя. «Какие бы факторы ни играли роль в становлении и развитии индивидуального стиля, главным в этом стиле остается внешнее его проявление в языке, заключающееся в целесообразном использовании языковых средств выражения»².

Своеобразный отпечаток на индивидуальный стиль писателя накладывает семантическая и эмоциональная экспрессивность лексики и фразеологии. Употребление слов в переносном значении разнообразные тропы, составляющие основу художественной речи, являются существенным дифференциальным признаком, разграничивающим индивидуальные стили. Выходя за рамки литературного языка, автор создает неологизмы, используя возможности языка.

Отбор и употребление выразительных средств подчинено авторскому замыслу, содержанию произведения, созданию образа и воздействию через него на читателя. Однако всякое отклонение от литературной нормы должно быть оправдано целями и задачами автора, контекстом. Употребление того или иного языкового средства в художественной литературе должно быть эстетически и стилистически мотивировано.

В формировании литературно-художественного стиля в чеченском языке значительную роль играет устно-поэтическое творчество. Это объясняется богатыми поэтическими традициями чеченского фольклора, их устойчивостью и разнообразием.

Влияние фольклора особенно проявляется в языке ранних произведений чеченской художественной литературы. Широкое использование элементов устно-поэтической речи характерно для произведений Х. Ошаева, И. Хамидова, А. Айдамирова, Ш. Арсанукаева, И. Мамакаева, И. Шайхиева, М. Мусаева и других.

Язык поэзии отличается от языка прозы целым рядом лексико-семантических средств. Многие черты устно-поэтической речи обнаруживаются в языке произведений современных поэтов и писателей. Особенно сильны традиции устно-поэтической речи в языке поэзии.

Обнаруживая ряд языковых признаков, сближающих язык поэзии с устно-поэтическим стилем, он все же характеризуется специфическими элементами своей структуры. Кроме того, иностилевые элементы, будучи нейтральными для данного стиля, в языке поэзии становятся нередко стилистически окрашенными. Элементы устно-поэтической речи в поэзии образны, выразительны и ритмически организованы:

*Дехар ду массаърга шуъга,
Сихалло дикачу ца вуъгу,
Собаре кхойкху ас, нах,
Собаро лам баъккхина бах!*

¹ Тимофеев, 1971. С. 407–408.

² Дегтярева, 1968. С. 31.

*ЙогГур ю вайшинна" Гуъйре,
ЙогГур ю вайшинна" суъйре,
Дехар ду барт болуш вай,
Ца хедаш марзона" тай!*

[Л. Яхъяев]

Литературно-художественный стиль занимает особое место среди книжных стилей. Традиции фольклора оказали самое непосредственное влияние на развитие и формирование литературного чеченского языка.

В языке художественной литературы народные истоки прослеживаются во всех ее жанрах. Однако понятия «устно-поэтический стиль» и «литературно-художественный стиль» не равнозначны и не снимают их противопоставления. Современный литературный язык включает многочисленные инновации, которых не могло быть в устном народном творчестве. Эти новообразования появились в художественной литературе на всех уровнях языка — это лексические, грамматические и фонетические явления.

«Специфика литературно-художественного стиля не только в его особой роли среди функциональных книжных стилей, с точки зрения охвата использования различных коммуникативных форм речи, обусловленная поливалентностью литературного языка, его функциональная дифференциация считается самым распространенным типом варьирования»¹. Среди других функциональных стилей литературно-художественный стиль является наиболее устойчивым признаком литературного языка.

Общая характеристика стиля художественной литературы и выявление его основных стилеобразующих особенностей свидетельствуют о том, что он обладает рядом особенностей которые позволяют ему занять в системе функциональных стилей чеченского языка особое место.

¹ Тухман, 1977. С. 56.

Геннадий ГОРЯЧКИН

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ Ф. М. АЦАМБА

Геннадий Васильевич Горячкин — родился в 1945 г. в Иркутской области, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ им. Ломоносова, автор девяти книг и многих статей. Награжден медалью «Ветеран боевых действий» (2005), орденом Воинского долга (Арабская Республика Египет, I ст. — 1971). **Живет в Москве.**

У Фериды Мустафовны Ацамба я оказался в 1965 г. на втором курсе, после того как прошел «курс наук» по средневековой истории арабских стран и написал курсовую работу об арабском средневековом хронисте Ибн Тиктаке у Левана Исидоровича Надирадзе. Кстати, сдал я свой опус об Ибн Тиктаке со второго захода, так как поначалу несколько легкомысленно подошел к заданию, которое, по твердому настоянию Л. И., я переделал самым серьезным образом, за что удостоился похвалы научного руководителя, в дальнейшем назвавшего меня лучшим историком в арабской группе. Несмотря на жуткое грузинское произношение Левана Исидоровича, которое, уже само по себе, имело определенный шарм, его лекции, семинары и консультации были интересными, в основе их были арабские источники. Это как-то сочеталось: восточный акцент преподавателя и лекции по средневековой истории арабов. И уже совсем приятно было видеть Л. И. Надирадзе в зале Востока Исторической библиотеки, сидящем среди стеллажей с книгами, где у него был персональный столик на втором этаже, устроенный сотрудниками библиотеки за его приветливость и обаяние, постоянные многочасовые штудии в зале Востока и, видимо, за возможность не носить толстые арабские тома в читальный зал на первый этаж и обратно.

Следует отметить, что и остальные преподаватели на первом курсе были на высоте, особенно Дега Витальевич Деопик с его оригинальным лекционным стилем, неизменно цитируемым Чайлдом и сопровождавшими его очаровательными ассистентками. Кстати, он высоко оценил наши старания с Г. И. Боч-

каревым¹ в составлении таблицы этно-археологических данных развития материальных культур Востока. Эта таблица продолжительное время лежала на выставке под стеклом в 9 аудитории института.

И, конечно, достойны упоминания языковые преподаватели. Прежде всего, арабского языка — обаятельная, женственная и мягкая Жемчугова Людвиг Ивановна, бывшая лауреатка Ленинской стипендии, невольно помогавшая зам. директора ИВЯ по административно-хозяйственным делам А. С. Бабкину, интересовавшаяся бытом своих иногородних арабистов в филиале Дома студента², и сухой, подтянутый и требовательный, не прощавший небольшие ошибки даже старательным ученицам Санчес Алкоен Альбертович. Они прекрасно дополняли друг друга. Их разнообразные уроки арабского языка на основе оригинальной методики импонировали большинству арабистов, выбравших этот удивительный язык, который отвечал романтическим устремлениям студентов в желании изучать экзотические восточные языки. Одной из характерных черт их методики преподавания арабского языка было требование читать арабские тексты вслух (в аудитории — это естественно). Но обязательное выполнение домашних заданий по арабскому опять же громко вслух?! В комнате общежития, где, кроме меня, проживали еще трое — индолог, китаист и индонезист — сразу же возник небольшой скандал: соседи пообещали меня выбросить из окна (хотя и первый этаж, но высокий, что-нибудь да сломаешь!). Для декламации домашних текстов пришлось выбрать умывальник, длинный и просторный. Соседи наши — химики вначале были в изумлении, видя и слыша это громкое штудирование до 1–2 ночи с чередованием длинных и коротких слогов, характерным для арабского языка, потом привыкли.

А чего стоил подвижный и эмоциональный преподаватель экономической географии (позднее экономики) арабских стран Леонид Абрамович Фридман, с которым в аудитории по ходу лекции мы делали разные занятные подсчеты, умножая, в том числе, количество тракторов и других крупных сельскохозяйственных машин на примерное число обслуживающих работников каждый агрегат и получая в итоге численность сельскохозяйственного пролетариата Египта!

В нашу арабо-французскую группу были зачислены вчерашние школьники с немецким языком. Мы были очень довольны, что французскому языку нас стала обучать с азов Ольга Николаевна Бестужева. Прекрасный преподаватель с несмолкаемым журчащим прононсом энергично взялась за нас, и мы стали делать несомненные успехи в основном для нас европейском языке. Помню, что уже на четвертом курсе мы с В. В. Лебедевым, ныне ведущим преподавателем на кафедре арабского языка и арабской литературы нашего института³, переводили устно то ли камерунцам, то ли малийцам, стажировавшимся в МГУ по геологии на соответствующем факультете. Кроме того, Ольга Николаевна еще более сдружила нашу небольшую группу,

¹ Геннадий Иванович скоропостижно ушел из жизни 27 декабря 2016 года.

² После одного из посещений Людвиг Ивановны филиала Дома студентов на Ломоносовском проспекте соседи передали мне ее слова: «Сибирский медведь Горячкин Г. приехал в Москву грызть гранит арабского языка». Было приятно слышать такую оценку.

³ См. подробнее: В. В. Лебедев. Полвека в арабистике. Из опыта моей учебно-методической и научно-исследовательской работы. «Восточная книга». М., 2013.

участвуя вместе в неформальных встречах (посещение кино, в том числе просмотр фильмов на французском языке, чаепитиях у нее дома).

Так проходил первый курс. Нам очень нравилось учиться в ИВЯ. Да и в целом период хрущевской оттепели благоприятствовал этому, заряженность на учебу была «дикая», как мы тогда говорили. Первая экзаменационная зимняя секция прошла на «ура»! Помню, я ее сдал на отлично и стал получать повышенную стипендию 40 руб., вместо обыкновенной в 28 руб., кстати, единственный из историков курса.

Ферида Мустафовна брала другим. Ее лекции и семинары были достаточно сухими, но более информативными и насыщенными. После окончания Батумского учительского института в 1940 г. она поступила на исторический факультет Московского университета. Едва закончился первый учебный год на истфаке, как началась война. Она записалась в школу медсестер при МГУ и одновременно принимала участие в строительстве оборонительных сооружений Москвы. На знаменитом собрании коллектива истфака его студенты объявили себя мобилизованными на защиту Родины. В их первых рядах была будущий комсомольский и партийный вожак Ферида Мустафовна.

В августе она тяжело заболела и долго лечилась в Москве, а затем и на родине в Аджарии. После выздоровления ее приняли в 1943 г. в члены ВКП (б). Проявился интерес к общественной работе: некоторое время работала вторым секретарем Аджарского обкома ВЛКСМ, в 1946 г. вернулась в Москву и вновь стала студенткой истфака МГУ, который окончила в 1950 г. Поступила в аспирантуру по отделению Востока, а в 1954 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение (1914–1952)» под руководством В. Б. Луцкого. После образования ИВЯ в 1956 г. стала работать на кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока. Ферида Мустафовна возглавляла комитет ВЛКСМ, а затем и партийную организацию Института. Вспоминаю слова старшекурсников, которые передавали услышанные ими по Би-Би-Си откровения нашего выпускника Безменова, оставшегося за границей, что ИВЯ жестко правит «тройка» во главе с директором Александром Александровичем Ковалевым, зам. директора Михаилом Филипповичем Юрьевым и секретарем партбюро Феридой Мустафовной Ацамба.

Впечатляло также то, что Ферида Мустафовна на протяжении многих лет вела методологические семинары историков, экономистов, преподавателей и аспирантов, а также верхушки институтской администрации по актуальнейшим проблемам современного развития афро-азиатского мира. Второй Круглый зал, где собирались нескольких десятков человек, всегда был переполнен. Организация и руководство этими важными для Института политико-идеологическими семинарами предполагали прекрасное знание международной обстановки, острые проблемы идеологического противостояния, умение выбрать наиболее злободневные вопросы развития «третьего мира», отличное знакомство с последними достижениями отечественных востоковедов, среди которых она выбирала и приглашала в качестве докладчиков наиболее значимых и популярнейших ученых и специалистов по Востоку. В этом как раз и проявлялся кругозор Ферида Мустафовны, ее постоянная заряженность на работу, отзывчивость, исключительная ответственность за порученное дело, а также высокое доверие к ней со стороны авторитетов и корифеев советских специалистов по истории, экономике и социологии афро-азиатского мира.

Кстати, трудно переоценить еще один аспект научно-методический деятельности Ферида Мустафовны — это руководство Центром по исследованию проблем религии стран Азии и Африки. Помимо сбора статей и их редактирования по странам Востока, я был свидетелем огромного практически безвозмездного труда по комплектации и формированию очередных номеров университетского журнала «Востоковедение», связанных с религиозной проблематикой.

Одновременно Ферида Мустафовна читала студентам как общие курсы по истории стран Азии и Африки, так и страноведческие по Арабскому Востоку. Стойкость и постоянная заряженность на работу позволяли ей часто заменять, по мере необходимости, молодых преподавателей. Лекционный материал подавался ею по различным периодам истории — средним векам, новой и новейшей истории. Прием вступительных экзаменов в магистратуру и в аспирантуру, сдача кандидатского минимума в ИВЯ и ИСАА также не обходились без нее. Редко когда болела. Практически никогда не жаловалась на здоровье. Ее единственным лекарством был цитрамон, который она потребляла с очень сладким чаем. Такая закалка еще с молодости разнообразила ее повседневную деятельность. В последние годы, когда Ф. М. было уже далеко за 90 лет, часто приходилось ее видеть, стройную и сухонькую, через открытую дверь в аудиторию 167, стоя читающей лекцию студентам в течение всех 120 минут.

Из страноведческих тем особенно запомнились ее лекции по новой истории Египта «Экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет», «Восстание Ахмеда аль-Ораби-паши в Египте», «Роль компании Суэцкого канала в колониальном порабощении Египта» и др. Вполне возможно, причиной особого внимания к Долине Нила явились ее научные предпочтения. Равно как и я в этой связи был приобщен к Египту, хотя первую курсовую работу по новейшей истории арабов написал у Ферида Мустафовны по Тунису. Однако, вскоре произошли события, в соответствии с которыми необходимо было вновь вернуться к Египту, теперь уже надолго, до сегодняшнего дня.

Дело в том, что в середине 1966 г. стало ясно, что в числе других однокурсников мне предстояла стажировка на пятом курсе в Египте. В то время шестилетнее образование в нашем Институте восточных языков предусматривало годичную стажировку в одной из стран афро-азиатского региона. Поскольку практика предполагала еще и сбор материала для дипломной работы, нужно было до отъезда определить ее тему. Ферида Мустафовна Ацамба, как мой научный руководитель, была специалистом по рабочему класса Египта на ранних этапах его возникновения и развития¹, порекомендовала мне продолжить эту тему в насеровский период. Названием моей будущей дипломной работы стала тема «Положение рабочего класса Египта после революции 1952 г.». До нашего отъезда в ОАР оставались еще несколько месяцев, поэтому мною велась под руководством научного руководителя кое-какая предварительная работа, в рамках которой в поле моего зрения попали труды египетских историков рабочего класса страны, в том числе доктора Рауфа Аббаса, у которого в 1967 г. вышла книга о рабочем движении в Египте по результатам его магистерского исследования². Впо-

¹ *Ацамба Ф. М.* Формирование рабочего класса в Египте и его экономическое положение (1914–1952). МГУ, 1960.

² *Аббас, Рауф.* Рабочее движение в Египте. 1899–1952. Каир: Дар «аль-Кятиб аль-Араби ли ат-Тыбаава ан-Нашр», 1967 (на араб. яз.).

следствии он возглавил кафедру истории на историко-филологическом факультете Каирского университета.

К этому времени в отечественном востоковедении сложилось новое научное направление, связанное с изучением социальной структуры развивающихся стран. Основателями этого нового направления в изучении афро-азиатского региона был преподаватель по экономической географии и экономике арабских стран Л. А. Фридман, а также Ф. М. Адамба и др. Л. А. Фридман написал книгу «Капиталистическое развитие Египта» (М., МГУ, 1963). В качестве методологической основы он во многом использовал работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», творчески подойдя к разработке научных критериев изучения египетской действительности. Позже у Леонида Абрамовича вышел фундаментальный труд по проблемам социально-экономической структуры египетской деревни¹, который он защитил в качестве докторской диссертации в мае 1970 года.

Следует отметить, что начало этому направлению заложил еще один из основоположников советской школы арабистов В. Б. Луцкий, ученый с мировым именем, как и Ю. И. Крачковский. Именно Владимир Борисович оказал большое влияние на своих ближайших учеников Ф. М. Адамба, Н. А. Иванова², Л. А. Фридмана и других востоковедов-арабистов МГУ. Поэтому и его заслуга в том, что в Институте восточных языков (с 1972 г. ИСАА МГУ) возникла социологическая школа, объединившая последователей нового соционисторического подхода в изучении истории социальной структуры афро-азиатского мира. Появление ее явилось совершенно закономерным, учитывая развитие современной науки, ее естественное «деление» и отпочкование от нее новых отраслей.

Следует также добавить, что не только арабисты участвовали в разработке темы социальной структуры развивающихся государств. Сюда следует также причислить исследователя истории Таиланда В. А. Дольникову, индолога В. И. Павлова, япониста Г. Б. Навлицкую и др. Все же интерес к этой проблематике, на наш взгляд, в настоящее время немного угас. Что это? Наступил этап нового «деления» и образования следующих смежных научных отраслей? Или произошли замена их новыми и отвержение традиционных старых? Тем не менее, несмотря на появление новых изысков острейших проблем современности типа «арабской весны», социальная структура как сфера научного интереса продолжает иметь место в ИСАА³.

Кстати, не только арабисты-«ивяшники» и другие востоковеды нашего Института увлеклись исследованием проблем социальной структуры развивающихся стран, но и специалисты освободившихся государств других научных

¹ Фридман Л. А. Египет 1882–1952 гг.: Социально-экономическая структура деревни. М., 1973. Здесь необходимо упомянуть о том, что автор одним из первых в СССР начал изучение Всеобщих переписей населения Египта.

² Иванов Николай Алексеевич (1928–1994). Доктор исторических наук, специалист по средним векам, новой и новейшей истории арабских стран. Бывший профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Академии наук Российской Федерации (ИВРАН). Автор трудов: Кризис французского пролетариата в Тунисе (1918–1939) М., 1971; Османское завоевание арабских стран: 1516–1574. М., 1988 и др. Всего около 100 работ.

³ Так, например, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ, к.и.н. Жантеев Д. Р. успешно читает спецкурс «Социальная структура арабских стран на рубеже XIX–XX вв.».

заведений, например Института востоковедения Академии наук. Эти проблемы часто были связаны с изучением актуальных вопросов восточного землевладения и землепользования. Здесь же отметился один из крупнейших советских, а затем российских исследователей — Баграт Гаригенович Сейранян¹. Интерес к этой проблематике был, пожалуй, закономерным и повсеместным. Тема изучения крупного землевладения в арабо-исламском мире была также достаточно распространенной². В этой связи процитируем Б. Г. Сейраняна, который, подчеркивая небольшую изученность класса крупных землевладельцев среди всех социальных общностей арабского социума, отмечал: «Важнейшим итогом эволюции аграрного строя в XIX в. — первой половине XX в. было формирование крупного землевладения и новой земельной аристократии, важнейшая отличительная черта состояла в том, что она олицетворяла уже отношения, переходные к буржуазным, а крупные землевладельцы превращались в земледельцев-купцов и помещиков-предпринимателей»³.

А между тем, учеба в ИВЯ и подготовка к стажировке в Египет шли своим чередом. Забегая вперед, отмечу следующее. Если д. Рауф Аббас впоследствии стал для меня «старшим» братом по египетской линии моего становления как арабиста, то Андрей Михайлович Захаров⁴ явился таковым с советской, отечественной стороны. Он относился к уже новому поколению, которое начало изучать социальную структуру афро-азиатских (арабских стран). Аспирантом он стал исследовать особенности формирования рабочего класса Сирийской Арабской Республики у Ф. М. Ацамба. Так обособились наши социологические исследования по рабочему классу, что стало у нас высшей точкой изучения социальной структуры развивающихся стран, хотя далее пошли исследования по египетской буржуазии, интеллигенции, среднего класса и т. д. и т. п. Кроме того, под наблюдением и чутким руководством А. М. Захарова я совершенствовал свои практические познания в арабском языке, участвуя в работе с многочисленными делегациями в то время из арабских стран. Так, вместе с ним я переводил делегацию Организации Социалистической Молодежи (ОСМ) Египта во время проведения в Советском Союзе Первой Недели дружбы советской и египетской молодежи в 1966 году. Он аккуратно выдвигал меня на переводы с египтянами на удобные, менее напряженные мероприятия, связанные с этой Неделью, особенно «не подставляя» меня. Помню, Фериди Мустафовна была довольна такой опекой.

Кстати говоря, влияние Ф. М. касалось практически всех сторон жизни ее аспирантов, в том числе и на их общественную работу. Видимо, сказывалась ее ранняя комсомольско-партийная практика. Так, с ее легкой руки я попал в бюро комсомольской организации молодых преподавателей,

¹ Сейранян Б. Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX — 60-е гг. XX в.. М., 1991.

² См., напр., Аббас, Рауф. Социальный строй в Египте при крупном землевладении. Каир, 1973; его же, при участии д-ра. Асыма ад-Десуки. Крупные землевладельцы и феллахи. Каир, 1999 (на араб. яз.).

³ Сейранян Б. Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX — 60-е гг. XX в.. М., 1991. С. 12.

⁴ Захаров А. М. родился в 1943 г., скоропостижно скончался в 2010 г. Продолжительное время работал в Организации солидарности стран Азии и Африки, затем в МИДе — советником в Алжире, АРЕ, советником-посланником, и. о. посла РФ в АРЕ, послом РФ в ОАЭ.

аспирантов и сотрудников в 1976–1977 годах. Помню, как мне сразу же поручили серьезный вопрос, касающийся анализа тематики, периодизации и структуры курсовых и дипломных работ исторических кафедр ИСАА.

Это было тяжелое время, связанное с вводом наших войск в Афганистан. Меня принимают в члены КПСС, рекомендацию дает Ферида Мустафовна, и вводят в состав партбюро, где я отвечал за оборонно-массовую работу в трех составах партийного бюро во главе с В. А. Цыгановым, Г. М. Габучаном и В. Н. Горшковым. Поручили этот участок, вероятно, потому, что я служил военпером (военным переводчиком) в Египте в 1969–1971 гг. во время «войны на истощение», где мы выполняли конституционный долг, согласно которому выпускники ИСАА должны были быть призваны в ряды СА и отслужить два года в «горячих точках» афроазиатского региона. В виду нехватки военных переводчиков призывали даже студентов, например, Адамова. Нагрузка была большая — вплоть до проведения партийных собраний по этой тематике (мой доклад по указанной проблеме до сих пор хранится в моем домашнем архиве).

Научным руководителем диссертации А. М. Захарова, как и моей дипломной работы, неизменно была Ф. М. Ацамба. У нее же вместе со мной писал диссертацию по социальной структуре Судана мой приятель, сосед в общежитиях Дома студента МГУ и его филиалов, где мы прожили 9 лет, Геннадий Бочкарев, результатом которой стало появление следующей монографии¹. Заметным явлением в научной жизни стала кандидатская диссертация ученицы Л. А. Фридмана М. Ф. Видясовой «Рабочий класс в социальной структуре Туниса»². Чуть ранее вышла монография С. И. Кузнецовой³, научным руководителем ее также был Л. А. Фридман. Дальнейшая эволюция социологической школы ИСАА МГУ была подтверждена другими научными исследованиями учеников Л. А. Фридмана и Ф. М. Ацамба, например, В. В. Черновской и В. И. Дятлова⁴.

Являясь одним из самых актуальных направлений исследований по афро-азиатскому миру, изучение социальной структуры все же не заслонило собой другие аспекты афро-азиатской проблематики, на которые обращали внимание отечественные востоковеды. Обратимся опять же к деятельности заслуженного профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Ф. М. Ацамба, важнейшей частью которой являлись учебно-педагогический процесс, издание учебно-методической литературы (учебников, программ) афро-азиатского мира практически по всем периодам исторического процесса. Пожалуй, без ее участия в качестве автора и члена редакции, не вышел ни один учебник

¹ Бочкарев Г. И. Социальная структура суданского города. М., 1980.

² Видясова М. Ф. Рабочий класс в социальной структуре Туниса. М., 1975. Ее же: Экономика Магриба. М., 1982; Социальные структуры доколониального Магриба. М., 1987; Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2006; Видясова М. Ф.: Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000). М., 2005–2012 гг.; Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. М. Двуликий Янус умеренного исламизма. М., 2013.

³ Кузнецова С. И. Докт. дисс.: Социальная структура африканского города. Проблемы формирования промышленного пролетариата в Тропической Африке. М., 1972.

⁴ Дятлов В. И. Крупная буржуазия Египта накануне революции 1952 г. Иркутск, 1983; Черновская В. В. Формирование египетской интеллигенции в XIX — первой половине XX в. М., 1979.

по Востоку в издательстве Московского университета в 50-90-е годы. Говоря об этом, можно сослаться на перечень диссертаций, защищенных ее многочисленными аспирантами:

1. *Захаров А. М.* Социальная структура и рабочий класс независимой Сирии. — 1973 год.
2. *Дятлов В. И.* Национальная, иностранная и инонациональная буржуазия в Египте накануне революции 1952 г. — 1977 годы.
3. *Аль-Сейид Хусейн Хусейн Ахмед.* Национальная буржуазия Сирии (до 1963 г.). — 1975 год.
4. *Родригес-Фернандес А. М.* Эволюция социальной структуры Саудовской Аравии.
5. *Канаев С. Г.* Формирований интеллигенции в Алжире. — 1981 год.
6. *Мурадян С. М.* Формирование национальной интеллигенции Ирака. — 1984 год.
7. *Литвинов М. И.* Социально-политическое положение египетского студенчества (1970—1980-е гг.).

Ферида Мустафовна старалась не только продолжать и закреплять прежние темы, но и начинать с аспирантами новые, выдвигаемые объективным становлением афро-азиатского мира, в том числе арабских государств, задачи историко-культурного развития в современном мире.

Причем, иногда казалось, что она выбирала наиболее трудную диссертационную проблематику для своих аспирантов и стажеров, как бы желая проверить себя, подчас забывая их количество, которое порой достигало полдесятка человек и более. Чем труднее был претендент в ряды ее аспирантов, тем интереснее было для Ф. М. работать с ним и проверять свои способности. Помню одного арабского аспиранта, слабо знавшего русский язык и сравнительно невысокого культурно-образовательного уровня. Но Ф. М. разглядела в нем нечто особенное и взяла к себе в аспирантуру. Конечно, ей пришлось с ним в 2-3 раза больше работать. Но у нее была своя идея, которую она должна была во что бы то ни стало осуществить, и она добилась своего. Этот аспирант нормально защитил свою диссертацию в Московском университете и, по отзывам, успешно трудился у себя на родине, воспитывая национальные высшие кадры. И это был не единственный национальный случай, когда Ферида Мустафовна «дневала и ночевала» на кафедре со своими подопечными.

Ее работа с аспирантами и стажерами была ярким и поучительным примером для нас, молодых преподавателей и научных сотрудников, имея в виду выбор темы по разным историческим периодам, направлениям, разных арабских государств, странам происхождения аспирантов и т. д. Нам повезло с научным руководителем.

Обычно, уходя на очередную «пару», мы, преподаватели кафедры, оставляли Ф. М. одну сидеть с аспирантом, приходили с «пары» и видели ее по-прежнему сидящей с ним, объясняющей ошибки и замечания. Затем снова разбредались на занятия по аудиториям, она продолжала консультацию, употребляя «любимый» цитрамон, запивая его традиционным очень сладким чаем.

Проблематика социальной структуры современных афро-азиатских стран не ограничивалась только XX веком. Она также тематически затронула и прошлое время, например, позднее средневековье — настолько она

оказалась привлекательна. Та же Ф. М. Ацамба предложила одному из своих талантливых учеников, В. Е. Смирнову, рассмотреть интересовавшие его вопросы под призмой сдвигов социально-политической структуры османского Египта в XVI–XVIII вв., что и было сделано с успехом — «Роль военной организации в формировании и развитии социально-политической структуры османского Египта».

Успешно разрабатывала Ф. М. Ацамба со своими аспирантами другие вопросы исторического развития стран Востока, например: Аршаруни Н. А. «История проникновения иностранного капитала в Ливию (1911–1961)», Пегов С. С. «Иностранный капитал в промышленности Ирака накануне 14 июля 1958 г. и позиции национальной буржуазии».

Интересовали Ф. М. Ацамба проблемы урбанизации в арабском мире, к ним она привлекла исследователей с Арабского Востока: Сабиху Махди Абд Аллах аль-Хатиб «Города Ирака в XX в.» — 1967 и Иффат Расли Кокаш «Города Сирии в X–XI вв.» — 1968 год.

Рассмотрение указанных тем в качестве заголовков кандидатских диссертаций далеко не ограничивается указанным перечнем¹.

Вернемся, однако, к моей стажировке. Тема рабочего класса была далеко не второстепенной и для историков Египта, который вступил с 60-х годов в новую фазу развития революции 1952 г., где рабочему классу отводилось особое место. Достаточно вспомнить знаменитые декреты о 50 % представительстве рабочих и феллахов в политических и общественных организациях страны с целью привлечения их для эффективного руководства обществом в период углубления социально-экономических и политических преобразований в стране.

К выполнению учебного плана своей первой студенческой стажировки, сбору источников и литературы для дипломной работы² я приступил сразу же по завершению поистине сказочного и пятидневного морского круиза на теплоходе «Латвия» из Одессы в Александрию с заходом в Варну, Стамбул и Пирей по прибытии в ОАР 1 ноября 1967 года. Второго ноября сотрудники египетского Минвуза автобусом нас доставили на улицу «бейн ас-Сараят», в общежитие («аль-Медина аль-Гамийя»), в бейн ас-Сараят, что напротив главного здания Каирского университета. Учебная программа стажировки для меня предполагала изучение арабского языка в школе Саадийя, которая находилась в Гизе, в 300–400 метрах от историко-филологического факультета (Куллият аль-Адаб) Каирского университета, а также сбора источников для университетской дипломной работы. До сих пор помню преподавателей арабского языка в этой школе, правда, не по имени. Одно из них звали из-за раскачивающейся походки «Уизза» («Гусь»). В августе 1968 г. мы вернулись в Москву.

Во время стажировки много ездили, за исключением района Суэцкого канала, на восточном берегу которого находилась израильская армия. Побывали в Асуане, в Марса аль-Матрухе — центре Западной провинции Египта. Очень мощно работали центры иностранных стажеров — Нади

¹ См. «Истина», МГУ.

² План дипломной работы «Положение рабочего класса Египта после революции 1952 г.» состоял из трех глав: «1. Структура и состав промышленного пролетариата Египта; 2. Экономическое положение египетского рабочего класса; 3. Профсоюзы ОАР».

аль-Вафидин, относившиеся к департаменту иностранных стажеров при Министерстве Высшего образования ОАР. Дотационные поездки включали разноязыкую публику — европейцев (французов, поляков, югославов, албанцев и др.), азиатов (вьетнамцев, индусов, палестинцев). Всегда и повсюду танцы, песни, игры, шутки, смех, различные розыгрыши. «Калинка-малинка» шла на «ура!»

С Фаридой Мустафовной мы были в постоянном контакте. Я регулярно сообщал ей о своих делах. Продолжились они, конечно, с сентября 1968 года. Днями и часами сидела Ф. М. над нашими дипломными работами, «разукрашивая» их своими стилевыми и прочими замечаниями. В мае 1969 г. дипломные работы, моя и Г. И. Бочкарева, были защищены на «отлично» с рекомендацией в аспирантуру. Но Ф. М. взяла в аспирантуру одного, Г. И. Бочкарева.

Однако в то напряженное время судьба распорядилась со мной иначе, равно как и другими арабистами с нашего курса. С марта 1968 г., после шестидневной войны в июне 1967 г., арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки вступил в новый этап конфронтации с Израилем, который называли «войной на истощение». Ряд руководителей арабских стран считали, что Израиль не сможет выдержать длительную конфронтацию с превосходящими материальными и человеческими ресурсами арабского мира, и победа будет за арабами. Оказалось все наоборот. Арабы проиграли. Причем потерпели сокрушительное поражение. Советский Союз вновь пришел им на помощь, оказав, в том числе, техническую, вооружением, специалистами и переводчиками.

Я же получил еще другую «рекомендацию», в Советскую Армию на два года, поскольку в связи с резким осложнением обстановки на Арабском Востоке потребовалось огромное число военных переводчиков. Институт военных переводчиков (ВИЯ) не мог справиться с этой задачей. Возникло еще одно дополнительное обстоятельство: я учился в арабо-французской группе. Арабистов-франкофилов было гораздо меньше, чем с английским языком. Еще во время оформления документов в Генштабе на меня вышел Главный военный советский советник из Алжира, который затребовал для себя двуязычного переводчика с арабским и французским языками. Поэтому три дня меня уговаривали ехать туда. Я отказывался, ссылаясь на то, что после службы в армии, буду заниматься наукой по египетской тематике. Выглядело это немного странно, так как на Суэцком канале уже вовсю шла «война на истощение», шли постоянно перестрелки и другие операции между израильской и египетской армией. В конце концов, я настоял на своем. Фарида Мустафовна, думаю, была довольна таким исходом, поскольку мы с ней подробно поговорили о плане будущей диссертации по рабочему классу Египта, ее названию, сборе источников. Договорились мы с Ф. М. и о том, что во время летнего отпуска в Москву я сдам экзамен по кандидатскому минимуму, чтобы каким-то образом компенсировать время пребывания в армии. Поэтому в этих условиях, помимо военной службы, пребывание в Алжире было уже чересчур, несмотря на мирное небо в этой арабской стране и прекрасный средиземноморский климат.

Естественно, что во время моей стажировки 1967—1968 гг. предусматривались консультации с египетскими коллегами, историками рабочего класса. Поэтому, идя параллельным курсом с д. Рауфом Аббасом, который,

конечно, опережал меня, так как на пять лет был старше, к достижению практически одних и тех же целей и результатов, мы должны были рано или поздно «пересечься». Однако в первый мой приезд в Египет, в 1967–1968 учебный год, встретиться с ним мне не пришлось, вероятно, потому, что мы рассматривали проблемы рабочего класса Египта в разные периоды и с разных точек зрения: Рауф Аббас — в 1899–1952 гг., а я в 1952–1968 гг. Доктор Рауф занимался рабочим движением, а я вопросами формирования фабрично-заводского пролетариата в насеровский период египетской революции. Разные цели требовали и разные источники и иной круг исследований. Для меня были важны всеобщие цензы населения АРЕ, переписи промышленного производства, статистика занятости и рабочего дня, отчеты Министерства труда и другие подобные первоисточники для определения динамики численности, материального положения фабрично-заводского пролетариата, пополнения его рядов, участия в административных советах предприятий и компаний, социологические обследования, напр., ан-Никляуи¹, ас-Саати² и др. Вот тогда-то мною были приобретены труды Абдель Мунима аль-Газзали, Амина Изз ад-Дина, Абдель Мугниас-Саида, Рауфа Аббаса, Ахмеда Таха и др.³

С доктором Рауфом Аббасом я познакомился в феврале 1986 г. во время второй стажировки в Египет с советскими студентами и аспирантами. Так, во всяком случае, записано в моем дневнике, который вел в то время⁴. С февраля 1986 г. я возглавлял группу стажеров Каирского университета по линии Минвуза СССР. В отчете после стажировки я писал: «Ввиду позднего прибытия группы в АРЕ и бунта войск центральной безопасности, а также начавшейся экзаменационной сессии, учебные занятия в Каирском университете стажеры посещали не более двух месяцев. Ими был прослушан ряд курсов по арабскому языку на отделении арабского языка историко-филологического факультета (Куллият аль-Адаб) Каирского университета. Кроме того, они посещали лекции по истории Египта, принимали участие в работе семинара на кафедре истории историко-филологического

¹ ан-Никляуи, Ахмед — профессор кафедры социологии историко-филологического факультета Каирского университета. Автор социологического обследования каирских рабочих, которое легло в основу книги: *ан-Никляуи. Социальная динамика и социальное строительство*. Каир, 1968 г.

² Хасан ас-Саати, Хасан. Автор великолепного обследования александрийских рабочих «Индустриализация и урбанизация. Полевое обследование Александрии и ее рабочих». Каир, Дар аль-Маариф, 1963. Мне удалось до известной степени провести исторические параллели между александрийскими и каирскими пролетариями более чем за 15-лет. Особенно интересно было проследить за изменениями в материальном положении и психологических сдвигах в сознании рабочих после радикальных социально-экономических и политических декретов 1960–1965 гг. насеровского этапа египетской революции.

³ Этих и других источников, а также литературы набралось столько, что возникли проблемы доставки этих материалов в Москву. Относительно погрузки на обратный рейс теплоходом в Одессу вопросов не возникало, а вот размещения 20 коробок с книгами в железнодорожный вагон на одесском вокзале для перевозки в Москву с трудом удалось добиться от проводника вагона.

⁴ Находясь в Египте в относительно длительных командировках, я постоянно фиксировал в дневнике пребывание в этой стране. Сейчас эти записи существуют в моем «Личном фонде», в нескольких тетрадях. До этого я служил в Египте военным переводчиком во время «войны на истощение», но тогда было не до дневников. Оставалось лишь желание остаться целым и невредимым во время боевых действий и «глубинных налетов» израильских «фантомов».

факультета, занятия которого вел, главным образом, сам заведующий кафедрой истории университета профессор Рауф Аббас.

После окончания занятий в университете они занимались научными поисками, посещая Национальный архив и библиотеки, встречаясь с египетскими специалистами в области истории, философии и литературы. Ими собран уникальный материал для дипломных работ и диссертаций.

За время пребывания в АРЕ стажеры пополнили знания арабского литературного языка, в значительной степени освоили египетский диалект, ознакомились с современным положением в АРЕ, с историческими памятниками и культурными событиями. Радио- и телепередачи, ежедневное чтение газет и журналов существенно расширили их кругозор об обстановке в арабском мире и в целом на международной арене. Постоянное общение с носителями языка развило навыки разговорной речи.

Кстати, получилось так, что в Минвузе меня назначили руководителем группы стажеров в Египет в количестве 15 человек, половину из которых составляли ребята из Ташкентского университета, четверо со специального факультета ИВЯ¹, двое студентов из ИМГИМО, два аспиранта из Ташкента.

Благодаря активности членов группы, удалось не только возобновить контакты советских стажеров с Клубами иностранных стажеров (“Нади аль-Вафидийин”), в работе которых принимает большое число египтян, но и приблизиться к уровню деятельности клуба в период президентства Гамалы Абдель Насера. Укрепились связи с профессорско-преподавательским составом, аспирантами и студентами Каирского университета. Достигнута договоренность о публикации статей историков-арабистов МГУ в египетском “Историческом журнале”.

В целом же, стажировку следует признать целесообразной и успешной. Ориентация на Каирский университет вполне оправдана и необходима. Уровень знаний советских студентов-арабистов позволяет им успешно слушать лекции на любом курсе, усваивать материал, подаваемый в университете по специальности “История”, “Экономика”, “Литературоведение”, “Лингвистика” и выступать на семинарских занятиях совместно с арабскими студентами и аспирантами»².

Теперь о первом очном знакомстве с доктором Рауфом Аббасом. После посещения одной из его лекций по истории Египта 17 февраля 1986 г. он пригласил меня в свой кабинет, находившийся на втором этаже соседнего здания во дворе Каирского университета. Доктор Рауф Аббас в то время возглавлял кафедру истории историко-филологического факультета Каирского университета. Я представился. Он сразу же меня спросил, откуда я знаю арабский язык. Ответил, что служил военным переводчиком в Египте в 1969–1971 гг. Провел меня в кабинет, где мы окончательно познакомились. Он рассказал о нововведении, о «переходном» руководстве в течение трех лет, так как затем его сменит другой историк в должности заведующего историческим отделением. В 1972 г. у них поменялась структура отделения, которую заменили

¹ На спецфаке обучались выпускники различных советских вузов. Предполагалось, что по окончании ИВЯ они направлялись в освободившиеся страны и работали там без переводчиков, зная восточные языки. Очень хорошая практика! Видимо, и поэтому тоже тогда ИВЯ называли головным востоковедным вузом СССР.

² Горячкин Г. В. Отчет группы стажеров Каирского университета в Управление внешних сношений Минвуза СССР. 13 ноября 1986 г.

американской, упразднив кафедры. Попросился к нему слушать лекции во вторник и субботам. Он предложил мне также посещать его семинар, который проводит для аспирантов и кандидатов. Как раз, 19 марта, на семинаре будет распределение тем дипломных работ. Подарил мне две своих книги и два учебника, написанные им по истории Египта. Я рассказал о моей дипломной работы и кандидатской диссертации. Д. Рауф А. пообещал мне сделать допуск в архив Центра национальных документов АРЕ в течение месяца и помочь с поиском необходимых для меня источников. Эти источники касались, прежде всего, египетской статистики, которая тогда составляла основу источниковой базы для создававшейся социологической школы развивающихся стран в рамках Института восточных языков при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова (сейчас Институт стран Азии и Африки МГУ). В дальнейшем д. Рауф Аббас приложил немало усилий, чтобы найти самые ценные из них, и действительно удалось это сделать, хотя и не все. С этой целью мы даже оказались с ним в Совете ассоциации по законодательству (Маджлис ат-Ташриа) в районе Исааф (скорой помощи) в надежде обнаружить там искомые первые Всеобщие переписи населения Египта за 1882 и 1897 годы. Но бесполезно. Я их нашел только почти через 20 лет в Муниципальной библиотеке Александрии, в Мухаррам-беке (но эта удивительная история чуть позже).

Кстати, чтобы закончить вопрос о египетских материалах моих последующих академических исследований, остановлюсь на периоде 1969–1971 гг., когда я работал там военным переводчиком. Хотя, естественно, тогда в силу воинской службы было категорически запрещено заниматься какой-либо исследовательской деятельностью, я, на свой страх и риск, решил ее не бросать, используя связи и знакомства с египтянами в студенческую стажировку в 1967–1968 учебном году.

Так, с помощью египетских друзей были записаны цены с сентября 1970 г. по август 1971 года. На несколько десятков продуктов питания и товаров первой необходимости в пяти районах Каира — Шубра, Род аль-Фараг, Матария, Хелуан, Мадийнат Наср, затем они были сравнены с официальными ценами на эти продукты, приведенными в официальной статистике МОТ и бюллетенях Арабского социалистического союза (АСС). Первую я смотрел в библиотеке Института социалистических исследований, последние можно было найти в продуктовых лавках. При подсчете реальной заработной платы и прожиточного минимума семьи египетского рабочего оказалось, что население закупает продукты питания по ценам, в среднем на 15–20 % превышающим официальные, устанавливаемые правительством тарифам¹.

Здесь, видимо, пора раскрыть читателю главную цель моего пребывания в Египте в 1986 г., помимо руководства стажерами, конечно. Она заключалась в сборе материала для докторской диссертации. Ее тема была обозначена следующим образом: «Возникновение рабочего класса и рабочего движения в условиях колониальной модернизации Египта 1841–1914 гг.». Выбор пал на эту проблему, на мой взгляд, совершенно естественно. Во-первых, я уже «прикипел» к этой стране, во-вторых, почти породнился с тематикой рабочего класса АРЕ, работая над ней не один

¹ Горячкин Г. В. Формирование фабрично-заводского пролетариата АРЕ и его материальное положение (1952–1970). Канд. диссертация. М., 1975. С. 116–121.

десяток лет. В-третьих, мне хотелось отойти от социологии и экономики и придать проблеме формирования египетского пролетариата чисто историческое звучание и рассмотреть ее в историческом аспекте. Надоело уже подсчитывать реальную заработную плату, прожиточный минимум и т. д. египетских рабочих. В этом отношении можно ознакомиться с моей книгой «Порт-Саид — колыбель рабочего движения в Египте»¹.

К тому же я не сторонник повторов. Старался заполнить пробел в этой обширной теме египетского рабочего класса, найти свою нишу. Поэтому обратился к архивам, воспоминаниям, периодике. Нужно было решить несколько задач, в чем мне, кстати, очень помог мой друг Рауф Аббас, можно сказать, старший брат и коллега на протяжении 20 лет.

Поскольку я занялся архивами с 1978 г., то прежде всего я хотел углубиться в архивоведение, исследуя на этот раз египетские архивные фонды, с которыми я ранее не был знаком. Далее меня интересовали египетские периодические издания, которые, благодаря активности французов, итальянцев, англичан, греков, евреев, армян и представителей других колоний, не исключая, конечно, и самих коренных египтян, получили в Стране пирамид широкое развитие. Это — «аль-Ахрам», «Ля Реформ», «Ле Фар де Порт-Саид», «Ле Фар д'Александри», «Ле Босфор ежипсьен», «Ле Монитере-жипсьен», «ЛеКэйр», «Иджишн газет», «Ля Бурс ежипсьен» итальянские «Л' Импарциале», «Иль Мессажиере Ежициано» и т. д. Причем, я смотрел эти газеты с 60-х гг. XIX в. (с строительства Суэцкого канала) по 1918 год. На это ушла большая часть моей стажировки в 1986 году.

Кроме того, я знал о наличии в Египте богатой статистики (всеобщих переписей, социологических обследований и иных подобных материалов). И, наконец, меня вдохновляло присутствие в долине Нила целой плеяды исследователей, посвятивших себя изучению этой интересной научной темы. Здесь я имею в виду Амина Изз ад-Дина², Абделя Монеим аль-Газзали³, Сулеймана ан-Нухейли⁴, Ахмеда Таха⁵, Ахмедом ан-Никляуи, Абделя Мугниас-Саида⁶ и других исследователей проблематики рабочего класса Египта. С некоторыми из них мне удалось встретиться и задать интересующие меня вопросы, например, с Амином Изз ад-Дином, Ахмедом Таха, Абдель Монеимом аль-Газзали, Ахмедом ан-Никляуи и т. д. Многие из них оставили настолько яркое впечатление в моей памяти, что до сих пор эти собеседники стоят у меня перед глазами. Были встречи и с другими видными общественными и государственными деятелями Египта — доктором

¹ Д. Геннадий Горячкин. Порт-Саид — колыбель рабочего движения в Египте. Александрия: Муншаат аль-Маариф, 2004 г. (на араб. яз.). Это был мой первый опыт написания книги сразу по-арабски, так как лексика была для меня привычной и знакомой. У меня даже не было этой книги на русском языке. Несколько десятков экземпляров этой монографии я отвез в подарок администрации Суэцкого канала в Исмаилию.

² Амин Изз ад-Дин. История египетского рабочего класса с возникновения до 1919 г.

³ Абдель Монеим аль-Газзали. История профсоюзного движения в Египте. Каир, 1968.

⁴ Сулейман ан-Нухейли. Рабочее движение и позиция египетской прессы и египетских властей в 1882–1952. Каир, 1967.

⁵ Ахмед Таха. Ат-Танзым ан-Никабийбейна аль-Муттамаат аль-Иштиракийявар_расалийямаататбийкхассаля Гумхурийя аль-Арабийя аль-Муттахида. Каир, 1970.

⁶ Абдель Мугниас-Саид. Участие рабочих в административных советах предприятий. Каир, 1967.

Фуадом Мурси¹ и доктором Исмаилом Сабри Абдаллой², бывшими секретарями Египетской коммунистической партии, главным редактором старого журнала «ат-Талиа» Лутфиаль-Холи³, директором Института социалистических исследований АСС марксистом Исмаилом Абдель Хакимом и другими видными египетскими левыми. Кроме того, в этом же году я познакомился с д-ром Рифаатомас-Саидом. Тогда он был Генеральным секретарем Национально-юнионистской партии (левой) «Тагаммуа». Меня он интересовал, главным образом, как крупный египетский историк, специалист по истории социалистического движения в стране. С устазом Исмаилом Абдель Хакимом я встречался чаще других.

Дело в том, что вторую половину своей командировки в АРЕ в 1969–1971 гг. я уже не работал старшим переводчиком третьей механизированной дивизии в Хайкстепе, которая была передислоцирована на юг страны, в город Кену. С прибытием наших войск в январе-феврале 1970 г. я был переведен в офис Главного советского военного советника в Маср аль-Гедида, а точнее в Маншиет аль-Бакри, что напротив дома президента Гамалы Абдель Насера⁴. Поскольку я уже знал, что по истечении двухлетнего военного призыва вернусь в родной Институт восточных языков при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова поступать в аспирантуру, то в Маср аль-Гедида я уже начал готовиться к сдаче кандидатского минимума по истории арабских стран, философии и арабскому литературному языку, с которым я успешно справился во время отпуска в мае-июне 1970 г., будучи в отпуске в Москве. Для подготовки к этим экзаменам я и ходил к Исмаилу Абдель Хакиму в Институт социалистических исследований (ИСИ), который находился примерно в 15 минутах ходьбы от офиса Главного советника, после кинотеатра «Рокси». Для этого я держал на работе гражданскую одежду, в которую переодевался, и отправлялся с сумкой в очень приличную библиотеку ИСИ. Там меня знали как сотрудника советского посольства. По-другому я называть себя не мог, так как нарушал бы приказ о том, что я советский военнослужащий и нахожусь в АРЕ при выполнении секретной операции «Кавказ». В противном случае, меня могло бы советское командование выслать в Союз в 24 часа, и на этом мое пребывание могло бы закончиться. Но обычно опытных переводчиков не высылали, а направляли на Суэцкий канал, в зону боевых действий, иногда в Кену, где в свое время отбывали наказание неудобные властным структурам видные египетские патриоты.

Операция «Кавказ» была разработана для помощи Египту в отражении т. н. «глубинных налетов» израильских «фантомов», что и было успешно выполнено в 1970 году⁵. Помню, об этом очень ярко и эмоционально писал

¹ *Фуад аль-Мурси*. Египетско-советские отношения в период 1943–1956 гг. Каир, 1975.

² С доктором Исмаилом Абдаллой я познакомился еще в 1967 г., когда он возглавлял еще Институт национального планирования в Замалеке. Какими были ценными источниками Меморандумы этого Института!

³ Устаз Лутфиаль-Холи подарил мне полную подписку интереснейшего журнала «ат-Талиа», исключая дефицитного первого номера за последний месяц 1964 г.

⁴ См. мои воспоминания в книге «Тогда в Египте» и два издания на арабском языке «Зикрайтмутарджимсуфьейя аль-Джабха аль-Мысрийя». Изд. 1: Муншаат аль-Маариф. Александрия, 2008; Изд. 2: «АнбаРусия», 2013.

⁵ См. об этом подробнее «Тогда в Египте...» («Затеум фи Мыср»). Каир, 2009.

в своей еженедельной редакторской публикации «бисараха» («откровенно») устаз Мухаммед Хасанейн Хейкал под заголовком «Неделя непрерывных падений «фантомов». То есть, речь шла о том, что советские ракетчики сбивали один за другим израильские самолеты, совершавшие «глубинные налеты» через Суэцкий канал. После этой «Недели» налеты были, в основном, прекращены, и операция «Кавказ» была успешно выполнена. Два командира советских ракетных дивизионов, А. Н. Кутынцев и К. И. Попов, были отмечены званием Героя Советского Союза. Тогдашний министр обороны маршал Гречко сказал: «Первый, кто собьет израильский “фантом”, получит звание Героя Советского Союза!» Оба эти дивизиона почти одновременно сбили по израильскому «фантому». Недавно Константину Ильичу был установлен бюст работы талантливого египетского скульптора, культурного советника посольства АРЕ в Москве доктора Усамы ас-Серви. Многие солдаты получили советские и египетские ордена и медали. Автор этой статьи, был награжден египетской наградой «Нут вагибаскарий мин дарагауля» («Медаль Воинского долга 1 степени»).

Встречался я и с Махмудом Одой, осуществившим очень ценное социологическое полевое исследование о средствах коммуникации в египетской деревне¹. Большое впечатление на меня оказал д-р Ахмед Хамруш, руководитель александрийского филиала «Свободных офицеров»². Четвертый том его «Свидетели революции 23 июля 1952 г.» я использую на семинарских занятиях «Египетская революция 1952 г. в воспоминаниях современников» вот уже почти 40 лет, добавляя все новые и новые их свидетельства. Их около 50. Текст не адаптированный, с вкраплениями на египетском диалекте. Материал сам по себе безумно интересный. Его я даю студентам и магистрантам только на дневных занятиях. Читают студенты вслух, со всеми конечными огласовками («Чтобы не забывали грамматику!»).

Хочу еще немного обременить внимание читателей, раз уже зашел об этом разговор! Накануне моего отъезда в Египет в качестве военного переводчика у меня состоялся разговор с профессором кафедры арабской филологии В. М. Белкиным. Владимир Михайлович, узнав о командировке, настоятельно советовал мне не забывать арабский литературный язык. Я принял это к исполнению, так очень уважал мнение этого преподавателя. Я считал, что именно он меня научил «социально» чувствовать арабский язык. Белкин В. М. говорил мне: «Геннадий! Имейте в виду, что диалект очень агрессивен. Он постарается сразу же съесть ваш литературный язык! Поэтому, чтобы сохранить литературный язык, я советую хотя бы раз в неделю читать вслух в течение, скажем, 30 минут со всеми конечными огласовками. Это поможет сохранить литературный язык — основу всех диалектов. Для этого нужна определенная рубрика, здесь важно не содержание текста, а его форма, чтобы заострять внимание на огласовках, в том числе конечных, что поможет не забывать грамматику». Я выбрал статью М. Х. Хейкала «Бисараха» «Откровенно» (как раз минут на 30). И читал ее так, как советовал Владимир

¹ Махмуд Ода. Средства коммуникации в египетской деревне. Каир, 1967.

² Близко был знаком с его сыном Аля, который закончил аспирантуру философского факультета МГУ. Он преподавал философию в университете в Закавказье. Очень энергичный, даже, пожалуй, чересчур. Много работал в Комиссии матери и ребенка. Преждевременная смерть Аля прервала осуществление некоторых наших общих планов.

Михайлович. Соседи, главным образом проживавшие со мной в гостинице военные переводчики, смотрели на меня как на сумасшедшего. Через год, когда я приехал в отпуск и сдавал кандидатский минимум, В. М. Белкин отметил, что мой литературный язык не только не деградировал, но и стал значительно лучше. И сейчас я время от времени практикую такое чтение и советую так поступать студентам и магистрантам.

Списавшись с Феридой Мустафовной, мы уточнили сроки сдачи кандидатского минимума и другие вопросы, которые касались будущей диссертации. Хотя она, по существу, не была еще формальным научным руководителем. Однако, на самом деле, все было как раз все наоборот. Такова была Ферида Мустафовна! Человек слова и дела!

Экзамены по кандидатскому минимуму, в основном, были сданы в отпуск в мае-июне 1970 года. Оставшийся экзамен по философии я преодолел уже осенью после увольнения в запас. 15 ноября 1971 г. был зачислен в аспирантуру на кафедру истории стран Ближнего и Среднего Востока, научным руководителем, естественно, стала Ферида Мустафовна. Она же руководила диссертацией Геннадия Ивановича Бочкарева. Он снова продолжал числиться аспирантом первого года обучения, потому что почти весь первый курс был в Судане, куда был направлен ГКЭС по просьбе президента Суданской Республики Джаафара Нимейри с группой советских специалистов составлять пятилетний план развития страны. Судан избрал путь социалистической ориентации, очень модный в то время. Ферида Мустафовна, думаю, не возражала против этой командировки. В подобных случаях она одобряла наши поездки, так как во время их удавалось доставать в стране пребывания первоклассный материал для написания диссертаций. Гена Бочкарев привез из Хартума для своей темы «Социальная структура Судана» Всеобщие переписи населения, социологические обследования, и другую разнообразную статистику. После его кончины в ИСАА было доставлено около полусотни коробок с книгами, ксерокопиями и т. д. Кроме того, переводчикам платили неплохо, после этого аспирантам можно было безбедно жить и заниматься наукой.

В те годы в Союз приезжало огромное количество арабских делегаций. Сан Саных Ковалев, директор Института, он же зав. кафедрой арабской филологии, обычно неохотно отпускал преподавателей арабского языка В. В. Лебедева, Д. В. Фролова, В. Д. Фомичева, И. В. Тимофеева переводить арабам, считая, что «Феридины гены» намного «свободнее» и могут заменить его преподавателей. Поскольку мы с Г. Бочкаревым шли «по теме», Ф. М. особенно не возражала против этих переводов. Кроме того, эти поездки расширяли наш кругозор, съезды КПСС, ЦК ВЛКСМ, КМО, Профсоюзов, Союза писателей, Союза кинематографистов и т. д. были «наши». А какие были маршруты поездок! Помню один из них в начале 70-х гг. с большой делегацией журналистов из капиталистических и развивающихся стран: Москва — Минск — Вильнюс — Ереван — Ашхабад — Алма-Ата — Ташкент — Самарканд — Бухара.

После сдачи экзаменов кандидатского минимума, мы обговорили с Ф. М. дальнейшие планы сбора источников и литературы, встреч с египетскими историками, я показал ей список литературы и источников, которые удалось собрать за первую половину службы. Она мне сделала необходимые поправки и замечания. Только 10 дней из 50 суток отпуска я провел с родителями в Восточной Сибири.

Вторая половина службы прошла быстрее и спокойнее в присутствии наших регулярных войск в Египте, дышалось ровнее. Естественно, связи с Ф. М. я не прерывал, отправляя, по мере возможности, отчеты о проделанной работе.

Итак, с ноября 1971 г. мы с Г. Бочкаревым оказались в «родных пенах» и заняли целый блок Дома студента МГУ, в зоне «Г» на третьем этаже, блок 314. Ниже, на втором, помню, проживал тюрколог В. В. Жириновский. Напротив его комнаты стоял «Запорожец» красного цвета, купленный хозяином на сэкономленные в турецкой тюрьме деньги, где он сидел за антитурецкую пропаганду. Блок 314 приютил нас до июня 1975 г., когда мы с Геннадием Ивановичем защитились у Ферида Мустафовны в один день, в «черную пятницу» 13 июня.

Ферида Мустафовна часто бывала у нас в гостях, в своем родном доме. Она ведь с самого начала своей учебы в Московском университете проживала в его общежитии, сначала на Стромынке, затем в Доме студента в Высотке на Ленгорах. Была и в гостях, проводила консультации, было видно, что ей приятно был бывать в общежитиях МГУ.

Здесь было еще что-то. Дело в том, что у Ферида Мустафовны не было детей. А наши мамы ушли из жизни еще в начале 1980-х годов. Ф. М. об этом знала и была с ними знакома, встречались в Москве, когда наши родители навещали нас. Мы с другом были одни у родителей. У него отец, командир стрелкового батальона, погиб в апреле 1945 г. в Чехословакии. Мама Клавдия Михайловна — медсестра батальона, ушла на фронт добровольцем, прибавив себе два года и, будучи женой Ивана Бочкарева, после его гибели, комиссовалась беременной, уехала в Оренбург, где воспитывала сына одна до его поступления в ИВЯ. Моя мама, Екатерина Николаевна, родилась примерно в одно время, что Клавдия Михайловна и Ферида Мустафовна в начале 1920-х годов, прибавив себе те же два года, поступила с двумя подругами в Лихославльское педучилище Калининской области и после его окончания направилась в Сибирь на Ангару перед Великой Отечественной войной.

Проучив местных детишек учебный год, подружки были разочарованы работой в полутысяче километрах к северу от Иркутска и оказались на железнодорожном вокзале в областном центре, чтобы вернуться домой, на Запад. Здесь-то на чемоданах их застала речь В. М. Молотова о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. Они снова направились в свои деревеньки, моя мама — в деревню Горячкино, в 500 км к северу от Иркутска. Так и осталась в Сибири, получив за 40-летнее учительство в начальной школе звание Заслуженного учителя РСФСР. Туда же вскоре возвратился тяжело раненный и контуженный политрук стрелковой роты 2-ой ударной армии незадолго до сдачи немцам ее командующего генерала Власова мой будущий отец, Горячкин Василий Павлович.

Разумеется, Ф. М. была знакома с нашими мамами. Вероятно, после ухода их из жизни она относилась к нам не только как к аспирантам. Однако, была строга к нам и требовательна — таков был у нее характер. Спуску и поблажки нам не давала. Тем не менее, мы готовы были с Г. И. Бочкаревым назвать ее «второй мамой» и называли.

Нам с ней повезло. Видимо, не без ее влияния, мы прошли с ней одинаковый путь историка-арабиста и переводчика, даже защитились в одно и

тоже время. Директор Института Александр Александрович Ковалев одновременно принял нас преподавателями истории арабских стран на одну и ту же кафедру — истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА при МГУ имени М. В. Ломоносова в 1975 году. Даже временная практическая работа, командировки вне рамок Института — все это происходило в одной сфере, культурно-дипломатической. Геннадий Иванович работал директором Российского центра науки и культуры в Дамаске в 1985–1986 гг., а затем в начале 90-х гг. представителем Росзарубежцентра и директором РЦНК в Хартуме. Я трудился директором РЦНК в египетской Александрии, вице-консулом в 2000–2005 годах. Затем снова оба мы вернулись на преподавательскую работу в родной ИСАА, чтобы продолжить жизненный путь рядом с Феридой Мустафовой Ацамба. Человеком удивительным, сочетавшим принципиальность, требовательность, твердость духа и стремление к объективности с чуткостью и участливостью.

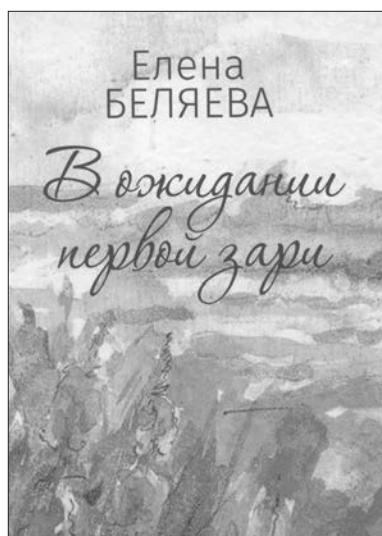
ВЫШЛА КНИГА

Беляева Е.

В ожидании первой зари. СПб, 2019.

Поэтесса Елена Беляева родилась в г. Азове Ростовской области. Окончила Шахтинский технологический институт. С 1982 г. живет в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Публиковалась в журналах, альманахах. Автор трех поэтических сборников: «Мы — былинки» (2012), «Янтарный город» (2014), «Морошковый рассвет» (2018).

В новой книге лирики «В ожидании первой зари» автор продолжает разговор на темы, которые не могут никого оставить равнодушными: это любовь к родине, природе, любимому городу. Особое место в книге занимают воспоминания детства и юности.

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ.

*Поэзия
Станислава Думина*

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор 5 книг поэзии, книги критики «Резонанс жизни», книг по искусству. Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*Скажи, кем жидется
забытая до срока мысль?
И где живет былая радость
и минувшая любовь?
Когда они вернутся к нам,
и сгинет мрак забвенья,
И я смогу перенестись сквозь время
и пространство
И облегчить сегодняшнюю боль,
и мрак, и горе?*

Уильям Блейк

*Не бойтесь зайти слишком далеко,
потому что истина
всегда еще дальше.*

Марсель Пруст

Художественная реальность определяется выражением художника своего представления о действительном мире, который сегодня в дискретных характеристиках так отличается от привычного, традиционно нравственного, уходящего, что кажется нереальным, вымышленным, фантастическим. Творчество поэта Станислава Владимировича Думина, историка, герольдмейстера, потомка старинного дворянского рода, наследника офицерских традиций предков, отнести к таким пограничным формам, как очевидность или фантастика, нельзя. Его реальный до нереальности мир не укладывается ни в эмпирическое пространство, ни в вымышленную картину. Поэт своим искусством смело противостоит хаосу, отвергает диктат моды, воззывает к прошлому, утверждает нравственные принципы существования. Он предпринимает попытку создания образцовой модели мира в ограниченном пространстве-времени России, которая в историческом интеграле превосходит установленные географические и временные свои координаты. Станислав Думин созидает реальный духовно-нравственный образ вселенной, укорененной во времени, идейно споря со знаменитым позитивистом Стивенном Хокингом, утверждавшим, что о мире нет никакого Божественного

замысла. Знаменитый ученый, исключая духовную составляющую бытия, был убежден, что Вселенная — это мир «без края в пространстве, без начала и конца во времени, без каких-либо дел для Создателя»¹. Рассматривая лишь схему (скелет) жизни, физик доказывал, что модель Вселенной — лишь теория. «Она существует только в нашем сознании и не имеет никакой другой реальности»².

Станислав Думин поэтическими средствами изображает в контексте времени не схему, не теорию, но действительность, определяющуюся антропологическими свойствами человеческой натуры, открывает жизнь, наполненную невидимой духовной энергией. Осмысление категории времени и отражение его художественными средствами — одна из самых сложных задач в искусстве. В своей поэзии Станиславу Думину удастся объединить в единое гармоничное целое длительность космическую с длительностью человеческой жизни, с историей мира и государства. Время — тонкий инструмент поэта, с помощью которого он создает многомерную реальность своей вселенной, где известный эйнштейновский принцип эквивалентности массы и энергии некорректен без дополнительного нравственного параметра, имеющего такие проявления, как вера, верность, честь, благородство, память, любовь. Без этого невозможно понять, почему существует видимый порядок в хаотичном мире, почему «способность к необдуманному шагу» спасительна и выявляет нравственные глубины человеческого характера, а о Божественной любви свидетельствует простая искренняя молитва:

*В волшебную ночь звезднопада
помилуй, Творец, и спаси
от смерти, болезни и глада
народы и земли Руси!
И нас сохраняя, как прежде,
в сей звездный неведомый путь
дай веру в любви и надежде
и мудрости тоже... чуть-чуть!*

Такими мелодичными, проникновенными словами завершается большая книга избранных стихов Станислава Думина «Корни и крона» (2017). Известно, что название выражает суть книги. Древний образ дерева символичен и сложен, как и система художественно-поэтических авторских средств. Смысловая антитеза, заложенная в названии, указывает на то, что поэт ставит перед собой обширную, диалектическую задачу и решает ее в координатах национального небесно-земного мировоззрения. «Корни» — бытийный уровень жизни, определяющийся однокоренными понятиями — род, природа, порода, народ. «Крона» — символизирует новое, постоянно нарождающееся будущее, являет материальный образ живого времени. Этимологическая связь слов «крона» и «корона» (венец) — крона венчает ствол — углубляет смысловой ряд. В творчестве Станислава Думина крона, символизирующая еще и корону, понятие метафизическое, образ власти, из-

¹ Хокинг Стивен. Краткая История времени. СПб.: Амфора, 2001. С. 11.

² Цит. по: Нестерук А. Логос и космос. М.: Библийско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2003. С. 192.

бранничества, Божественного Помазания, клятвенного служения, Царства Небесного и Царства земного.

Как говорит философия: культура, как и жизнь, по своей природе двойственна. Лучшие произведения рождаются на границе соприкосновения мира вещей и мира смыслов. Существование этих миров или двоемирие, о котором писал еще Державин: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю», является условием возникновения новой поэтической реальности, которую применительно к творчеству Станислава Думина можно назвать исторической реальностью. Доказывая приоритет духовного, поэт решает задачу собственного самопознания в системе полярных координат, через культурно-нравственную проблематику, через отношение к идеалу, через судьбы исторических личностей и простых людей, поэт определяет свою жизнь неотъемлемой от судьбы России и ее народа в исторической перспективе.

*Белая гвардия, свят и высок
крест, который вы понесли,
но этот серый, как пепел, песок —
все что осталось от Русской земли.
Можно с собою взять только горсть
и носить на груди где-то там,
где каждый будет незваный гость
или нищий ради Христа...
Родину не унести, но она
в сердце жива, и в душе, и в крови.*

Это стихотворение об истории Отечества, о чести и служении, о верности клятве и неизбывной любви к Родине имеет актуальное звучание. Оно необходимо современно. Наше зыбкое в своих устоях настоящее, готовое к обрушению, заставляет «собирать камни», оглядываясь в прошлое, искать там образы вневременной правды, нетленные духовные опоры. Сегодня появилась неудержимая потребность возвращения к минувшему. Зачем? На этот вопрос можно ответить словами философа М. К. Мамардашвили: «Посредством возвращения чего-то — мы не знаем, где оно пребывает, решается что-то в сегодняшнем дне. Скажу иначе: возвращение тех вещей, о которых мы не знаем и должны спрашивать, где они пребывают, во-первых, оживляет что-то вокруг нас, меняет самого человека и, во-вторых, делает живым многое из того, что вокруг него уже мертво, стало стереотипом, стандартом, имитацией, “пленением образов” и т. д. То есть задача памяти, оказывается, состоит в оживлении прошлого, что и есть условие сегодняшней жизни. Ведь не случайно сказано: “и облегчить сегодняшнюю боль, и мрак, и горе”»¹.

На этот вопрос отвечает и поэт Станислав Думин.

*Сей день — он не будет в былинах воспет,
едва различимо в веках отражение,
но горькая память былых поражений
порою важнее, чем память побед!*

¹ Цит. по: Гарин И. И. Век Джойса. М.: Терра, 2002. С. 573.

*Рассказ летописный прочтем до конца,
чтоб впредь никогда не творилось того же
на тех черноземах, где плуг да коса
покой позабытых погибших тревожат.*

Станислав Думин не ощущает дистанцию между минувшим и настоящим, для него все мировое время пульсирующее, полнокровное, живое. Он считает, что пока человек жив, все время для него настоящее, и только после смерти — вечное. Эффекта постоянного настоящего времени поэт достигает смешением времен в художественном пространстве своих произведений, его лирический герой, духовно родственник автору, существует также гармонично в прошлом, как в сегодняшнем дне.

*Мы покидали
тогда Крым,
в край чужой уходя по волнам,
и корабельной трубы дым
дымом Отечества был нам.
Тяжко бился о скалы прибой,
и ветер рвал гюйсы эскадр,
и багровел небосвод голубой,
как револьверный ствол у виска.*

Но физики доказывают, что в прошлое вернуться нельзя. Утраченное время по причинно-следственному закону неозвратно. Писатели, как, например, Томас Манн, это формулируют так: «Пра-пра-пра-пра — это загадочный звук могилы и засыпанного времени». Живописцы поддакивают, оправдывая свои поиски абсолютно нового: «Все до нас искусство есть старые кофты, которые сменяются так же, как и ваши шелковые юбки. И, бросив их, приобретаете новые. Почему вы не одеваете костюмы ваших бабушек, когда вы млеете перед картинами их напудренных изображений. Это все подтверждает, что тело ваше живет в современном времени, а душа одета в бабушкин старый лифчик. Вот почему приятны вам Сомовы, Кустодиевы и разные старьевщики»¹ (К. Малевич).

Однако поэт бережно относится к формам и образам минувших веков, а его лирический герой надевает и гусарский ментик, и белогвардейский мундир, и царские медные латы, когда необходимо сблизить времена и донести до нас непреходящие истины минувшего, чтобы предостеречь, а в идеале, излечить современников от безпамятства. Творчество Станислава Думина, обладающее боеспособностью, наполнено высокими смыслами, словарный запас обширен, образы достоверны и пронзительны. Поэтические картины не стремятся к недолговечной жанровости или к сиюминутной оригинальности, — модной в наше время тенденции создавать нечто новое, ни на что не похожее. Ведь как говорил французский поэт Поль Валери: «То, что ни на что не похоже — не существует». Вектор творческих исканий Станислава Думина обращен к жизненной реальности, поэт возвращает нас к консервативной традиции, заставляет увидеть новое в известном. Многие герои стихов Станислава Думина узнаваемы и в своих жизненных принципах и

¹ Малевич Казимир. Черный квадрат. СПб.: Азбука, 2012. С. 18.

исторических деяниях современны. Важная мировоззренческая особенность художника: он не пытается в конфликты сегодняшнего дня вовлечь минувшее. Поэт с почтением относится к прошлому, как к критерию, с помощью которого можно выявить объективные ценности настоящего.

*«Путь чести воинской заманчив,
дай Бог вернуться невредимым!
Да сохраняют тебя, мой мальчик,
Святой Георгий и Владимир!
Отважен будь на поле бранном,
на раны легкие не сетуй,
и пусть тебе святая Анна
сестрою будет милосердной.
Пора, дружок! Господь с тобою,
а я, а мне... — запомни, сын мой,
погибнешь — будет очень больно,
но если дрогнешь — будет стыдно...»*

Наверное, не все читатели стихотворения сразу поймут, что это поэтическая транскрипция напутствия старого князя Болконского своему сыну Андрею перед отъездом его на войну за Отечество. Но, несомненно, все постигнут непреходящий, поныне актуальный смысл слов, произнесенных отцом, озвучившим высокий нравственный человеческий закон чести, восстанавливающий гармонию в спровоцированном войной хаосе бытия. Эта сцена абсолютно современна. Вспомним хотя бы подвиг 6-й роты или героический поступок местнотимого святого юного воина Евгения Родионова, на которого мать, провожая на войну, надела православный крестик, и сын жертвенным стоянием за него посрамил врагов. Здесь важны не столько фактические подробности подвига, даже точное земное его время, сколько важен поступок, способность духовного, сердечного порыва, имеющего вневременное, космическое расширение. Надо сказать, что вневременное существование не метафора, не философская категория, но свойство человеческого сознания, интуиция, вера, понимающая, что мгновения подвига могут быть сопоставимы с вечностью. Хотя и у подвига могут быть разные временные характеристики. Он может быть внезапным, как, например, грудью — на ДОТ, а может длиться всю жизнь — подвиг монашества — жизнь во служение Богу, или монарший подвиг — жизнь во служение Отечеству.

Не каждому человеку сегодня будет понятно действо, дающее возможность выхода за пределы личных, сиюминутных интересов, если оно не имеет прямой выгоды, тем более во имя неопределенных высших ценностей. Подвиг — это о смысле жизни, о высоте человеческого духа, подвиг — элемент нашего «культурного кода», возможность достижения идеального, божественного уровня бытия. В русском менталитете подвиг имеет национально-духовные особенности, определяющиеся такими понятиями, как подвижничество, жертвенность, вера. Они от рождения присутствуют в духе человека, способного на подвиг, а после его свершения остается послезвучание в человеческих душах, не затихающее во времени. Именно об этом многие стихи Станислава Думина.

Но прав был тот,
 кто говорил:
 «Мы снова придем!
 Даже если пройдет целый век, —
 три поколения сберегут
 память о тех, кто чужбину отверг
 и насмерть стоял на том берегу.
 Сегодня последний ушел пароход,
 солнце в море спустилось с вершин...
 Но знайте, даже сто лет не пройдет, —
 Лишь девяносто три с небольшим.
 Настанет день, и там, впереди,
 под сенью Владимирова креста,
 с лентой Георгия на груди
 внуки встанут на наши места,
 и в благодатном райском саду
 среди Таврических берегов
 они защитят и не отдадут
 ни Севастополь, ни Перекоп».

.....
 Закончен поход, и хранит небосвод
 звезд офицерских отблеск, и вон —
 там бело-сине-красный восход
 из черноморских рождается волн.

«Стихи о Крымской земле» актуальны, хотя посвящены Белой гвардии, они о нас, хотя выявляют самое сильное взаимодействие — связь времен. Если она разрывается, то, как показывает русская история, возникают последствия страшнее, чем от атомного взрыва.

Слегка перефразировав критика, высказавшего мысль по отношению к другим авторам, можно сказать, что Станислав Думин освещает мировое пространство «русским лучом», осознавая, что «искусство не моралька, мобилизация или способ “пастьбы”, но внутреннее зрение, прорыв в глубинные сущности...»¹ Глубинные сущности — это не только историческое пространство, но трудные, долгие пути человечества к нравственным вершинам, к духовным идеалам. Это то, не имеющее окончания направление, о котором говорил Марсель Пруст: «Не бойтесь зайти слишком далеко потому, что истина всегда еще дальше». На этом пути находится и поэт Станислав Думин. Его поэзия насыщена культурно-историческими реминисценциями; многослойна, многолика образность поэтической книги: доносится горячее дыхание гомеровской героики, струится золотой свет классической мировой литературы. В поэтическом бытии сосуществуют античные боги и цари, принцы и князья, белогвардейские офицеры и героические моряки. Они впускают нас в свой мир благородных идей и поступков, если мы осознаем и принимаем условия их существования. В противном случае, этот сложный поэтический мир будет для нас закрыт.

Станислав Думин своим творчеством созывает современников под знамена русской реконкисты, борьбы за освобождение исконно русских духов-

¹ Гарин И. И. Век Джойса. М.: Терра, 2002. С. 25.

но-монархических идеалов от порабощения глубоко укоренившимся космополитическим (по-современному, толерантным) мировоззрением. Призыв обратиться к миру благородных предков — не сиюминутная дань недавно возникшей моде на принадлежность к аристократическому обществу, но непоколебимое на протяжении всей жизни убеждение писателя, его родовая монархическая верность, о чем свидетельствуют стихи разных лет, представленные в книге.

*Гусарство — да,
но право же,
тебе ли
лечь под картечь
в сугробы декабря,
где нынче в полдень
розовые перья
александрійский ангел растерял.
Не над тобой
сегодня гнули шпагу,
не нам с тобой —
чертить на камне дни.
Так не завидууй
тем, кто сохранил
способность к необдуманному шагу.
Нетрудно — о паркет разбить бокал,
пить за свободу, числиться в повесах.
Нас пожурят, а их —
а их повесят
под барабан гвардейского полка.*

(1977)

Процитированное стихотворение написано совсем молодым, двадцатипятилетним поэтом, очарованным романтикой подвига декабристов. Но оно не о декабристах, а подвиге как таковом, о том, что такое «способность к необдуманному шагу», благородный порыв души «во имя». Умение красиво поднять бокал за свободу и способность безропотно умереть за нее и за свои идеалы так же разнятся, как форма и содержание, как фарисейство и христианство. Поэт не исследует политические подоплеку, он абсолютизирует благородство поступка. Слово «благородство» — объемлюще и наиболее точно характеризует творчества Станислава Думина, отличающего такие качества человеческой личности, как честность, самоотверженность, верность, имеющие важное значение для самой личности, для общества и для окружающего мира. Как принято считать, чувство благородства присуще людям знатных родов, специального обучения и воспитания. Благородство неразрывно связано с понятием аристократизма. Этот известный термин, однако, имеет неоднозначные формулировки. В разных государствах существовали различные своды аристократических правил жизни, уровни материального состояния, традиции и др. Вернее всего охарактеризовать аристократию можно как исторически сложившийся наследственно правящий класс. Наследование — это то древо, которое имеет корни, уходящие во времена Адама, это строгая родовая ответственность, это сознательное послушание по любви. Наследо-

вание трона — гарантия благополучия государства. Какой отец не радуется о благополучии сына и, как следствие, всего народа?

*...Во-первых, не тех, кто обрушил кров,
берем мы в поводыри,
а трех Александров и трех Петров,
Анн и Екатерину.*

Читая эти строки, мы видим, что поэт понимает глубинный, библейский смысл идеи Царства. В своем служении, о котором дает Помазанник клятву Господу, монарх неотделим от народа, он составляет единое с ним целое. Как говорил философ Иван Ильин, «Монархическая верность есть такое состояние души и такой образ действия, при котором человек соединяет свою волю с волею своего Государя, его достоинство со своим достоинством, его судьбу со своею судьбою»¹. Духовный аспект Царского служения так разъяснял священник Павел Флоренский: «в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный Самим Богом факт, — милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных...»². Область веры, однако, не исключает общественное и государственное значение служения Царя и ответное — служение народа Помазаннику Божию Императору. Стихи Станислава Думина из «Императорского цикла» посвящены осмыслению «Благословенного Царства», единственно приемлемой, по его мнению, для православной России форме правления. Нет причин не соглашаться с поэтом нам, знающим, что такое революционная антирусская, антихристианская идеология.

Проникновенные стихи поэт посвящает последнему Государю — Императору Николаю Александровичу, который был олицетворением русской красоты и традиции. Как и его предки, он был, по выражению И. Л. Солоневича, верным слугою и «рабом» России. Это служение, это рабство Христу и Отечеству было присуще большинству русских великих князей, царей, императоров. Среди них есть настоящие герои, спасители Отечества, иные принимали мученичество, становились святыми. В истории Руси-России «чем было больше “самодержавия”, тем больше росла и крепла страна. Чем меньше “самодержавия”, тем стране было хуже. Ликвидация самодержавия всегда влекла за собою катастрофу...» (И. Л. Солоневич)³.

Сегодня мы испытываем на себе многие «прелести» мировой либеральной политики, ужасаемся навязываемой человеку возможности нравственного падения, вплоть до расчеловечения. Нет, поэт не исследует различия нравов, не осуждает государственно-политические системы, не разделяет века на темные и светлые. Он напоминает, что существуют непреступные, нравственные законы бытия. Он показывает идеалы. Светочем, Солнцем поэт видит святого Царя Николая II, сознательно принявшего смерть во

¹ Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 503.

² Цит. по: Константин (Горянов) митрополит. Чаша Господня и чаша бесовская. СПб.: Родная Ладога, 2019. С. 20.

³ Цит. по: Смолин Михаил. Иван Солоневич о революции. <http://www.segodnia.ru/content/175515>

имя России в надежде, что его высшая жертва, жертва жизни, спасет любимое Отечество от гражданской войны и от поражения в почти выигранной Первой мировой войне.

*А всадников было четыре.
А с ними — не я ли, не ты ли,
потратив мгновенья на сборы,
в сияющих медных кирасах,
вонзали зубчатые шпоры
в бока вороных и саврасых
и в радости или в печали
«Храни Его, Боже» — кричали.
Ты помнишь — то было в июле.
С ленивых испуганных улиц
сметали прохожих пугливых
свинцовые длинные ливни,
но мы, Его солнцем согреты,
Его Августейшеству Лету
с наследником юным весенним
тогда присягнули спасенье.
О, если бы только успели!
Но в траурной птичьей капелле,
в осеннем пылающем храме
Ему изначально пропета
не слава, не «многая лета», —
протяжная «вечная память»,
и так же ала, как любая,
на белом Его голубая.*

Голубая кровь — символ наследственной аристократической принадлежности, алая кровь — символ страдания и жертвы. То, что кровь царская «как любая», свидетельствует о высшем уровне благородства, о кровно-духовном родстве Помазанника и его народа. Символичны и четыре всадника апокалипсиса, свидетели убийства Царя, Наследника, всей Царской Семьи и гибели России. Все по Писанию: за завоевателями последовали чума, глад, война, предательство, разорение. О фактических ужасных последствиях поэт не упоминает. Он мыслит категориями добра, благодати, уважения, подвига и спасения. И так деликатно и образно сообщает о закономерном крушении безбожной власти:

*...отыграны ноты «Славянки»
в прерывистом ритме дождей,
и дети гоняют ледянки
с курганов забытых вождей.
Драконьи погашены пасти,
иные грядут времена,
и прелесть наследственной власти
уже ощутила страна.*

(2012–2016)

Автор этих строк доказывает, что через доступ к прошлому, через возвращение отвергнутых смыслов, классических традиций, через отрицание рационального, прагматичного отношения к миру, возникает возможность состояться настоящему и будущему. Конечно, о каких иных идеях, кроме любви к Отечеству, можно говорить, когда возникает необходимость выйти на поле брани с врагом. Воинское поприще издревле — место подвига, для аристократов воинское служение было профессией. Все русские цари и великие князья повседневно ходили в военной форме. Именно на поле брани за Родину в полной мере проявлялись чувства чести, мужества, верности, выявлялась способность подхватить из рук убитого офицера израненное полковое знамя и возглавить атаку.

*Не знаешь ты, и я не знаю,
кому случится, с поля боя
подняв подстреленное знамя,
увлечь пехоту за собою.
Открыта грудь штыкам и шпагам,
а после кто-то будет с честью
за тем, Семеновским, оврагом
стоять в резерве под картечью,
и кровь с парадного мундира
не отстирают в лазарете...*

В этом героическом образе понимается литературный прототип — князь Андрей Болконский. Стихи Станислава Думина о реальных героях, погибших за Отечество, заставляют вспомнить, какими подвигами была искуплена Россия-Русь, донныне спасаемая нескончаемой русской жертвой.

*Мальчики жизнь свою посвятили
не за смоленские десятины,
не за чины и не за медали,
за Отчизну и Государя.
Вам, Бутурлин, Энгельгард, Голицын, —
Вечная память. Моя столица
не дождалась с колокольным звоном
лучших, храбрейших русских воинов.
Святой Георгий, Святой Владимир,
мальчики умерли молодыми...*

Постижению высоких идей способствует изображение поэтом сторон конкретной, чувственной, осязаемой жизни. Читая его красивые, содержательные стихи о природе, о любви, об искусстве, понимаешь, что и все другие стихи настоящие, не выдуманные, полнокровные.

*Ночь — травинка в твоих ладонях,
ночь — распахнутое окно.
Над соломенным нашим домом —
ночь.
Правда, здорово, —
ночь над домом,*

*в небе, озере, на траве?
Пусть рассвет наступает долго,
пусть — рассвет...*

Откровенные личные переживания автора, выраженные проникновенными, запоминающимися поэтическими образами, способствуют тому, что читатель относится ко всему его творчеству с большим доверием, с сопереживанием и душевным вниманием. Хотя сам поэт иногда свидетельствует об определенной условности своих исторических картин, как, например, в мощном, полифоничном стихотворении «Медный зверь. Гранитная держава», наследующем петербургско-державную пушкинскую мысль и фантазийно-инфернальную гоголевскую образность.

*Медный зверь. Гранитная держава.
Мокрый ветер гонит снег шершавый
под копыта медного коня.
Медный горн скликает полк под знамя.
С ними Бог! Бог с ними и Бог с нами
мартобря тринадцатого дня.
До обрыва вел слепцов незрячий.
Дождь сухой. Парящий лед горячий.
Ровный счет картечного огня.
Господи, кто в праве, кто в ответе, —
но спаси начавших на рассвете
мартобря тринадцатого дня.*

*.....
Широка страна моя! До края,
кольцами железными играя,
повезут сегодня — не меня.
Матушка, мой свет, утри слезу мне.
Мы еще слабее и безумней
мартобря тринадцатого дня.*

«Дождь сухой» кажется посланником раскаленной библейской пустыни. Осязаемый образ «шершавого снега» царапает душу, следящую со страхом, как копыта тяжелого «медного коня» подминают время и пространство. Внутренняя ритмика фразы «мартобря тринадцатого дня» усиливает эхом «ровный счет картечного огня», не затихающего в веках. Картина трагична и узнаваема.

Но о чем плачет поэт? Что он хочет сказать сложными аллюзиями, оксюморонами, искрящимися, как оголенные провода, высоким молитвенным обращением к Господу? Политический подтекст стихотворения, отражающего смертельное противостояние власти и человека, государственной системы и нравственности, — не самоцель, но способ в художественных образах выразить свою боль за Родину-матушку, свою любовь к ней, даже к обезумевшей, допускающей время от времени Смутные времена и революции. Даже к сдавшейся на милость тем, «кто разрушил кров» в 1917 году.

Трудные темы требуют высокого поэтического мастерства. Поэтому, говоря о творчестве Станислава Думина, нельзя не сказать о запоминающемся художественном почерке автора, все поэтические творения которого

обладают живописной метафоричностью, философской глубиной образов, мелодичностью, внутренней звукописью. Понятно, что сложные выразительные средства, высокое стилистическое мастерство позволяют в полной мере отражать глубокие духовные переживания поэта; веришь, что его идеи ценны, достоверны, обладают актуальным содержанием. Читатель, исполнившийся классическими консервативными смыслами, осознавший, что такое истинная история, может почувствовать перемену ума и переосмыслить свои убеждения. И пожалеть Родину, и простить ей свои беды-несчастья, и помилосердствовать аристократическим героям, чьи трагические судьбы, чьи героические стремления поныне не находят понимания и сострадания у соотечественников. И задуматься над тем, что аристократизм — это не только априори принадлежность к определенному классу, но понятие совокупное, предполагающее существование человека в системе наследственных, выверенных в поколениях, полезных для государства и человечества духовных законов и нравственных правил. Аристократизм (в переводе с греческого — господство лучших) в пределе не зависит ни от благосостояния, ни от социального строя, ни от титула, но определяется заботой о благе ближнего, или, как говорится в Святом Писании, «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13). В идеале аристократом может быть человек любого сословия. Как говорил исследователь русской дворянской культуры Юрий Лотман: «История проходит через Дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а “самостояние человека” превращает его в историческую личность»¹.

Некоторые произведения поэта не имеют временной конкретики, потому что не ощущает себя привязанным к конкретному времени Станислав Думин, автор стихов о вечной России, о неиссякаемой любви, о неизбежной жертве.

*О, Господи Боже, а кто виноват —
глаза отводили мне, что ли,
когда на твоих ветряных — жернова
отборное время мололи?*

Поэт не ставит своей целью литературный успех, достигаемый сегодня в писательской среде стандартным набором средств, декларацией идеи субъективной свободы. Станислав Думин с объективным знанием историка, свободно, отвергая релятивистские модели бытия, выявляет с помощью своего лирического героя «отборное время», то время, когда подвиг, честь, служение — являются лучшими, отборными зернами человеческого духа, прорастающими в будущее. В стремлении к идеалу поэт посредством художественных приемов превозносит изображаемое время, прибегая к недосказанности, пробуждает в читателе интеллектуальный интерес. Узнавание исторических или литературных героев помогает в усвоении авторских идей. Через образ поэт достигает изображения минувшего как настоящего, через обращение к прошлому Станислав Думин открывает возможность состояться настоящему и зародиться будущему, которое должно быть прекрасно. Прекрасное в поэзии Станислава Думина не совпадает с материальным, оно нравственно, духовно, а значит, вечно.

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство, 1994.

Эдуард АНАШКИН

«...РОССИЯ ЕЩЕ ВЕРНЕТСЯ К СЕБЕ...»

Эдуард Константинович Анашкин — родился в 1946 г. в Читинской обл. Окончил сельскохозяйственный техникум, затем учился в Ульяновском педагогическом институте. Работал столяром и плотником, слесарем по ремонту вагонов и рабочим кирпичного завода, секретарем сельского Совета, учителем истории в школе и заведующим отделом сельского хозяйства районной газеты. Двадцать пять лет проработал чабаном в совхозе «Майский» Самарской области. Сейчас работает кочегаром. Печатался в центральных газетах и журналах. Автор многих книг прозы. Член СП России. Лауреат многих литературных премий. Живет в селе Майское Самарской области.

Книг о Распутине сегодня пишется немало. Но ни одна из них лишней быть не может. Потому что такое явление русского национального духа, имя которому Распутин, нам предстоит осмысливать по мере того, как это явление отстоит от нас по времени. Александру Королькову, известному российскому философу и автору книг по исследованию того, что в мире называется «загадкой русской души», Бог подарил счастье личного знакомства и общения с Валентином Григорьевичем. Знакомства не разового или фрагментарного, но длительного и интенсивного. Переписка, беседы с глазу на глаз с Распутиным, возможность видеть Распутину в самых разных ситуациях — когда Валентин Григорьевич бывал и грустен, и весел, и сосредоточен на внутренних переживаниях.

Книга представляет нам Валентина Распутину в самых разных ситуациях и на пересечении самых разных литературных, политических, социальных, личностных векторов. Со страниц книги нам предстает живой полнокровный образ писателя волею Божией. Писателя, которого все мы, современники, вроде бы знаем, многие еще в школе изучали, и тем не менее, как всякое огромное явление, до конца изучить и понять внутренний мир Распутину нельзя. Он и доселе, даже прочитанный и перчитанный нами — нами же не узнан!

И уж коль речь зашла об узнаваемости, сразу приходит на ум эпизод из книги Александра Королькова «Нравственная философия Валентина Распутину». Эпизод с узнаванием известного писателя современниками, особенно из числа молодого поколения. Как говорится, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно от мысли, что наша молодежь менее всего ощущает свою великую принадлежность российской

земле и российской литературе. Почти анекдотичным выглядит случай, происшедший с двумя нашими великими прозаиками-друзьями — Распутиным и Крупиным. Как-то ехали писатели в вагоне метро, причем, ехали стоя: места им никто не уступил, да они о том и не просили. Ну едут себе и едут. А тут Крупин увидел, что едва ли не единственная на весь вагон читающая книгу девушка оказалась читательницей... его новой книги! Надо же! Крупин не удержался и поинтересовался у девушки: «Интересная книга-то?» Девушка, не отрывая взгляда от книги, отвечала утвердительно. Тогда обрадованный Крупин не удержался: «Девушка! А ведь эту книгу написал я!». На что молодая читательница смерила оценивающим взглядом нависшего над ней собеседника и иронически ответствовала: «Иди проспись, дядя!»... Конечно, молодую читательницу надо похвалить, что читает настоящие книги. А как захочешь поругать ее, что не знает в лицо создателей этих настоящих книг, так и трижды подумаешь, а стоит ли ругать? Любой из нас — продукт своей эпохи. Разве может себе молодая читательница представить ситуацию, что именитый писатель запросто разъезжает в метро в то время, когда всякая безголосая звезда помпезно ездит в иномарках с охраной? Хотя, как еще ездить народному писателю, как не с теми, для кого он пишет свои книги?

Несмотря на свою явную одинокость среди людей, потому что талантливый человек всегда одинок, Валентин Распутин дружил и общался с очень многими людьми, пересекался с очень многими явлениями. Часто именно явления и люди противоречивые вызывали его особенное внимание. Об одном из таких людей есть в книге Александра Королькова глава. Это однофамилец Валентина Григорьевича — знаменитый старец Григорий Ефимович Распутин, который был загадкой при жизни и после своей гибели оставил множество тайн, что и доселе не разгаданы... Села Покровского, уроженцем которого был старец Распутин, нет на картах: ни на карте Сибири XVI—XVII веков, ни в словаре Брокгауза-Эфрона. Это очень странно, потому что это было большое село на реке Туре, одно из стариннейших и крупнейших сел Сибири. В нем вырос и из него ушел в столицу Григорий Распутин.

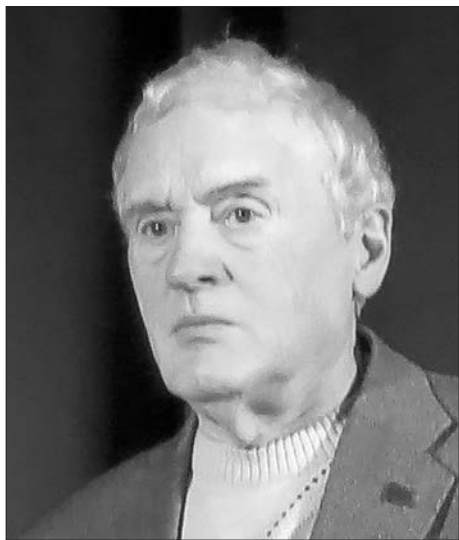
До сих пор личность Григория Распутина возбуждает в обществе самые яростные споры. Одни говорят о нем как о блуднике и интригане. Другие говорят об удивительной духовной одаренности этого старца, о том, что приближение его последним русским Императором к Царской Семье было не случайным, а наполнено глубоким мистическим смыслом. Александр Корольков, общаясь с Распутиным на протяжении долгого времени, не раз бывал свидетелем того, что Валентин Григорьевич очень внимательно относился к судьбе своего однофамильца. Как-то, вспоминает Корольков, в Ленинграде они с Валентином Григорьевичем сбежали с концерта Дмитрия Кабалевского, куда их привела дочь Распутина Мария. И отправились гулять по Ленинграду. Бродили возле Михайловского замка, гуляли вдоль канала Грибоедова, не преминули зайти во дворик дома-музея Пушкина, вышли к реке Мойки и направились было в сторону Невского проспекта, как вдруг Распутин внезапно спросил: «А где Юсуповский дворец?». Выяснилось, что Валентин Григорьевич уже бывал там и даже посетил ту подвальную комнату, где воссоздана обстановка расправы над Распутиным, парадоксальная личность которого явно очень интересовала Валентина Григорьевича...

Александр Корольков также припоминает давний рассказ Валентина Григорьевича о какой-то заграничной писательской поездке, когда он с писателя-

ми-коллегами оказался волею случая в ресторане «Распутин». Захмелевшие во время ужина писатели после очередного тоста похвастались хозяевам, что один из них — Распутин. Это возымело такое действие, что хозяева ресторана сочли за честь оплатить банкет российских писателей за счет ресторана! В 80-е годы в Ленинграде появился старинного вида дом, который некий ловкий мужичок позиционировал музеем старца Григория Распутина, демонстрируя в нем, как самый ценный экспонат, стул, на котором якобы сидел старец. За отдельную таксу посетителям музея предлагалось посидеть на этом раритетном стуле, дабы напиться мощной распутинской энергетикой... Хотя ни тогда, ни сегодня власти, понятно, не хотелось, чтобы народ вспоминал о таком неоднозначном человеке отечественной истории, каким был старец Григорий Распутин... И по указанию партии тематика старца Григория Распутина стала загоняться на периферию общественного внимания. Впрочем, партийные указы всегда мешали народу воспринимать свою историю в полном объеме. Изначально-то само слово «партия» обозначает «часть». А потому всякая партийность есть ущемление общенационального. Но об этом мы еще вспомним, говоря об отношении Распутина к Солженицыну.

Нельзя обойти вниманием повесть Валентина Григорьевича, о которой много говорят в литературных кругах. Но которую пока никто не видел опубликованной, и даже в рукописи.

Это повесть о первой любви Распутина. Хочется поблагодарить Александра Королькова за то, что с большим человеческим тактом он все-таки затронул тему об этой нигде и никогда не публиковавшейся повести Распутина. Рассказал нам о молодом Валентине Распутине, еще до его женитьбы на Светлане Ивановне. Собственно, иначе, как целомудренной любовью, нельзя назвать отношение Валентина Григорьевича к тезке своей будущей жены, студентке МГУ Светлане Ф., с которой Распутин познакомился, когда она приехала на практику в Иркутск. Созвучие душ обусловило ту глубину и целомудренность отношений, которую Распутин и Светлана Ф. пронесли по жизни. Причем, Распутину настолько было нечего скрывать от своей жены, что он мог позволить себе роскошь познакомить двух Светлан — свою жену

А. А. Корольков

В. Г. Распутин

и Светлану Ф., которая на момент второй встречи с Распутиным и знакомства с его супругой тоже была замужем. Но было и осталось главное — ответственность душ и беспокойство за Россию, всё нарастающее беспокойство...

Большая заслуга книги «Нравственная философия Валентина Распутина» в том, что она не обходит вниманием ни один из аспектов мировоззрения нашего великого писателя. Даже те аспекты, которые могут вызвать не очень однозначную реакцию читателей и почитателей Распутина. Такой темой является отношение Распутина к Солженицыну. Еще в доперестроечные годы на одной из встреч Валентин Распутин, отвечая на вопрос из зала, как он относится к Солженицыну, сказал: «Это Достоевский нашего времени». Это было в то время, когда такие высказывания могли дорого стоить писателю, то был период высылки Солженицына из СССР и запрета на его публикацию в СССР. Распутин никогда не поддавался политической конъюнктуре. Когда читатели и коллеги Валентина Григорьевича обнаруживают, что он ценит Солженицына-публициста, то одни впадают в недоумение, другие даже в гнев. Мол, как мог Распутин, которого мы считаем совестью нации, встречаться с Солженицыным и даже получить премию Солженицына? А ведь не было у Распутина недоверия к слову Солженицына, хотя Валентин Григорьевич мог и поспорить с ним.

Очень точно, словно именно об этой ситуации, сказал архиепископ Сан-Францисский Иоанн Шаховской, чьи слова приводит в своей книге Александр Корольков. «Русский реализм Солженицына может быть понят настоящему только друзьями правды последней... Непартийность этого реализма — в понимании и осуществлении человека в его последней правде...».

Трудно не согласиться и с самим Александром Корольковым, который так видит ситуацию взаимодействия двух явлений, имя которым Распутин и Солженицын: «...Солженицын чужд всякому страждущему партийной верности, забывающему, что партия по смыслу самого слова — это часть, а не весь народ, что партии разделяют, разрывают народ на части. Солженицын никогда не поддавался этому раздраю и оттого не был понят ни красными, ни белыми, его отвергли и выбросили за пределы Отечества недаленовидные коммунисты, но он не пришелся ко двору и врагам коммунизма — это стало ясно в его заграничном американском бытии. Он никому не служил в партийном смысле слова...».

Аналогично и Распутин не мог в силу своего таланта служить лишь части народа, какой является любая, даже самая справедливая и «правильная» партия. И, думается, именно в этом приятии народа во всей полноте этого понятия, в его последней правде, и было созвучие Распутина и Солженицына. В одном из писем Распутина, датированном 1990 годом, которое приведено в книге Александра Королькова, мы читаем: «Статью Солженицына (речь идет о знаменитой статье «Как нам обустроить Россию?» — Э. А.) я, конечно, прочитал: очень она кстати, и даже кстати с опозданием. Никому, кроме А. И., ее бы и близко к тому, что сказано им, не написать. И все же чувствуется, что это взгляд со стороны, взгляд мощный, исторический, но не опаленный нашей действительностью, но как бы выхолощенный, направленный сзади, а не сверху. Но потому именно, что это Солженицын, статью прочитают все, и при его огромном авторитете внемлют больше, чем от нас, вместе взятых...».

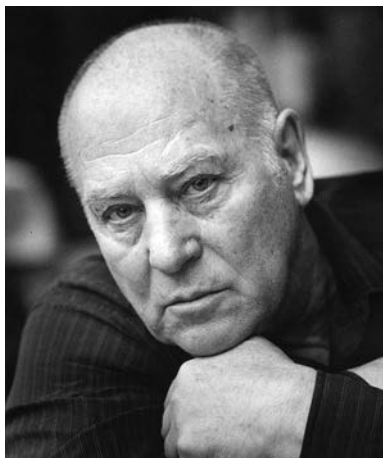
Вот тут я категорически не соглашусь с Валентином Григорьевичем. Его скромность общеизвестна, и часто понимаешь: скромен Распутин не по талан-

ту. Как пишет Александр Корольков, однажды он получил «нагоняй» от Валентина Григорьевича только за то, что когда писал эссе о Шмелеве, поставил рядом имя Распутина, как явления литературно и духовно созвучного и равного. Валентин Григорьевич позвонил Королькову и сказал, что неэтично ставить его имя в один ряд с таким великим писателем, как Шмелев. И потребовал, чтобы Корольков убрал его имя из текста, оставив только имя Шмелева. Однако теперь, спустя время, которое всё и вся ставит на места, мы прекрасно понимаем, что имена Шмелева и Распутина навсегда вписаны золотыми буквами в историю русской литературы. И стоят по праву рядом! А потому я, нисколько не унижая того вклада в русское самосознание, что сделал Солженицын, все-таки скажу, что вклад Распутина на пути исследования и, если угодно, целительства души и духа нашего народа — много-много больше!

Долго и непросто шел Валентин Григорьевич от просто веры к воцерковлению. Человеком верующим он был всегда. Еще в советское время позволял себе, живя в официально атеистической советской стране, очень рискованные высказывания с точки зрения официальной идеологии. Говорил о том, что духовная составляющая нашего народа — изначально православна. Поначалу православные батюшки, с которыми Распутин стал общаться задолго до своего воцерковления, отмечали, что при всей своей глубокой православности Валентин Григорьевич все-таки недостаточно воцерковлен. Пусть Распутина к воцерковлению был непрост, как не может быть он прост у русского человека в принципе, если речь идет не о формальном соблюдении православных обрядов и канонов, но о том невидимом внешне мистическом духовном опыте.

Этот путь к воцерковлению начался у Распутина с чтения Ивана Шмелева и его «Поля Куликова». В сентябре 1980 года в Сергиевом подворье старинного города Елец Валентин Григорьевич принял крещение. По воспоминаниям его крестной, он волновался как ребенок! Распутин постился, исповедовался, причащался, а в Сретенском монастыре сблизился с архимандритом Тихоном Шевкуновым...

Надо поблагодарить автора книги «Нравственная философия Валентина Распутина» Александра Королькова за его смелость не замалчивать непростые моменты мировоззрения человека, которому Господь судил стать совестью народа именно в то время, когда совесть самым наглым образом повсюду попирается. Когда это евангельское качество совести хотят вытравить из души нашего народа. Причем, часто вытравливают, прикрываясь православной риторикой. Валентин Распутин в этом смысле для нас является образцом того, как примирять в душе неизбежные противоречия земные ради сохранения небесного завета в душе. Как противостоять искушениям, на которые столь щедра наша смутная эпоха. А самое главное, как не извериться в России в то время, когда вера в нее воистину становится духовным выбором и духовным подвигом. А закончить хочу словами письма Валентина Григорьевича, что опубликовано в книге Александра Королькова: «Россия еще вернется к себе, я верю в это, но будет существовать с пересаженным сердцем. Даже остатки ее национализма будут другими, как бы контрактными, а не проистекающими из органической жизни. То, как наш русский человек примерно до сорока лет кинулся прочь от России, даже оставаясь в России, говорит, что его возвращение не может быть безболезненным...». Как говорится, болезни попускаются нам Свыше, и если мы способны чувствовать боль душевную, значит, мы живы.

**Константин
СКВОРЦОВ**

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ В БЕЛОМ ТУМАНЕ

Рассказы

Константин Васильевич Скворцов — родился в 1939 г. в Туле. Русский поэт-драматург, признанный мастер изящной словесности и сценического искусства — продолжатель традиций русской классической литературы и византийского театра в самом широком смысле этого слова. Его произведения отличаются глубиной исторической памяти, смелой трактовкой исторических событий, афористичностью языка, то есть тем, чем издавна славилась русская драматическая поэзия. Действительный член Петровской академии наук и искусств (2005). **Живет в Москве.**

*Звезда, прости! Пора мне спать,
Но жаль расстаться мне с тобою.
С тобою я привык мечтать,
А я теперь живу мечтою.*

.....
*И к небу там, где светишь ты,
Мои стремятся все желанья.
Там сбудутся мои мечты...
Звезда, прости же! До свиданья.*

Иван Мятлев, 1839

С вершины Уреньги до самого сливающегося с небом горизонта расходятся бесконечные волны хребтов. УАЗ, как сорвавшаяся с привязи собака, бежит в гору, задыхаясь от тяжелой поклажи. Промелькнуло перечеркнутое название оставшегося в долине города, и душа освободилась от тяжелого груза забот, оставшихся внизу. Машина, преодолевая замысловатые спуски и подъемы, радуется гладкой дороге. Об испытаниях, ждущих ее впереди, ни ей, ни нам думать не хочется. Чувство свободы наполняет грудь. Мы спешим на рыбалку в глубь тайги, к реке, к нашему заветному месту, где, не умолкая ни на мгновение днем и ночью, перекачивает через замшелые бревна ледяную, кристальную воду могучий родник Шишмарал, охлаждая согревшуюся от дальней дороги уставшую реку.

Асфальт сменяет грунтовая дорога. За рулем мой друг, с которым за долгие годы мы исколесили весь Урал. Уворачиваясь от лисьих хвостов пыли редко встречающихся машин, подъезжаем к реке. Триста километров позади. Остается проехать вдоль берега вверх по течению километров десять по перемешанной тягачами черной хляби, недавно еще называвшейся проселочной дорогой. Справа обрыв с мелькающей между тонких деревьев рекой, слева — оскалившийся склон горы с непрогнившим лесом. Несколько разрытых муравейников напоминают, что хозяева

здесь не только лесорубы. Главное — не встретить груженный лесовоз: разъехаться невозможно.

Черные клавиши гатей отмечаются привычным чавканьем. Разрезая бензопилой слагбаумы упавших деревьев, метр за метром продвигаемся вперед. Кажется, что этой скользкой и вертлявой, как уж, дороге конца не будет. Но неожиданно театральным занавесом раздвигаются деревья и открывается широкое, будто созданное для обновления души человеческой, необъятное, но такое уютное, зеленое урочище Ямбай.

...Это произошло семь лет назад, когда я впервые попал сюда. Гул, напоминающий несущийся поезд, низвергался то ли с неба, то ли из-под земли, заполняя всю долину. Он завораживал, кружил голову. Казалось, что деревья рушатся от ревающего ветра, но ни один лист, ни одна травинка не шевелились. Источник этого гула был невидим.

Он возник неожиданно, застигнутый врасплох в своей обнаженной красоте, которую пытался укрыть густыми зарослями ольхи. Стесняясь наготы, объятый тонкой паутиной мельчайших капель, он казался венцом Творения. Из гигантского серебряного блюдца с неведомой силой низвергался могучий поток ледяной воды, смешиваясь с ленивым течением дремлющей рядом реки, вздрагивающей от неожиданной прохлады.

От мощи родника захватывало дух. Боясь быть снесенным потоком, я вошел в него, держась за протянутые ветви деревьев. Непреодолимая сила влекла напиться земной-неземной воды. Она обжигала ладони. Сделал глоток. Горло оцепенело, и мне показалось, что время остановилось.

Окаймленный живым малахитом деревьев хрустальный поток освещал замутненную реку. Может, в этой стихии я чувствовал свое предназначение — осветлять? Мне казалось, что мы — одно целое. Познавая себя, я пил небо, колеблющееся у меня в обожженных ладонях...

Спускаемся в пойму реки в километре от родника. Разгружаем машину. Вбиваем колья в скрипящую гальку и укрепляем полог, который в случае дождя послужит нам крышей. Пока накачивали лодку и ставили мотор, начало смеркаться. В прокопченном котелке, служившем нам верой и правдой, как старый солдат, закипает чай, заваренный свежей мятой. А с неба белым снегом сыплются мириады бабочек-поденок, не предвещая удачной рыбалки. Но мы не отчаиваемся и засыпаем под всплески рыб, для которых небесная манна бабочек, живущих всего несколько ночных часов, уготовила нежданный пир.

В окнах машины, оборудованной под гостиницу, угасли блики костра. Мы уснули, предвкушая завтрашнюю встречу с таинственным родником. Нальемся его чистой силой и чуть ниже по течению будем ловить красноперых голавлей, а если повезет, то и хариусов, расчесывающих темными плавниками ледяные косы реки.

Утренний туман приглушает далекий голос родника. Мотор лодки не хочет заводиться, но по течению можно плыть и на веслах. Плыдем, забрасывая спиннинги без надежды на удачу. Но трофейный судак, поплатившийся глазом за свое любопытство, через минуту уже плещется в нашем садке. Первый дар затаившегося в дебрях Шишмарала.

Ни ветерка. Тайга молчит, от чего шум кипящей, невидимой нам воды становится все отчетливее и резче. Он заставляет сердце бешено колотиться. Плыдем. Голубым огнем загораются незабудки. Нос лодки мягко упирается в берег. Мы у родника.

Но Боже!..

Из его глубины, как из жерла вулкана, с грохотом извергается рыжая лава, окрашивая глиной замшелые камни. Я немею. Можно было ожидать что угодно, только не это. Уши закладывает и перехватывает горло. Как и откуда?.. Дождей не было. Может, кто-то моет золото? Но драги здесь нет, а браконьеры, сколько бы их ни было, так не намутят.

Черный круг кострища и оставленный кем-то сколоченный походный стол. Свежие следы медведя, теряющиеся в чащобе. И эта пасть ревущего дракона, дразнящего нас длинным желтым языком. Горько и больно. Мы остаемся без питьевой воды. Чувствуем себя обокраденными, но против природы не попрешь. Мы бессильны перед стихией.

Бросаем в лодку пустые канистры. Отплываем, не глядя в глаза друг другу. Плес, где мы всегда ловили голавлей, проржавел, убитый глиной. Неприхотливые вездесущие окуни, чтобы мы окончательно не пали духом, изредка хватают наживку.

Молча причаливаем к нашему дому на колесах. Несмотря на то, что вода убывает с каждым часом, вытаскиваем лодку на берег. После увиденного мы не уверены, что ее не унесет появившимся ниоткуда половодьем.

На центральную стойку, удерживающую полог, служивший нам крышей, вешаю добытого судака. Окуни, приговоренные быть съеденными первыми, золотятся на решетке в свете горячих углей вечернего костра.

Утром поплывем вверх по течению в поисках жерехов, которые редкими взрывами на воде выдают свое присутствие.

Не спится. В зеркале автомобиля отражается одинокая звезда. Представляю, как она еще недавно смотрелась в зеркало Шишмарала. Сегодня в ослепшем роднике она не нашла своего отражения. Что она при этом почувствовала? И чувствует ли вообще что-нибудь? Но где звезда и где я? Станные, странные мысли лезут в голову...

«Прости, звезда! Пора мне спать», — вспоминается строчка Ивана Мятлева. Настоящие стихи, как звезды, не гаснут долго. Во мне что-то ломается... Чистота Шишмарала, в которую я уверовал, оказалась не вечной. Грудь сдавливает воскресшее чувство, которое преследует меня в последнее время.

Друг, принявший по случаю дня авиации положенные ему по профессии сто граммов коньяка, сладко посапывает в абсолютной тишине. Под этот ритм пытаюсь уснуть, улетаю к воображаемым звездам.

Но тут среди ночи раздается рык раздираемого полотна и грохот не спрятанной нами посуды. Кто-то ломает стойки, поддерживающие нашу полотняную крышу.

— Что это? — вскрикивает, спрашивая сам себя, мой испуганный друг, хотя, выросший в тайге, прекрасно знает, кто там может рыться в наших запасах.

Я, не раздумывая, выскакиваю в холодную темноту ночи.

— Пошел отсюда! — воплю не своим голосом, путаясь в накрывшем меня пологе. Не хочется остаться без трофейного судака, который, к моей радости, целехонький лежит на траве, очерившись белыми зубами.

В предрассветной мгле угадывается несколько странных животных. Я не сразу понимаю, что это лошади. От души отлегло. Это не самые страшные налетчики. Мы нередко встречали в долине вольно пасущихся лошадей. Хозяева отпускают их в тайгу без пастухов. От моего крика лошади сбиваются в плотное кольцо. Занимая круговую оборону, прячут молодняк в середине стада.

Запалив костер, восстанавливаем порушенное хозяйство. Несмотря на наши угрозы, лошади не спешат нас покидать, видимо, чуют рядом более серьезную опасность.

Небо начинает светлеть. И вдруг в белом тумане я вижу отбившуюся от серого стада белую лошадь. Это кажется наваждением. От нее идет свечение, растворяющееся в густом мареве. Я замираю. Восторг и испуг приходят одновременно. Совершенная в своей красоте, высокая и стройная, гордая и ухоженная, она кажется пришельцей из другого мира. Есть поверье, что белых лошадей не существует. Значит, это мои галлюцинации. Я подхожу ближе, боясь, что она исчезнет.

Душа моя никогда не переставала метаться в поисках красоты. Я прикасался к небу с вершин пирамид Луны и Солнца. Разбивал черные зеркала подземных озер. Видел павлиньи хвосты северного сияния и купался в золоте песков Сахары... Но всякий раз страдал от чувства неразделенного восторга, не получая радости от увиденного. Почему сейчас я не испытываю этого чувства? Неужели это нечто большее, чем Красота?

Есть мгновение, без которого наша жизнь была бы не осязаема в своей полноте. Только сейчас понимаю, какой глубины чувства, какой Красоты был лишен. Невидимое «белое на белом» становится видимым, обретает очертания. Копна уложенных волос, готовая распусться упругим крылом и слиться с облаками. Отбившийся локон, небрежно сбегаящий на лоб, и эти глаза, влажные и мудрые, глядящие из глубины веков. Протягиваю руки и чувствую тепло, слышу ее дыхание... Или мне это снится?

Восторженный возглас: — Белая лошадь! — заставляет меня поверить в реальность происходящего.

— Это чистая душа Шишмарала красотой искупает его вину! — кричит друг, не лишенный поэтического дара.

Человек и лошадь. Что роднит эти два, не созданные друг для друга существа? Я смотрю на нее. Она замирает, глядя на меня. В ее губах несколько застывших листьев мяты. Я тоже люблю ходить по полю босиком и грызть сладкие кончики сорванных травинок. Ну и что?! Придет же в голову такое... Чувствую, как изморозь пронизывает все мое тело.

Туман рассеивается, вот-вот взойдет солнце. Мне становится страшно, что лошадь сейчас скроется за кромкой леса, и я ее никогда не увижу. Но, может быть, завтра она придет сюда снова? Странно, на что я надеюсь? Она же не моя, у нее есть хозяин. Он ее отпустил на вольное пастбище, и она вернется к нему. Но почему тогда она так вожаденно смотрела на меня, повернув длинную шею, вздрагивая зандедевскими ресницами. Такова ее природа?..

Идет время. Как прежде, перекачивает через замшелые бревна ледяную, кристальную воду могучий родник, в котором ночью отражаются та же звезда. Все так же неторопливые цапли неслышно ловят длинные ветра над зеленой долиной Ямбая.

Всё по-прежнему.

И только я, закрывая глаза, вижу белую лошадь в белом тумане.

БИБЛЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Перебирая упругий тростник, ветер играл на курае. Мелодия то пропадала в непроходимых зарослях, то вырывалась на волю, расправляя крылья вечной, никогда не повторяющейся музыки. Цапли, сидящие на елях, за-

мерли, поворачивая головы навстречу мелодии, готовые взлететь и слиться со звуками, наполняющими простор. Здесь никогда не было зимы, иначе бы огненный луч незаходящего солнца зажег тонкие фитили этих похожих на новогодние свечи птах. Дикая яблоня с почерневшим от времени стволом и поседевшая ольха росли рядом, сплетаясь ветвями. Пахло медом, приправленным сладкой горечью высыхающих черемух и свежей мятой.

Щуки, заслышав музыку, поднялись к самой поверхности нагретой старицы, обрамленной золотым кольцом пижмы. В ручье круглые, как веретена, хариусы, замороженные мелодией, лениво перебирали плавниками, не проявляя внимания к стрекозам, спускающимся со скалы по струе ледяной воды.

Чуткие косули, отлитые из бронзы вечера, повернули головы, улавливая летящую музыку. Лоси разрисовывали зубами зеленые стволы молодых осин.

Из низины, подняв раскаленные копыта иван-чая, надвигалось невидимое войско затаившихся неведомых миру существ. Ничто не нарушало вселенской гармонии земли и неба.

Несколько лошадей, чудом забредших в этот нелюдимый край, пощипывали траву, посеребренную ушедшим дождем. Невидимый музыкант играл на курае.

Мелодия проникала повсюду. На ее убаюкивающий звук из-под земли, поднимая прелые листья, выполз змий. По-рысьи прогнувшись, он вылез из выпцветшего плаща старой кожи. Свет, ослепивший его, озарил сбившихся в табун лошадей, заподозривших неладное. Разглядев их, он пополз, блистая магическим одеянием молодой обновленной кожи. Лошади насторожились. Но змий, свернувшись в калач, не проявлял агрессии, и только маслянистые зрачки, выбирающие жертву, выдавали его истинное намерение. Нижняя челюсть нетерпеливо вздрагивала, предвкушая удачу. За долгую жизнь он не знал промахов.

Одна из лошадей выделялась особой статью, но именно она, пасущаяся чуть в стороне, замерла, очарованная его блистательной кожей. В ее глазах было любопытство. Такого разлива манящих узоров ей еще не приходилось видеть. Легкий холодок предстоящей встречи пробежал по спине лошади. Знающая себе цену, избалованная вниманием хозяина, ни в чем ей не отказывающего, она увидела в змие очередную цветную игрушку, с которой можно поиграть на бархатной траве зеленого луга, созданного, как ей казалось, только для наслаждения.

Змий поразила ее красота. Ревность к Создателю обожгла его существо. Жало нацелилось впиться в тело лошади, но змий не торопил события, остерегаясь ее легкого разящего копыта. Кожей он чувствовал, что она подойдет сама. Потому, развернувшись, сделал ложное движение в другую сторону. Лошадь разгадала его нехитрый маневр:

— Ползи, ползи... — подумала она, а ее гордость, нашептывала: — Самая красивая тварь и та — моя!

Утро следующего дня было теплым. Змий лежал на солнце, не сводя сатанинских глаз с прогуливающейся лошади. Голова его была неподвижна, но тело демонстрировало упругость фиолетовых колец, которые расходились, как круги на воде... Лошадь не могла не удовлетворить своего любопытства и приблизилась к змию. Его кольца распустились павлиньим хвостом.

Он гладил глазами ее круп, выбирая для атаки место, где кожа нежнее и тоньше, пока на крутом бедре не прочиталось тавро, выжженное Хозяином. Змий вздрогнул. Ее Хозяин был его врагом. Острое жало, уже готовое впиться, замерло в нерешительности. В нем все шипело:

— Такой красоте нет места на земле.

Он впитывал ее запах, и его тело все более наливалось ядом. Смерть от укуса — слишком легкая смерть. Ему хотелось насладиться ее муками: не столько убить, сколько подчинить.

Лошадь опасности не чувствовала, но инстинкт подсказывал ей, что лучше не ввязываться в диалог.

— Ну, укусит, с кем не бывало. Зато какой красивый...

Взгляд ее выражал испуг и восторг... Начинало смеркаться.

Утро было туманным. Поднявшись на яблоню, змий вглядывался в се-ребряную пелену, лежащую на поляне, пытаясь разглядеть возлюбленную жертву. Ее не было видно.

— Я истекаю ядом...

С досады он укусил яблоко. От тяжести яда оно упало на траву.

Лошадь всю ночь думала о нем, забыв о своем табуне. Змий не выходил из ее головы. Она и прежде любила погонять копытом заигрывающих с нею змей. Они сворачивались в клубки, шипели, поднимая головы, готовые ужалить. Опасность только обостряла игру...

Когда туман рассеялся, она увидела змия, подползающего к ней. Не сводя с нее глаз, он протянул ей пылающее в пасти яблоко.

От неожиданности лошадь отпрыгнула. Змий положил яблоко на траву и отполз в сторону. Не все лошади любят яблоки, но эта съест. Съест из уважения. Такая порода.

Лошадь замерла, глядя на яблоко. Желтое, с налитыми кровью боками. Она робко подкатила его копытом. Вкус яблока напоминал свежий мухомор... Глаза ее расширились и засветились безумием. Тело пронзило острое желание игры. Она почувствовала себя молодым жеребенком, прыгающим и катающимся по траве.

Откидывая голову, теряя ощущение тела, она играла со змием, извивающимся кольцами вокруг ее разгоряченного стана. Ей нравилась его первобытная сила.

— Ты поселился во мне, а я в тебе. Навсегда...

Цапли слетали с деревьев. С черемухи сыпались сухие листья...

Лошади зачарованно смотрели на эту смертельную игру.

...Утро было прохладным. Лошадь шла, пошатываясь, по выбитой траве. Она не понимала, что с ней происходит.

— Мне страшно... — было написано в ее померкших глазах.

Рядом, свернувшись калачом, лежал змий, упоенный победой.

Эпилог

На поляне на куске объединенной волками лошадиной шкуры прочитывалось выцветшее тавро: «EVA». Рядом лежал череп. Я не вещий Олег, ничего не знаю о смерти. Но ноги на череп не ставлю. «Ты поселился во мне...»

Я пытаюсь об этом не думать, пока рядом, перебирая тростник, ветер играет на курае.

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 12.08.2020 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 500 экз. Заказ 20080665.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.